

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 1, 2015

Дата подписания в печать: 17.01.2015

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-41-98

Перепечатка материалов допускается только
с письменного разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург,
ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 2311-603X

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н. *Б. В. Ананьич* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (декан исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор

филологических наук,
профессор Петрозаводского госуниверситета,

директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

к.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. А. Ефимов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Содержание

История России

- *Т. Плат*
Внутренняя или внешняя колонизация?
Цели и средства торговой политики России в XVIII в. 5
- *О. А. Любезников, А. Ю. Скрыдлов*
Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.:
Пути реформирования и преобразовательные инициативы 16
- *В. Ю. Гессен*
К истории статистических исследований еврейского населения в России 31
- *М. Ф. Еришов*
Художественные тексты как исторические источники
о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв. 51
- *В. Е. Кельнер*
Политическое Бюро при еврейских депутатах
IV Государственной Думы в годы войны 1914–1917 гг. 68
- *В. С. Мильбах, Ф. К. Саберов*
Командование Краснознаменным Балтийским флотом
в массовых политических репрессиях 1937–1938 гг. 96

Всеобщая история

- *Ryszard Knapiniski*
The Romanesque Door of Plock. State of research 113
- *С. Н. Исколь*
Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака» 150
- *П. Г. Ким*
Американские миссионеры в Корею
в последней четверти XIX — начале XX в. и политические контакты 173
- *Я. Валге*
Подготовка Советским Союзом
государственного переворота в Эстонии в 1924 г. 183

Публикации

- *И. А. Анфертьев*
М. Н. Рютин. Накануне исключения из партии президиумом
Центральной контрольной комиссии ВКП(б) 202
- *К. А. Болдовский*
«ЛОИИ не сумело перестроить свою работу...»
Постановление бюро ЛГК ВКП(б) и другие документы
о работе ЛОИИ 1949 г. 228

Научная жизнь

- *В. Ю. Черняев*
Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски 244

Рецензии

- *П. В. Крылов*
«Как жить хорошо в “тёмное время”».
Рецензия на сборник статей: *Huvvā elämä keskiajalla. Toim. K.Kanerva, M.Lamberg // Historiallinen arkisto. 140. Helsinki, 2014. 268 S.* 254
- *С. В. Куликов*
Спор между «пессимистами» и «оптимистами» продолжается...
Рецензия на сборник статей: *Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / Сост. С. М. Исхаков; отв. ред. Ю. А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций. М., 2014. 416 с.* 259
- *С. В. Любичанковский*
Периферия империи как научная проблема.
Рецензия на коллективную монографию: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 254 с. 278
- *М. М. Сафонов*
Существует ли тайна Жоржа Дантеса? 286

Аннотации 306

Abstracts 315

Сведения об авторах 325

Contacts of Authors 327

Требования к публикации статей и материалов 329

Т. Плат**Внутренняя или внешняя колонизация?
Цели и средства торговой политики России
в XVIII в.¹**

Санкт-Петербург — Ливерпуль России? Хотя эти два города весьма отличны один от другого и вряд ли их можно сравнивать, но для настоящего исследования, а именно для понимания экономического развития России в XVIII в. это сравнение Карла Маркса представляет интерес². Хорошо известно, что Петр I основал город именно здесь с тем, чтобы получить доступ к Балтийскому морю, но в то же время и для того чтобы построить в этом месте основной российский внешнеторговый порт³. Эта особенность Санкт-Петербурга как российского порта с научной точки зрения на первый взгляд представляется не столь важной в сравнении с его политическим значением новой столицы и менее весомой, если иметь в виду его позднейшее культурное значение. Поэтому и приведенное марксово сравнение Петербурга с Ливерпулем кое-кому покажется едва ли приемлемым. Но всё же, даже притом что культурное и политическое значение в предпринятых ранее исследованиях большей частью оставляет в стороне экономическое значение столицы, известно, что изначально Петр основал этот город как ведущий порт России и даже долго после его смерти преемники

¹ Научная редакция перевода статьи осуществлена С. Н. Искулем.

² *Marx K.* Die Geschichte der Geheimdiplomatie des 18. Jahrhunderts. Über den asiatischen Ursprung der russischen Despotie. Berlin, 1977. S. 93.

³ *Гидион М.* Санкт-Петербург как внешнеторговый центр в 1725–1763 гг. М., 2008; *Покровский В.* Значение Санкт-Петербурга во внешней торговле. СПб., 1899.

Петра преследовали в сущности те же цели⁴. Это имело огромное значение не только для самого города, но также стало экономической основой для впечатляющих успехов России в области внешней политики. Петр пытался установить торговые связи с Западом, в первую очередь для того чтобы иметь возможность финансировать свои честолюбивые внешнеполитические цели и связанные с ними военные предприятия⁵.

Таким образом, внешняя торговля России сыграла важную роль в конечном успехе российской политики на протяжении XVIII в., но в то же время она была вовлечена в глобальные экономические процессы, которые находились под влиянием растущих экономических связей с Европой⁶. В этом контексте автор данной статьи подробно останавливается на рассмотрении двух вопросов: во-первых, какую роль сыграл экономический рост России в мировой торговой системе, и во-вторых, каким образом российское правительство достигало своих целей, другими словами, какой торговой концепции оно следовало?

С одной стороны, история российской внешней торговли как таковой достаточно широко исследована, но с другой — можно сказать, что историографическая ситуация в целом является весьма многоликой и далеко не в полной мере изученной. К этому присоединяется и тот факт, что достижения советской историографии, несмотря на очевидное тщательное исследование источников⁷, за некоторым исключением почти не используются в трудах западных исследователей⁸. Кроме того, вопрос о торговле, как уже упоминалось выше, в современной историографии отошел на второй план, и, следовательно, существующие исследования отличаются немалой историографической разобщенностью.

Не в последнюю очередь сказанное относится и к трудам, опубликованным в XVIII в., когда только-только начинают появляться первые исследования хозяйственного развития России. Но эти работы были написаны не историками, а появились вследствие возраставшего интереса со стороны государства к эффективному экономическому управлению, что и обнаружило потребность в исследовательских проектах и таким образом способствовало развитию эконо-

⁴ Hoffmann P. *Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert*. Berlin, 2003.

⁵ Шейнин Л. Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997. С. 18; Jones R. *Why St. Petersburg?* // Hughes, Lindsey (ed.). *Peter and the West. New perspectives*. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

⁶ Burbank J., Cooper F. *Empires in World History. Power and the politics of Difference*. Princeton, 2010. P. 149–155; Israel J. *Dutch Primacy in World Trade: 1585–1740*. Oxford, 1989.

⁷ См., например: *Ренин Н.* Внешняя торговля и социально экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989; *Некрасов Г.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984.

⁸ См., например: *Kahan A.* *The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia*. Chicago, 1985.

мических дисциплин⁹. Предлагаемое исследование дает возможность изучить различные изменения в концепциях управления торговой политикой России, что до сих пор представляется актуальным¹⁰.

Концепция колонизации в историографии¹¹

Если судить о торговой и внешнеторговой политике России в глобальном политическом контексте, этот процесс можно охарактеризовать в основном как успешное и равноценное участие в мировой торговле. Но при этом очевидно, что в то время Россия являлась не единственной страной с таким уровнем развития, с другой же стороны, эта эпоха мировой торговли может быть названа своего рода эпохой первой глобализации¹². Движущей силой этого явления стало создание колониальной системы, в которой Европа представляла собой центральное звено. Наиболее важной особенностью этой колониальной системы представляется иерархия отношений между центром и периферией¹³. Поэтому, задаваясь вопросом о роли России в мировой торговой системе этой эпохи, необходимо иметь в виду и неизбежный вопрос о позиции России в системе колонизации, исходящей из Европы.

В этом контексте соединение двух историографических концепций, которые до сих пор были совершенно обособлены друг от друга, может оказаться весьма плодотворным.

С одной стороны, в советских исследованиях распространена характеристика российской внешней торговли как полуколониальной, имея в виду ее зависимость от Англии, поскольку экономическое влияние Англии в России было в то время действительно велико, чего отнюдь нельзя сказать о ее политическом влиянии¹⁴. С другой стороны, обращает на себя внимание актуальный тезис российско-американского исследователя Александра Эткинда, который склоняется к концепции внутренней колонизации России¹⁵. Эткинд исходит

⁹ См. например: *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951; *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. СПб., 1780–1888; *Storch H. v.* *Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reiches*. Riga, 1797–1803.

¹⁰ См.: *Цвейнерт Ё.* История экономической мысли в России, 1805–1905. М., 2008.

¹¹ В качестве введения в изучение темы: *Cooper F.* *Colonialism in Question. Theory, Knowledge, History*. Berkeley, 2005.

¹² *Osterhammel J.* *Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen*. München, 2006. S. 28, 46.

¹³ *Osterhammel J.* *Op. cit.* S. 36.

¹⁴ Самые известные представители этого направления — Б. Кафенгауз и С. Покровский и др.: *Кафенгауз Б.* *Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.* (По материалам внутренних таможен). М., 1958; *Покровский С.* *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*. М., 1947; *Ренин Н.* *Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в.* Омск, 1989.

¹⁵ *Etkind A.* *Internal Colonization. Russia's Imperial Experience*. Malden, 2012.

из того, что в социальном и культурном плане российские элиты, естественно, не воспринимали крестьян как равных себе и поэтому относились к ним как к своего рода «колонизированным». В дальнейшем я не стану этого касаться, поскольку в этом аспекте вызывает интерес другое положение, ставшее частью его исследований, где он также указывает на экономическую эксплуатацию, особенно в Сибири, чьи природные ресурсы имеют огромное значение для экономической колонизации Азиатской части России¹⁶. Оба подхода в совокупности подводят к вопросу о том, что в одно и то же время Россия, возможно, находилась в своего рода колониальной зависимости от Великобритании, притом что сама в то же время являлась опять-таки своего рода колониальной державой. Решающей для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, является характеристика иерархии в концепции колонизации. Для определения места России в иерархической колониальной системе в данной статье рассматриваются цели и средства проведения торговой политики российских правителей XVIII в.

Цели и средства торговой политики при Петре Великом

На существование тесной взаимосвязи между стремлением получить доступ к Балтийскому морю и основанием Санкт-Петербурга как торгового порта, а также обеспечением финансирования экспансионистской внешней политики уже указывалось выше. Что касается иерархии торговых отношений, то Россия находилась в парадоксальной ситуации. С одной стороны, Петр стремился к прямому и тесному контакту с западными купцами, чему явным свидетельством является основание города Санкт-Петербурга, где развитие торговли особенно поддерживалось¹⁷. Также были приняты и другие меры, способствовавшие установлению прямого контакта с Западом. Например, первое судно, которое еще в 1703 г. пришло в новый порт Санкт-Петербург из Нидерландов, получило 500 ефимков премии и обещание обширных льгот и привилегий, которые распространялись и на все будущие визиты этого корабля в Петербург¹⁸. В целом русское правительство стремилось, чтобы положение иностранцев в России было исполнено всевозможных достоинств. Солидное жалование должно было привлечь зарубежных экспертов для разработки в России дальнейших торговых проектов¹⁹. С другой стороны, цель Петра состояла в том, чтобы заинтересовать инициативами торговой политики самих русских и с самого

¹⁶ Ibid. P. 72–92.

¹⁷ Ренни Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 563. См.: Кротов П. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. Труды второй международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2001. С. 423–433. С. 424.

¹⁹ Спиридова Е. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 217.

начала сделать их независимыми от деятельности иностранного купечества²⁰. С этой целью сыновья русских купцов были посланы за рубеж, в основном в Голландию, чтобы они освоили там купеческие профессии и привезли обретенные знания на родину. С аналогичной целью ряд торговых представителей был направлен в различные портовые города Европы, чтобы представлять российские интересы там и таким образом в первую очередь способствовать реализации одной из ключевых внешнеторговых задач России, а именно — созданию российского торгового флота²¹. Для достижения этой цели русские купцы получили особые налоговые льготы, что должно было привести к оживлению их деятельности на международном рынке²². Однако эти попытки оказались неудачными, так как впоследствии принятым мерам не хватало последовательности для их успешного осуществления. Например, сразу после смерти Петра его цель, продиктованная желанием основать российский торговый флот, в правительственной политике была полностью забыта²³. Однако более важным в этом смысле представляется уже упомянутая двойственность в отношении к превосходству западных торговых держав во главе с Нидерландами и Англией²⁴. Парадоксально, что наряду с поиском контактов в торговой сфере существовала и поддерживалась изоляция, особенно заметная по отношению к Англии, несмотря на заключение между Россией и Великобританией в 1734 г. важнейшего торгового соглашения, которое закрепило господствующее положение Англии в торговле России. Англичане получили ряд привилегий, которые поставили их в выгодное положение по сравнению с конкурировавшими с ними купцами из Нидерландов и северной Германии²⁵.

Договор 1734 г. указывает на два аспекта, которые характеризовали торговую политику России в первой половине XVIII в. Во-первых, здесь обнаруживается четкая иерархическая структура торговых отношений между Великобританией и Россией. Если Петр I еще пытался вести российскую внешнюю торговлю на условиях равноправия с западными странами, то этот договор очевидно установил господствующее положение Англии и односторонние привилегии английских купцов не только в ущерб другим западным торговым партнерам, но также и в ущерб русским купцам, что и получило свое отражение, как

²⁰ Покровский С. Указ. соч. С. 80; Kahan A. Op. cit. P. 166.

²¹ Некрасов Г. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984. С. 57.

²² Полное собрание законов российской империи (ПСЗ). Собрание первое. VI, 3672; ПСЗ, VIII, 5733; Посошков И. Указ. соч. С. 120–121.

²³ Kahan A. Op. cit. P. 236.

²⁴ Зарахов В. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 72; Hartley J. War and the Merchants. The Great Northern War (1700–1721) // Bartlett R., Lehmann-Carli G. (ed.). Eighteenth-century Russia. Society, culture, economy: papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Berlin, London, 2007. С. 485–498.

²⁵ Кулишер И. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923. С. 196–200; Reading D. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

уже и упоминалось, в концепции полуколонии, сформулированной в советской историографии²⁶. Не в последнюю очередь это относится и к самому характеру товарообмена. Номенклатура обмена в соответствии с договором лишней раз была подтверждена, и характер обмена оставался весьма односторонним. В то время как в Англию Россия отправляла в основном «сырые» продукты и сельскохозяйственные товары, в другом направлении так называемые «naval stores» привозили предметы роскоши и прочую готовую продукцию. России этот товарный дисбаланс не наносил вреда, поскольку одновременно он сопровождался дисбалансом количества товара. Сальдо торгового баланса России на протяжении всего XVIII в. было в полной мере положительным и, по крайней мере в этом отношении, оправдало меркантильное представление о желательности преобладания экспорта над импортом²⁷.

Во-вторых, русско-английский договор указывает на определенное сходство торговой политики России и Англии в первой половине XVIII в., а именно в том, что касается активного вмешательства государства в торговые отношения. Ибо договор 1734 г. в значительной степени находился под влиянием таможенно-тарифных регулирований, которые были предназначены правительством России для управления торговой политикой в первой половине XVIII столетия. Так, итогом договора было не только доминирование Англии на российском рынке по сравнению с другими западными конкурентами, но также и точное регулирование торговых потоков отдельных товаров. В соответствии с меркантилистской теорией, торговая политика должна была контролировать и управлять импортом и экспортом специфических товаров²⁸. Средством регулирования стало учреждение под названием Коммерц-коллегия, основанное в 1715 г. Петром I²⁹.

Цели и средства торговой политики в конце XVIII в.

Торговая политика России во второй половине XVIII в. определяется в основном Екатериной II и характеризуется последовательной преемственностью, а также известными переменами по отношению к первой половине века³⁰. Преемственно сохранялись такие цели российской торговой политики, как достижение положительного сальдо торгового баланса и преодоление западного превосходства во внешней торговле и не в последнюю очередь — создание соб-

²⁶ Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995. P. 7.

²⁷ Покровский С. Указ. соч. С. 74; Hoffmann P. Op. cit. P. 150–157.

²⁸ Шейнин Л. Указ. соч. С. 18–30.

²⁹ Пузырев В. Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 83–86.

³⁰ Покровский С. Указ. соч. С. 11.

ственного торгового флота через поддержку русских купцов, которая выражалась в отправке сыновей русских купцов за рубеж для обучения теории и практике ведения коммерческих дел³¹. Кроме того, концентрация торговых потоков в направлении столицы империи является одним из постоянных условий российской торговой политики в XVIII в.³² Значительные различия первой и второй половины века в этой связи имели место не в достижении целей российской торговой политики, а в методах, использовавшихся для достижения этих целей. Этот процесс может быть описан как развитие на основах меркантилизма, что характеризовалось государственным контролем экономики в условиях свободной торговли и в соответствии с идеями так называемой политической экономии, выдвинутой Адамом Смитом, который, впрочем, более доверял саморегулированию рыночной силы. В частности, это развитие особенно заметно применительно к тарифной политике России, где всё больше и больше проявляется либерализация. Эта тенденция началась еще до Екатерины II. Уже первый послепетровский таможенный тариф 1731 г. в общем характеризовался определенным снижением пошлин, и в то же время введением более сложных тарифов на отдельные предметы. Правда, следующий тариф, принятый в 1757 г., вновь увеличил пошлины³³, но к этому по крайней мере можно добавить, что императрица Елизавета в 1753 г. отменила внутренние тарифы, в то время как внешнеторговые тарифы повышались³⁴.

Не случайно именно тогда, в эпоху царствования Екатерины II, когда распространялись идеи либерализма, известный историк и литератор Михаил Дмитриевич Чулков писал: «Торговля есть дочь вольности»³⁵. Между прочим, некоторые авторы даже считают, что Екатерина II вводила своего рода фритредерство в России³⁶. С этим можно спорить, но во всяком случае тенденция в этом направлении заметна. В 1782 г. были отменены таможенные границы в прибалтийских губерниях³⁷, и надо сказать, что эта эпоха вообще была отмечена значительным сокращением пошлин на импорт и экспорт³⁸. Кроме того, и запрет отдельным русским дворянам заниматься приобретением монополий на некоторые товары, который имел место в середине века, также относится к этому сюжету³⁹.

³¹ Кулишер И. Указ. соч. С. 227; Зарахов В. Указ. соч. С. 79.

³² Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013. P. 207.

³³ Покровский С. Указ. соч. С. 97.

³⁴ Кулишер И. Указ. соч. С. 235.

³⁵ Цит. по: Кулишер И. Указ. соч. С. 232.

³⁶ Петров О. Становление таможенной политики России. СПб., 2003. С. 6; Гидион М. Указ. соч. С. 22.

³⁷ Кулишер И. Указ. соч. С. 236.

³⁸ Козлова Н. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 300.

³⁹ Покровский С. Указ. соч. С. 108.

Вызваны эти перемены были углублением научных исследований о функциях и механизмах торговли, которые, как уже говорилось ранее, нашли свое отражение в трудах знаменитого Адама Смита, на которого в полной мере полагался ряд русских ученых. В дополнение к тем, кого в области изучения первоначал экономических наук объединяла Петербургская Академия наук и к которым принадлежали первые за пределами России известные экономисты Генрих фон Шторх и Кристиан фон Шлецер⁴⁰, существовало еще и Вольное экономическое общество, являвшееся рупором всех прогрессивных тенденций в области торговой политики⁴¹. Так как большинство членов этого общества выступали за отмену крепостного права в интересах экономики, их влияние в области торговли было ограничено, что стало очевидно в рамках общей дискуссии по вопросу о запрете экспорта зерна. Екатерина II выступила в защиту такого запрета вопреки мнению Общества, полагая, что это единственный способ прокормить население, особенно в Санкт-Петербурге, так как только таким образом можно спасти население от вымирания⁴².

Говоря о российской торговой политике в XVIII в., нельзя упускать из виду те процессы, которые оказывали свое влияние в этом контексте при завершении столетия и впоследствии. Вероятно, итогом следует считать завершение царствования Екатерины II в его политических и экономических аспектах. В политическом плане надо иметь в виду, что конец царствования императрицы совпал с целой эпохой революции во Франции, что оказало свое влияние на торговые отношения России. Это время характеризовалось тем, что таможенная политика проводилась Екатериной II под знаком политической борьбы против Франции⁴³. Однако здесь нельзя не учитывать и того, что еще до этой эпохи Россия энергично проводила политику вооруженного нейтралитета, осуществлявшуюся Екатериной II в 1779–1783 гг., а ее сын в последние годы своего царствования делал первые шаги к тому, что впоследствии нашло свое отражение в политике Континентальной блокады. Экономические причины проводившейся таможенной политики в конце екатерининского царствования состоят, во-первых, в том, что после захвата берега Черного моря и основания там новых портов российская торговая политика в целом переориентировалась в направлении юга⁴⁴.

⁴⁰ *Peters M., Winkelmann D.* Netzwerk aus Kalkül. Die Karriere August Ludwig Schlözers in St. Petersburg // Dahlmann D. (hrsg.) Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen, 2006. S. 125–138; *McGrew R.* Dilemmas of Development: Baron Heinrich Friedrich Storch (1766–1835) on the Growth of Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1976. Vol. 24 (1). P. 31–71; *Dmitriev A.* Heinrich von Storch's Werk aus russischer Sicht // *Rieter H.* Deutsche und russische Ökonomen. S. 71–99.

⁴¹ *Leckey C.* Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark, 2011.

⁴² *Jones R.* Op. cit. P. 187.

⁴³ *Пузырев В.* Указ. соч. С. 61; *Kahan A.* Op. cit. P. 240.

⁴⁴ *Кулишер И.* Указ. соч. С. 209–212.

Во-вторых, таможенная политика вообще в конце царствования Екатерины II вновь осуществлялась в направлении протекционизма — ориентировалась на то, чтобы сохранять контроль над торговой политикой⁴⁵. Но в итоге такое направление политики не возымело успеха. С 1793 г. деятельность Екатерины в сфере внешней торговли обуславливалась ощутимым ухудшением торгового баланса в предшествующие годы⁴⁶. Эти особенности тогдашней торговой политики совпадали по времени с реакцией во внутренней политике императрицы.

От меркантилизма к фритредерству?

Если в итоге сопоставить цели торговой политики с ее достижениями, и сравнить соответствующие используемые и проверенные методы, то приходится констатировать, что чем слабее применялись средства, тем успешнее оказывались результаты. Парадоксально, но факт. Это особенно заметно, если учесть положительный торговый баланс, а также концентрацию торговых потоков в Санкт-Петербурге, доминирование которого после исчезновения таможенных барьеров еще более усилилось⁴⁷. Однако цель, заключающаяся в основании русского торгового флота, достигнута так и не была ни путем меркантильных мер государственной поддержки, ни даже путем проведения либеральной и свободной торговой политики. Основную причину этой неудачи можно найти, скорее всего, в контрасте между быстрым экономическим ростом и территориальным расширением России с одной стороны, и парализующей стагнацией социального развития в XVIII в. с другой. Вопрос, почему имело место такое развитие событий, во многом связан с вопросом, сформулированным в начале данного сообщения, а именно, была ли Россия в XVIII в. колонией или же все-таки колониальной державой.

В течение всего столетия российское правительство вынуждено было признавать, что преодолеть господство англичан невозможно, а идеи свободного рынка могли убедить, что с большей либерализацией торговли страна могла бы получить немалые доходы, но тем не менее английские купцы почти полностью доминировали во внешней торговле России в конце века, т. е. несмотря на политические успехи Россия в европейской торговле занимала крайне зависимое положение, а крупное русское купечество не чувствовало особой потребности освободиться от иностранных помочей и завести прямую торговлю с Европой⁴⁸. В то же время русская автократия сохранила политическое господство внутри

⁴⁵ *Фирсов Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 339.

⁴⁶ *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 339.

⁴⁷ *Пузырев В.* Указ. соч. С. 67; *Munro G.* The Most Intentional City. St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison, 2012. P. 180–182.

⁴⁸ *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 333, 343.

страны путем союза с дворянством и участия в прибыли от торговли с Западом. Тем не менее такое положение дел привело к указанной социальной стагнации. Сюда же следует отнести и тот факт, что, к примеру, задуманное Петром укрепление положения российского купечества, которое потребовало бы наделяния купцов политическими правами, не состоялось⁴⁹.

Как живописал современник конца елизаветинского царствования: «Грустно истинному патриоту видеть эту массу торговцев, почти не имеющих собственного капитала и стригущих наш народ, отнимая барыш, который по справедливости принадлежал бы нам, если бы мы могли выйти из своего летаргического сна и работать для собственного блага»⁵⁰.

Поскольку этого не произошло, внутренние ресурсы должны были быть употреблены на удовлетворение внешнего спроса, что в свою очередь привело к внутренней колонизации, экономической эксплуатации и к укреплению внутренних культурных различий между дворянством и крестьянами, описанных Эткиндо⁵¹. Резюмируя всё вышеизложенное, можно сказать, что с экономической точки зрения Россия имела такие черты, которые делали ее до некоторой степени похожей на колонию, но с политической же и культурной точки зрения — скорее на, так сказать, внутренне-колониальную державу. Это сочетание условий являлось с точки зрения экономики краткосрочно выгодным ввиду развития хозяйственных связей с Западом. Это явление с полным правом может восприниматься как цена, которую периферия платит за успешную интеграцию в экономическую систему⁵². Однако в долгосрочной перспективе этот механизм приводил к невыгодному положению вовне и опасному внутри. Снаружи России так и не удалось достигнуть полноценного участия в мировой торговле из-за отсутствия поддержки правительством русских купцов. Внутри социальная стагнация и отказ разрешить участие в политической жизни широкой массе населения являлось долгосрочной угрозой для российской политической элиты. Поражение в Крымской войне представляется первым очевидным для многих признаком этой невыгодной для России ситуации.

References

Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007.

Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Malden, 2012.

Firsov N. Pravitel'stvo i obšestvo v ih otnošeníh k vnešnej torgovle Rossii v carstvanie imperatricy Ekateriny II. Očerki iz istorii torgovoj politiki, Kazan', 1902.

Gidion M. Sankt-Peterburg kak vnešnetorgovjy centr v 1725–1763 gg. M., 2008.

⁴⁹ *Ransel D.* Russian Merchants: Citizenship and Identity // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007. P. 417–428.

⁵⁰ Цит. по: Memoire sur le commerce de Russie (1761) // Кулишер И. Указ. соч. С. 243.

⁵¹ *Etkind A.* Op. cit. P. 251.

⁵² *Кагарлицкий В.* Периферийная Империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 259.

Hoffmann P. Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert. Berlin, 2003.

Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013.

Kagarliskij V. Periferijnaâ Imperiâ. Rossiâ i mirosistema. M., 2003.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995.

Kozlova N. Rossijskij Absolûtizm i kupečestvo v XVIII veke. M., 1999.

Kulišer I. Očerki istorii russkoj torgovli. SPb., 1923.

Leckey C. Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark, 2011.

Nekrasov G. Vnešnáâ torgovlá Rossii čerez Revel'skij port v 1721–1756 gg. M., 1984.

Petrov O. Stanovlenie tamožennoj politiki Rossii. SPb., 2003.

Pokrovskij S. Vnešnáâ torgovlá i vnešnáâ torgovaâ politika Rossii. M., 1947.

Puzyrev V. Pod flagom Rossii. Istoriâ zaroždeniâ i razvitiâ morskogo torgovogo flota. M., 1995.

Repin N. Vnešnáâ torgovlá i social'no-èkonomičeskoe razvitie Rossii v XVIII v. Omsk, 1989.

Šejnin L. Peterburg i Rossijskij merkantilizm. Èpoha Petra I. M., 1997.

Zarahov V. Zapadnoevropejskie kupcy v Rossijskoj torgovle XVIII veka. M., 2005.

Список литературы

Гидион М. Санкт-Петербург как внешнеторговый центр в 1725–1763 гг. М., 2008.

Зарахов В. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.

Кагарлицкий В. Периферийная Империя. Россия и миросистема. М., 2003.

Козлова Н. Российский Абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.

Кулишер И. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923.

Некрасов Г. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984.

Петров О. Становление таможенной политики России. СПб., 2003.

Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

Пузырев В. Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995.

Репин Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989.

Фирсов Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в Царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902.

Шейнин Л. Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997.

Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007.

Hoffmann P. Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert. Berlin, 2003.

Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995.

О. А. Любезников, А. Ю. Скрыдлов

Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы

На всем протяжении своего царствования Александр I стремился к проведению преобразований в системе государственного управления¹. Одной из наиболее сложных задач при реформировании государственного аппарата явилась организация тайной (политической) полиции. С одной стороны, император, разделявший либеральные взгляды, к созданию органов политического сыска относился весьма настороженно, но с другой — он понимал объективную необходимость их формирования в условиях роста международной напряженности в Европе в 1800-е гг. Особенно остро потребность в новой структуре тайной полиции стала ощутима в период военно-политического противостояния России с наполеоновской Францией в 1805–1807 гг. Проблеме выбора Александром I принципов функционирования политической полиции в это время и посвящена представляемая статья.

История формирования новой структуры тайной полиции в 1805–1807 гг. недостаточно полно освещена в работах отечественных исследователей. Среди дореволюционных авторов наибольший вклад в изучение данной темы внес Н. К. Шильдер, впервые опубликовавший проекты создания межведомственных органов тайной полиции 1805 и 1807 гг. и расценивавший их появление как возрождение «до некоторой степени из пепла, но под другим названием» Тай-

ной канцелярии². В советской историографии проблема организации секретной полиции в начале XIX столетия затрагивалась в обобщающих трудах по истории политического сыска и государственных учреждений Российской империи. Так, работы И. М. Троицкого и Н. П. Ерошкина, среди прочего, содержат важные уточнения, касающиеся истории создания и деятельности «Комитета по части вышней полиции» 1805 г. и Комитета охранения общей безопасности 1807 г.³ Однако причины появления этих государственных учреждений и цели, стоявшие перед ними, оценивались советскими историками однозначно — в комитетах видели первые «реакционнейшие подголоски, которым суждено было в дальнейшие годы стать лейтмотивом царствования» Александра I⁴. Стараясь уйти от идеологических штампов и упрощенных трактовок событий прошлого, проблематике создания органов тайной полиции в Александровскую эпоху уделяют внимание современные исследователи (М. Б. Асвариц, Ю. В. Тот)⁵. Привлекая широкий пласт архивных документов, скрупулезный анализ этапов становления системы политического сыска в первой четверти XIX в. произвел Ф. Л. Севастьянов⁶. Однако сама стоявшая перед Александром I дилемма, какой из намеченных в нескольких законопроектах подходов к реформированию тайной полиции избрать, остается вне поля зрения исследователей. Настоящая статья — попытка заполнить историографическую лауну.

К началу 1805 г. в России политической полиции общеимперского масштаба не существовало: Тайная экспедиция при Сенате, воспринимавшаяся дворянством как одиозный символ павловской эпохи⁷, была ликвидирована еще в апреле 1801 г. в ходе первых мероприятий Александровского царствования, ознаменовавших собой отказ молодого монарха от политического наследия его предшественника⁸. В соответствующем манифесте император подчеркнул

² Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 162, 362–366.

³ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; Троицкий И. М. III отделение при Николае I. Л., 1990.

⁴ Троицкий И. М. III отделение. С. 141.

⁵ Асвариц М. Б. Органы политического надзора первой половины Александровского царствования // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост.: Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 589–611; Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003.

⁶ Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008.

⁷ По подсчетам Н. Я. Эйдельмана, за время царствования Павла I число рассматриваемых дел в Тайной экспедиции в течение одного года выросло в 7 раз по сравнению с Екатерининской эпохой (180 дел против 25). Всего же за 1797 — начало 1801 г. через Тайную экспедицию прошло 721 дело, дворяне составляли 44% всех обвиняемых (из проанализированных историком 566 дел). См.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992. С. 102–103.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (Далее: ПСЗ-1) Т. XXVI. СПб., 1830. № 19813.

¹ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

свое негативное отношение к упраздняемому учреждению, назвав Тайную канцелярию (прямую предшественницу Тайной экспедиции) «судилищем», несвойственным установленному в России образу правления. Царь высказал убежденность в необходимости впредь вести следствие, судить и определять наказание по делам о политических и государственных преступлениях «общей силою закона», в рамках уголовного делопроизводства. Александр поручал «единому действию закона охранение [своего] имени <...> и Государственной целостности от всех прикосновений невежества или злобы». Стремясь выстроить работу государственного аппарата на принципе законности, император свел деятельность тайной полиции до необходимого минимума — отказался от ее общеимперского института, сохранив лишь столичный орган политического сыска — Тайную полицейскую экспедицию при Санкт-Петербургском военном губернаторе.

Имевшая небольшой штат во главе с управляющим, назначаемым императором, действовавшая локально, в пределах столицы, экспедиция была призвана пресекать распространение нежелательных политических слухов, выявлять подозрительных лиц, следить за иностранцами, а главное, обеспечивать личную безопасность монарха⁹. Так, в 1801–1802 гг. внимание петербургской тайной полиции было направлено на вызывавших подозрения у Александра I участников антипавловского заговора — Н. П. Панина и братьев Зубовых. Один из членов Негласного комитета, объединившего доверенных лиц царя, А. Е. Чарторыйский вспоминал: «По несколько раз в день император получал отчеты секретной полиции с подробными донесениями обо всем, что делал Панин, где бывал, с кем останавливался на улице, сколько часов провел в том или другом доме, кто посещал его»¹⁰. И Н. П. Панин, и В. А. Зубов знали об установленной за ними слежке, В. А. Зубов выражал недовольство ею Александру лично. Члены Негласного комитета также убеждали монарха отказаться от услуг тайной политической полиции. Император, однако, полагал надзор за бывшими заговорщиками необходимым¹¹ и поддерживал особый статус столичной тайной полиции, пока его положение на престоле не упрочилось. С началом министерской реформы осенью 1802 г. Тайная полицейская экспедиция перестала существовать как учреждение при Петербургском военном губернаторе, будучи передана в подчинение министерству внутренних дел, в ведение обер-полицмейстера столицы¹².

⁹ Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008. С. 61–67.

¹⁰ Чарторыйский А. Воспоминания и письма. М., 2010. С. 207.

¹¹ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 172–173.

¹² Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 66–67. Ф. Л. Севастьянов с опорой на архивные документы 1811 г. указывает на существование в Петербурге в начале XIX в. еще одного, сугубо локального «своеобразного агентурного полицейского подразделения» — сообщества «лон-лакеев». Исследователь не смог «точно установить происхождение и этимологию слова “лон-лакей”» (См.: Севастьянов Ф. Л.

В 1805 г., когда агрессивные внешнеполитические шаги Наполеона I сделали военное столкновение европейских держав с Францией неизбежным, задача обеспечения внутренней безопасности Российской империи чрезвычайно обострилась. Прежнего минимума органов политического сыска — петербургской Тайной полицейской экспедиции — стало уже не хватать. Незадолго до своего отъезда в армию¹³ в разговоре с генерал-адъютантом Е. Ф. Комаровским Александр I высказал намерение учредить тайную (так называемую «высшую») полицию, полагая что она «необходима в теперешних обстоятельствах»¹⁴. Император стремился найти наиболее подходящий способ организации секретной полицейской службы. По его мнению, «для составления правил» организуемой высшей полиции следовало создать специальный комитет в составе министра юстиции П. В. Лопухина, министра внутренних дел В. П. Кочубея и генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского. Последний вспоминал, что по собственной инициативе знакомился с историей организации тайной полиции, пользуясь библиотекой министра коммерции Н. П. Румянцева. Однако задуманному комитету не суждено было приступить к работе: по мере приближения начала военной кампании проблема учреждения политической полицейской службы становилась всё более острой, временем на тщательную проработку соответствующей реформы император не располагал¹⁵. По-видимому, в качестве срочной меры 5 (17) сентября 1805 г. Александром было утверждено «Наставление Комитету по части вышней полиции».

Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 68). Насколько можно судить, «лон-лакей» — от немецкого «Lohnlakai» (Lohn — жалованье, Lakai — слуга), буквально «наемный слуга» (См.: Словарь русского языка XVIII века: В 19 вып. СПб., 2000. Вып. 11. С. 227). Лон-лакеи — слуги, нанимаемые иностранцами. Вероятно, отдельные представители петербургского так называемого «сообщества лон-лакеев» следили за своими нанимателями и сообщали о результатах слежки в городскую полицию. Следует подчеркнуть, что лон-лакеи не получали никакого государственного содержания, а источники, которые свидетельствовали бы о существовании какой бы то ни было организованной тайной структуры лон-лакеев в Петербурге уже в 1801–1805 гг., остаются неизвестными.

¹³ Император покинул Петербург 9 (21) сентября 1805 г. См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль–декабрь. СПб., 1904. С. 191.

¹⁴ То есть в условиях военной кампании. См.: [Комаровский Е. Ф.] Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 138.

¹⁵ Там же. Ф. Л. Севастьянов полагает, что разговор императора с Е. Ф. Комаровским состоялся между 5 и 9 (17 и 21) сентября 1805 г. — до отъезда Александра I в армию, но уже после утверждения им «Наставления» организуемому по проекту Н. Н. Новосильцова «Комитету по части вышней полиции» (о «Наставлении» ниже). См.: Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 75, 284. Основанием для датировки Ф. Л. Севастьянова служит фраза Е. Ф. Комаровского: «Когда государь собирался ехать в Аустерлицкую кампанию, приказать мне изволил явиться к себе» (См.: [Комаровский Е. Ф.] Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 137). На наш взгляд, разговор должен был состояться до 5 сентября 1805 г., когда «Наставления», по сути являющегося инструкцией для высшей полиции, «правилами», выработку которых Александр думал поручить упомянутому Е. Ф. Комаровским комитету, еще не существовало.

На сегодняшний день известно два списка «Наставления»: утвержденный Александром I экземпляр, хранившийся у министра военных сухопутных сил С. К. Вязмитинова¹⁶, и принадлежавшая министру внутренних дел В. П. Кочубею копия подписанного монархом оригинала, заверенная товарищем министра юстиции, одним из ближайших сподвижников императора Николаем Николаевичем Новосильцовым (1766/1767–1838)¹⁷. По нашему осторожному предположению, существовал как минимум третий экземпляр «Наставления»: письма Н. Н. Новосильцова от 8 (20) сентября 1805 г., которыми он сопроводил указанные два экземпляра, отправляя их С. К. Вязмитинову и В. П. Кочубею, имеют исходящие № 617 и 619 соответственно¹⁸. Возможно, № 618 стоял на аналогичном письме Н. Н. Новосильцова министру юстиции П. В. Лопухину, который вместе с С. К. Вязмитиновым и В. П. Кочубеем также должен был входить в состав «Комитета по части вышней полиции» и мог иметь свой персональный экземпляр «Наставления». Автором же документа был Н. Н. Новосильцов.

С юности впитавший ценности эпохи Просвещения, умеренный либерал Н. Н. Новосильцов еще в 1802 г. в составе Негласного комитета выражал свое негативное отношение к приемам тайной политической полиции. Однако доверие, которое выказывал ему Александр I, и реноме непосредственного разработчика первоначально инициированных монархом законопроектов обусловили участие Н. Н. Новосильцова и в учреждении высшей полиции. При этом сам факт доверительных отношений с императором, а также глубокое знание его политических предпочтений позволили Н. Н. Новосильцову предложить способ организации тайной полиции, наиболее приемлемый для разделявшего либеральные взгляды, склонного к осторожности молодого царя, желавшего вместе с тем сохранять всю полноту власти.

Согласно проекту Н. Н. Новосильцова, министры внутренних дел, юстиции и военных сухопутных сил должны были составить секретный Комитет, призванный обеспечить общественный порядок в Петербурге и бесперебойное снабжение его жителей продовольствием во время военной кампании в период пребывания царя в армии. Находясь в постоянном контакте со столичным обер-

¹⁶ РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. и о штате его Канцелярии. Л. 10–12. Этот подтвержденный Александром I список был опубликован Н. К. Шильдером: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 362–364. Современный исследователь Ф. Л. Севастьянов произвел новую публикацию, осуществив ее по архивному подлиннику, но допустил ряд неточностей: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 285–287.

¹⁷ РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 54. Д. 30. Положение о Комитете «всеобщего спокойствия и тишины», созданном на время отсутствия царя. Л. 3–5 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 9; Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 54. Д. 30. Положение о Комитете «всеобщего спокойствия и тишины». Л. 2.

полицмейстером, члены Комитета получали и анализировали сведения о проживавших в Петербурге и приезжавших из-за границы или из других уголков империи «подозрительных людях» (шпионах, тайных агентах). Для осуществления надзора за «подозрительными» допускалась перлюстрация их переписки. По справедливому замечанию Ф. Л. Севастьянова, «Комитет по части вышней полиции» был «не столько органом политического розыска, сколько органом политического контроля»¹⁹. Хотя основной задачей Комитета являлся контроль ситуации в Петербурге в военное время, в зоне внимания его членов оказывались и регионы империи. Так, на основании регулярных отчетов губернаторов министр внутренних дел получал информацию о настроениях жителей губерний, о распространявшихся среди них слухах о военной кампании и повышении налоговых сборов; обсуждение ответных правительственных мер должно было проходить совместно, на заседаниях Комитета²⁰. Принципиальные же вопросы выносились на разрешение императора, всю заслуживающую внимания информацию предписывалось сообщать ему незамедлительно. Монарх не терял контроля над политической обстановкой в столице и империи в целом.

Знакомый с политическими воззрениями Александра I Н. Н. Новосильцов сумел в условиях предвоенной суеТЫ предложить устроившую императора оригинальную форму организации высшей полиции — на межведомственной основе, не создавая никаких самостоятельных институтов²¹, которые могли бы как-либо ограничить полноту власти монарха. Кроме того, в «Наставлении» подчеркивалось, что учреждение создается на определенный срок, а его существование необходимо сохранять в тайне, «дабы не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло, и чрез то не нарушить его спокойствия»²².

Сложно сказать, как долго Комитет осуществлял свою деятельность. Следы ее скупо отражены в архивохранилищах, в первую очередь из-за самого характера делопроизводства этого тайного учреждения²³. По-видимому, никакого формального акта, который бы остановил занятия «Комитета по части вышней полиции», издано не было²⁴. После завершения военной кампании 1805 г. опыт

¹⁹ *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 76.

²⁰ В преамбуле проекта образуемый Комитет назван «Комитетом для общего советования». См.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 10.

²¹ Даже канцелярская работа осуществлялась в Комитете сотрудниками министерства внутренних дел, а не специально назначаемыми письмоводителями.

²² РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 11 об.

²³ *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 78.

²⁴ Ф. Л. Севастьянов полагает, что «с определенностью можно сказать, что к 1807 г. Комитет уже полностью бездействовал» (См.: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 78), когда был учрежден аналогичный по компетенции Комитет охранения общей безопасности (о нем далее). Вероятно, параллельно эти два Комитета не существовали, и деятельность «Комитета по части вышней полиции» в начале 1807 г.

работы Комитета оказался востребован: задача создания политической полиции продолжала оставаться актуальной.

В этот период (в 1806–1807 гг.)²⁵ представители бюрократической элиты империи выработали два подхода к решению проблемы организации высшей полиции. Одни сановники выступали за развитие межведомственной системы управления тайной полицией. Другие, сторонники курса на «дальнейшее развитие в управлении единоличного начала»²⁶, совершенствование центральных государственных учреждений, полагали целесообразным формирование специализированного ведомства политического сыска. Выбор пути реформирования высшей полиции оставался за императором.

Проект образования нового межведомственного координационного совещания по делам секретной полиции Александру I в самом начале 1807 г. представил Н. Н. Новосильцов²⁷. Будучи одним из авторов министерской реформы, сторонником «русского кабинета»²⁸, он не поддерживал, однако, идею создания специального ведомства тайной полиции. Известный своим неприятием методов и приемов управления, характерных для павловского царствования²⁹, Н. Н. Новосильцов, по-видимому, противился образованию органа политической полиции, который мог бы в будущем приобрести не меньшее значение,

по факту была приостановлена. Однако один из членов Комитета, С. К. Вязмитинов, накануне своей отставки с поста министра военных сухопутных сил в начале января 1808 г., обратился к министру юстиции П. В. Лопухину с просьбой выяснить у Александра I, каковы перспективы существования «Комитета по части высшей полиции», приостановлена или прекращена его деятельность. При этом С. К. Вязмитинов считал целесообразным передать П. В. Лопухину хранившийся у него (возможно, обнаруженный при подготовке к сдаче дел) оригинал «Наставления» Комитету 1805 г. На полях своей всеподданнейшей докладной записки по вопросу о Комитетах П. В. Лопухин записал ответ императора: «Наставление, Комитету данное, высочайше повелено отдать для хранения в Комитет, учрежденный 13 Генв. 1807 года, а Г. Министру военных сухопутных сил дать знать, что с учреждением сего прежде существовавший по сему предмету должен окончиться». Ответ датирован 5 (17) января 1808 г. 7 (19) января 1808 г. П. В. Лопухин сообщил С. К. Вязмитинову, что «Комитет по части высшей полиции» «существовать уже не может». См.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 13, 14.

²⁵ После битвы при Йене и Ауэрштедте в октябре 1806 г., когда союзник России по антифранцузской коалиции — Пруссия — был фактически разбит, необходимость обеспечить внутреннюю безопасность страны была особенно острой.

²⁶ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 144.

²⁷ Проект опубликован Н. К. Шильдером (*Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 364–366) и с некоторыми неточностями Ф. Л. Севастьяновым (*Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 288–289). Оригинал проекта сохранился: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 1 — 3 об.

²⁸ Письма Н. Н. Новосильцова к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова: В 40 кн. М., 1880. Кн. 18. С. 442.

²⁹ Чарторижский А. Воспоминания и письма. С. 126.

чем Тайная экспедиция при Павле I, и оказывать негативное влияние на работу всего государственного аппарата. Потому в основе нового проекта Н. Н. Новосильцова лежал тот же (казавшийся более приемлемым) принцип межведомственной координации, по которому действовал прежде «Комитет по части высшей полиции».

По аналогии с Комитетом 1805 г. новый Комитет охранения общей безопасности должны были составлять министры юстиции, внутренних дел и военных сухопутных сил. Однако безотлучным членом нового Комитета был лишь министр юстиции, в помощь к которому определялось еще два постоянных участника совещаний: обер-секретарь Тайной экспедиции в 1790-е гг., сенатор А. С. Макаров и сам Н. Н. Новосильцов. Военному министру и министру внутренних дел надлежало участвовать в заседаниях только «когда нужда того потребует»³⁰. Основной обязанностью Комитета являлся надзор за производством следствий по делам о шпионаже, о тайных антиправительственных обществах и иностранных агентах. Кроме того, в связи с ростом недоверия к верховной власти, определенным разочарованием представителей столичного общества и гвардии в политике Александра I после заключения воспринимавшегося как «постыдный» Тильзитского мира в число задач образуемого Комитета вошла необходимость отслеживать любые проявления недовольства монархом для обеспечения его личной безопасности³¹. В зоне ответственности проектируемого органа должна была находиться вся территория империи. Поэтому для эффективного исполнения своих функций Комитету необходимо было поддерживать связь с местными государственными учреждениями, что обусловило публичный, гласный характер его деятельности. Хотя ключевой задачей создаваемого учреждения Н. Н. Новосильцов объявлял лишь контроль над ходом проводимых полицией расследований, Комитету планировалось предоставить возможность самому осуществлять следствие по «всем делам, касающимся до измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности»³².

³⁰ РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 1 об. Согласно сохранившимся журналам Комитета, в его заседаниях в 1807 г. В. П. Кочубей и С. К. Вязмитинов, возглавлявшие министерства внутренних дел и военных сухопутных сил, участия не принимали. С 1808 г. в работу Комитета активно включился новый министр внутренних дел А. Б. Куракин. Подробнее см.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1829 г. Д. 16, 1в. Фактически в 1807 г. Комитет являлся специализированной комиссией во главе с министром юстиции по делам высшей полиции.

³¹ Так, в Комитете рассматривалась записка Н. С. Мордвинова, обеспокоенного ростом антиправительственных настроений в российском обществе. См.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 200.

³² РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 3.

Борьба с «внутренним врагом» в условиях военного конфликта с Наполеоном приобретала для Александра I особое значение, и ее успех во многом зависел от способа организации политического сыска. Своеобразной альтернативой представленному Н.Н. Новосильцовым проекту создания Комитета охранения общей безопасности, развивавшему концепцию межведомственного управления политическим сыском, стала идея создания отдельного центрального учреждения с функциями тайной полиции. Как свидетельствуют источники, такой подход к реформированию органов политической полиции имел своих сторонников в среде управленческой элиты империи.

В этой связи особый интерес представляет сохранившийся в фонде Н.Н. Новосильцова среди бумаг Комиссии составления законов проект учреждения министерства полиции в России, написанный на французском языке и ранее мало известный исследователям³³. Документ не датирован и не имеет подписи, однако собственно текст проекта предваряется пояснительной запиской, содержание которой позволяет уточнить его датировку и сузить круг потенциальных авторов. Обосновывая актуальность предлагаемого им проекта, составитель следующим образом охарактеризовал систему органов политической полиции, которая существовала во время написания документа: «В момент войны комитет полиции был полезен. Некоторые из дел, которые были в ведении этого комитета, были завершены таким образом, чтобы предотвратить посягательство иностранных агентов. Этот комитет был в большей степени судом, учрежденным при определенных обстоятельствах, нежели активным расследовательским центром, который действовал бы как внутри, так и за пределами страны. Поэтому было бы благоразумным улучшить его или учредить министерство с той же компетенцией»³⁴. В приведенной цитате упоминается некий «комитет полиции», который существовал «в момент войны» — с высокой степенью вероятности можно предположить, что речь идет о Комитете 1805 г., который был создан накануне очередного столкновения с наполеоновской Францией и действовал во время войны Третьей коалиции. Уточнить датировку документа также позволяет тот факт, что проект сохранился среди бумаг Н.Н. Новосильцова, который активное участие в работе Комиссии принимал до 1807 г.³⁵ Таким образом, указанный проект с высокой долей вероятности можно отнести к 1806 г. При этом указание в тексте на Комитет 1805 г. позволяет заключить, что автор проекта входил в ограниченный круг высших сановников империи, которым было известно о деятельности этого секретного органа.

Намеченная в пояснительной записке альтернатива дальнейшего развития органов тайной полиции — либо совершенствование «комитета полиции», либо

³³ ОР РНБ. Ф. 526 (Н.Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 216–220.

³⁴ Там же. Л. 216.

³⁵ Розенкампф Г.А. Отрывки из автобиографии / Публ. П.М. Майкова // Русская старина. 1904. Т. 120, № 11. С. 391, 398–399.

создание «министерства с той же компетенцией», должна была, по мнению автора, разрешиться в пользу организации единого центрального ведомства: «Предпочтительнее учредить министерство, поскольку это бы содействовало координации действий и способствовало более стабильной работе этой организации без риска роспуска. Решительность, организованность, основанная на четких принципах быстрая исполнительность стали бы последствием решения организовать учреждение в соответствии с нижеизложенными принципами»³⁶.

Собственно текст проекта создания министерства полиции включал 25 параграфов, в которых описывались структура и полномочия нового ведомства. По замыслу автора, создаваемое учреждение должно было действовать на всей территории империи, а главной его задачей было «расследование преступлений, касающихся внутренней безопасности государства и правительства»³⁷. Для осуществления этих функций министерство получало разветвленную систему местных органов — страну предполагалось разделить на округа во главе с генеральными комиссарами, напрямую подчиненными министру. Округа в свою очередь дробились на более мелкие территории, в каждую из которых назначались окружные комиссары. Круг полномочий этих должностных лиц должны были определить специальные инструкции, однако уже из текста проекта становится понятно, что их предполагалось наделить весьма широкой компетенцией, которая включала в себя досудебный арест подозреваемых: «Если обнаруживаются явные признаки нарушения законодательства, они выписывают постановления об аресте. <...> Если постановление об аресте будет выписано, подозреваемые не могут быть освобождены не иначе как решением министра полиции или же судов, которым будут переданы дела подозреваемых»³⁸. В своих действиях комиссары были подотчетны исключительно министру полиции и ограждались от вмешательства со стороны других государственных органов и должностных лиц: «Ни в каком случае военный и гражданский губернатор, генералы, старшие офицеры не могут вмешиваться в дела министра полиции, генеральных и окружных комиссаров, которых предполагается учредить. Суды не могут заниматься делами, возбужденными комиссарами полиции, до тех пор, пока не поступит официально обращение к ним <...> Личности министра, генеральных и частных комиссаров неприкосновенны. Только государь может привлечь их к ответственности за нарушения»³⁹. Особый статус министра полиции и комиссаров подкреплялся его полномочиями в области надзора за деятельностью других государственных органов: «Министр полиции должен будет в особенности следить за всеми должностными преступлениями, совершенными гражданскими наемными служащими во всех областях их

³⁶ ОР РНБ. Ф. 526 (Н.Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 216.

³⁷ Там же. Л. 216 об.

³⁸ Там же. Л. 217.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 526 (Н.Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 217 об.

полномочий, а также совершенными служащими военных администраций, за казнокрадством в разных сферах, относящихся к государственным учреждениям; налагать взыскания за преступления»⁴⁰.

Наряду с разветвленной структурой полицейских органов на местах проект также предусматривал создание засекреченного подразделения внутри министерства — так называемой «контрполиции»: «Проект закона служит для организации необходимого управления полиции. Но есть еще одна часть, которая относится к ведению правительства — это секретная полиция или “контрполиция”, в состав которой войдут комиссары и наемные агенты. Она станет необходимым секретным учреждением контроля органов власти. Она будет совмещать функции преследования и наблюдения»⁴¹. К сожалению, автор проекта не приводит полный перечень полномочий, которыми, по его мнению, следовало бы наделить «контрполицию». Тем не менее указание на то, что она должна стать «секретным учреждением контроля органов власти», позволяет заключить, что именно здесь, по представлению автора, должны были сосредоточиться унаследованные от Комитета 1805 г. функции контрразведки и политического сыска. Таким образом, предложенная неизвестным автором форма организации полицейских органов империи предусматривала сосредоточение компетенции тайной полиции внутри одного центрального ведомства, что предполагало отказ от модели межведомственного органа. Реализация проекта означала создание в империи строгой иерархии полицейских учреждений, регламентацию деятельности каждого элемента единой системы. При этом тайная полиция занимала отведенное ей место в структуре полицейских органов.

Стремление сосредоточить полномочия тайной полиции в одном подразделении и определить ее место в системе полицейских учреждений обозначилось в 1806–1807 гг. не только на общеимперском, но и на местном уровне. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка московского военного губернатора Т. И. Тутолмина и министра внутренних дел В. П. Кочубея, из которой известно о попытке организации тайной полиции в Москве⁴². Так, в предписании, данном московскому обер-полицеймейстеру А. Д. Балашеву 8 (20) января 1807 г., Т. И. Тутолмин поручал «учредить наискровеннейшим образом секретное обо всем разведование», которое было необходимо в Москве ввиду «чрезмерного стечения здесь разносторонних, хоть и дома имеющихся, но не оседло живущих, и других, на время только приезжающих, разного состояния людей». К работе в новом ведомстве необходимо было привлечь «людей <...> совершенно к тому способных и верных, поставя себе в правило, всеми обязанностями чести и долга усиленное, чтоб имена их кроме меня и Вас никому, даже самым ближним нашим, отнюдь и никогда не были известны»⁴³. Таким образом, под началом

⁴⁰ Там же. Л. 218.

⁴¹ Там же. Л. 219.

⁴² ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 1–26.

⁴³ Там же. Л. 5 — 5 об.

московского обер-полицеймейстера предполагалось создать отдельное секретное подразделение полиции, главной задачей которого становилось негласное наблюдение и сбор сведений, таких как «слухи, молвы, вольнодумство, нерасположение и ропот», а также проникновение в «секретные сходбища, таинственные, под каким бы то ни было наименованием, собрания, соблазнительные стачки»⁴⁴. Сведения, собранные тайной полицией, должны были в виде ежедневных отчетов и уведомлений доходить до обер-полицеймейстера, который о наиболее существенных происшествиях докладывал военному губернатору.

В исполнение поручения Т. И. Тутолмина обер-полицеймейстер А. Д. Балашев составил проект учреждения в Москве тайной полиции, озаглавленный как «Примерное положение полицейской особенной экспедиции». Проект включал в себя штатное расписание, согласно которому особенная экспедиция должна была состоять из 27 человек, должности разделялись по разрядам с присвоением каждому жалования⁴⁵. Особое внимание обер-полицеймейстер уделил требованиям к кадровому составу, которые были изложены в соответствующем разделе проекта «Свойства служащих в экспедиции». Так, правитель экспедиции должен был отвечать следующим критериям: «Житель московский, дабы имел многие связи и большое знакомство с различными сословиями людей, был бы вхож и в знатные дома, имел бы иногда у себя гостей благородных, особ среднего состояния и находился бы иногда и между самого народа <...> должен быть свободен от всякой должности или иметь ее для вида. Он должен будет все делаемые по сей части от начальства распоряжения приводить в действо»⁴⁶. Схожие характеристики были предусмотрены и для других должностных лиц будущего учреждения — ревизора, письмоводителя, чиновников и служащих 1-го и 2-го разрядов. На финансирование нового ведомства А. Д. Балашев запрашивал 19 080 рублей, которые предполагалось потратить на жалование чиновникам и разнообразные полицейские нужды: «Не выходя из перечисленной суммы жалования, смотря по обстоятельствам и надобности, прибавлять можно от одного к другому. На расходы определяемая сумма должна употребляться, смотря по надобностям — для полезных открытий, за услуги, по сей части оказанные, и на прочие издержки, например, наем экипажей или извозчиков, подчивание, игру и прочее, одним словом, на все непредвиденные случаи, кроме особенно важных»⁴⁷. Таким образом, предложенный А. Д. Балашевым проект предполагал создание в структуре московской полиции особого секретного подразделения, куда передавались ранее рассредоточенные полномочия, касающиеся политического сыска. При этом в случае реализации проекта тайная полиция в Москве могла получить четкую структуру, штат и порядок делопроизводства,

⁴⁴ Там же. Л. 5 об.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 2 об. — 3.

⁴⁷ Там же. Л. 3 об.

что означало движение в сторону регламентации и большей централизации работы органов политического сыска.

Московский военный губернатор Т.И. Туголмин направил составленный А.Д. Балашевым проект «Примерного положения полицейской особенной экспедиции» министру внутренних дел В.П. Кочубею, который 5 (17) марта 1807 г. представил документ императору. Источники позволяют восстановить реакцию Александра I на предложенный проект — на полях документа сохранились сделанные императором пометки, что свидетельствует о высокой степени его заинтересованности проектом, а 7 (19) мая 1807 г. последовал секретный рескрипт на имя Т.И. Туголмина об учреждении в Москве тайной полиции. В нем император сообщал московскому градоначальнику следующее: «Тимофей Иванович, по представлению Вашему об учреждении тайной в Москве полиции, приказал я министру финансов отпускать исчисленную Вами сумму девятнадцать тысяч восемьдесят рублей. В употреблении сей суммы Вы будете представлять перечневые ежегодные счета. Определение людей к сему нужных, так как и порядок их должностей, предоставляю Вашему местному усмотрению, не считая, впрочем, нужным учреждать для сего непременно штата или особенной какой-либо экспедиции. Пребываю к Вам благосклонным. Александр»⁴⁸. Министр внутренних дел В.П. Кочубей в приложенном к рескрипту письме к Т.И. Туголмину пояснил позицию императора следующим образом: «Его И.В., приняв в уважение, что всякое место, штатом установленное, не может быть без огласки, что формальное определение чиновников в сию Экспедицию и увольнение их может еще более огласить сие установление, и что самое количество их, их разные должности и назначение им жалования, яко предметы по существу сего установления перемен подлежащие, не могут быть определены постоянным штатом, признавать изволил удобнейшим, чтоб сумма примерно вами на сей предмет исчисленная, отпускаема была из казначейства с надлежащими отчетами без всякого формального и штатного положения»⁴⁹. Таким образом, признавая необходимость создания в Москве политической полиции, император тем не менее посчитал нецелесообразным придавать ей форму централизованного ведомства с постоянным штатом и четкой структурой.

Схожее по существу решение, отвергающее идею создания единого органа тайной полиции, к началу 1807 г. было принято и на общеимперском уровне. Рассмотрев наметившиеся в 1806 г. альтернативы развития политического сыска в России, Александр I принял решение усовершенствовать уже опробованную в 1805 г. идею межведомственного управления тайной полицией, при этом проект учреждения министерства полиции поддержки не нашел. 13 (25) января 1807 г. последовал указ Сенату, в котором объявлялось об учреждении комитета для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия⁵⁰. Тем самым

⁴⁸ Там же. Л. 18.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 14.

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22425.

предложенный Н.Н. Новосильцовым проект приводился в исполнение, и Комитет 13 января 1807 г. на протяжении трех лет оставался единственным центральным органом, координирующим политический сыск в империи.

Выбор, сделанный императором в 1807 г. в отношении организации политической полиции, был обусловлен, по-видимому, несколькими факторами. В условиях вооруженного противостояния с Францией задача обеспечения внутренней безопасности Российской империи стояла весьма остро — на вызовы военного времени Александр I вынужден был реагировать оперативно. Санкционировать длительный, требовавший тщательной подготовки процесс создания специализированного полицейского ведомства с включенным в его структуру подразделением высшей полиции монарх в тот момент не считал необходимым. В период становления новой для страны министерской системы появление ведомства, порядок работы которого существенно отличался бы от организации других учреждений центрального управления, могло усилить несогласованность действий государственного аппарата⁵¹. По той же причине не было законодательно оформлено предложение по формированию на местах подведомственных обер-полицейстерам «особенных экспедиций», фактически усиливавших министерство внутренних дел: Александр I противился чрезмерному росту влияния этого ведомства⁵². Таким образом, в сложившихся к началу 1807 г. условиях путь межведомственной организации тайной полиции был признан верховной властью наиболее приемлемым.

References

Andreeva T. V. Tajnye obšestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obšestvennoe mnenie. SPb., 2009.

Asvariš M. B. Organy političeskogo nadzora pervoj poloviny Aleksandrovskego carstvovaniâ // Pamâti Ū. D. Margolisa: Pis'ma, dokumenty, naučnye raboty, vospominaniâ / Sost.: N. O. Serebrâkova, T. N. Žukovskaâ. SPb., 2000. S. 589–611.

Eroškin N. P. Krepostničeskogo samodržavie i ego političeskie instituty. M., 1981.

Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj žurnal 1805 goda. Iûl'–dekabr'. SPb., 1904.

[*Komarovskij E. F.*] Zapiski grafa E. F. Komarovskogo. SPb., 1914.

Nikolaj Mihajlovič, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovič Stroganov (1774–1817). Istoričeskoe issledovanie èpohi imperatora Aleksandra I: V 3 t. SPb., 1903. T. 2.

Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj četverti XIX v.: zamysly, proekty, voplošenie. M., 2012.

⁵¹ Александр I не отвергал саму возможность учреждения специализированного полицейского ведомства. Как показала практика дальнейшего реформирования центральных учреждений, идея создания Министерства полиции в несколько измененном виде была реализована в 1810 г., в ходе нового этапа министерской реформы, предложенного М.М. Сперанским. Показательно, что министром полиции был назначен выступавший в поддержку централизации полицейского управления А.Д. Балашев. См. подробнее: *Скрыдлов А. Ю.* Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашева (1770–1837): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 57–117.

⁵² Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 262.

Pis'ma N. N. Novosil'cova k grafu S. R. Voroncovu // Arhiv knâzâ Voroncova: V 40 kn. M., 1880. Kn. 18.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1830.

Rozenkamf G. A. Otryvki iz avtobiografii / Publ. P. M. Majkova // Russkaâ starina. 1904. T. 120. № 11. S. 371–429.

Sevast'ânov F. L. Meždu Tajnoj êkspediciej i III Otdeleniem: ot tajnogo syska — k poli-tičeskomu rozysku. SPb., 2008.

Skrydlov A. Ū. Žizn' i gosudarstvennâ deâtel'nost' Aleksandra Dmitrieviča Balaševa (1770–1837): dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2013.

Slovar' russkogo âzyka XVIII veka: V 19 vyp. SPb., 2000. Vyp. 11.

Tot Ū. V. Reforma uezdnoj policij v pravitel'stvennoj politike Rossii v XIX veke: dis. ... d-ra. ist. nauk. SPb., 2003.

Trockij I. M. III otdelenie pri Nikolae I. L., 1990.

Upravlenčeskaâ èlita Rossijskoj imperii. Istorîâ ministerstv. 1802–1917. SPb., 2008.

Čartorižskij A. Vospominanie i pis'ma. M., 2010.

Šilder N. K. Imperator Aleksandr I. Ego žizn' i carstvovanie: V 4 t. SPb., 1897. T. 2.

Èjdel'man N. A. Gran' vekov. Poli-tičeskaâ bor'ba v Rossii. Konec XVIII — načalo XIX sto-letîâ. SPb., 1992.

Список литературы

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Асвариц М. Б. Органы политического надзора первой половины Александровского царствования // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост.: Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 589–611.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль–декабрь. СПб., 1904.

Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

Письма Н. Н. Новосильцова к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова: В 40 kn. M., 1880. Kn. 18.

Роzenkamf G. A. Орывки из автобиографии / Публ. П. М. Майкова // Русская старина. 1904. T. 120. № 11. С. 371–429.

Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008.

Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003.

Троцкий И. М. III отделение при Николае I. Л., 1990.

Чарторижский А. Воспоминания и письма. М., 2010.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992.

В. Ю. Гессен

К истории статистических исследований еврейского населения в России

В дореволюционной России, наряду с одной всеобщей переписью населения в 1897 г., производились многочисленные местные переписи различного содержания и масштаба. Касались они и евреев. В основном они осуществлялись в пределах черты оседлости (полное название: Черта постоянной еврейской оседлости), которая существовала в Российской империи с 1791 и фактически по 1915 г. Она была определена указом Екатерины II в 1791 г. как территория, где евреям дозволялось селиться и торговать. За ее пределами запрещалось постоянное жительство евреев, в последующие годы за исключением нескольких категорий: купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие свой срок рекруты, ремесленники некоторых специальностей. Переписи охватывали города, населенные пункты городского типа (местечки), тогда как в сельской местности постоянное проживание евреев в основном не дозволялось. В черту оседлости входили 15 губерний: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская. Еще 10 губерний со значительным еврейским населением были в составе Привисленского края (территория бывшего Царства Польского) со своими особыми законами. Евреев в остальной части России жило значительно меньше, и отдельная статистика в отношении их практически не велась.

Необходимость переписи еврейского населения губерний в пределах черты оседлости особенно усилилась после образования Высшей комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законов под руководством графа К. И. Палена (далее — Высшая комиссия) на основе высочайшего указа от 4 февраля 1883 г. В связи с этим были даны поручения Центральному статистическому комитету МВД (ЦСК) о выполнении ряда исследований. В основном они касались еврейского населения губерний именно в пределах черты оседлости, но в некоторых случаях относились и к губерниям вне ее.

Численность и землевладение евреев в черте оседлости

В 1884 г. в соответствии с одним из первых поручений графа К. И. Палена редактором (ведущим сотрудником) ЦСК В. Д. Аленицыным было выполнено исследование на тему «Еврейское население и землевладение в губерниях Европейской России, находящихся в черте еврейской оседлости». В предисловии к нему, подготовленному, видимо, директором ЦСК Н. А. Тройницким, указывалось, что первоначально результаты его были изданы в ограниченном числе экземпляров. «Но с согласия графа К. И. Палена, ЦСК получил возможность напечатать ее в своих изданиях во всеобщее сведение»¹. Материалы о еврейском населении, послужившие основанием для выполнения этой работы, были собраны действовавшими в 1881 г. губернскими комиссиями по еврейскому вопросу, а сведения о еврейском землевладении в значительной мере дополнены из других источников, имевшихся в распоряжении ЦСК. Поэтому Н. А. Тройницкий писал: «Насколько точны цифры, собранные губернскими комиссиями, об этом, при недостатке современных сведений о населении России, трудно судить с полной уверенностью. И только перепись населения (имеется в виду всеобщая, которая была только в 1897 г. — В. Г.) вопрос о которой получает всё большее значение проблемы первостепенной важности, может дать для этого точные основания. Во всяком случае, однако, не следует упускать из вида, что материалы еврейских комиссий, во-первых, единственные по относительной полноте, а во-вторых, наиболее новые». И автор предисловия считал возможным относиться к цифрам указанных комиссий «в *общем* с большим доверием»².

В рассматриваемой работе собственно В. Д. Аленицыну принадлежит только очерк «Общие выводы», подписанный им. Всё остальное — материалы, полученные от указанных комиссий, которые он собрал и систематизировал. Всего было обследовано 16 губерний: 15 указанных выше как входящих в черту и Харьковская губерния, так как она относилась к району действий губернских еврейских комиссий. Наиболее полные сведения были получены по 10 губерни-

¹ Статистический временник Российской империи. 1884. Сер. 3. Вып. 2. С. 1. В. Д. Аленицын (1846–1910), действительный статский советник, старший редактор ЦСК, член Статистического совета.

² Там же. С. 2.

ям. Менее полные — по губерниям Виленской, Гродненской, Ковенской, Подольской, Харьковской, Черниговской. Были приняты меры для получения по ним недостающих данных³.

Относительно численности еврейского населения и размещения его по отдельным типам поселений в пределах черты (уездным городам, заштатным городам и местечкам, селениям) было выявлено, что при общем населении в 25 482 тысяч человек обоюбого пола евреи составляют 2931 тысяч, или 11,5%. Наибольшей величины еврейское население достигало в Минской губернии — 20,1%, Гродненской — 19,7%, Ковенской — 19%, Могилевской — 18,1%, Подольской — 17,7%. В Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской и Киевской губерниях — от 12,1 до 14,9%. В Херсонской — около 10%, Черниговской, Екатеринославской и Полтавской — 4,4%, в Таврической — 2,5%, в Харьковской — 0,4%⁴. Из уездов наиболее населены евреями Бердичевский — 37,4%, Могилевский — 35,7%. Указано, что евреи составляют более половины населения в трети городов губерний, находящихся в черте оседлости, более чем в половине городов — свыше 30%. Относительно местечек и заштатных городов указано, что в четверти из них они составляют свыше 60%, в некоторых — до 90%⁵.

Что касается вопросов еврейского землевладения и землепользования, то, как отмечалось в данной работе, сведения о них «страдают большей неполнотой и разнохарактерностью, чем сведения о численности еврейского населения»⁶. И собраны они были только по 12 губерниям. Но и в них губернскими комиссиям не удалось ответить на все поставленные вопросы. Поэтому пришлось в ряде случаев воспользоваться данными ЦСК, полученными при полном обследовании поземельной собственности в России в 1877 г.

В отношении еврейского землевладения и землепользования выявлено, что при общем количестве земли в пределах 12 губерний 50 778 тысяч десятин во владении евреев находится на правах собственности у земледельцев и землевладельцев 723 тысяч, или 1,4%, и в аренде — 3,9%, т. е. в совокупности 5,3%. Рассчитывая это количество земли на одного жителя, получается: на каждого еврея приходится 0,3 десятины, а на не еврея — 29 десятин. В отношении земли, находящейся в собственности евреев, отмечалось, что она могла быть приобретена в основном после отмены крепостного права в 1861 г., причем в их руки перешла часть бывших дворянских земель — примерно 12% их общей площади⁷. Распределение земельных площадей, принадлежащих евреям, по губерниям крайне неравномерно: в Гродненской губернии — 10,6% от общей площади, в Бессарабской — 9%, Херсонской — 8,4%. В остальных губерниях значительно меньше. Отмечалось, что еврейская аренда земли существенно превышает

³ Там же. С. 5, 6.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 14.

землевладение в большей части губерний. Так, в Гродненской из указанного процента 9,8% — это аренда и только 0,8% — собственность. Но в расположенных южнее губерниях (Киевской, Таврической) евреи охотнее покупали землю в собственность, чем арендовали.

В прилагаемых к этой записке таблицах приведены данные об общем населении и в том числе евреях по каждому уезду рассматриваемых 12 губерний. По ним указана общая земельная площадь с подразделением ее на крестьянскую, владельческую и прочую, находящуюся в собственности и аренде евреев. Процент последней наиболее значителен в уездах Гродненской губернии: Кобринском — 18% и Брестском — 14%, Сорокском уезде Бессарабской губернии — 13,8%, Кременчугском уезде Волынской губернии — 13,2%, В других существенно меньше, в некоторых едва превышает 2%. Так что приведенные данные свидетельствуют в целом о весьма небольшой доле евреев во владении и аренде земли, находящейся в сельскохозяйственном использовании, даже в пределах черты еврейской оседлости.

Министр внутренних дел гр. Д. Толстой 25 мая 1884 г. представил императору Александру III указанный труд В.Д. Аленицына. На имеющемся в РНБ экземпляре книги имеется надпись рукой министра, свидетельствующая о том, что император благодарил автора 7 июня 1884 г. в Петергофе⁸.

После этого, 21 июня 1884 г., Н. А. Тройницкий писал министру внутренних дел, что по поручению графа Палена Аленицыным были разработаны под его наблюдением «преимущественно на основе собранных Губернскими по еврейским делам комиссиями и частично пополненные другими источниками, статистические данные о еврейском населении и землевладении в губерниях Европейской России, находящихся в черте еврейской оседлости». Он напомнил министру, что экземпляр этой работы был преподнесен им его величеству Государю императору, причем его величеству «благодарно» было благодарить г. Аленицына. Н. А. Тройницкий подчеркивал, что эти данные вначале не предназначались к оглашению, так как были разработаны исключительно для нужд Высшей комиссии. «Но они вызвали большой интерес, имеют существенное значение при их практическом применении в различного рода вопросах, имеющих отношение к еврейскому населению. Это, по сути, единственные сведения в настоящее время по этому предмету, имеющие за собою известную достоверность. И я, с согласия графа Палена, не встречаю препятствий к выпуску в свет этого издания». Далее Н. А. Тройницкий писал, что имеет честь испрашивать разрешения министра на издание к концу года 700 экземпляров этого статистического материала. Он просил выделить средства только на бумагу и печатание текста, тогда его набор будет осуществлен за счет средств Высшей комиссии, что, видимо было до этого согласовано⁹.

⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 243. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 1.

Надо отметить, что вопрос о еврейском землевладении продолжал волновать российские власти и в дальнейшем, что вызвало необходимость в новых статистических исследованиях. В результате, несколько позднее, сотрудниками ЦСК была выполнена работа, изданная под названием «Еврейское землевладение и землепользование в Российской империи вне городов, посадов и местечек»¹⁰. Цели этого труда существенно отличались от предыдущего, что и отразилось в названии. Из него, прежде всего, следует, что вопрос определения численности еврейского населения в целом не ставился специально, так как это, видимо, было известно. Это во-первых. Во-вторых, анализ еврейского землевладения и землепользования ограничивался в данном случае только селениями, в которых, как правило, евреям нельзя было постоянно проживать. Поэтому владение или пользование землями рассматривалось как нарушение закона. И власти хотели вначале узнать размеры этих нарушений, а потом выявлять виновников, принимать меры и т. д. Так что эта статистическая работа, выполненная по заданию Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, в значительной мере служила полицейским задачам, готовя статистическую базу для репрессий.

Было указано, что в задачу данного исследования прежде всего «входило выявление количества земли, оказавшейся в 1900 г. в руках евреев в виде сельскохозяйственных угодий и имений, т. е. земельных участков, подходящих к типу крупного и среднего землевладения. Кроме того, требовалось выявление даже самых мелких земельных единиц, приобретенных или арендованных евреями вне городов, посадов и местечек, на которых находятся только их жилища, а также лавки, мукомольные мельницы и прочие промышленные заведения. Так же имелось в виду проследить постепенное развитие еврейского землевладения и земледелия в течение многих лет, выявить экономическое положение евреев землевладельцев и арендаторов»¹¹.

Собранный для этих целей при посредстве местной полиции материал был сгруппирован и размещен в двух разделах: первый — губернские, второй — уездные таблицы. Действовавшие законоположения о праве евреев на приобретение в собственность или на пользование землей были различными для отдельных местностей Российской империи. Поэтому цифровые данные о землевладении и землепользовании евреев в каждом разделе были сгруппированы: по 10 Привисленским губерниям, по 15 губерниям черты оседлости и по губерниям остальной части России. Исчислены итоги по России в целом.

По каждому разделу подготовлены три вида таблиц. В первой из них приведена общая площадь земли во владении евреев вне городов, посадов и местечек. Во второй — сведения о принадлежащих евреям сельскохозяйственных усадьбах, имениях и лесных дачах с указанием их числа и размера. В третьей показана общая площадь земли у евреев по периодам приобретения и аренды начиная с 1861 г. по сословиям владельцев и арендаторов.

¹⁰ Статистический временник Российской империи. 1901. Сер. 3. Вып. 49.

¹¹ Там же. С. 6.

Из приведенных данных следует, что в целом по России общая земельная площадь в собственности и аренде евреев составляла 2381 тысяч десятин, в том числе 1445 в собственности и 936 в аренде, при общем числе владений 8,5 тысяч. Основная часть этой земли была использована для сельскохозяйственных усадеб, имений и лесных дач и сравнительно небольшая (даже ничтожно малая) под жилые дома, фабрики и другие строения. Обращает на себя внимание деление земли, находящейся в собственности евреев, на ту, которая являлась основой для «правильного» ведения хозяйства самими владельцами или арендаторами — 985 тысяч десятин, и на ту, которая была основой для «не правильного» ведения, т. е. «приобретена для перепродажи, отдачи в аренду и разного рода эксплуатации» — 510 тысяч¹². Правда, сложно представить себе достоверность такого деления. Но, несомненно, его результаты могли быть в какой-то мере использованы против евреев: в этом и состояла цель полиции (табл. 1).

Таблица 1

**Земельная собственность евреев по районам России в 1883 г.
(в тысячах десятин)**

№ п/п	Губернии и вид владения земель	Всего	В с/х усадьбах и имениях — правильное	В с/х усадьбах и имениях — неправильное	Лесные дачи
1	Привисленские	344	264	65	15
	Собственная	296	224	58	14
	Аренда	48	40	7	1
2	В черте оседлости	1265	418	264	583
	Собственная	423	194	161	68
	Аренда	842	224	103	515
3	Остальные Европейские части России	746	290	168	288
	Собственная	718	282	165	271
	Аренда	28	8	3	17
4	Сибирь, Кавказ, Ср. Азия	26	13	13	—
	Собственная	8	5	3	—
	Аренда	18	8	10	—
	Всего	2381	985	510	886
	Собственная	1445	705	387	353
Аренда	936	280	123	533	

¹² Там же. С. 32. Десятина — 1,092 га.

Заметим, что в остальной Европейской части России из указанных 746 тысяч десятин 626 или 84% принадлежало купцам 1-й гильдии. А остальная земельная площадь — в основном потомкам евреев, бывших когда-то николаевскими солдатами. Это же относилось к евреям в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии.

Вне городов, посадов и местечек в целом по России было обнаружено 7312 еврейских торговых и промышленных заведений, причем 6743, или 91% в Привисленском крае и в черте оседлости. И только 479, или 9% в остальной части России. Конечно, под этими заведениями находились небольшие земельные участки, и их общая площадь была, как уже сказано, совершенно незначительна. Так что трудно сказать, что «крамольного» мог извлечь из всего этого Департамент полиции (табл. 2). Хотя при желании из всего можно.

Таблица 2

Число торговых, промышленных и иных заведений, которыми евреи владели вне городов, посадов и местечек по районам России (1883)

Районы	Лавки	Мельницы	Фабрики и заводы	Кузницы	Молочные фермы	Огороды и сады	Прочие	Всего
Привисленский	509	548	329	63	76	150	50	1725
Черта оседлости	1309	1569	495	162	263	1197	123	5118
Остальная Европейская Россия	35	62	70	5	17	—	30	219
Кавказ	32	—	2	—	—	22	1	57
Сибирь	87	17	41	6	—	1	1	153
Средняя Азия	30	3	3	—	—	—	24	60
Всего	2002	2199	940	236	346	1370	219	7312
В том числе								
В собственности	848	535	383	70	4	319	77	2236
В аренде	1154	1664	557	166	342	1051	142	5074

Н. А. Тройницкому 13 февраля 1901 г. сообщили из Департамента духовных дел иностранных исповеданий о выделении 300 рублей за разработку для Особого отделения этого департамента сведений о землевладении и земельной аренде евреев¹³. Через несколько дней Н. А. Тройницкий ответил, что препровождает четыре экземпляра корректурных оттисков указанной работы, просил сообщить, сколько еще экземпляров нужно. И 6 июня 1901 г. он направил туда 25 экземпляров готового издания¹⁴.

¹³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 550. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2, 3.

После выпуска данной работы поступило несколько претензий в отношении неточности некоторых цифр. Так, генерал-губернатор Степного края 8 октября 1903 г. писал, что в указанной работе земельная площадь, находящаяся в собственности евреев или арендуемая ими, составляет по Акмолинской области 11 десятин и по Семипалатинской — 1098. Сообщал, что по донесениям военных губернаторов в последней под арендой евреями земли вообще нет. А в Акмолинской находился еврей Маркон, который арендовал несколько участков. Но, как не имевший права жительства в Степном крае, выдворен к месту прописки¹⁵.

По этому весьма незначительному поводу завязалась целая переписка. 27 октября 1903 г. Н. А. Тройницкий запросил в Департаменте духовных дел подлинные данные по этим губерниям. Писал об этом же в Департамент полиции МВД. Оттуда подтвердили указанные цифры, добавив, что в Семипалатинской области евреями арендовались золотоносные участки, на которых создавались прииски¹⁶.

Еще продолжалась русско-японская война, надвигались грозные революционные события, а власти продолжали заниматься подобными вопросами, столь мелочными в масштабах огромной страны. И, не будучи удовлетворены полученными ранее сведениями о евреях России, они решили снова начать касающиеся их статистические исследования, на этот раз о местах их жительства. В соответствии с этим ЦСК подготовило проект письма, которое 17 ноября 1904 г. было направлено 15 губернаторам в черте оседлости евреев. В нем было указано, что высочайше утвержденным положением Комитета министров 3 мая 1882 г. постановлено в виде временной меры и до общего пересмотра законов о евреях, воспрепятствовать им впредь вновь селиться вне городов и местечек. При этом было сделано допущение в отношении существовавших еврейских колоний, занимающихся земледелием. 10 мая 1903 г. указывалось, что Комитет министров разрешил евреям поселяться дополнительно в 101 пункте и 9 декабря 1903 г. — еще в 57 пунктах.

Далее директор ЦСК писал: «Желая иметь точные поименные сведения обо всех без исключения пунктах всей черты оседлости, где ныне разрешено поселение евреев вообще, г-н министр внутренних дел дал мне поручение собрать таковые через губернские статистические комитеты и представить Его Сиятельству как в виде перечня, так и нанесенными на карту не позже 10 декабря. Просил губернаторов сделать соответствующие распоряжения. Данные о проживании евреев сгруппировать отдельно по городам, местечкам и отдельным селениям как до 1882 г., так и ныне. Причем, ввиду трудностей в отношении некоторых населенных пунктов, имеющих разные названия, отметить их на прилагаемой карте красными чернилами». Был приложен к указанному письму список поселений в губерниях черты еврейской оседлости, в которых может быть допущено изъятие из действия закона 3 мая 1882 г.¹⁷

¹⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 550. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 11, 12, 14, 15.

¹⁷ Там же. Д. 641. Л. 1.

Конечно, к указанному в письме сроку ни один губернатор не успел прислать просимые материалы. Но в начале 1905 г. они поступили. При этом обращают на себя внимание прекрасно выполненные карты губерний с подчеркнутыми населенными пунктами. Была проделана большая работа. Но о том, были ли использованы эти данные, сведений нет. Можно предположить, что к тому времени МВД было уже не до этого.

Питейные заведения евреев в черте оседлости

23 октября 1884 г. Н. А. Тройницкий написал директору Департамента неокладных сборов Министерства финансов А. С. Ермолову, что «вице-директором вверенного Вам Департамента по требованию графа Палена затребованы из акцизных управлений губерний необходимые сведения о питейной торговле евреев». Как ему было известно, они стали поступать, и он просил направлять их в ЦСК¹⁸. На это А. С. Ермолов 29 октября 1884 г. ответил, что «затребованные от управляющих акцизными сборами сведения о числе мест выделки водки и продажи ее евреями или находящихся в их руках, будут направляться Вам по мере поступления»¹⁹.

На основе этих и некоторых других материалов В. Д. Аленицын подготовил работу «Еврейская питейная торговля в России». В «Предисловии» было подтверждено, что графом Паленом в 1884 г. было поручено ЦСК исполнение работ и собирание статистических сведений по некоторым вопросам, необходимых для указанной Комиссии. В силу этого в том же году была исполнена и напечатана работа о еврейском населении и землевладении, изданная в начале 1885 г. во всеобщее сведение. Также было начато выполнение обследования состояния еврейской питейной торговли, результаты которой и составляют предмет данной работы. Программа ее была выработана в ЦСК и одобрена графом Паленом. Она выполнена по соглашению ЦСК с Департаментом неокладных сборов и подведомственными ему губернскими акцизными учреждениями в конце 1884 и начале 1885 г. «Выпуская настоящую работу, ЦСК считает своим долгом заявить, что несомненный успех, с которым удалось выполнить предпринятое обоснование, обусловлен, главным образом, обязательным и энергическим содействием в выполнении задач ЦСК со стороны директора Департамента неокладных сборов Министерства финансов А. С. Ермолова и вице-директора М. А. Плена, при ближайшем руководстве которых был произведен сбор исходных материалов в губерниях»²⁰. В предпосланных табличному материалу «Общих выводах» подчеркнуто, что «данное обследование, как основанное в главном на документальных данных, дало в результате материалы

¹⁸ Там же. Л. 2–6.

¹⁹ Там же. Д. 243. Л. 13, 16.

²⁰ Аленицын В. Д. Еврейская питейная торговля в России // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 9. СПб, 1888. С. 1, 1 об.

весьма высокого достоинства. Хотя, конечно, в частности, может быть, не удалось совершенно избежать мелких недоразумений и недочетов, которые, впрочем, в одних случаях не имеют никакого значения среди массы, несомненно, точных данных, а в других — могут быть лишь предполагаемы по самой сути дела. Но и здесь, если бы они действительно оказались, их значение, в общем, было бы совсем ничтожно. Да и, кроме того, недочеты и недоразумения едва ли могут быть устранены при статистическом обследовании данного вопроса, настолько щекотливого и трудно поддающегося изучению, что при начале дела скорее можно было рассчитывать на полную неудачу, чем ожидать успеха»²¹.

Надо пояснить, что рассматриваемая работа по названию должна была относиться только к продаже питей, как тогда называли комплексно все крепкие алкогольные напитки, и это, несомненно, соответствовало согласованной программе. Однако в процессе проведения исследований оказалось необходимым начинать ее с производства этих питей. Сама жизнь, а, наверное, и акцизные чиновники, подсказали, что никак нельзя было не затронуть этот вопрос. По этому поводу В. Д. Аленицын писал: «Нельзя обойти молчанием тот факт, что в программе было уделено основное внимание вопросам участия евреев в питейной торговле, в процессе производства питей только в общих чертах. Поэтому и цифры по нему получились более приблизительными, чем по торговле»²².

Автор подчеркивал, что сложно было определить размеры подыменной (т. е. под чужим именем производимой) питейной торговли евреев, когда торговые заведения, а также и заводы по производству питей, записываются на подставных лиц. Но нельзя было не указать на это явление. «И практика показала, что разъяснение дела в этом направлении по силам акцизному надзору. И хотя эти сведения могут быть не совсем точные, без них настоящая работа теряет свое практическое значение»²³. В. Д. Аленицын пояснял, что подыменная торговля (как и производство) не является по своей сути нарушением закона, а должна рассматриваться как обход его, что достигается тем или иным приемом организации заведения, которые не предусмотрены законом: 1. Открытием заведения на чужой земле по соглашению с ее владельцем на имя не еврея с сидельцем (продавцом алкоголя) не евреем. 2. Приобретение от не еврея доверенности на надзор за производством алкоголя или его продажей с правом ведения всех дел. 3. Открытие заведения в арендованном доме на имя квартиранта не еврея и др. Как хозяева, так и подставные лица в одних случаях живут при заведениях, в других лишь являются по мере надобности. «Вообще дело подыменной торговли обставляется столь аккуратно, что нет возможности до конца разобрататься в нем чинам акцизного и прокурорского надзора»²⁴.

²¹ Аленицын В. Д. Еврейская питейная торговля. С. 2.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же. С. 3.

На основе собранного статистического материала было определено, что размер подыменных владений евреев в производстве и торговле питей по губерниям, находящихся в пределах черты, составляет по отношению к официально принадлежащих им: по заводам винокурненным — около 10% и пивоваренным — более одного, по трактирам, харчевням и корчмам — 45, по шинкам и питейным домам — 54. В целом по всем обследованным пунктам производства питей и торговли ими доля подыменных владений евреев составляет более 40%. «Эти проценты достаточно показывают, как мало пригодны были бы цифры обследования, если бы при нем был упущен из вида или оставлен в стороне в силу практических затруднений, вопрос о подыменных владениях евреев». Всё это сделало вполне обоснованным следующее замечание автора: «При этом наиболее сомнительными, в смысле занижения полученной цифры, являются те заведения, которые показаны, как находящиеся в руках евреев»²⁵.

Табличный материал данной работы разделен на три части: 1. По губерниям в черте оседлости. 2. По губерниям Привисленского края. 3. По губерниям остальной части России. Все данные показываются по каждой губернии и каждому уезду, в пределах которых цифры приводятся по уездным городам, по местечкам и заштатным городам, по селениям. В целом по России евреями содержится 27,5% всех обследованных пунктов производства и продажи питей (в том числе в Европейской части — 29,3% и в Азиатской — 4,1%), более четверти винокурненных заводов (табл. 3).

Таблица 3

Число питейных заведений в России (1883)

Наименование заведений	Всего	В том числе во владении евреев	В том числе в аренде евреев	Итого у евреев	То же в %
Винокурные заводы	2537	168	516	684	27,0
Пивоваренные заводы	1598	478	173	651	41,6
Оптовые склады спирта	5582	2239	145	2384	42,7
Трактиры и харчевни	16735	2421	163	2584	15,4
Корчмы	19450	7019	1843	8862	45,6
Шинки и питейные дома	76605	16824	3469	20295	25,5
Винные погреба	4152	986	71	1057	25,5
Ренсковые погреба и штофные лавки	12491	1531	160	1691	13,5
Всего	139150	31668	6540	38208	27,5

²⁵ Там же. С. 4.

В пределах черты из числа пунктов выделки и продажи питей евреями содержится 60,6%, в Привисленском крае — 49,5%, в остальной России — 1,4%. Из винокуренных заводов наибольшее число содержащихся евреями в губерниях Подольской — 83%, Гродненской — 76%. Херсонской — 72%, по пивоваренным заводам в Минской губернии — 94%, в Виленской — 93%. Наиболее крупных размеров еврейская торговля питей достигает в губерниях Гродненской — 94,6%, Могилевской — 93,3%, Ковенской и Виленской — 90%. Наименьший процент в Бессарабской губернии — 30. Более чем в трети уездов губерний черты оседлости евреи содержат более трех четвертей пунктов выделки и продажи питей, в пяти восьмых — более половины этих пунктов. В четверти уездов почти вся питейная торговля содержится евреями.

На основе помещенного в указанной работе табличного материала составлена табл. 4.

Таблица 4

Число заведений по производству и продаже питей в губерниях, находившихся в пределах черты еврейской оседлости

Наименование заведений	Всего	В том числе принадлежат евреям	В том числе арендовано евреями	Находится в руках евреев	То же в %
1. Винокуренные заводы	1093	125	456	581	53
2. Пивоварни	594	314	108	422	71
3. Оптовые склады спирта	2178	1743	124	1867	85,7
4. Трактиры и харчевни	2714	1149	99	1248	46
5. Корчмы	10 041	5086	1633	6719	67,1
6. Шинки и питейные дома	25 202	12 254	3076	15 330	60,8
7. Винные погреба	2517	925	60	985	39,1
8. Ренсковые погреба и штофные лавки	2329	1025	125	1150	49,4
Всего	46 638	22 621	5681	28 302	60,6

В виде вывода в этой работе было сказано: «В пределах черты еврейской оседлости и в привисленских губерниях наблюдается наибольшее развитие принадлежащих евреям пунктов производства и продажи питей. В остальных частях России их доля незначительна и представляет совокупность случайных явлений и вообще ведется подымленно»²⁶. Конечно, такую статистику было бы

²⁶ Аленцын В. Д. Еврейская питейная торговля. С. 23.

полезно дополнить сведениями о направлениях потребления этих самых питей. Но конкретных статистических данных, характеризующих эти направления, у нас нет. Однако можно предположить, что в смысле потребления питей евреи значительно отставали от остального населения в расчете на одного жителя. Если это было не так, то они не владели таким количеством указанных заведений.

Заключая свою вводную записку, В. Д. Аленцын писал, что несмотря на ряд условностей «предлагаемая работа представляет собой столь богатый и точный материал, какой вообще не част в отечественной статистике»²⁷.

Не следует думать, что в пределах черты евреи могли селиться без помех. Там тоже имелись ограничения. Так, в Киеве, Севастополе, Николаеве вообще было запрещено для них постоянное жительство. Запрещалось им селиться в 50-верстном пространстве вдоль западной границы, фактически запрещено оно было в селах и деревнях черты, например, полностью в Витебской и Могилевской губерниях²⁸. И это не могло не способствовать развитию подымленного владения ими заведениями для производства и продажи питей.

Отметим, что, начиная свою работу, Высшая комиссия намечала рассмотрение вопроса о питейной торговле евреев. Упомянула она этот вопрос и в перечне задач комиссии²⁹. Поставила она его и перед губернаторами, которые в своих ответах выражали различное мнение. Но в результате всего этого записала в 1888 г. в своих выводах, что она не будет вносить каких-либо предложений, передоверяя рассмотрение данного вопроса уездным присутствиям и также имея в виду высочайше утвержденные 25 мая 1885 г. «Правила о раздробительной продаже напитков»³⁰.

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Общая записка. 1883–1888. СПб., 1888. С. 1. В ней подробно отражены результаты деятельности Высшей комиссии. Но к моменту завершения ее работы изменилась политическая обстановка в России, сделанные предложения, хотя и самые осторожные, оказались неиспользованными. Указано, что произведенными при содействии ЦСК подробными численными установлено, что еврейское население в 15 губерниях черты оседлости составляет 2912 тыс. из 23321 тыс. всего населения или 12,5%. Кроме того, 66 тыс. евреев было в трех прибалтийских губерниях (3% населения), 54 тыс. в великорусских, 1010 тыс. в привисленских, в Кавказском крае — 29, азиатских областях — 15. Всего в России находилось 4087 тыс. евреев или 4,2% от 95 432 тыс. всего населения (с. 47). Представляют интерес также и другие сведения, основанные на данных статистических исследований в основном применительно к 1888 г. Это относится, например, к судебной статистике: по лицам, осужденным мировыми и окружными судами. При этом выявляется их явно пристрастное отношение к евреям (с. 40–57). Анализируется статистика, касающаяся национального состава торговцев, числа евреев, принимавших участие в промышленной деятельности и др. (с. 171–174).

²⁹ Там же. С. 272.

³⁰ Там же. С. 33.

Занятия евреев в черте оседлости

7 ноября 1884 г. Н. А. Тройницкий написал министру внутренних дел, что 21 июня этого года «графом Паленом было выражено желание иметь в распоряжении его Комиссии сведения о занятиях евреев в указанной черте, наряду с данными по отношению евреев к остальному населению. В связи с отсутствием таких сведений их необходимо собрать посредством циркулярного распоряжения губернским начальствам представить их». Для этого Н. А. Тройницкий направил министру проект циркулярного письма каждому губернатору в черте оседлости евреев и прилагаемую к нему программу обследования на развернутом листе³¹.

Образец этого письма выглядел следующим образом: «Секретно. Г-ну <...> губернатору. О безотлагательном сборе сведений о занятиях евреев». И после указанного выше обоснования нужды в нем было сказано: «Причем ввиду необходимости иметь данные верные или, по крайней мере, близкие к истине, считаю долгом предупредить Вас, что при собирании этих сведений необходимо избегать малейшей огласки и принять меры к тому, чтобы не возбуждать каких-либо нелепых толков среди населения вообще, как евреями, так и остальными. А так же, что бы неосторожной оглаской не дать евреям скрыть истину, сведения собираются отдельно по лицам, которые занимаются торговлей и ремеслами на основе установленных законом свидетельств, и по лицам, не имеющим свидетельств, с помощью чинов губернского жандармского управления, которые, конечно, не откажут в своем содействии. Сказанные данные по мере поступления их, хотя бы по уезду, надлежит высылать немедленно на имя директора ЦСК с надписью «Секретно» и «В собственные руки»». Каждое письмо к губернаторам должно было подписываться министром и Н. А. Тройницким³².

Приложенная к письму «Программа для собирания статистических сведений по еврейскому вопросу. Занятия евреев» включала графы: 1. Наименование уездов, уездных городов и селений. 2. Число торгующих по гильдейским свидетельствам 1-й и 2-й гильдии на год и на полгода. 3. Число торгующих по гильдейским билетам на год и полгода. 4. Число торгующих по свидетельству на мелкий торг и приказчиным. 5. Число занимающихся арендой земель. 6. Число факторов. 7. Число шинкарей. 8. Число ремесленников. 9. Число чернорабочих, поденщиков и извозчиков. 10. Число лиц, занимающихся умственным трудом (врачи, аптекари, адвокаты, служащие в конторах). 11. Число лиц, занимающихся ростовщичеством. 12. Число евреев земледельцев. В графах 2–10 указывалось общее число лиц и в том числе евреев. Графа 11 явно относилась только к евреям, хотя на самом деле таким промыслом занимались не только они (вспомним старуху-процентщицу Достоевского, не брезговали им, по литературным данным, и некоторые помещики). В графе 12 губернаторам

³¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 243. Л. 17.

³² Там же. Л. 18, 18 об.

надо было отметить: в том числе числящихся и наличных. Не совсем понятно, почему не требовали привести данные о числе евреев-землевладельцев — ведь в черте оседлости это разрешалось, хотя, скажем прямо, не всегда приветствовалось. Но, видимо, эти сведения были получены ранее. Этот секретный циркуляр рассылался 8 ноября 1884 г. по 16 указанным выше губерниям³³.

И первым реагировал на него губернатор Харьковской губернии. Он в деликатной форме указал, что «на основании статей Устава о паспортах вверенная ему губерния не принадлежит к числу тех, в которых дозволяется евреям постоянное жительство». И потому просил разъяснить, следует ли ему сообщать о евреях, на определенное время пребывающих в пределы его губернии. На это Н. А. Тройницкий ответил, что Комиссию графа Палена его губерния тоже интересует³⁴.

По существу запроса первым ответил Бессарабский губернатор, прислав данные по ряду уездов, сообщив, что по остальным вышлет позднее³⁵. Полтавский губернатор писал, что сведения за 1884 г. еще не собраны и потому присылает сведения за предыдущий год (так поступили и многие другие губернаторы). Вместе с тем он писал, что сама форма ведомости для заполнения несколько изменена им на том основании, что она не соответствует существующим правилам о правах на занятие торговлей и промыслами. Так, все купеческие заведения содержатся не по гильдейским свидетельствам, а по билетам, которые для некоторых заведений заменяют акцизные патенты. «Торговые же свидетельства, как купеческие, так и на мелочный торг, дают лишь право на торговлю и на содержание известных заведений»³⁶.

Губернаторы в ряде случаев писали, что некоторые присылаемые ими сведения весьма условны, могут быть далеки от истинного положения. Особенно это относилось к числу шинкарей. Утверждали, что в действительности их может быть значительно больше, так как многие шинки зарегистрированы на подставных лиц, в основном из местных крестьян. Так, Витебский губернатор отметил, что в число шинкарей не включены лица, занимающиеся беспатентной торговлей³⁷. Черниговский губернатор отмечал, что ремеслами занимается немало евреев, которые официально не записаны в их число³⁸. Он весьма подробно остановился в своем письме на выявлении числа евреев-шинкарей: «При этом имею честь присовокупить, что в сведениях по Динабургскому и Рыжичскому уездам показано в числе шинкарей по первому — 1, по второму — 2 еврея. Но, в действительности, патенты по многим питейным заведениям взяты

³³ Там же. Л. 20, 21, 26.

³⁴ Там же. Л. 28, 29.

³⁵ Там же. Л. 30.

³⁶ Там же. Л. 32.

³⁷ Там же. Л. 54.

³⁸ Там же. Л. 59.

на имя подставных лиц — крестьян. И потому шинкарей-евреев на самом деле более 114-ти по обоим уездам»³⁹.

Гродненский губернатор, характеризуя сам сбор статистических данных, писал, что им занимается целый ряд губернских и уездных учреждений, что «получаемые сведения от жандармского, акцизного и городских управлений, от волостей и мировых посредников, хотя и разнятся между собой, но по каждой категории записок можно выбрать наиболее компетентный источник, который ближе к истине, чем другие». И далее он также касался шинкарей: «Хотя патенты и были выданы на имя христиан, но производилась торговля преимущественно евреями. Так, по Бельскому уезду акцизное управление считает на 56 шинкарей только одного еврея, а полиция считает 56 шинкарей-евреев. По Волковскому уезду акцизное управление сообщило о 73-х шинкарях, с том числе трех евреев, а полиция считает, что шинкарей-евреев было 74». Губернатор сетовал на то, что чинам полиции и акцизной службы «трудно выявить истинное положение вещей и найти виновных еще и потому, что местное население поддерживает их», т. е. шинкарей-евреев. Причины этого он не раскрывает, хотя, наверное, и знает. Ими не будем заниматься и мы, считая, что это другая тема⁴⁰.

Далее этот губернатор писал, что все приведенные выше сведения о шинкарях относилось к отдельным уездам. А в целом по губернскому городу и уездным городам жандармское управление показывает евреев-шинкарей 463, а акцизное — 164, по местечкам и заштатным городам 591 против 178, по сельским местностям 1699 против 16. Всего евреев-шинкарей по Гродненской губернии жандармское управление показывает 2753, а акцизное — 571. Получаются две большие разницы. И какая из них попала в официальный отчет губернии, полученный в ЦСК, нам неизвестно, так как сохранились только письма по данному вопросу, а приложенные к ним статистические таблицы, к сожалению, не обнаружены. Добавим к этому также замечание гродненского губернатора о том, что по сообщению жандармского управления ростовщичеством скрытно занимается часть евреев-шинкарей, и, как нам представляется, это, несомненно, было одной из причин того, почему население их скрывало. Ну а показанные в отчетах цифры евреев-ростовщиков, наверное, были занижены в разы.

2 сентября 1886 г. ЦСК, несомненно, опять по требованию названной комиссии, запросил 15 губерний западной части России, находившихся вне черты оседлости, статистические данные о численности еврейского населения по каждому городу и уезду в отдельности с разделением по полу «в непродолжительном, по возможности, времени»⁴¹. Но о полученных ответах сведений нет.

³⁹ Там же. Л. 59 об.

⁴⁰ Там же. Л. 77.

⁴¹ Там же. Л. 80, 80 об.

О численности евреев-ремесленников

По вопросу о численности евреев, занимающихся различными промыслами, были специально проведены статистические исследования, их результаты в весьма подробном виде были изложены в изданной работе⁴². В ней было указано, что статистические таблицы составлены на основе сведений, поступивших во «Временный комитет по образованию Общества ремесленного и земледельческого труда евреев в России в память 25-летия царствования Императора Александра II» (ОРТ). Они были получены путем личного опроса евреев на местах их проживания. В подлинниках собранных данных имеются подписи местных раввинов и других представителей еврейских обществ. «Приведенные цифры должны считаться минимальными, так как неизбежны были пробелы, что, прежде всего, обусловлено самим неофициальным характером их собирания. В ряде случаев их по многим причинам просто невозможно было получить»⁴³. «Для более полной оценки цифр о ремесленниках евреев их необходимо было бы сопоставить с подобными цифрами по ремесленникам-нееврейцам. Но в настоящее время этих цифр нет, так как сравнительная ремесленная статистика у нас до сих пор еще не началась»⁴⁴.

Тогда было выявлено, что по 15 губерниям в пределах черты еврейской оседлости общее население составляет 23,7 млн, в том числе евреев 2,4 млн, или 10,1%. При этом процент евреев существенно различается по отдельным губерниям, в связи с чем они были разделены на пять групп. В первой из них (Екатеринославская, Полтавская, Таврическая и Черниговская) в среднем евреи составляют 2,7%, в последней группе (Ковенская) — 19,3%⁴⁵.

Определено отношение числа евреев-ремесленников по указанным губерниям, составившее 294 тысяч к общему числу еврейского населения: в среднем 12,2%, а по отдельным губерниям от 8,4 до 22,2%⁴⁶. Показано распределение евреев-ремесленников по отдельным категориям: мастера, подмастерья и ученики⁴⁷. При этом доля первых составляет 53,3% и колеблется по губерниям от 46 до 66%. Исчислено распределение ремесленников по пяти группам их занятий: приготовление одежды и обуви (55%), пищи (6%), предметов домашнего хозяйства (17%), в строительстве (10%), прочие занятия (12%). В результате распределения числа ремесленников по специальностям выявлено, что среди них сапожники составляли 25%, портные — 18%, булочники, хлебопеки, кондитеры, работники кухмистерских заведений — 6%.

⁴² Статистические данные о численности евреев, занимающихся ремеслами и некоторыми другими производительными занятиями в черте постоянной еврейской оседлости (кроме Привисленского края). СПб., 1888.

⁴³ Там же. С. 5, 6.

⁴⁴ Там же. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 9.

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ Там же. С. 13.

Отметим, что все приведенные, а также и некоторые другие статистические сведения представлены в указанной работе по отдельным уездам каждой губернии. Подчеркнем, что по ряду причин автор этой работы не был указан. Но, по имеющимся сведениям, им был еврейский ученый и общественный деятель, многолетний руководитель ОРТа Л. М. Брамсон (1869, Ковно — 1941, Марсель). И целью данного статистического исследования, которое можно считать одним из крупнейших в России, выполненных вне государственных учреждений за счет добровольных пожертвований, было получение данных для определения численности евреев-ремесленников по специальностям и последующего развития профессионального образования.

Заметим, что на одном из экземпляров данной работы, находящейся в РНБ, написано: «Представлено экспертом из евреев Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в Империи законов бароном Г. О. Гинцбургом», вероятно, основным жертвователем средств на проведение необходимых статистических исследований и на издание работы.

Переписи в еврейских колониях и другие статистические исследования

В первой половине XIX в. царское правительство дозволило создание, наряду с немецкими и болгарскими, еврейских земледельческих колоний в южных районах страны на пустовавших землях. Указ императора Николая I от 13 апреля 1835 г. позволял евреям получать казенные земли в бессрочное пользование, приобретать и арендовать земельные участки в 6 губерниях, а также предусматривал временные рекрутские и налоговые послабления для колонистов. В Екатеринославской губернии создание еврейских колоний началось в 1846 г. За короткий промежуток времени там появилась новая прослойка евреев-земледельцев, которые к середине XIX столетия составляли уже 3% от всего еврейского населения страны. В этой губернии было 17 колоний. По состоянию на 1 января 1894 г. в них находилась 571 семья, и число жителей было около 8 тысяч. И впервые их статистическое обследование было произведено Л. М. Бинштоком⁴⁸. В его труде были помещены результаты подворного обследования каждой колонии, и в таблицах указано: 1. Фамилия, имя и отчество главы семьи. 2. Число детей (отдельно мужского и женского пола). 3. Из них рабочих. 4. Сколько из них на военной службе. 5. Наличие жилых и хозяйственных построек. 6. Их состояние. 7. Число и вид земледельческих орудий. 8. Количество скота, в том числе рабочего. 9. Характеристика обрабатываемой земли (по наделу и занимаемой из общественного и казенного земельных фондов). 10. Работают члены семьи сами и нанимают ли работников.

⁴⁸ Улейников Л. (псевд. Л. М. Бинштока). Еврейские земледельческие колонии Екатеринославской губернии в 1890 г. СПб., 1891.

Статистические исследования здесь проводил и граф Канкрин — предводитель дворянства двух уездов указанной губернии. На основе двухмесячного сбора статистических материалов, обработанных в 1892 г., он напечатал специальную работу⁴⁹. В ней он критиковал Л. М. Бинштока, в основном за неправильно произведенные группировки полученных данных, что искажало сделанные выводы.

Уже упомянутый Л. М. Брамсон в 1894 г. посетил указанные колонии. В опубликованной им в итоге брошюре приведены статистические данные, в основном базирующиеся на двух указанных работах⁵⁰. Но некоторые статистические исследования были произведены и им лично. В результате он сделал вывод о том, что евреи, даже ранее не занимавшиеся им, вполне способны к производительному земледельческому труду вопреки существовавшим на этот счет взглядам. Этот автор позднее проводил статистические обследования состояния еврейского образования в черте оседлости и опубликовал их результаты⁵¹.

Что касается евреев России, то полностью они были переписаны в период до октября 1917 г. во время всеобщей переписи 1897 г. Частичная перепись евреев, кроме указанных выше, относилась к 1882 г., когда она требовалась для определения числа их представителей в составе присяжных заседателей местных судов Северо-Западных губерний России⁵².

В конце XIX в. в России проживало около 13 тысяч караимов (буквально «люди Писания»), фактически являвшихся одной из сект еврейства. Они, проживая на территории Крыма и Литвы, в политических целях постоянно стремились отстраниться от него. И еще Екатерина II освободила их от налагавшегося на евреев дискриминационного налога, разрешила им приобретение земельной собственности. 10 октября 1892 г. из Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД сообщили в ЦСК о том, что духовный руководитель караимов подал прошение на Высочайшее имя с просьбой внести изменения в закон от 8 апреля 1863 г., определявший их права. Основная цель заключалась в том, чтобы караимов не именовали евреями, указывали в статистике населения отдельно от них. Резолюция императора была: «Представить соображения». В связи с этим ЦСК просили сообщить, как учитываются в статистике караимы: отдельно от евреев или нет⁵³. В ответе Н. А. Тройницкого от 11 декабря 1892 г. было сказано, что «до настоящего времени начальники губерний, представляя сведения о евреях, караимов от них не отделяют, за исключением весьма редких случаев, касавшихся Кавказского края. И если будет признано желательным, то по этому

⁴⁹ [Брамсон Л. М.] Описание еврейских колоний в Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1893.

⁵⁰ Поездка в южнорусские еврейские колонии. Путевые заметки. СПб., 1894.

⁵¹ Брамсон Л. М. Еврейские профессиональные общества в прошлом и настоящем: Доклад. СПб., 1904. Описание еврейских колоний в Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1893.

⁵² РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 216.

⁵³ Там же. Д. 372. Л. 1.

поводу можно дать указания всем начальникам губерний»⁵⁴. Департамент духовных дел иностранных исповеданий запросил копию предложения губернаторам и согласился с ним. После этого от ЦСК им было направлено следующее письмо от 2 января 1893 г.: «Циркулярно. По возникающим общим соображениям остановилось на необходимости отделять караимское население от еврейского. Принимая во внимание значительную разницу, которую представляют собой эти две разновидности иудейства, отличающиеся как по религии, так и по отношению к совершенно различному влиянию, которое они оказывают на окружающее население, признаю целесообразным просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о том, чтобы в будущем в списках народонаселения караимы показывались бы всегда и непременно отдельно при подготовке сведений о составе и движении населения, а так же начиная с отчета за 1892 г.»⁵⁵. В настоящее время караимы в основном проживают в Израиле. В политическом смысле они не отделяют себя от евреев, хотя и образуют обособленную религиозную общину.

References

- Alenicin V.D.* Evrejskaâ pitejnaâ torgovlá v Rossii // Statističeskij vremennik Rossijskoj imperii. Ser. 3. Vyp. 9. SPb., 1888.
- Bramson L.M.* Evrejskie professional'nye obščestva v prošlom i nastoâšem: Doklad. SPb., 1904. [*Bramson L. M.*] Poezdka v ũžnorusskie evrejskie kolonii. Putevyje zametki. 1894. Opisanie evrejskih kolonij v Ekaterinoslavskoj gubernii. Ekaterinoslav, 1893. Statističeskie dannye o čislennosti evreev, zanimaûšihsâ remeslami i nekotorymi drugimi proiz-voditel'nymi zanâtiâmi v čerte postoânnoj evrejskoj osedlosti (krome Privislenskogo kraâ). SPb., 1888. Statističeskij vremennik Rossijskoj imperii. 1884. Ser. 3. Vyp. 2. Statističeskij vremennik Rossijskoj imperii. 1901. Ser. 3. Vyp. 49. *Ulejnikov L.* Evrejskie zemledel'českie kolonii Ekaterinoslavskoj gubernii v 1890 g. SPb., 1891.

Список литературы

- Аленицин В.Д.* Еврейская питейная торговля в России // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 9. СПб., 1888.
- Брамсон Л.М.* Еврейские профессиональные общества в прошлом и настоящем: Доклад. СПб., 1904. [*Брамсон Л. М.*] Поездка в южнорусские еврейские колонии. Путевые заметки. 1894. Описание еврейских колоний в Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1893. Статистический временник Российской империи. 1884. Сер. 3. Вып. 2. Статистический временник Российской империи. 1901. Сер. 3. Вып. 49. Статистические данные о численности евреев, занимающихся ремеслами и некоторыми другими производительными занятиями в черте постоянной еврейской оседлости (кроме Привисленского края). СПб., 1888. *Улейников Л.* Еврейские земледельческие колонии Екатеринославской губернии в 1890 г. СПб., 1891.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 372. Л. 3.

⁵⁵ Там же. Л. 4, 6, 7.

М. Ф. Ершов

Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. — время удивительное. Мировая цивилизация тогда вступала в позднеиндустриальную фазу своего развития. Закончился экстенсивный период становления рыночных отношений, необходимо было переходить на рельсы интенсификации. С одной стороны, очеловеченное пространство всё более нивелировалось, с другой — обретало множество общих черт. Так, например, достаточно быстро менялось осознание провинции, что нашло отражение в произведениях художественной литературы. Соответственно, литературные произведения допустимо рассматривать в качестве историко-психологических источников о настроениях в российской глубинке. По нашему мнению, к числу таких источников могут быть отнесены произведения М. Горького, Б.А. Тимофеева, Д. Четверикова, Г.Д. Гребенщикова, Вс. Иванова. Господствующим стилем для этих и иных литераторов того периода стала орнаментальная проза, отчасти близкая по своей структуре к стихотворным текстам, также анализируемым в настоящей публикации.

Какие новые значимые черты провинциальной жизни отобразили тексты названных авторов? Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, необходимо предварительное понимание исторической эволюции и места провинции в социокультурном пространстве России. К концу XIX в. прежний

отечественный провинциальный социум постепенно начал утрачивать свои посреднические функции. Провинциалы, прибывавшие в столицы, попадали здесь в своеобразную ловушку. Теперь столицы почти не нуждались в приезжих интеллектуалах с оригинальными идеями. Им требовалась квалифицированная, дисциплинированная и обезличенная рабочая сила. Данное обстоятельство имело ряд последствий. Чтобы закрепиться в столице, иногороднему как минимум требовалось расстаться с провинциальной идентичностью. А чтобы добиться известности, было необходимо удивить пресыщенное местное население своим эпатажем. Серебряный век русской культуры — это появление на столичной арене многочисленных мигрантов, задействованных в сфере культуры, с нарочито вызывающим поведением вплоть до аморальных поступков.

Ранее провинциалы были заняты репрезентациями провинциальных реалий. Но с развитием средств массовой информации провинция в общих чертах оказалась изучена и малоинтересна столичным жителям. «Провинция уже не воспринималась как некая экзотическая страна, открытая попавшим за первую заставу столичного города образованным человеком» — обоснованно замечают В. Н. Козляков и А. А. Савостьянова¹. Провинциальный мир, утрачивая в столице высшего заинтересованного арбитра и заказчика посреднических услуг, оказался обречен на самостоятельное, почти одиночное существование. Возросли его самоуважение и потребность в самоидентификации и самоопределении.

Окончательное «открытие» провинции содействовало смещению фокуса интереса в литературных текстах. Теперь авторы, отойдя от путевых и этнографических описаний, по преимуществу сосредоточили свое внимание на психологии провинциалов. И у самих провинциалов появилась потребность в анализе собственного места проживания в очеловеченном пространстве. Местные земские деятели, журналисты, литераторы как могли и как умели отвечали на злободневные вопросы. Может быть, максимальной основательностью среди них отличался выходец из Нижнего Новгорода М. Горький. Будучи провинциалом по происхождению, он по приезду в столицы так и остался там на положении культурного маргинала, не смог укорениться, что называется, не прижился окончательно.

Именно Горький смог наиболее последовательно и системно препарировать провинциальную действительность. В цикле произведений «Городок Окуров» (1909 г.), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911 гг.), незаконченной повести «Большая любовь» (1909 г.) им была осуществлена реконструкция социальных отношений, существующих в масштабе уездного города. Пролетарский писатель не сомневался, что в этих работах он реализует не только художественную, но и историческую миссию. В начале 1910 г. он замечал в письме к А. В. Амфитеатрову: «Наступают на меня десятками эти российские люди и каждый просит: меня запиши! Тоже хороший человек был и зря прожил всю жизнь. Уговариваю: отступитесь братцы, я вам не историк! А они: “Да

¹ Козляков В. Н., Савостьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 194–195, 202.

кому, кроме, историком-то нашим быть? Эх, землячок, ты гляди, чего делают писателе-те, совсем нас, Русь, похерили в сердцах своих!” Монахини, канатчики, бродяги, окурочки идут, идут, идут. И чувствую, что мне с ними как будто не по силам справиться»².

Перед М. Горьким, который не понаслышке знал провинцию, встала проблема типизации, создания обобщенного образа провинциального городского социума и местного очеловеченного пространства. Наиболее ярко такой образ представлен в повести «Городок Окуров». Это действительно изображение заурядного города. Повесть начинается с описания пригородного и собственно городского ландшафтов. Автор перечисляет ближние деревни, реку Путаницу, разделяющую город, его очертания, районы, улицы. «Город имеет форму намогильного креста: в комле женский монастырь и кладбище, вершину — Заречье — отрезала Путаница, на левом крыле — серая от старости тюрьма, а на правом ветхая усадьба господ Бубновых, большой облупленный и оборванный дом: стропила на крыше обнажены, точно ребра коня, задранного волками, окна забиты досками, и сквозь щели их смотрит изнутри дома тьма и пустота.

На Шихане числится шесть тысяч жителей, в Заречье около семисот. Кроме монастыря есть еще две церкви: новый чистенький и белый собор во имя Петра и Павла и древняя деревянная церковка Николая Мирликийского, о пяти разноцветных главах-луковках, с кирпичными контрфорсами по бокам и приземистой колокольней, подобной кринолину и недавно выкрашенной в синий и желтый цвета. Мещане в городе юркие, но — сытенькие; занимаются они торговлей красным и другим товаром на сельских ярмарках уезда, скупают пеньку, пряжу, яйца, скот и сено для губернии; жены и дочери их вяжут из разноцветных шерстей туфли, кофты, шарфы, фуфайки и дорожные мешки, — это рукоделие издавна привила им монастырская школа, где почти все они учились грамоте. Город славится вязанием, посылает его к Макарию на ярмарку и, должно быть, эта работа развила у жителей любовь к яркой окраске домов»³.

В этом тексте присутствует явная стилизация под историко-статистические описания конкретных городов, характерных для второй половины XIX в. У читателя, таким образом, возникает ощущение достоверности. Писатель отдает должное социологической составляющей в образе городка Окурова. На страницах повести проходит череда социальных персонажей, обязательных для каждого города. Горький отмечает имущественное, сословное и даже территориальное разделение горожан (районы Шихан и Заречье) и притеснение со стороны городского населения приезжих крестьян. Но в то же время он фиксирует множество положительных моментов: относительное материальное благополучие, психологическую близость между жителями, взаимную терпимость, благотворительность «отцов города», явные успехи в благоустройстве жилой территории.

² Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 521.

³ Там же. С. 8.

В городе успешно развивается культура, местные жители понимают выгоды от образования: «Так, заметив избыток девиц, мещанство решило строить прогимназию.

— Всех девок, видно, замуж не выдашь, — стало быть пусть идут на службу в учительницы!»⁴. К положительным приметам нового времени относятся также спектакли местного кружка любителей комедии и драмы; горожане любят местный хор во главе с войсковым начальником Покивайко. Если бы писатель заикнулся на всех этих частностях, то, наверное, из-под его пера вышло бы непритязательное сентиментальное чтиво, так похожее на современные ностальгические описания доморощенных краеведов о прежней России, которую мы некогда почему-то «потеряли».

Но Горький — и в этом величие писателя! — идет много дальше простой фиксации общеизвестных и типичных экономико-географических и социологических или этнографических фактов. В городе подспудно нарастает недовольство, идет скрытый процесс осознания новых реалий. Не слишком-то грамотные жители Заречья в своих разговорах начинают подвергать ревизии прежде такие ясные и понятные им максимы, о содержании которых и спорить-то вроде бы не пристало. Свообразным мещанским идеологом здесь выступает маргинал Яков Тиунов. Россия предстает в его сентенциях как государство «бесспорно уездное». Ведь губернских городов несколько десятков, а уездных — тысячи. Москва при таком раскладе оказывается некоей «бобровой шапкой» на нищем человеке⁵.

Тиунов постепенно подводит своих слушателей к тому, что главный в государстве — мещанин. Но ему, человеку мещанского сословия, мешают жить люди с нерусскими фамилиями. Вообще-то, если говорить применительно к Окурову, то немцев здесь всего три человека, но каких: председатель земской управы, земский начальник и исправник! А затем отрывочные сведения о японской войне и революции выводят толпу на улицы городка и смешивают в один кровавый клубок, где нет правых и виноватых, — и резонера Тиунова, и убийцу силача Бурмистрова, и других горожан. Интересно, что экономические противоречия в масштабах уездного городка не выглядят выпукло, ярко. Они далеко не на первом плане. В повести Горького их затмевает психопатология российской Смуты.

Жители городка, потеряв прежние нравственные ориентиры, постоянно совершают немотивированные ситуативные поступки. Их поведение Б. Емельянов, автор комментариев к повести, охарактеризовал как «реваншизм раба»⁶. Такой реваншизм плохо поддается последовательному рациональному объяснению. В определенных случаях применение художественной реконструкции оказывается близко к строго научным умозаключениям. Так, например, на рубеже XIX и XX вв. психологическая наука начала интересоваться феноменом толпы. Как заметил французский исследователь того времени Г. Тард, толпа

⁴ Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 9.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ Там же. С. 531.

«обнаруживает присущую ей неустойчивость. Состоя из людей, в отдельности довольно здравомыслящих, толпа легко становится коллективно безумной»⁷.

По мнению современного российского философа Б. В. Маркова, город по своей природе много больше чем набор знаков. Он «представляет собой территорию, пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует индивидуальное и общественное тело»⁸. Следуя подобному умозаключению, допустимо предположить, что Горький в своей повести, с помощью художественных средств, попытался осуществить моделирование общественного тела, находящегося в состоянии жесточайшего кризиса. Данный подход, кстати, объясняет интерес писателя-гуманиста к такой неприглядной стороне города Окурова, как существование публичного дома и описание жизни его обитателей.

Это отнюдь не погоня за занимательностью сюжета. Напротив, сцены в заведении Фелицаты тормозят действие романа, он становится вязким, «тягучим». Но они — необходимая часть полной реконструкции уездного городского тела, у которого существуют не только парадная, но и низменная, телесная сторона. И в других своих произведениях писатель не чурался практически этнографических описаний темных сторон жизни, неприглядного, но привычного всем поведения многих горожан, жертвами которых оказывались дети, девушки, женщины, все, кто проявлял хоть малейшую слабость. Перечисления жестоких городских нравов также неоднократно встречаются в «Жизни Матвея Кожемякина»⁹ и в знаменитой автобиографической трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», и в других произведениях Горького. Рыхлое, неупорядоченное социальное тело небольшого уездного города в период острых потрясений — именно это заметил и описал художник слова — конвульсивно дергается, попеременно ища то свободы, то православия, то просто крайнего на роль очередной жертвы. Последующий, более чем столетний период нашей истории подтвердил и наблюдательность, и прогностические способности автора «Городка Окурова».

М. Горький был не единственным писателем, обратившим внимание на проявление коллективного хаоса в жизни периферийных уездных городов. Применительно к городам Зауралья в сходной стилистической окраске происходившие события описали Борис Александрович Тимофеев (1882–1920) и Дмитрий Четвериков (его подлинное имя и фамилия: Четвериков Борис Дмитриевич) (1896–1981). Оба были выходцами из семей прогрессивных земских служащих (отец первого был врачом, второго — учителем). Отец Б. А. Тимофеева не ладил с начальством и часто менял место службы¹⁰. В сходных условиях

⁷ Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004. С. 366.

⁸ Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. С. 155.

⁹ Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 185–187.

¹⁰ Житкова Л. Н. Б. А. Тимофеев. Очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987. С. 6.

прошло и детство Д. Четверикова. Отец будущего писателя, Дмитрий Никифорович Четвериков — учитель истории и российской словесности — числился в царской России политически неблагонадежным. Поэтому он и его многочисленная семья вынужденно перебирались с места на место¹¹. Оба писателя оставили художественные произведения, в которых достаточно полно представлены автобиографические картины их детства.

В повести Б. А. Тимофеева «Сухие сучки» (1913 г.) описан городок Асеев. Как установили литературоведы, прототипами Асеева и его обитателей послужили Шадринск и его отдельные жители. Так, один из современных районов этого города — бывшая деревня Осеево¹². Первоначально в городе господствовали патриархальные обычаи. «Попался Асеев словно в заколдованный круг. Спереди узкой лентой тянулась река, а на откосе сторожила выходы белокаменная тюрьма. Позади широко раскинулись кладбища православное, еврейское, мусульманское. При жизни асеевцы теснились в куче, некогда было разбираться по народам; когда же умирали — каждый тянулся к отцовским могилам»¹³. Однако начало XX в., революция внесли смуту в городской социум. Политически и культурно он оказался расколот. Перед читателем повести проходит череда неприкаянных персонажей: от купцов и местной интеллигенции, до антисоциальных элементов из слободы Калиновки. Характерно, что все они не верят в свое будущее.

В 20-е гг. XX в. Д. Четвериков в ряде произведений воспроизвел сохранившиеся в его памяти воспоминания детства. К описаниям провинциальной жизни до 1917 г. можно отнести повести «Ирбит»¹⁴ и «Малиновые дни»¹⁵. Данные литературные произведения впервые были опубликованы в 1926–1927 гг.¹⁶ События и герои этих повестей перекликаются между собой и во многом они связаны с реалиями ярмарочного Ирбита. Здесь и авторские гимназические впечатления, и знаменитая ярмарка, и передача восприятия революционных событий в либеральной земской среде, и фиксация митингового хаоса, прежде непривычного для уездного провинциального городка. Как и в «Сухих сучках», рубленый сбивчивый текст хорошо передает ощущение всеобщей неадекватности в городском социуме.

Отображением психологии провинциалов занимался и Г. Д. Гребенщиков. Этого профессионального журналиста и писателя отличало великолепное знание сибирской периферии с ее традициями и новациями. Один из героев его многоготовой эпопеи «Чураевы», алтайский старообрядец Викула первоначально ду-

¹¹ Герштейн Я. Л. Ирбитчане в истории России // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 245.

¹² Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960. С. 90.

¹³ Тимофеев Б. Сухие сучки // Энергия. Сб. первый. 1913. С. 275–276.

¹⁴ Четвериков Д. Бурьян. Л., 1926. С. 73–116.

¹⁵ Четвериков Д. Избранное. М., 1971. С. 17–90.

¹⁶ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М., 2011. Т. 1: 1925 — июнь 1941 года. С. 39.

мает о столице «как о разноцветном и большом монастыре, затерянном в синей сумрачной пустыне, по которой ходят странники и богомольцы и все ходят они либо к Москве со всех концов, либо от Москвы во все концы земли, неведомой и синей». Действительность во многом изменила представления наивного сибиряка. Даже в Петровский пост столица отличалась обилием продаваемого мяса. «Оно ярко-красными пятнами глядело из окон почти каждой бакалейной лавки и напоминало Викуле о городской греховности...». Как считает Василий, брат Викулы, Москва — «большой базар-толкучка. Тут всё найдешь, всё купишь, всё продашь: старое и новое, дорогое и дешевое, святое и греховное... Испокон веку Москва — живое, никогда не затихающее торжище». Еще один персонаж романа — Наденька — более сдержана: «Москве всё к лицу: и Серебряный бор, и Никола на Грязях, и Скорбященская Божья мать, и Разгуляй»¹⁷.

Смещение святости и греха было характерно также и для провинции. В третьем романе эпопеи Василий сталкивается с изнасилованием школьниками сельской учительницы. Вызвавшись быть защитником, он вскрывает причины произошедшего преступления. По его мнению, основная из них — исчезновение стыда: «В кругу городских людей, в кругах образованных людей особенно, понятие стыда всё чаще стало заменяться новыми словами. Эти слова: совесть, мораль, порядочность, сознание, собственность, достоинства, правосознание и тому подобное. Словом, по мере того, как образованное общество становится всё образованнее, понятия о стыде всё более мельчают, всё более видоизменяются, часто смешиваются с предрассудками и делаются всё менее доступными простым людям».

В школе принудительно преподаются и литература, и Закон Божий, но, задается вопросом Василий, «дала ли что-нибудь, кроме пойманных и еще не пойманных преступников, эта красиво выстроенная школа?». А если бы не было школы? «А было бы только то, что почти не было бы грамотных, но зато Закон Божий, внушенный старческой простой молитвой, какой-либо суеверной, но богобоязненной старухи, был бы здесь заложен крепче и, поверьте, он управлял бы массой народной лучше, нежели все вооруженные силы или писанные книжные законы». На примерах из школьной жизни Василий показывает аморализм учащихся: один ребенок подделывает деньги, другой — подписи, третий «похабными словами искажал великого поэта Пушкина»¹⁸.

Данное утверждение не противоречит историческим реалиям. По наблюдениям современников, быстрая деградация прежних смыслов, ведущая к имитации, аморализму и расщепленности сознания, была достаточно распространена среди учащейся молодежи в начале XX в.¹⁹ Дело, впрочем, не ограничивалось только сферой преподавания. Так, например, одновременное сосуществование

¹⁷ Гребенщиков Г. Д. Братья Чураевы. Нью-Йорк, 1925. С. 84, 96, 105.

¹⁸ Гребенщиков Г. Д. Веление земли. Нью-Йорк, 1925. С. 51–84.

¹⁹ Ватник Н. С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105; Буле О. Скандал в Перми (из тайной истории русской гимназии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 311–328.

цензурного гнета и юридически провозглашенная в 1905 г. свобода печати породили в журналистике институт подставных редакторов для отсидки по суду, еще их называли зиц-редакторами²⁰. Формально не противоречащее закону использование псевдонимов и услуг зиц-редакторов могло провоцировать провинциальных интеллектуалов на отказ от привычного поведения. Оно заменялось иными стереотипами, несущими прямо противоположные смысловые нагрузки.

Данная трансформация была связана со спецификой сознания провинциала, еще не освободившегося от множества патриархальных черт. Соответственно, замена имени и участие в газетных словесных «проповедях» могли привести к вытеснению местных социальных реалий из его внутреннего мира. Возвышаясь в собственных глазах, он одновременно погружался в символический мир словесного творчества, мало совместимого с нормальной жизнью, наивного и гипертрофированного.

По нашему мнению, отражением подобной социальной мутации являются произведения забытого ныне поэта Федора Федоровича Филимонова (1862–1920). Проанализируем отдельные строки из сборника «Песни сибиряка» (1890 г.)²¹.

Творчество Филимонова безрадостно. Поэт не устает оплакивать несбывшиеся мечты:

Где та золотая пора идеалов
Когда начинали мы жить!
Когда мы клялися при звоне бокалов
Родимому краю служить?..
(Из стихотворения «Мимо»)

Сегодняшний день для лирического героя наполнен страданиями и бессмысленным трудом. Этот труд лишает человека-узника отведенной ему малой толики свободы и поэтому особенно тяжел. Стихотворение «В Сибири» наводит на мысль, что одноименная территория предстает исключительно как тюрьма или этапное пространство:

Стук молота от века и до века,
Тяжелый звук заржавленных оков...
Друг, ты видал ли гнома-человека
На дне холодных рудников?

Чувство безысходности неоднократно проявляется в образах подземных тружеников. Выход к свету им заказан:

²⁰ *Симонова Н.Б.* «Газетные люди» в России в конце XIX — начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 10. С. 20.

²¹ [Филимонов Ф.] Песни сибиряка. Стихотворения Ф. Филимонова. 1880–1890. М., 1890.

Шли мы, к свету стремясь, ...гибли, падали мы.
Находя в этом мраке свой гроб.
Как в глухом руднике средь удушья и тьмы
Погибает боец-рудокоп.

(«Рудокоп (с французского)»)

Тема неволи красной нитью проходит через многие произведения поэта:

Я еду — всё степи да степи.
Конца не дождешься ты им.
Зачем же опять эти цепи
Со звоном печальным своим?

(«Из путевых заметок»)

Параллельно теме неволи развиваются несбыточные мечты об освобождении. Таково содержание стихотворения «В стране изгнания»:

Вдруг слезы мои затуманили очи,
Гром грянул, и вся взволновалась степь...
Не верь... это звук кандалов среди ночи.
Звон цепи о цепь.

Современность поэтом воспринимается как господство еще не законченного несовершенного прошлого. Борцы за светлое будущее заключены в настоящем времени, как в тюрьме. Для них нет и не может быть выхода:

Всё ночь и ночь; рассвета дня
Увидеть мне не суждено.

(«Песни прошедшего»)

Неудивительно, что изрядную долю сборника составляют произведения, посвященные памяти безвременно ушедших из жизни. В частности, их героями стали широко известные современникам сошедший с ума В.М. Гаршин, самоубийца Д.А. Литышева, И.В. Омулевский. По мнению поэта, победы достигнут лишь молодые борцы. Название единственного оптимистического стихотворения сборника говорит само за себя: «В путь-дорогу (посвящается сельским учительницам)»:

Не трусь, борись ты до конца:
Чем тяжелей победа достается,
Тем больше славы для борца!

Вера в святость труда работников просвещения звучит и в других сборниках Ф. Филимонова²². Поэт фиксирует рост образовательного уровня в родном городе, но не абсолютизирует влияние грамотности на нравственность местного населения («Доказательством подлоги // Могут этому служить»)²³. Его угнетает разрыв между реальным негативным положением дел и теми усилиями, которые прилагает общество для решения наболевших задач:

Эй, потише, ямщик, не пускай тройку вскачь.
Ее встретят повсюду препоны.
«Наше время — не время широких задач» —
На кустах прокричали вороны²⁴.

Творческий дар Ф. Филимонова в целом лишен оригинальности, это поэт далеко не первой величины. Однако в его стихах присутствует немало достоверных деталей: есть описания путешествий по рекам и дорогам, отражение незавидной участи коренных народов Сибири, провинциальные зарисовки. Поэт и его лирический герой — сторонники насильственной смены общественного строя. В окружающем их мире бесконечно длится непрерывное сражение, но соратники уже пали в бою. В борьбе света и тьмы пока еще побеждает тьма. Участь героя — быть одиноким борцом. Он не вполне свободен, ведь место его жительства — Сибирь. Это страна изгнания, труд в ней подневолен. Однако надежда не исчезла. Поэт по-прежнему верит в светлое будущее. Сегодняшняя же жизнь воспеваемого им лирического героя — страдание. Жизненные обстоятельства препятствуют достижению мечты, ей не суждено сбыться. Герой испытывает жажду рыданий и неразделенную любовь.

Современная исследовательница М. Б. Могильнер выявила эволюцию и основные признаки типичного «общественного» героя-революционера и причины последующего кризиса популярного образа. Этот литературный герой «молод, т. е. он не успел пожить, он отдал в жертву свою молодую жизнь, что делает его жертву несравненно ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им старика-министра или губернатора средних лет, успевшего пожить <...>, герой страдает, его образ свят (“страдальческий венец”), т. е. неподсуден простым смертным, а значит, и преступному государственному суду». Так что же, Филимонов — революционер? Здесь нельзя дать однозначного ответа. В профессиональном плане, разумеется, — нет. Однако в социокультурной сфере он, как и многие, тяготеет к революционной идеологии. «Порой трудно определить, где кончалась подпольная Россия и начиналась легальная» — замечает М. Могильнер²⁵.

²² Филимонов Ф. За прошлые годы (Песни Сибиряка). СПб., 1913. С. 101.

²³ [Филимонов Ф.] Стихотворения Ф. Филимонова. СПб., 1913. С. 173.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 5, 10.

Кто такой Ф. Филимонов? В первую очередь, он — культурный маргинал. Будущий поэт родился в Камышлове, в семье купца. Учился в Казани. За участие в студенческих беспорядках его высылают в Ирбит на четыре года. В глазах современников Ф. Филимонов был достаточно колоритной фигурой. Он обладал могучим телосложением и крутым неуживчивым нравом. Пользовался популярностью, издал несколько поэтических сборников. В конце века переселился в Сибирь. В 1920 г. его расстреляли большевики за сотрудничество с колчаковскими властями²⁶. В судьбе Филимонова поражает неустроенность поэта, какая-то бесприютность его существования.

В целом, чувства, испытываемые Ф. Филимоновым, были достаточно типичны для провинциального интеллигента. Это ригоризм, тяготение к крайностям, нетерпимость к власти, оппонентам и противникам. Он «заиклен» на социальной проблематике. Всякое несоответствие идеалу вызывает у него реакцию отторжения. Поэтому окружающая действительность воспринимается им по преимуществу негативно. Сознание поэта болезненно биполярно, он неявный приверженец того типа мышления, которое А. С. Ахиезер определяет как манихейство. «Манихейство — замечает исследователь, — основано на абсолютизации жесткого противопоставления добра и зла, которые рассматриваются как две субстанции мира. Манихейство, следовательно, не только конкретно-историческая форма культуры, но методологическая и гносеологическая категория, метод якобы простого, ясного решения сложных проблем. Манихейство — наиболее простой и прямолинейный ответ на усложнение социокультурных проблем»²⁷.

Ф. Филимонов был не одинок, даже типичен в своих предпочтениях. Сходные черты прослеживаются в произведениях самой известной уральской поэтессы того времени, Елизаветы Савишны Гадмер-Головой. Это «Письмо из тюрьмы», «Письмо в тюрьму», «Дети», «Дедушке (памяти Генриха Гадмер)» и иные стихотворения. Примечательны происхождение и судьба этой талантливой женщины. Ее отец был из знаменитой старообрядческой семьи Ушковых. Мать Элиза — внучка немецкого оружейника из Златоуста и дочь домашнего учителя швейцарца Генриха Гадмера, покончившего жизнь самоубийством. Оставшись без отца, Элиза была вынуждена переселиться к двоюродной тетке в Шадринск, а затем без душевной привязанности вышла замуж. Безденежная кочевая жизнь родителей еще в детстве подорвала здоровье их дочери Елизаветы. На ее творчестве сказались материальные затруднения, собственное неудачное замужество, смерть дочери и отсутствие интереса со стороны издателей²⁸.

²⁶ Альмов Х. Гейне из Ирбита // На смену! (Екатеринбург). 1995. 19 янв. С. 3.

²⁷ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 2-е изд. перераб. и доп. Новосибирск, 1997. Т. I: От прошлого к будущему. С. 73.

²⁸ Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Сб. док. к 60-летию Объединенного музея писателей Урала. Екатеринбург, 2006.

Маргинальные нотки также явственно присутствуют в творчестве шадринцев Елизаветы и Сергея Виноградовых. «До зачисления ее на должность помощницы библиотечарши в Шадринской Земской публичной библиотеке, в коей состояла последние три года, Виноградова никаких определенных занятий не имела, очень нуждалась и жила исключительно помощью богатых людей из местного купечества» — указывалось в жандармском донесении от 22 января 1914 г. Здесь же сообщалось и о том, что пожилая, вечно нуждавшаяся, не бывавшая замужем Елизавета Васильевна под влиянием эсера Н. В. Здобнова внезапно обратилась в своих стихах к революционной тематике²⁹. Ее младший брат Сергей уехал из Шадринска и сотрудничал в либеральной «Екатеринбургской неделе»³⁰. Тогда мало кто знал, что «женские» поэзия и проза Нины Ивановой, имевшие бешеный успех у современников, были плодом творчества «законспирированного» С. Виноградова³¹.

Житейские трудности, видимо, были отличительными чертами тогдашней художественной провинциальной интеллигенции. Острота социальных противоречий нередко провоцировала вдумчивого человека к политической деятельности или к литературному творчеству, что дополнительно осложняло и без того нелегкое существование. «Жил в Кургане, маленьком сибирском городке, Кондратий Худяков, поэт, живописец вывесок и мой приятель, — писал в своих воспоминаниях о начале XX в. советский писатель Вс. Иванов. — Происходил он сам из староверов, упрямый. Одноглазый и — красивый. Он самоучкой дошел не только до искусства писать стихи, но и до рисования вывесок. Обитал он в двух крошечных комнатухах. В одной комнатухе был маленький письменный стол с секретным отделением, им самим изобретенным (он всё собирался уйти в политику, и в секретном отделении прятал бы он тогда прокламации и воззвания). Но на этом письменном столе работать ему не удавалось: за дочатой перегородкой постоянно вопили дети, жена стряпала обед, — он уходил писать стихи на сеновал. Бывало, придешь к нему, а сынишка говорит: “Батя на сеновал мыслить отправился”»³².

К. Худяков был не единственным литератором в Кургане. Кроме него в газетах публиковались Лариса Коровина, Павел Кузьминых, Аркадий Филиппов, Павел Булатов, Ф. Рябов³³. Сам Вс. Иванов, будущий литературный классик, а тогда подросток, работающий в типографии, уже успел вкусить яд тщеславия после своей первой публикации и даже получил письмо от М. Горького. По этому случаю работники типографии «решили выпить и чтоб — вдрызг!..». Пьянку начали с продажи сапожных голенищ новоявленного автора... Ценность вос-

²⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 41. Л. 15, 24.

³⁰ *Голдин В. Н.* Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. С. 122–129.

³¹ *Голдин В. Н.* Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX — начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 60–70.

³² *Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1978. Т. 8. С. 195.

³³ *Голдин В. Н.* Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. С. 42–43.

поминаний о Кургане Вс. Иванова заключается в выявлении неоднозначности провинциальных процессов. С одной стороны — типография, в которой «зверски» пили, а с другой — достаточно насыщенная культурная жизнь.

«Я находился тогда под впечатлением тех авторов, что утверждали — уездная жизнь необыкновенно звероподобна, тупа и что нет на свете большего падения, чем быть мещанином. — замечал писатель. — Мещанство, — именно Худяков обратил мое внимание на это, — в лице своих молодых представителей много читало и много думало». Круг общения Вс. Иванова составляла провинциальная молодежь, увлекающаяся литературой. Молодые люди собирались после работы, читали современные художественные произведения, сами не чурались литературных опытов³⁴. Так, например, Вс. Иванов и его друг по типографии А. А. Жулистов участвовали в постановке любительских спектаклей³⁵.

В Кургане достаточно рано сказались положительные и отрицательные последствия проведения через город железной дороги. Быстрое наступление индустриальной эры разрушало патриархальную мораль, ее ценности подлежали осмеянию или снисходительной жалости. И это обстоятельство также было отражено начинающим писателем в рассказах «Защитник и подсудимый» и «Вертельщик Семен» (1916 г.)³⁶. С одной стороны, это почти этнографические зарисовки типичных персонажей, появляющихся на улицах провинциального городка, а с другой — исторический источник, рассказывающий о парадоксах общественного сознания последних лет существования Российской империи.

Проанализированные художественные тексты писателей начала XX в. близки между собой по стилистике, социальности, нравственным основаниям. Все они информационно насыщены и плохо подстраиваются под однозначные толкования. Их детальное рассмотрение в качестве исторических источников требует глубоких теоретических обобщений и изощренных интеллектуальных усилий. Так, например, персонажи, описанные в данных произведениях, далеко не всегда руководствуются общепринятыми христианскими нормами. Однако их жесткие поступки в большинстве случаев почему-то не создают у читателя ощущения совершенного греха. Многие из персонажей явно «не ведают, что творят».

Какие выводы следуют из изложенного выше? Достаточно тривиальные. Абстрагируясь от конкретики данных произведений, допустимо предположить, что в них зафиксирована слабость христианских норм в толще отечественной провинциальной культуры. Чем же тогда замещалось христианство в российской глубинке? Ответ однозначен — латентным язычеством. Ныне уже не требуется особых доказательств, что скрытое язычество в нашей стране никогда до конца не умирало и по-прежнему имеет тенденцию к постоянной

³⁴ *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1978. Т. 8. С. 196, 274–277.

³⁵ *Карсонов Б.* Всеволод Иванов // Советское Зауралье (Курган). 1975. № 115. 18 мая; Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. р-2287. Оп. 2. Д. 13. Л. 61.

³⁶ *Неизвестный Всеволод Иванов.* Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 103–105, 109–112.

регенерации. Возможно, провинциальные писатели на рубеже веков смогли запечатлеть очередные ростки того вечного негатива, который захлестнул нашу страну в последующие времена.

Расщепленность сознания, присущая возрождающемуся языческому мировоззрению начала XX в., преломилась во внешней сумбурности вроде бы немотивированных поступков субъектов российской действительности. Литераторы это почувствовали. Их тексты с одной стороны оказались излишне цветистыми, а с другой они стали демонстративно «рваными», потеряли в описательности, утратили привязку к деталям. Эти потери информационно компенсировались более весомой психологической составляющей в общем массиве текста. Далеко не случайно, что для того времени была в моде так называемая орнаментальная проза. Ее характеризуют растворение текста в отдельных мотивных кусках, ослабление событийности, смещение сюжета на второй план, ритмика, склонность к ассоциациям, повторам образов, мифопоэтическая картина мира.

Литературоведы до сих пор спорят, произведения каких именно писателей целесообразно отнести к данному стилю³⁷. В числе прочих называют имена М. Горького и Вс. Иванова. Но применительно к источниковедческому анализу важнее другой вопрос: для отображения каких именно реалий орнаментальная проза будет максимально результативной? Подо что она функционально «заточена»? По мнению немецкого слависта Вольфа Шмида, «симптомы поэтической обработки текстов можно найти во все периоды истории литературы, но это явление заметно усиливается в те эпохи, когда преобладают поэтическое начало и лежащее в его основе мифическое мышление. Благодаря своей поэтичности орнаментальная проза предстает как структурный образ мифа»³⁸. И действительно, в орнаментальной прозе присутствуют дискретность текста, обезличенность литературных персонажей, описание действий массы, толпы как биологического начала.

Полагаем что для литературных текстов, в том числе и для орнаментальной прозы далеко не случайны пренебрежение к единичным фактам и акцентирование внимания на сдвигах в сознании. Тяга к массовым психическим не всегда адекватным проявлениям оказалась одной из отличительных особенностей культуры, хронологически близкой к 1917 г. В своем творчестве писатели это художественно отображали, зафиксировав предгрозовое состояние российского общества. На их глазах на авансцену истории и в столицах, и в провинции начали выходить не отдельные герои, но сплоченные общим недовольством большие массы людей. На какое-то время толпа или даже городской социум обретали способность быть едиными социальными организмами, «поглощая» входивших в них еще неразвитых индивидов. Ключевым моментом для литераторов — и здесь они близки к историкам — оказалось исследование человека

³⁷ *Атрощенко А. С.* Орнаментальный стиль как теоретико-методологическое понятие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. С. 3.

³⁸ *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. С. 263.

с пробужденным, но неразвитым индивидуальным сознанием, присутствующего в этой толпе.

Историк В. А. Козлов продемонстрировал, что поступки асоциального и антисоциального человека допустимо осуждать, но нельзя игнорировать. Он же показал актуальность изучения действий толпы как для XX в., так и для дня сегодняшнего. «И все-таки в косноязычном бормотании человека с улицы, в угрозах и выкриках, звучащих на площадях, в корявых событиях давнего и недавнего прошлого, гораздо больше смысла, чем это обычно кажется. Правители, которые слишком поздно начинали слушать и слышать голос толпы, или те, кто с презрением отворачивался от жаждущего справедливости “простонародья”, рано или поздно уходили из истории “ошиканными и срамимыми” (выражение Н. Г. Чернышевского)» — резюмирует исследователь³⁹.

Выборочное использование литературных текстов рубежа XIX–XX вв. о жизни «безмолвствующей» провинции свидетельствует о больших потенциальных возможностях для анализа содержащейся в ней информации. Та художественная реконструкция социальных реалий, которую осуществили писатели, в последующие времена была во многом научно обоснована трудами классиков психологии.

References

- Ahiezer A. S.* Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). 2-e izd. pererab. i dop. Novosibirsk, 1997. T. I. Ot proshlogo k budushhemu.
- Alymov H.* Gejne iz Irbita // Na smenu! (Ekaterinburg). 1995. 19 janv.
- Atroshhenko A. S.* Ornamental'nyj stil' kak teoretiko-metodologicheskoe ponjatie: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2013.
- Bule O.* Skandal v Permi (iz tajnoj istorii russkoj gimnazii) // Geopanorama russkoj kul'tury: Provincija i ejo lokal'nye teksty. M., 2004. S. 311–328.
- Chetverikov D.* Bur'jan. L., 1926.
- Chetverikov D.* Izbrannoe. M., 1971.
- Elizaveta Gadmer: materialy k biografii. Sb. dok. k 60-letiju Ob'edinennogo muzeja pisatelej Urala. Ekaterinburg, 2006.
- [*Filimonov F.*] Pesni sibirjaka. Stihotvorenija F. Filimonova. 1880–1890. M., 1890.
- [*Filimonov F.*] Stihotvorenija F. Filimonova. SPb., 1913.
- Filimonov F.* Za proshlye gody (Pesni Sibirjaka). SPb., 1913.
- Gershtejn Ja. L.* Irbitchane v istorii Rossii // Irbitskij kraj v istorii Rossii. Ekaterinburg, 2000.
- Goldin V. N.* Elizaveta Gadmer pljus sto odna pojetessa Urala konca XIX — nachala XX vekov. Ekaterinburg, 2005.
- Goldin V. N.* Zabytye poezija i literatory Urala. Ekaterinburg, 2007. S. 238–245.
- Gor'kij M.* Sobr. soch.: V 18 t. M., 1961. T. 6.
- Gor'kij M.* Sobr. soch.: V 18 t. M., 1962. T. 9.
- Grebenshhikov G. D.* Brat'ja Churaevy. N'ju-Jork, 1925.
- Grebenshhikov G. D.* Velenie zemli. N'ju-Jork, 1925.
- Ivanov Vs.* Sobr. soch.: V 8 t. M., 1978. T. 8.

³⁹ *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 20.

- Janko M.D.* Literaturnoe Zaural'e. Kurgan, 1960.
Karsonov B. Vsevolod Ivanov // Sovetskoe Zaural'e (Kurgan). 1975. № 115. 18 maja.
Kozljakov V.N., Savost'janova A.A. Kul'turnaja sreda provincial'nogo goroda // Oчерки russkoj kul'tury XIX veka. M., 1998. T. 1: Obshhestvenno-kul'turnaja sreda. S. 125–202.
Kozlov V.A. Neizvestnyj SSSR. Protivostojanie naroda i vlasti 1953–1985 gg. M., 2006.
Markov B.V. Hram i ryнок. Chelovek v prostranstve kul'tury. SPb., 1999.
 Mezhdju molotom i nakoval'nej. Sojuz sovetskih pisatelej SSSR. Dokumenty i kommentarii. M., 2011. T. 1: 1925 — ijun' 1941 goda.
Mogil'ner M. Na putjah k otkrytomu obshhestvu: krizis radikal'nogo soznanija v Rossii (1907–1914 gg.). M., 1997.
 Neizvestnyj Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorcestva. M., 2010.
Shmid V. Narratologija. M., 2003.
Simonova N.B. «Gazetnye ljudi» v Rossii v konce XIX — nachale XX veka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, filologija. 2013. T. 12. Vyp. 10. S. 17–22.
Tard G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naja prestupnost'. Prestuplenija tolpy. M., 2004.
Timofeev B. Suhie suchki // Jenergija. Sb. pervyj. 1913. S. 247–389.
Vatnik N.S. «Ogarki»: mify i realii gimnazicheskoj sredy 1907–1908 gg. // Rossijskaja istorija. 2010. № 6. S. 97–105.
Zhitkova L.N. B. A. Timofeev. Oчерk zhizni i tvorcestva. Sverdlovsk, 1987.

Список литературы

- Альмов Х.* Гейне из Ирбита // На смену! (Екатеринбург). 1995. 19 янв.
Апрощенко А.С. Орнаментальный стиль как теоретико-методологическое понятие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. I: От прошлого к будущему.
Буле О. Скандал в Перми (из тайной истории русской гимназии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004.
Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Рос-сийская история. 2010. № 6. С. 97–105.
Герштейн Я.Л. Ирбитчане в истории России // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 238–246.
Голдин В.Н. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007.
Голдин В.Н. Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX — нача-ла XX века. Екатеринбург, 2005.
Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6.
Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1962. Т. 9.
Гребенщиков Г.Д. Братья Чураевы. Нью-Йорк, 1925.
Гребенщиков Г.Д. Веление земли. Нью-Йорк, 1925.
 Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Сб. док. к 60-летию Объединенного му-зея писателей Урала. Екатеринбург, 2006.
Житкова Л.Н. Б. А. Тимофеев. Очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987.
Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М., 1978. Т. 8.
Карсонов Б. Всеволод Иванов // Советское Зауралье (Курган). 1975. № 115. 18 мая.
Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.

- Козляков В.Н., Савостьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 125–202.
Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.
 Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 года. М., 2011.
Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в Рос-сии (1907–1914 гг.). М., 1997.
 Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М., 2010.
Симонова Н.Б. «Газетные люди» в России в конце XIX — начале XX века // Вест-ник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 10. С. 17–22.
Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004.
Тимофеев Б. Сухие сучки // Энергия. Сб. первый. 1913. С. 247–389.
 [Филимонов Ф.] Песни сибиряка. Стихотворения Ф. Филимонова. 1880–1890. М., 1890.
 Филимонов Ф. За прошлые годы (Песни Сибиряка). СПб., 1913.
 [Филимонов Ф.] Стихотворения Ф. Филимонова. СПб., 1913.
Четвериков Д. Бурьян. Л., 1926.
Четвериков Д. Избранное. М., 1971.
Шмид В. Нарратология. М., 2003.
Янко М.Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960.

В. Е. Кельнер

Политическое бюро при еврейских депутатах IV Государственной Думы в годы войны 1914–1917 гг.

Если рабов гонят в бой наравне
с гражданами, то они должны громко заявить,
что они сражаются только в надежде
на завоевание для себя равенства и свободы.

С. М. Дубнов

Патриотический подъем, охвативший Россию в начале Первой мировой войны, не оставил в стороне и российское еврейство. Мобилизация среди еврейского населения прошла практически без недобора; процент евреев в армии во время войны был выше, чем в составе населения России в целом: в 1914 г. в армии насчитывалось 400 тыс. евреев, к концу 1916 г. их число возросло до 500 тыс.¹

В этот период в IV Государственной Думе работали 3 депутата, представлявших еврейское население Российской империи (Н. М. Фридман, М. Б. Бомаш и И. Б. Гуревич).

Из них наиболее подготовленным для думской работы считался, в силу своего юридического образования, Н. М. Фридман². Он уже избирался в пре-

¹ *Яшунский И.* Российское еврейство и мировая война / Публ. В. Кельнера. М., 1999; *Будницкий О. В.* Евреи в русской армии в период Первой мировой войны // *Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee* // *Osteuropa*. 2014. Vol. 64. N 2–4. P. 171–184; *Altshuler M.* Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // *Wiener Library Bulletin*. 1973–1974. N 27/30–31. С. 12–16.

² *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) //

дыдущую Думу, где примыкал к фракции партии кадетов. В эту же фракцию входили и два других депутата. Ключевую роль в работе с депутатами играл один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК, руководитель Еврейской народной группы, в прошлом депутат I Государственной Думы М. М. Винавер³. Он не только стремился формировать и направлять деятельность депутатов-евреев, но и одновременно оказывал влияние на выработку решений по еврейскому вопросу в самой кадетской партии.

Война для представителей российского еврейства в Думе началась с патриотического выступления Н. М. Фридмана. 26 июля (7 августа) 1914 г. в специальной декларации он заявил: «На меня выпала высокая честь выразить те чувства, которые в настоящий исторический момент воодушевляют еврейский народ. В великом порыве, поднявшем все племена и народы России, евреи выступают на поле брани плечом к плечу со всеми народами ее. В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и, тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России, всегда были верными сынами своего отечества, и никакие силы не отторгнут нас от нашей родины России, от земли, с которой мы связаны вековыми узами, и в защиту нашей родины мы выступаем не только по долгу совести, но и по чувству глубокой привязанности. В настоящий час испытания, следуя раздавшемуся с высоты Престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. Еврейский народ исполнит свой долг до конца»⁴.

Еврейская общественность с первых дней войны стала ставить вопрос о юридическом положении еврейского народа в России. Коренной проблемой для российского еврейства оставалось существование черты оседлости и многочисленные запреты, вплоть до пресловутой процентной нормы, препятствующей поступлению еврейской молодежи в учебные заведения⁵. Буквально с первых дней войны это положение широко обсуждалось как еврейской, так и русской общественностью⁶. В начале войны историк и политик С. М. Дубнов считал, что победа России

Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. (Перепеч.: Минск, 2002). С. 88.

³ М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Сб. ст. и воспоминаний. Париж, 1937.

⁴ Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной Думе за годы войны / Вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917. С. 3. В этой речи видна «рука» М. М. Винавера. Во всех своих прежних выступлениях еще начиная с I Думы он всегда обращался с напоминанием о многовековой истории еврейства на территории России.

⁵ *Иванов А. В.* Еврейское студенчество в Российской Империи в начале XX в. Каким оно было? М., 2007.

⁶ Литератор Р. М. Хин-Гольдовская записала в те дни в дневнике: «Иди умирать за святую Русь, за царя-батюшку, за торжество славянской идеи — это твой долг, а гетто, процентная норма в течение всего жизненного пути, “жеребьевка” детей и юношей перед наглухо закрытыми дверями школ — это твое право». Каких-либо послаблений евреям по случаю войны власти делать не намеревались. «Всё это неприличие, — записывает Хин-Гольдовская, — значительно охлаждает мой национализм» (*Хин-Гольдовская Р. М.*

над Германией, этим, как писал он, «пауком милитаризма», в союзе с демократическими странами, может привести к тому, что «атмосфера очистится в стране политической инквизиции». Однако он не разделял «безусловного патриотизма» многих представителей еврейского общества. Дубнов заявлял: «Если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы»⁷.

Формирование еврейской политики в Думе взял на себя полуполюгальный совещательный орган — Политическое бюро⁸. В его составе были представители еврейских политических партий и групп несоциалистического направления. М. М. Винавер председательствовал практически на всех заседаниях бюро. Среди активных участников этого объединения наиболее ярко проявляли себя члены Еврейской народной группы Г. Б. Слюзберг, С. В. Познер и Л. Я. Штернберг, идеолог автономизма, лидер Фолкспартей Дубнов, члены ЦК сионистского движения в России И. А. Розов, М. С. Алейников и И. Гринбаум. Еврейскую демократическую группу представляли в бюро бывший депутат Думы Л. М. Брамсон⁹, А. И. Браудо и Я. Г. Френкель. Председателем бюро избрали бывшего депутата I Государственной Думы юриста М. И. Шефтеля¹⁰. Деятельно работали в нем члены различных еврейских групп и направлений, публицисты, юристы и общественные деятели: М. Л. Тривус, И. А. Клейнман, И. М. Бикерман, Я. Л. Сакер, М. М. Гран, А. Ф. Перельман, С. Е. Калманович¹¹. Как правило, совещания, обычно проходившие на частных квартирах, бывали многолюдны. Бюро обладало значительным политическим активом. Пожалуй, не было в Пет-

Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 541–542, 544. Записи от 7 и 23 августа 1914 г.).

⁷ Дубнов С. М. Книга жизни: Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. Иерусалим–М., 2004. С. 365.

⁸ Собственно говоря, некая совещательная структура существовала еще примерно с 1912 г. при евреях-депутатах III Государственной Думы. Она была создана не столько им в помощь, сколько с целью осуществления общественного контроля над их деятельностью. В новых условиях ее деятельность и структура были полностью преобразованы.

⁹ Л. М. Брамсона можно считать единственным представителем социалистического направления в Политическом бюро. Некогда в I Государственной Думе он входил в трудовую фракцию. В дальнейшем он по-прежнему поддерживал близкие контакты с фракцией трудовиков и особенно с ее фактическим руководителем А. Ф. Керенским.

¹⁰ Мне думается, что выдвижение на роль председателя петроградского адвоката, бывшего некогда депутатом I Государственной Думы кадета М. И. Шефтеля было сделано специально. Его кандидатура рассматривалась в качестве нейтральной фигуры, способной объединить политиков разных направлений. В узком, раздираемом противоречиями еврейском политическом кругу того времени М. М. Винавер слишком раздражал многих политиков. Он всегда слыл прямым проводником тактики партии кадетов в еврейском национальном движении.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб). Ф. 2129. (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.

рограде ни одного значимого еврейского общественного или политического деятеля, который не принимал бы участие в работе бюро или не содействовал бы ему. Даже демонстративно стоявшие «в стороне» социалисты всё же весьма интересовались их работой¹². Практически все члены бюро были тесно связаны с основными легальными еврейскими общественными организациями того времени: Обществом просвещения среди евреев в России (ОПЕ), Еврейским комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО), Обществом развития ремесленного труда среди евреев (ОРТ), Еврейским колонизационным обществом (ЕКО)¹³.

Уже в самом начале войны структура Политического бюро была дополнена Информационным бюро. На него возложили задачи по сбору и анализу материалов о политическом и экономическом положении еврейского населения. Основным источником информации являлась сеть еврейских общественных объединений, разбросанных по всей стране. В то же время, пользуясь своими профессиональными, общественными и личными связями, члены Информационного бюро получали важнейшие сведения и о правительственных мероприятиях, направленных на изменение политики по отношению к евреям, о дебатах по этому вопросу среди членов правительства. Большую роль играло проведение мониторинга печати, особенно газет и агитационной литературы и даже анализ закрытых приказов военного министерства, вплоть до армейских штабных документов. Возглавил Информационное бюро С. В. Познер, юрист, историк и издатель, давно уже близко стоявший к М. М. Винаверу и не раз в прошлом выполнявший его поручения¹⁴.

Член Политического бюро Я. Г. Фрумкин был убежден в том, что власти знали о деятельности бюро. Правда, как вспоминал он, «разрешение на их существование никогда не было дано и никогда не испрашивалось. Деятельность

¹² Канторович В. А. Бунд накануне Февральской революции // Еврейская Летопись. Сб. 2. Пг., 1924. С. 40. С присущим для социалистов сарказмом по отношению к «буржуазным затеям» Канторович писал: «В центре борьбы за равноправие евреев стояли на виду всего еврейства депутаты Государственной Думы — евреи. При них или с их участием действовало политическое бюро — орган, где представлены были различные еврейские группировки, кроме социалистов, и просто на правах советчиков фигурировали традиционные еврейские деятели, импонировавшие разными достоинствами: кто своим положением, кто связями и богатством, а кто только фамильными предками. Это бюро преимущественно занималось тем, что “влияло” на либерально-демократические круги русского общества в духе реабилитации еврейства. Попутно в этом же направлении оказывалось влияние на общественное мнение Европы и Америки... Депутаты-евреи были естественным центром, куда стекались многочисленные жалобы и ходатайства. Но политическая роль этого центра была крайне ничтожна» (Там же. С. 46).

¹³ Zipperstein S. J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New-York, 1988.

¹⁴ Познер С. Страницы прошлого (Из воспоминаний об А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 79–83; Кельнер В. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй пол. XIX — начале XX в. СПб., 2001. С. 97–114.

Бюро не встречало особых препятствий, так что оно вело, можно сказать, полулегальное существование»¹⁵.

С. В. Познер в своих мемуарах воспроизводит довольно сложную структуру Политического бюро. Он констатировал, что «Бюро представляло собой тесно замкнутую группу лиц, которые, несмотря на всё различие воззрений, в общем, дружно работали, отзываясь на все вопросы политической и общественной жизни. Это был решающий и исполнительный орган, но над ним существовал контроль еврейского общественного мнения, которое получило свое выражение в лице, во-первых, постоянно действующей организации — так называемого Пленума... В его состав входили все активные члены партий, представленных в “Бюро”. Созывался он, по меньшей мере, раз в месяц для заслушивания отчетов “Бюро” и, кроме того, для решения вопросов особо важных.

Оба органа — “Бюро” и “Пленум” имели одну канцелярию. Та же канцелярия обслуживала общественные нужды и гг. депутатов. Помещалась она на квартире покойного депутата Н. М. Фридмана. Там же проходили регулярно по вторникам и заседания “Бюро”.

Заседания “Бюро” обыкновенно начинались с докладов наших депутатов о ходе заседаний в Государственной Думе с уделением особого внимания вопросам, прямо или косвенно затрагивавшим интересы еврейского населения. Так как депутаты находились в постоянном общении с канцелярией и членами “Бюро”, то тут же докладывались материалы, стоявшие в связи с очередным депутатским докладом. Затем шло обсуждение доклада. Следствием его было или указание депутатам определенной линии поведения в возникшем вопросе, или выступление в Государственной Думе с речью, или предъявление запроса. Текст предстоящей речи депутата в Думе подвергался всестороннему обсуждению. Иногда он заранее писался и обсуждался по абзацам. Что касалось запросов, то они всегда заготавливались заблаговременно кем-нибудь из членов “Бюро”, по общему избранию и затем шли на обсуждение в Пленум Бюро»¹⁶.

В свою очередь публицист и издатель А. Ф. Перельман вспоминал, что в годы войны «к этому расширенному совещанию были привлечены, между прочим, Ан-ский¹⁷, Ефройкин, я и С. Л. Цинберг. Собирались у кого-либо из богатых участников совещания — владельца обширной квартиры, где без риска обратить на себя внимание, могли собраться человек 50–60. Совещания

¹⁵ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства... С. 88.

¹⁶ Познер С. В. Борьба за равноправие // М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Сб. ст. Париж, 1937. С. 183–184. А. Ф. Перельман считал, что еще в 1912 г. создание Политического бюро было обусловлено слабой подготовкой избранных в Думу депутатов-евреев. По его словам, они часто вызвали «нарекания со стороны еврейской общественности» (Перельман А. Ф. Воспоминания. СПб., 2008. С. 95).

¹⁷ Думается, что знаменитая поездка Ан-ского на театр военных действий в Галицию в 1915 г. была осуществлена не без содействия Политического бюро (Safran G. Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London., 2010. P. 254–256).

заканчивались большей частью поздно ночью, но бывало, что они затягивались до зари»¹⁸.

М. М. Винавер стремился формулировать для бюро широкие задачи и неоднократно подчеркивал: «Мы не можем еврейскую политику ставить в положение объекта, над которым производятся эксперименты в Думе»¹⁹. Он всячески старался придать работе бюро самый широкий политический характер, вывести его на общероссийскую политическую арену, превратить в субъект российской политической жизни.

Работа бюро непосредственно была связана с петроградскими изданиями того периода: журналами «Еврейская жизнь» и «Новый путь». В них с анализом думской деятельности депутатов-евреев и дискуссиями по еврейскому вопросу постоянно выступали члены бюро сионист М. С. Алейников и член Еврейской демократической группы Г. А. Ландау. Особую роль играл и «толстый» литературно-политический журнал «Северные Записки»²⁰. В те годы проблемам еврейской жизни в целом и думским дебатам в частности в журнале было посвящено множество статей, авторами которых были сторонники самых разных политических направлений: член ЦК Бунда Д. И. Заславский, народники, входившие в Еврейскую демократическую группу, Г. А. Ландау и Я. С. Сакер, член Партии социалистов-революционеров Н. В. Брюлова-Шаскольская.

С первых месяцев войны перед российским еврейством встали необычайные по сложности задачи. Война затронула судьбы сотен тысяч российских евреев. Первые погромы и выселения евреев из мест, близких к театру военных действий, начались уже в сентябре 1914 г. Военные поражения требовали срочного объяснения, и власти пошли по давно проторенному пути. По мере приближения фронта к местам, населенным евреями, они обвинялись в шпионаже в пользу немецкой армии, в массовом порядке принудительно выселялись вглубь страны²¹. Значительное количество евреев в ходе скоротечных военных судов приговаривалось к смерти. В ход пошла и система заложничества мирного населения²².

¹⁸ Перельман А. Ф. Воспоминания... С. 95–99.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20.

²⁰ Журнал издавала С. И. Чацкина — супруга входившего в бюро Я. Л. Сакера.

²¹ Только к маю 1915 г. из Курляндской и Ковенской губерний было выслано около 300 000 евреев (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка) / Публ. и примеч. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999). Мне кажется, что это число высланных евреев некорректно, возможно, в него вошло всё количество беженцев, в том числе и из «русской Польши».

²² Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–96; Нелитович С. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы научной конференции. М., 1997. Ч. 1. С. 59; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Mass., 2003. P. 121–137, 150–154; Из «черной книги» российского еврейства: Материалы для истории войны 1914–1916 гг. 1914–1915 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. X. С. 269.

На плечи российского еврейства легла тяжелая ноша — сотни тысяч беженцев заполнили черту оседлости, а затем неизбежно «выплеснулись» из нее. Эшелоны с беженцами растянулись вплоть до Владивостока. В этих условиях Политическое бюро делало всё возможное для облегчения их положения.

Наибольшей враждебностью по отношению к еврейскому населению отличалось высшее военное командование — главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич. В апреле–мае 1915 г. по приказу высшего военного командования началось массовое выселение евреев из большей части Курляндской и Ковенской губерний. В особенно тяжелом положении оказалось еврейское население Галиции, которая была оккупирована русскими войсками в 1914–1915 гг. Здесь армейское командование считало евреев своими главными врагами: в приказах, расклеенных на улицах галицийских городов, говорилось о «явно враждебном отношении евреев» к русской армии. При этом совершенно не учитывалось то, что вообще-то они были подданными Австро-Венгрии и не могли испытывать к русской оккупационной армии никаких «теплых» чувств. Издевательства над евреями, избиения и даже погромы стали в Галиции обычным явлением. После того как 1 мая 1915 г. австро-венгерские и немецкие войска начали наступление в Галиции, русское командование выслало оттуда огромное число евреев. Их вывозили в товарных вагонах под конвоем²³.

Массовая депортация евреев, вызванный этим экономический хаос, а также реакция на это со стороны российского и мирового еврейства вызывали недовольство и раздражение со стороны многих министров. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и министр земледелия А. В. Кривошеин прямо обвиняли генерала Н. Н. Янушкевича в том, что он пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте и требовали прекратить репрессии. После критики со стороны правительства военное командование было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений (10–11 мая 1915 г.)²⁴.

²³ Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 40–73; Prusin A. V. The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 525–544; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 404–419; Lohr E. 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011. P. 42–51; Altschuler M. Russia and her Jews. The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27; N 30/31. P. 14; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. July. P. 404–419; Лоп Э. Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. 2003. № 8 (26). С. 245–268.

²⁴ Возмущенный подобным «непониманием», Н. Н. Янушкевич писал Совету министров, что он считает «все принятые в отношении евреев меры весьма слабыми и не остановился бы перед усилением их в более значительной степени». Антисемитизм российского командования проявлялся и в отношении евреев, служивших в армии.

В этих условиях наиболее актуальной задачей для бюро являлась хотя бы частичная отмена черты оседлости и ограничительных статей законодательства. Ведь они делали невозможными нормальную экономическую и социальную жизнь беженцев, оказавшихся во внутренних губерниях страны²⁵. По официальным данным, к концу 1916 г. общее число беженцев и высленцев в России достигло миллиона²⁶.

Представители еврейской общественности и финансовых кругов не раз встречались с министрами и даже с самими председателями Совета министров 1914–1916 гг.: И. Л. Горемыкиным и Б. В. Штюрмером. В состав этих делегаций всегда включались как депутаты Думы, так и негласно, под видом авторитетных общественных деятелей, представители бюро. Одно из первых таких посещений Председателя Совета министров И. Л. Горемыкина состоялось 12 февраля 1915 г. Спустя несколько дней, 23 февраля два депутата Думы — Н. М. Фридман и М. Е. Бомаш встретились с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, а 14 марта 1915 г. они же были на аудиенции у министра финансов П. Л. Барка. 19 марта 1915 г. с министром внутренних дел встретились эти же депутаты и известный публицист, член Политического бюро И. М. Бикерман. Каждая такая встреча предварялась обсуждением основных ее параметров в Политическом бюро. Лейтмотивом этих встреч было не только информирование членов правительства о подлинной ситуации с еврейским населением прифронтовой полосы и о провокационной антисемитской деятельности высшего военного руководства, но, главное, — они настоятельно просили фактической отмены для беженцев черты оседлости²⁷.

Массовая депортация населения привела к дезорганизации экономики тыла, финансовым неурядицам и трениям на международной арене. Правительство было вынуждено предпринимать определенные шаги для того, чтобы достойно выйти из создавшегося положения. Соответствующее давление на правительство оказывали не только депутаты, но и связанные с бюро крупные представители финансового мира. Так, министра финансов П. Л. Барка посетили А. Г. Гинцбург, М. А. Варшавский и Б. А. Каминка (Каменка)²⁸. В июле 1915 г.

²⁵ Ганелин Р. III. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 41–65.

²⁶ Studies in Contemporary Jewry: An Annual 4: The Jews and the European Crisis, 1914–1921 / J. Frankel, ed. Bloomington, 1988. P. 6.

²⁷ Война. Россия. Евреи. Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. / Публ., предисл. и комм. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 265–284.

²⁸ После одной из таких встреч в 1916 г. тогдашний премьер-министр Б. В. Штюрмер назвал Б. А. Каминку «заядлым евреем» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. и прим. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999. С. 351). Вообще-то П. Л. Барк был одним из самых прагматичных членов правительства тех лет. Позднее он вспоминал, как на одном из докладов царю он якобы заявил: «Нам необходимо сосредоточить все наши силы, чтобы

министр внутренних дел Н. Б. Щербатов встретился с представителями еврейского нобилитета: А. Г. Гинцбургом, М. А. Варшавским, Б. А. Каминкой. На этот раз они выступили в качестве руководителей Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО). Наличие в составе этой делегации члена Политического бюро Г. Б. Слиозберга говорит о том, что его коллеги по этой организации по крайней мере были полностью осведомлены о целях и характере визита. Тем более что на нем речь шла о коренной проблеме национальной жизни этого периода — о черте еврейской оседлости. Судьба евреев, эвакуированных из прифронтовой полосы, требовала своего немедленного юридического разрешения. Первоначально Н. Б. Щербатов отказался ставить такой вопрос перед Государственной Думой. Щербатов даже заявил, что Дума никогда не пойдет на такой шаг и правительство потерпит поражение. Однако многоопытный юрист Г. Б. Слиозберг, выяснив, что министр не совсем «владеет материалом», напомнил ему, что юридически Министр внутренних дел в чрезвычайных обстоятельствах может по Высочайшему повелению отдать распоряжение о любых изменениях в законодательстве. Щербатов тут же поручил Слиозбергу подготовить для него подобное обоснование для представления в Совет министров²⁹.

Под политическим и экономическим давлением, а также внешнеполитическим прессом власти были вынуждены всё же обратить внимание на требования еврейской общественности. В июле–августе 1915 г. в Совете министров произошла дискуссия по еврейскому вопросу. Большинство министров «с душевным прискорбием» высказалось за то, чтобы отменить целый ряд антиеврейских законов, приостановить массовые выселения и принять меры по регламентированию еврейской экономической жизни вне черты оседлости. Вину за этот вынужденный «отказ от принципов» они возложили на армейское командование. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов даже заявил: «Нечего сказать, в достойное положение поставлена государственная власть господами Янушкевичами... Нож приставлен к горлу и ничего не поделаешь. Как Министр Внутренних Дел по соображениям внутренним, так Министр Финансов по соображениям финансовым приходят к одному и тому же заключению: неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее он будет проведен, тем лучше. Если мы не выступим в данную минуту, то может быть через короткое время нам придется давать то же и даже больше при менее для нас выгодной обстановке... Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия». На одном из заседаний Совета министров, где обсуждался вопрос о допуске евреев-беженцев во внутренние губернии России, министр иностранных дел С. Д. Сазонов указал, что союзники России по Антанте недовольны преследованиями евреев, о которых много говорит немецкая пропаганда, а министр

воевать с Германией, и, по моему убеждению, мы не можем и не должны одновременно воевать и с Германией, и с еврейством» (*Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. Париж, 1965. Т. 172. С. 93).

²⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 3. С. 338–339.

финансов П. Л. Барк сообщил: «Всеобщее возмущение по поводу отношения к еврейству» приводит к «трудностям с размещением государственных бумаг». В итоге было решено, что «необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу»³⁰. Один из наиболее умных и дальновидных министров того правительства, А. В. Кривошеин предупредил правительство, сказав: «Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями. Надо разделить эти войны»³¹.

15 августа 1915 г. был издан циркуляр Н. Б. Щербатова, разрешавший «евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного». Этот документ во многом опирался на юридическое обоснование, разработанное членом бюро Г. Б. Слиозбергом. Запрет на проживание евреев сохранился лишь в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также на курортах Крыма, где отдыхала царская семья. Немногим ранее, 10 августа 1915 г. было опубликовано постановление Совета министров, разрешавшее евреям — участникам войны и их детям поступать в средние и высшие учебные заведения «вне конкурса и не считаясь с существующими ограничениями»³².

С. М. Дубнов, характеризуя этот указ, писал: «Это не обновление, а лишь обновка, брошенная ограбленному, с которого сорвали последнюю рубашку... Сознание того, что народ доведен был до такой нужды, что его выпустили из тюрьмы только в момент пожара и после долгих отчаянных криков о помощи, — это сознание совершенно не совместимо с чувством нравственного удовлетворения»³³.

Важнейшим направлением в работе бюро было постоянное будирование международного общественного мнения в странах-союзниках. И раньше еврейский вопрос неоднократно поднимался в отношениях с Францией, Великобританией и США. Россия постоянно нуждалась в финансовых вливаниях. На протяжении последних десятилетий еврейский вопрос стал фактором международных отношений. После волны погромов начала XX в. в многочисленных

³⁰ Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII: Протоколы заседаний Совета министров. С. 5–136; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... Выступая по этому же поводу, министр финансов П. Л. Барк сказал: «К сожалению, нам приходится руководствоваться не чувствами, а велениями чрезвычайно острого момента. Не мы создали этот момент, а те, кого мы давно уже тщетно просили воздержаться от возбуждения еврейского вопроса казацкими нагайками. Но расплачиваться за эти нагайки приходится нам, ибо денег на войну требуют от правительства. Достать же мы их не можем, так как они находятся в руках того племени, которое предается генералом Янушкевичем недопустимым ни в одном цивилизованном государстве насилиям и надругательствам» (Там же).

³¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 211.

³² *Гольденвейзер А. А.* Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х гг. до 1917 г. Нью-Йорк, 1960. (Перепеч: Минск, 2002). С. 140–141.

³³ *Дубнов С. М.* Уступки // Еврейская неделя. 1915. № 14. С. 4. См. также: Русская печать и общество об отмене черты еврейской оседлости. М., 1915.

переговорах между европейскими странами расширение прав российского еврейства превратилось в действенное орудие, в предмет торга³⁴. Бюро имело прямые контакты с общественностью Великобритании, Франции и США. В большей или меньшей степени часть общественного мнения в этих странах была настроена против политики русского самодержавия в отношении еврейского населения. Членами Бюро были установлены непосредственные контакты с некоторыми политическими деятелями на Западе и с руководством ряда ведущих периодических изданий в США, во Франции и в Великобритании. Важнейшую роль в этом деле играл А. И. Браудо, имевший еще с начала века постоянные связи с руководителями еврейских общин в странах Европы и в США³⁵. Член Бюро Г. Б. Слиозберг в октябре 1916 г. опубликовал в США в газете *New York Times* статью о положении евреев и их участии в войне³⁶. В ней он описал положение еврейского населения в России, сложившееся за период войны. Статья была целиком основана на информации, собранной Политическим бюро.

Положение еврейского населения не оставило равнодушной и часть российской интеллигенции. Активно собирались подписи под протестом против репрессий в отношении еврейского населения. Группа либерально настроенных литераторов и общественных деятелей объединилась в «Русское общество изучения еврейской жизни»³⁷. Инициаторами его создания выступили М. Горький, Л. Андреев и Ф. Сологуб³⁸.

³⁴ Журавлева В. И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012; Эстрайх Г. За немцев или за русских? Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории / Глав. ред. О. В. Будницкий. М., 2011. Т. 6. С. 123–137; Neilson K. Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. L., 1984; Johnson S. Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.

³⁵ Мовшович Д. А. И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо (1864–1924): Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103–108. В тот момент Д. Мовшович находился в Стокгольме и к нему сходились все международные связи Политического бюро. Позднее он стал личным консультантом одного из лидеров британского еврейства, публициста и дипломата Л. Вольфа.

³⁶ Sliozberg G. Russian Jews hope for Allied victory // The New York Times. 1916. Oct. 16. P. 8.

³⁷ В мае 1915 г. М. Горький писал литератору С. И. Мальшеву: «Вы не можете себе представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15–20 тысяч — всё еврейское население города — в 24 часа! Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи... Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется... — в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно!» (Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 927).

³⁸ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–92. В то же время далеко не все видные общественные деятели, принадлежавшие к либеральной и демократической оппозиции, подписали письмо с протестом против массовых выселений евреев из прифронтовой полосы и огульных обвинений в шпионаже в пользу противника. Среди тех, кто воздержался от подписания этого письма, были, например, видный кадет член II–IV Государственной Думы, московский городской голова М. В. Челноков,

Одно заседание Политического бюро следовало за другим, вырабатывались резолюции и протесты, конструировались планы по работе с правительственными чиновниками и русской общественностью. На заседаниях бюро С. М. Дубнов постоянно настаивал на том, чтобы в этой деятельности за повседневными заботами не забывали о глобальной цели — добиться от властей реальных мер по ликвидации всего репрессивного антиеврейского законодательства³⁹. В то же время именно он являлся самым последовательным критиком работы бюро. С его точки зрения, все эти многочисленные совещания «носили эфемерный характер». Еврейские лидеры, по его мнению, оказались неспособны на решительные шаги. Дубнов в довольно резкой манере писал об этом в статье «Скорая помощь и день грядущий»: «С самого начала войны душил нас это безгласие, отсутствие определенных общественных заявлений, возможных в известных границах даже при нынешних условиях. Не было в свое время сказано нужное слово, которое бы осмыслило для народа его шествие по скорбному пути, а теперь из души уже рвется крик нестерпимой боли. Всё более жгучей становится потребность поставить вопрос, хотя бы без надежды услышать ответ: “Что ждет нас в конце пути, орошенного нашей кровью? Прежняя ли рабская доля, с которой отныне уже не примирится народная совесть, или жизнь равноправных граждан на земле, в защиту которой еврейство выдвинуло армию в сотни тысяч”? Повторяю, мало надежды услышать успокоительный ответ извне, среди ужасной действительности, ничего доброго не предвещающей. Но нравственно важно, чтобы истерзанная нация поставила этот вопрос во всей его силе и дала на него ответ, равносильный обету: “Пора покончить с постыдным рабством евреев”»⁴⁰. Особенно его возмутило заявление известного адвоката, также члена бюро О. О. Грузенберга: «Если бы надо было формулировать отношение евреев к войне, я сказал бы: евреи сейчас думают не о своих правах, а только о своих обязанностях в отношении своей великой родины»⁴¹. Дубнов выступил против распространенной точки зрения о том, что военное время не тот момент, когда следует предьявлять какие-либо

философ Е. Н. Трубецкой. Последний на предложение подписать это воззвание ответил: «Я могу подписать эту бумагу, если будет прибавлено, что для “них” должно сохранить черту оседлости за 50 верст от пограничной полосы» (Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917 / Пред. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. Т. 21. М.; СПб., 1997. С. 554, 5 марта 1915). По разным причинам не подписали и ведущие деятели партии кадетов, депутаты Думы Ф. Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков (Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. С. 345).

³⁹ Еще в начале работы бюро Дубнов, сокрушаясь по поводу того, что ему пришлось оторваться от занятий наукой, записал в дневнике: «Предстоит волнующая работа; полудневные заседания, бесконечные прения, неосуществленные решения — работа нужная, но массою бесплодно потраченных сил» (Дубнов С. М. Книга Жизни... С. 368).

⁴⁰ Дубнов С. М. Скорая помощь и день грядущий // Еврейская неделя. 1915. № 4. С. 4.

⁴¹ Цит. по: Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 461.

требования о равноправии. Наоборот, он расценивал выступления с требованиями равноправия как акт по «защите народной чести»: «Если молчание общества может быть оправдываемо там, где невозможно при нынешних условиях защищать наши общенародные интересы, то нет оправдания тому молчанию, которое набрасывает тень на нашу народную честь и низводит нас на степень бессловесных, некультурных племен, история которых делается другими»⁴². Подобные споры регулярно происходили на заседаниях бюро.

Политическое бюро вело разнообразную работу, но основной в его деятельности всё же оставалась борьба за интересы своего народа в стенах Государственной Думы. В этой борьбе они прежде всего рассчитывали на поддержку партии кадетов. Координация этих усилий легла на плечи М. М. Винавера. В то же время он обязан был проводить в бюро политику его собственной партии. В мае 1916 г. он уверял членов бюро в том, что «лично отстаивает» политику бюро в Центральном комитете партии и в ее думской фракции, хотя не скрывал и того, что его настойчивость не всегда адекватно воспринимается в партии⁴³.

Главная проблема, стоявшая перед депутатами и кадетами, входившими в Бюро, — как совместить еврейскую национальную деятельность с участием евреев-депутатов в работе кадетской фракции. В ответ на критику своих коллег по Бюро, обвинявших их в излишней зависимости от решений партии, депутат М. Б. Бомаш с горечью заявил: «Еврейские депутаты не имеют права вести самостоятельную политику»⁴⁴.

Первые сведения о начале антиеврейской кампании со стороны руководства армии застали членов бюро врасплох. Прошло всего несколько месяцев с того дня, когда патриотическому выступлению Н. М. Фридмана в Думе рукоплескали даже записные националисты. Естественно, что первым делом депутаты-евреи обратились за поддержкой к лидеру партии и фракции П. Н. Милокову. Его ответ ошеломил посланцев бюро А. И. Браудо и Я. Г. Фрумкина. Милоков, по сути, отказал им в содействии со словами: «Мы не можем в военное время критиковать действия военных властей»⁴⁵. В ответ на критику Милоков заявил, что своим поведением он «не хочет доставлять радости Берлину»⁴⁶. В ответ публицист И. М. Бикерман не преминул заметить, что «то, что военные власти

⁴² Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 460–465.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Далеко не все руководители партии разделяли точку зрения Милокова. На одном из многочисленных тогда собраний кадетской и около кадетской общественности, на квартире писателя Ф. К. Сологуба, на котором присутствовали и члены бюро, против Милокова выступил даже такой сугубо национально настроенный человек, как бывший кадет П. Б. Струве (*Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 97–98*).

⁴⁶ Там же. В то же время П. Н. Милоков опубликовал статью «Еврейский вопрос в России» в специальном сборнике «Щит», изданном под эгидой М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба в поддержку еврейского населения страны.

делают с евреями, в разных отношениях вредно для успеха войны... П. Н. Милоков не хочет доставить Берлину радость, но его тактика может не только принести Берлину радость, но и содействовать победе Берлина»⁴⁷.

Свое неудовлетворение такой позицией своего партийного руководства М. М. Винавер высказал в письме к председателю партии, ее старейшему и авторитетному деятелю, И. И. Петрункевичу. В феврале 1915 г. И. И. Петрункевич, пытаясь объяснить Винаверу игнорирование рядом видных деятелей партии известного Воззвания в защиту еврейского населения прифронтовой полосы⁴⁸, объяснял это тем, что рассматривает его как неуместный в тот момент акт политической борьбы. По его мнению, «враги еврейства, а может быть еще больше — враги реформ и сторонники реакции используют это воззвание как “желание создать смуту за спиной армии”. Можете ли Вы ожидать при таких условиях сколько-нибудь благоприятных последствий для Евреев? Я боюсь, напротив, обострения антисемитизма. Для победы над антисемитизмом нужны не случайные голоса, а голоса убежденные и искренние, умеющие находить путь к человеческой совести; тогда и язык воззвания будет не вымученный, а жгучий»⁴⁹.

Подобная постановка проблемы не удовлетворила Винавера, и он ответил своему соратнику по партии: «Я не так понимаю смысл воззвания, как Вы, и не так понимаю значение нашей тактической линии. Воззвание, на мой взгляд, является не актом политической борьбы с нынешним правительством — оно по замыслу стоит выше такой борьбы. Оно обращено к обществу и старается предупредить в нем разрастание антисемитской заразы, которая может не остановиться вовремя, явится тормозом на нашем пути, когда уже дано нам будет осуществлять наши политические идеалы в других сферах жизни. С другой стороны, оно может явиться — и, несомненно, явится — призывом к бодрости еврейского населения; при отсутствии правительственных обещаний, при усилении административных репрессий и перед лицом приводящего в полное отчаяние роста антисемитизма, укрепления в народе надежды на светлое будущее может только усилить его стойкость в защите родины. В этом смысле оно не только не ослабит, но укрепит столь необходимое нам “национальное единство”. Что касается нашей тактической линии, то мне кажется, что повседневное поведение наше и особенно поведение оппозиционной печати — в том числе и “Речи” конечно — свидетельствует о совершенной невозможности выдержать до конца политику умолчания о наших внутренних язвах»⁵⁰.

Подобное отношение к еврейской проблеме руководства партии и ее думской фракции не могло удовлетворить ни евреев-депутатов, ни Политическое

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 91–92.

⁴⁹ Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки. Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 70.

⁵⁰ Там же.

бюро. С целью переубедить их бюро направило в ЦК партии и лично П. Н. Милюкову собранные Информационным подразделением документы, разоблачающие антисемитскую клеветническую кампанию. 6–8 июня 1915 г. состоялась конференция партии кадетов, в которой участвовали не только члены ЦК партии, но и члены фракции в Государственной Думе. Основной доклад по еврейскому вопросу, подготовленный Политическим Бюро, сделал Винавер. На основе огромного количества собранных Бюро материалов и документов было продемонстрировано прямое участие военных властей в развязывании антисемитской кампании в стране и на фронте⁵¹. На этой конференции была единогласно принята резолюция, осуждавшая развертывание в стране антисемитской кампании. Уже через несколько дней, 19 июля 1915 г., выступая в Думе, Милюков, в целом выразив протест против антиеврейской политики, правда, обвинил в ее проведении лишь некий «узкопартийный источник, прикрывающийся военными полномочиями»⁵².

Всё же главным для бюро, точнее, наиболее видимой частью его деятельности была выработка думской тактики и подготовка выступлений в Государственной Думе. Еще в декабре 1914 г. при первых проявлениях антисемитской кампании в армии члены Бюро начали проявлять беспокойство складывающимся положением. По мере нарастания антиеврейской агитации, с началом массовых выселений евреев из прифронтовой полосы они усилили свое давление не только на лидеров кадетов, но и начали активную агитацию среди широких кругов русской общественности⁵³.

Депутатам-евреям в Думе приходилось работать в накаленной атмосфере. Каждое выступление депутатов с требованием ослабления антиеврейской политики приводило в ярость националистов типа Г. Г. Замысловского и Н. Е. Маркова-2-го.

Положение еврейских депутатов, действующих под плотной опекой Политического бюро, значительно осложнилось после вхождения партии кадетов в августе 1915 г. в Прогрессивный блок⁵⁴. Это объединение «во имя победы» либералов с умеренными консерваторами и националистами было призвано корректировать политику властей в период всё более неудачно складывавшейся

⁵¹ Доклад по еврейскому вопросу Центрального комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6–8 июня 1915 г. [Машинописный экземпляр.] Российская Национальная библиотека. Текст этого доклада был переведен на основные европейские языки и распространен в Великобритании, США и во Франции.

⁵² Цит. по: Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 99.

⁵³ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

⁵⁴ Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1; Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте 1907–1917 годы. СПб., 2009; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

ся для России войны. В этих условиях еврейская проблема становилась заложницей политической игры, как в рамках самой коалиции, так и в самой Думе. Отчетливо это проявилось еще при формировании блока. В отношении еврейского вопроса в пятом пункте его программы говорилось о необходимости «отмены ограничений в правах евреям, в частности, дальнейших шагов к отмене черты оседлости, облегчения доступа в учебные заведения и отмены стеснений в выборе профессий»⁵⁵. В ответ на критику со стороны наиболее консервативной и националистической части Думы представители этого политического объединения указывали на то, что, наоборот, в программу блока не вошли многие положения программы партии кадетов, в том числе и требования равноправия для еврейского населения. Так, известный националист, публицист и политический деятель В. В. Шульгин, отвечая на упреки крайне правых, говорил о программе этого объединения: «Неверно и то, что в программе говорится о полном еврейском равноправии. Там говорится лишь о “вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев”. Мы полагаем, что постоянное раздражение против наших сограждан, которые как-никак все-таки воюют вместе с нами, есть минус для победы, и стараемся это ослабить»⁵⁶. Подобный снисходительный тон и оправдательная позиция руководителей блока не устраивала членов Политического бюро. Депутаты-евреи, будучи по партийной принадлежности кадетами, также «автоматически» вошли в Прогрессивный блок. Весьма умеренные требования блока в еврейском вопросе объяснялись стремлением кадетов достичь компромисса с националистами. Всё это не могло не отразиться на сверхосторожной тактике кадетов, а значит, и не привести к конфликту между руководством этой партии и Политическим бюро. Это ставило Винавера в весьма сложное положение. Ведь в его партии не было твердого единства по вопросу о постоянном «присутствии» в партийной политике еврейского вопроса. Наоборот, это мешало ведению «тонкой» дипломатической игры с другими членами Прогрессивного блока.

Винавер старался, чтобы при работе над законами и поправками учитывались все пожелания, сформулированные Политическим бюро, чтобы в стенах Думы «еврейская тема» звучала постоянно. По его мнению, так «еврейское население узнает, что оно не забыто — хотя бы эта поправка и внесена незначительной частью блока»⁵⁷.

Особенно наглядно эти противоречия проявились в обсуждении в Думе так называемых «циркуляров Кафафова». В январе 1916 г. директор Департамента полиции К. Д. Кафафов разослал губернаторам, начальникам областных и губернских жандармских управлений специальный циркуляр, в котором еврейское население обвинялось в экономической диверсии (организации нехватки

⁵⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1.

⁵⁶ Цит. по: Еврейская жизнь. 1916. № 13. 20 марта. Стб. 20–21.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 16.

товаров первой необходимости, искусственном вздорожании продуктов, нехватке «звонкой монеты»). Это, по мнению составителя циркуляров, не только делалось для того чтобы вызвать общее недовольство и протест против властей, но и «объясняется стремлением их добиться отмены черты еврейской оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей...»⁵⁸. Вскоре текст этих циркуляров оказался в распоряжении Политического бюро⁵⁹. В Думе эти циркуляры огласил депутат Н. С. Чехидзе, бывший представителем социал-демократического движения. От лица кадетской фракции выразили возмущение провокационным антисемитским характером документа В. А. Маклаков и Ф. И. Родичев⁶⁰. Прогрессивный блок расценил это как повод для усиления критики правительства. Н. М. Фридман подал в президиум Думы заявление с требованием сделать соответствующий срочный запрос председателю Совета министров «по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению»⁶¹. Вскоре вокруг этого запроса начались политические интриги⁶². В какой-то момент руководство кадетской фракции сочло, что появление «еврейского запроса» ей невыгодно, так как могло вызвать недовольство остальной части Прогрессивного блока.

После серии переговоров М. Х. Бомашем был внесен новый, «смягченный» запрос⁶³. Но, ко всеобщему изумлению, его отказался подписать один из лидеров фракции В. А. Маклаков, а собиравшийся выступить в поддержку срочности этого запроса Н. М. Фридман путем процедурных ухищрений был лишен права внесения срочного запроса. Зато обычную антисемитскую вакханалию устроил черносотенец Г. Г. Замысловский. Разразился скандал. Часть депутатов покинула зал заседаний. После долгих споров и политического лавирования депутаты пришли к решению заслушать на заседании представителя правительства, а именно самого К. Д. Кафафова. Выступая в Думе, чиновник попытался успокоить депутатов заявлением о том, что циркуляр отменили еще до его вступления в силу⁶⁴. Под давлением своих товарищей по партии и Прогрессивному блоку еврейские депутаты всё же были вынуждены снять этот запрос. Якобы их удовлетворил такой ответ правительства⁶⁵. Однако поведение

⁵⁸ Из недавнего прошлого. Речи еврейских депутатов в Государственной Думе в годы войны / Вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917. С. 120–121.

⁵⁹ Я. Г. Фрумкин вспоминал о том, что, не решаясь переправить этот документ по почте, его привезли в Петроград связанные с бюро люди (Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 103).

⁶⁰ Государственная Дума: 4-й созыв: Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 1467–1468, 2769.

⁶¹ Там же. Стб. 2187.

⁶² Ганелин Р. Ш. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. № 3 (10). С. 10–15.

⁶³ Государственная Дума: 4-й созыв: Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 3025.

⁶⁴ Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 16–19.

⁶⁵ Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 106.

кадетов и «прогрессистов» было воспринято многими членами Бюро как поражение, как демонстрация «еврейского одиночества» в Думе⁶⁶. По воспоминаниям присутствовавшего на этом заседании Я. Г. Фрумкина, отказ от запроса «произвел на присутствовавших еще более тяжелое впечатление, чем неприятное выступление Замысловского»⁶⁷. Еврейская общественность, традиционно уповавшая на солидарность передового либерального общества, была возмущена и не скрывала этого⁶⁸. Самая острая полемика относительно сложившейся ситуации произошла на заседании Пленума Бюро 17 марта 1916 г. По мнению М. М. Винавера, главную роль в создавшейся ситуации сыграл председатель Думы октябрист М. В. Родзянко, «который стал пускать в ход угрозы и обещания... Затем пригласил к себе Милюкова и говорил с ним о том, что он принял бы меры к отмене циркуляра, если бы получил обещание, что запрос будет снят»⁶⁹. На этом заседании обсуждалось несколько вариантов реакции на сложившееся положение: евреям-депутатам «публично отмежеваться от Блока, выйти из Кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию... уйти из Блока, но остаться в кадетской фракции... убедить саму Кадетскую фракцию снять этот запрос»⁷⁰. Одновременно предлагалось депутатам сделать заявление в прессе, о том, что «они вступили в Прогрессивный Блок механически, вместе с Кадетской фракцией, но, якобы, при этом они сделали еще тогда заявление о сохранении самостоятельности своих выступлений в связи с еврейским вопросом»⁷¹. В итоге предложение о выходе из Прогрессивного Блока не прошло. Но на этом дискуссия не завершилась. Тон на этом заседании задавали сионисты. Б. Д. Бруцкус в своем выступлении заявил: «Политическое Бюро приняло неверную тактику в своей деятельности. Когда оно постановило прекратить прения и воздействовать на кадетов... Раз запрос был поставлен, то какие бы то ни было шаги против него были уже невозможны. Евреи не имели права этого делать... Их долгом было вынести еврейский вопрос на трибуну. Клевета на евреев разносится по всей России и трибуна Государственной Думы для нас одно из лучших средств борьбы с нею. Если мы правы, то нам нечего бояться отрицательных вотумов. Мы обязаны были требовать от кадетов защитить запрос. Мы же пошли правокадетской тактикой, тактикой Милюкова... Говорят, нас ожидал провал запроса. Но впервые ли нам проваливаться вместе с оппозицией? То обстоятельство, что Блок потерпел бы [поражение] при постановке еврейского вопроса, нас не должно интересовать.

⁶⁶ Ганелин Р. Г. Указ. соч. С. 20.

⁶⁷ Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 109.

⁶⁸ Это возмущение вылилось в большое число писем и резолюций. См.: О протестах // Еврейская неделя. 1916. № 18. Стб. 29–31.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

⁷⁰ Там же. Л. 3.

⁷¹ Там же.

Что же теперь получилось? Провал в квадрате... Еврейские депутаты признали удовлетворительным объяснение правительства. Это совершенно неслыханно. Среди лучших людей создалось мнение, что мы сняли запрос потому, что испугались невозможности доказать нашу правоту. Мы закрепили клевету за нами... Мы опозорены и должны думать о том, как выйти из создавшегося положения»⁷². Бруцкуса поддержал другой видный деятель российского сионизма, редактор газеты «Тогблат» И. Гринбаум. Видимо, только что вернувшись из Москвы, он заявил, что «филиал» Политического бюро в Москве считает, что «в Питере П. Б. боится выступить в Государственной Думе из-за возможности провала (подчеркнуто в тексте. — В. К.). Москва постановила требовать от депутатов-евреев выхода из Блока, ибо выход из Блока есть дело чести еврейского народа»⁷³. Далее он сказал, что «в провинции давно уже сложилось мнение о том, что надо покончить с политикой трусости. Настало время громких и ясных слов. Надо иметь смелость уйти из кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию»⁷⁴.

Решительно против подобной тактики выступил Г. Б. Слиозберг. По его мнению, снятие запроса не было провалом. А причину случившегося он видел в том, что еврейская общественность «пляшет на двух свадьбах». Так он охарактеризовал двойное «подчинение» евреев-депутатов, имея в виду национальный долг и партийную дисциплину членов кадетской фракции. Он назвал это «несчастливым стечением обстоятельств». Многоопытный юрист и политический деятель, начинавший свой путь еще в эпоху штадлонута⁷⁵, Слиозберг говорил: «Еврейская политика есть часть общей политики, а общую политику нельзя целиком сворачивать с намеченного ею пути. Евреи связывают свою борьбу с общеполитической борьбой, и потому они должны бороться, оставаясь во фракции. Можно и должно ругаться с кадетами, но надо по-прежнему делать свое дело. Это будет не очень храбро, но политически благоразумно»⁷⁶.

Разброс мнений на этом заседании был велик как никогда. В. С. Мандель считал, что Политическое бюро продемонстрировало «наивность, когда решило, что придет Кафафов и сделает всё возможное, чтобы оправдаться, что Прогрессивный Блок будет поддерживать еврейский запрос». «Разве можно думать, — воскликнул он, имея в виду правых прогрессистов, — что Савенко, Шульгин и другие перестанут быть антисемитами?»⁷⁷. Более того, Мандель назвал связь

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. В этих выступлениях сионистов отразилась старая полемика между ними и либералами, в первую очередь с Винавером по вопросу о создании в Думе собственной национальной фракции (Кельнер В. Е. «Их цели могут быть высоки, но они не наши цели» (М. М. Винавер — антиссионист) // *Judaika Petropolitana*. 2013. № 1. С. 114–132).

⁷⁵ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. 1–3. Штадлонут — представительство перед властями со стороны еврейской общины.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 7.

⁷⁷ Там же.

евреев-депутатов с Прогрессивным блоком «противоестественной», призвал не бояться выхода из него и даже разрыва с кадетами⁷⁸. Юрист, историк и уже тогда известный публицист И. А. Клейнман во всех бедах обвинял кадетскую фракцию, которая, по его выражению, «пустилась на парадоксы военного времени». По его мнению, выход евреев из блока лишь «развяжет его правой части руки, ибо наличность евреев в блоке портит их отношения направо и налево». Но разрыв с кадетами он считал мерой преждевременной, хотя бы до того времени, пока «они не завершат борьбу со старым режимом, нам с ними по пути»⁷⁹.

На этом заседании сионисты продолжили свои нападки на либералов. Один из лидеров российского сионизма тех лет М. С. Алейников возложил всю ответственность за провал на «руководящую группу еврейских деятелей». Имея в виду М. М. Винавера, он сказал: «Максим Максимович указывал, что вина Политического Бюро в том, что оно не вело одной определенной политики». И далее он как бы констатировал: «Мы приняли ошибочную тактику. Мы решили, что нам необходимо связаться с какой-нибудь русской политической партией. Нам навязывали идею: только в чужой упряжке, только политическая несамостоятельность... Из-за нее мы в блоке... Вместо взгляда на Думу как на трибуну (так мы смотрели на III Думу), мы начали смотреть на IV Думу как на Думу, выражающую народную волю, начинаем бояться провала. Если бы было предложено, чтобы еврейские депутаты перешли из кадетской фракции во фракцию социал-демократов, я был бы против. Нечего ползти за другими, надо уйти в себя. Предложение уйти из Блока есть поворотный пункт нашей политики. Он возможен и во время войны»⁸⁰. В то же время сторонник социалистического крыла сионистского движения, публицист И. Р. Ефройкин обвинил часть членов Бюро в том, что они рассматривают все вопросы текущей политической жизни «только как евреи и забывают всё остальное». Он говорил: «Вы отказываетесь от общеполитической борьбы. Где почва для независимой еврейской политики?» И далее уверял: «До тех пор, пока мы живем в чужом государстве, у нас не может быть независимой политики»⁸¹.

За выход евреев-депутатов из Прогрессивного блока выступал и один из известнейших в то время русско-еврейских публицистов, И. М. Бикерман⁸².

В известной степени итог дискуссии подвел председательствовавший на этом заседании М. М. Винавер. Его речь была направлена на то, чтобы в какой-то степени отрезвить «горячие головы» и вернуть членов Политического бюро в русло реальной политики. В своем выступлении он сказал: «Мы все согласны в том, что вынесение еврейского вопроса на трибуну Государственной Думы не может быть предметом демонстрации. Чрезвычайные условия

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 8–9.

⁸⁰ Там же. Л. 9.

⁸¹ Там же. Л. 11.

⁸² Там же. Л. 12.

военного времени вызвали чрезвычайные обстоятельства для евреев. Родился навет. Он с колоссальной быстротой нарастает в обществе. Борьба с ним очень трудна, но никто от нее не отказывается. Внесен запрос о навете, потому что естественно было реагировать на случившееся. Рассчитывали, что Блок примет его. Блок заколебался только в тот момент, когда вопрос был переведен на шпионаж и участие военных властей. Для всех ясно, что говорить надо, но когда и при каких условиях? Борьба с наветом необыкновенно трудна... Речь шла о том, чтобы дать сражение теперь или при более благоприятной обстановке. Чтобы развернуть сражение, недостаточно трех еврейских депутатов и неподготовленных кадетов. Мы упустили из вида настроения наших депутатов и в этом наша ошибка. Дело приняло неожиданный поворот, и всё перевернулось вверх дном... Выход из Блока есть выход из фракции, на это имеются совершенно определенные данные». И далее Винавер, с определенной степенью сарказма, сказал: «Если бы я был в Государственной Думе один, то уходя из фракции, я образовал бы еврейскую национальную фракцию»⁸³. Всё же он вынужден был признать, что его партия, интересы которой он постоянно отстаивал во всех еврейских структурах, вела себя в думской дискуссии не вполне последовательно. Но при этом Винавер постоянно подчеркивал — без участия кадетов он не видит путей решения еврейского вопроса. В том же выступлении он сказал: «Кадетская активность несомненно ослабла в военное время. Однако уход из фракции и из Блока для нас представляет большое зло. Помимо принципиальных соображений, он изъемерит нас из среды, где мы можем агитировать в благожелательной обстановке... Уход даст только минусы. Если бы кадетская партия совершила безумие только по отношению к евреям, тогда другое дело, но ведь это делается как общая политика, и в этот момент Вы хотите освободить кадетов от их обязанностей. Вся психология русского общества зашаталась. Нельзя оставить группу, на которую мы можем возлагать наши надежды. Надо идти тем же фронтом»⁸⁴.

В то же время на фоне политики Прогрессивного блока куда более радикальными и решительными являлись выступления в защиту российского еврейства со стороны социал-демократов и трудовиков. Особенно энергично действовал в этом направлении депутат-трудолик А. Ф. Керенский. Именно к нему и обратилось бюро с просьбой совершить специальную поездку в прифронтовую полосу и на месте разобраться с создавшимся положением⁸⁵. В бюро справедливо рассудили, что свидетельство депутата не еврея будет гораздо весомее, чем очередной демарш одного из трех депутатов-евреев. Эту поездку в прифронтовую полосу он совершил совместно с писателем Н. В. Коробкой. Керенский после поездки в прифронтовую черту выступил с разоблачениями инспирирован-

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–13.

⁸⁴ Там же. Л. 13.

⁸⁵ Думается, что с А. Ф. Керенским бюро связывалось прежде всего при посредничестве его политического единомышленника Л. М. Брамсона.

ной военными властями шпиономании и антисемитской кампании. Бюро также инициировало поездку в те же районы народного социалиста, экономиста Н. П. Огановского, человека, также близкого к Трудовой фракции в Думе. В написанной по результатам этой поездки статье он продемонстрировал тот факт, что массовые выселения евреев привели к большим экономическим потерям и организационным неурядицам в тылу⁸⁶. Все эти события привели к кризису в работе Политического бюро. Особенно яростной атаке его политика подверглась со стороны сионистов и левой печати.

Инцидент с «кафафовскими циркулярами» так ничему и не научил руководителей Прогрессивного блока. Они считали, что для достижения своих целей придется чем-нибудь пожертвовать. И, как это уже не раз бывало в истории, первой и наиболее «логичной» жертвой становилось равноправие евреев. Особенно ярко это проявилось в дебатах по крестьянскому вопросу. Политическое бюро потребовало от своих депутатов использовать эти дебаты для того, чтобы вновь поставить на повестку дня еврейский вопрос⁸⁷.

М. И. Шефтель при обсуждении на бюро роли евреев-депутатов в прохождении в Думе крестьянского закона настаивал на том, что этот «вопрос представляет важность, превосходящую важность фракций, блока, выхода из него и так далее. Этот вопрос надо обсудить с точки зрения будущего еврейского вопроса. Вопрос о борьбе — если бы не борьба, то еврейским депутатам нечего было бы делать в Думе. Мы должны не пропускать ни одного момента»⁸⁸. Н. М. Фридман 7 июня 1916 г. при обсуждении крестьянского закона вновь не преминул выступить с критикой тактики Прогрессивного блока. Он сказал: «Евреи хорошо понимают, что если гражданскому равенству суждено пройти не сразу, то прежде всех должны быть раскрепощены крестьяне, но и крестьяне должны понять, что пока у нас будут граждане второго разряда, то и они не станут гражданами первого разряда. Среди граждан не должно быть никаких сортов и никаких разрядов»⁸⁹. Однако В. В. Маклаков, бывший докладчиком по этому вопросу от Прогрессивного блока, заблокировал включение «еврейских поправок»⁹⁰. Известный деятель партии кадетов, адвокат на процессе Бейлиса, теперь в Думе он из тактических соображений противился включению еврейского вопроса практически во все запросы. Эту политику он продолжал и при проведении крестьянского законодательства. Кадеты рассчитывали на то, что этот важный для них закон пройдет в Думе без особого сопротивления со стороны правых. Но Политическое бюро, согласно своей доктрине,

⁸⁶ Огановский Н. П. У евреев в Литве // Северные Записки. 1915. Т. 7/8. С. 172–191. В 1916 г. вышла в свет его книга: Враги ли евреи русскому народу (М., 1916).

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20–25.

⁸⁸ Там же. Л. 25.

⁸⁹ Из недавнего прошлого... С. 42.

⁹⁰ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма) // Вестник еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 59.

рассчитывало через депутатов распространить закон о крестьянском равноправии и на еврейское население. Естественно, это должно было «взорвать» всю правую, националистическую часть Думы и грозило провалом всего законопроекта⁹¹. Но поддержанные Политическим бюро депутаты-евреи продолжали настаивать на своем. В сложившихся обстоятельствах были даже предприняты попытки переориентироваться «с кадетов» на трудовиков и крестьянских депутатов⁹². Выступая в Бюро, Н. М. Фридман предупредил о том, что «во фракции большинство против внесения еврейских поправок, так как законопроект совершенно не касается евреев, что законопроект крестьянский. Если же евреи внесут поправку, и вопрос перейдет в Блок, то большая часть Блока будет голосовать против, а кадеты, в лучшем случае, воздержатся от голосования»⁹³.

В ходе бурной дискуссии С. М. Дубнов заявил: «Считая судьбу поправки предрешенной, мы должны воспользоваться внесением поправки лишь как поводом для общей декларации по еврейскому вопросу»⁹⁴.

Винавер, подводя итоги дискуссии по использованию дебатов вокруг крестьянского закона, признавался в том, что возбуждал вопрос об этом в ЦК партии кадетов. Но в партии, признал он — «боятся реакции крестьянства»⁹⁵.

Винавер вновь и вновь выступал против радикальной политики, предлагаемой в первую очередь сионистами. «Нужно дать возможность бороться в партии, входящей в Блок» — заявлял он и призывал «создать единую еврейскую политику», а толерантность идеологов, по его мнению, «состоит в том, чтобы быть ближе к реальности»⁹⁶.

В мае 1916 г. в Красноярске произошел еврейский погром. До сих пор на территории Сибири погромов не было. Для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, на место выехал активный участник работы бюро юрист И. А. Клейнман. Он установил, что погром традиционно проходил при бездействии местных властей⁹⁷. Вернувшись в Петербург, Клейнман информировал бюро об этих событиях, и бюро инициировало возбуждение запроса в Думе. По этому случаю в Думе выступил депутат Н. М. Фридман. Он не только на-

⁹¹ Сам В. А. Маклаков писал позднее о том, что, по его мнению, опасность провала принятия этого столь важного документа «выходила не от противников, а от друзей, которые им хотели воспользоваться, чтобы под видом поправок протаскать контрабандою новые нормы, ничем с рассматриваемым законом не связанные». Он даже подчеркивал, что «худший враг евреев не мог бы придумать более ложного, для самих евреев более вредного шага» (*Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 365*).

⁹² ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 31. Была даже высказана мысль о том, что «кадеты стесняются выступать по еврейскому вопросу» (Там же. Л. 42).

⁹³ Там же. Л. 73.

⁹⁴ Там же. Л. 74.

⁹⁵ Там же. Л. 70.

⁹⁶ Там же. Л. 18.

⁹⁷ *Клейнман И. А. Первый погром в Сибири // Еврейская летопись. Сб. 2. Л.-М., 1924. С. 130–133.*

рисовал картину произошедшего, но и назвал имена руководителей администрации, виновных в бездействии по отношению к погромщикам⁹⁸. Следует отметить, что военная цензура сразу же наложила запрет на любую информацию по этому событию. Заседание Думы было проведено в закрытом режиме. Всё же запрет был принят.

Летом 1916 г. резко обострились разногласия внутри Политического бюро. Сказывалось то, что в его состав входили представители самых различных политических направлений: от либералов до сионистов. М. М. Винаверу постоянно приходилось лавировать между своими однопартийцами и членами Политического бюро. Он всемерно старался отстаивать кадетскую «линию поведения» в еврейском вопросе. Это вызывало неприятие со стороны ряда членов бюро. Резко против проводимой Винавером политической линии выступали входившие в бюро представители сионистского движения⁹⁹. Один из руководителей сионистского движения в России М. С. Алейников раз за разом призывал к тому, чтобы бюро преодолело «психологию блока» и не отказывалось из-за «тактических соображений и партийной дисциплины» ни от каких поправок. Другой видный сионист И. Гринбаум требовал, чтобы в Думе «еврейский вопрос был поставлен в целом! и даже, в случае отказа Кадетов — ставить этот вопрос самостоятельно»¹⁰⁰. Депутат Думы М. Б. Бомаш с горечью констатировал свое положение как депутата-кадета: «Мы вступали в войну с большими надеждами, а теперь все боятся за свою шкуру. Я крайних левых убеждений, но в Думе я консерватор. Сиди и не рыпайся»¹⁰¹.

Винавер вступил с ними в полемику. Он объяснял эти разногласия тем, что «столкнулись разные тактики... и вот получился печальный результат». Далее он задал собравшимся риторический вопрос: «Что значит выход из Блока? Евреи будут голосовать с социал-демократами, а не с кадетами?»¹⁰². Он настойчиво пытался убедить собравшихся в том, что еврей-депутаты, единственные в Думе представители своего народа, лишившись союзников в лице либеральной части депутатов, будут обречены на безгласие. Ведь настоящая законодательная сила находилась в руках Прогрессивного блока.

Особенно часто Винавер был вынужден полемизировать со своим старым оппонентом О. О. Грузенбергом¹⁰³. Достаточно жесткой критике он подвергался со стороны И. М. Бикермана и Г. А. Ландау.

⁹⁸ Там же. С. 133. Исключение составил ротмистр Игнатов, который был ранен при попытке воспрепятствовать погромщикам.

⁹⁹ Возможно, в этом сказывалось и старая вражда между Винавером и лидерами российского сионизма, зародившаяся еще в начале века (*Кельнер В. Е. «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели» (М. М. Винавер — антисионист) // Judaica Petropolitana. Иерусалим—СПб., 2013. № 1. С. 114–132*).

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

¹⁰¹ Там же. Л. 87.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 87. О враждебном отношении к Винаверу со стороны Грузенберга вспоминал и А. Ф. Перельман (Перельман А. Ф. Воспоминания. СПб., 2008. С. 115).*

Винавер, обеспокоенный разногласиями между бюро и его кадетской партией, пытался «воздействовать» на руководство своей партии. Он добивался от него большого участия и сочувствия в решении еврейского вопроса в Думе¹⁰⁴. В ходе войны давление на общественное мнение страны со стороны еврейской интеллигенции постоянно возрастало¹⁰⁵. В то же время настойчивость, с которой Политическое бюро и лично Винавер проводили свою линию, вызывали раздражение среди некоторых его партийных товарищей¹⁰⁶.

Известный сионистский публицист А. Д. Идельсон считал, что Россия в годы войны «очутилась перед таким подъемом антисемитской волны в массах, что даже либеральные элементы не считали для себя возможным бороться против еврейских наветов. Всё это, мол, относится к войне, а к явлениям войны нужно относиться бережно, хотя бы речь шла о благополучии и добром имени целого народа...»¹⁰⁷

Всё же упорство, с которым действовало Политическое бюро, не прошло даром. Руководство кадетской партии и ее думской фракции постепенно начинало сознавать, что военное время не является препятствием для ликвидации

¹⁰⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. С. 146. Разногласия между частью еврейской общественности и руководством партии кадетов, несколько раз выливалось даже в публичные инциденты. Однажды Винаверу даже пришлось извиняться перед Милюковым по одному из таких случаев: «Дорогой Павел Николаевич, у меня в доме, в заседании, происходившем под моим председательством, произнесены были одним из ораторов по Вашему адресу слова: “Вы еще успеете отступить”, за которые я должен был бы перед Вами извиниться. Не успел этого сделать тогда же по случайным причинам (между прочим, потому, что Вам пришлось уйти до конца речи оратора) — я считаю душевным долгом хоть теперь, в письменной форме, принести Вам мое глубокое искреннейшее извинение. Сердечно преданный М. В. 8 марта 1916 г.» (РНБ. Дом Плеханова. Ф. 482 (Милюков П. Н.). Д. 110. Письмо М. М. Винавера).

¹⁰⁵ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

¹⁰⁶ В. А. Маклаков вспоминал: «Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был, не помню по какому поводу, ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им. Кальманович, один из тех евреев, которого я глубоко любил и уважал, провоцировал меня говорить, хотя я не хотел, и я оказался тогда белой вороной в этом лагере, так как вполне разошелся и с Шингаревым, и с другими ораторами. Но когда мы с этого ужина ушли, многие молчавшие мне выражали сочувствие. Вот это другая позиция, другая психология, которую я тоже не перевариваю, хотя и могу понять ее психологию» (Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин: Переписка 1919–1939 гг. / Публ., вступ. ст. и прим. О. В. Будницкого. М., 2012. С. 372–373). И хотя эта встреча явно проходила не в годы войны, а скорее относилась к периоду так называемого «Чириковского инцидента» (Кельнер В. Русская интеллигенция и «еврейский вопрос» в начале XX в. (Антисемитизм. Юдофилия. Асемитизм) // Параллели. М., 2004. С. 73–86), всё же сама атмосфера столкновения русского либерального высокомерия с еврейской настойчивой требовательностью к ней передана здесь в полной мере. В условиях войны эти чувства с обеих сторон только обострились.

¹⁰⁷ Идельсон А. Тяжелое наследие (Вместо предисловия) // Из недавнего прошлого. Пг., 1917. С. 7–8.

черты оседлости. Наоборот, это стало одной из насущных задач по обновлению страны. В выступлениях в Думе и в печати П. Н. Милюков и некоторые другие кадеты всё чаще стали затрагивать проблемы решения еврейского вопроса.

Сразу же после победы Февральской революции министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский образовал специальную комиссию, которой было поручено разработать декрет о равноправии. В эту комиссию он ввел и члена Политического бюро Л. М. Брамсона. По свидетельству Я. Г. Фрумкина, в период работы этой комиссии бюро заседало непрерывно. В ходе дискуссии было выработано принципиальное положение, согласно которому, отказавшись от специального Декрета о равноправии евреев, Бюро настояло на том, чтобы этот декрет отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения в России в целом¹⁰⁸. 20 марта 1917 г. этот декрет был подписан.

Финальным аккордом деятельности Политического бюро стало посещение 24 марта 1917 г. членами этого объединения и евреями-депутатами Государственной Думы главы Временного правительства Г. Е. Львова¹⁰⁹. Делегация выразила не только благодарность правительству за принятие этого судьбоносного декрета, но и заявила от имени Политического бюро и всего российского еврейства о поддержке новой власти¹¹⁰.

References

- Alekseeva I. V.* Poslednee desätiletie Rossijskoj Imperii: Duma, carizm i soûzniki Rossii po Antante 1907–1917 gody. SPb., 2009.
- Altshuler M.* Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. N 27. P. 30–31.
- Âsunskij I.* Rossijskoe evrejstvo i mirovaâ vojna. M., 1999.
- Budnickij O. V.* Evrei v ruskoj armii v period Pervoj mirovoj vojny. Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Vol. 64. N 2–4.
- Budnickij O. V.* Rossijskie evrei meždu krasnymi i belymi. M., 2005.
- Budnickij O. V.* V. A. Maklakov i evrejskij vopros (Iz istorii ruskogo liberalizma) // Vestnik evrejskogo universiteta. 1999. № 1 (19). S. 42–94.
- Dâkin B. C.* Russkaâ buržuaziâ i carizm v gody pervoj mirovoj vojny (1914–1917). L., 1967.
- Êstrajh G.* Za nemcev ili za ruskih? N'û-Jorkskij «Forverst» v Pervuû mirovuû vojnu // Arhiv evrejskoj istorii / Glav. red. O. V. Budnickij. M., 2011. T. 6. S. 123–137.
- Ganelin R. Š.* Evrejskij vopros vo vnutrennej politike Rossii v 1915 g. Evrejskij universitet v Moskve // 1997. № 1 (14). S. 41–65.

¹⁰⁸ Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 111. Наученные горьким опытом своей истории, члены бюро настояли на том, чтобы в декрете были перечислены все подлежащие отмене антиеврейские законы (Аронсон Г. Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг. (Материалы, документы, воспоминания) // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Иерусалим–М., 2002 (Перепеч.: Минск, 2002). С. 11).

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Аронсон Г. Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг. (Материалы, документы, воспоминания) // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Иерусалим–М., 2002 (Перепеч.: Минск, 2002). С. 13.

- Ganelin R. Š.* Gosudarstvennaâ Duma i antisemitskie cirkulâry 1915–1916 gg. // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1995. № 3 (10). С. 4–37.
- Goldin S.* Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 21–37.
- Ioffe G. Z.* Vyselenie evreev iz prifrontovoj polosy v 1915 godu // Voprosy istorii. 2001. № 9. S. 43–57.
- Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.
- Kel'ner V. E.* «Ih celi mogut byt' vysoki, no oni — ne naši celi» (М.М. Винавер — антисемит) // Judaica Petropolitana. Ierusalim–SPb., 2013. № 1. S. 114–132.
- Kel'ner V. E.* «Missioner istorii»: Žizn' i trudy S. M. Dubnova. SPb., 2008.
- Kel'ner V. E.* Evrejskij vopros i russkaâ obšestvennaâ žizn' v gody Pervoj mirovoj vojny // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1997. № 1 (14). S. 66–93.
- Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011.
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 64–72.
- Neilson K.* Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.
- Nelipovič S.* V poiskah vnutrennego vraga: Departacionnaâ politika Rossii // Pervaâ mirovaâ vojna i učastie v nej Rossii (1914–1918): Materialy naučnoj konferencii. M., 1997. Č. 1.
- Prusin A. V.* The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden–Boston, 2002.
- Safran G.* Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London, 2010.
- Zipperstein S. J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New York, 1988.
- Žuravleva V. I.* Ponimanie Rossii v SŠA: Obrazy i mify: 1881–1914. M., 2012.

Список литературы

- Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте 1907–1917 годы. СПб., 2009.
- Будницкий О. В.* Евреи в русской армии в период Первой мировой войны. Deinst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Vol. 64. N 2–4. P. 35–56.
- Будницкий О. В.* В. А. Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма) // Vestnik evrejskogo universiteta. 1999. № 1 (19). S. 42–94.
- Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.
- Ганелин Р. Ш.* Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1995. № 3 (10). С. 4–37.
- Ганелин Р. Ш.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Vestnik Evrejskogo universiteta v Moskve. 1997. № 1 (14). С. 41–65.
- Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
- Журавлева В. И.* Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012.
- Иоффе Г. З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. S. 43–57.

- Кельнер В. Е.* «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели» (М. М. Винавер — антисемит) // Judaica Petropolitana. Иерусалим–СПб., 2013. № 1. С. 114–132.
- Кельнер В. Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Vestnik evrejskogo universiteta v Moskve. 1997. № 1 (14). С. 66–93.
- Кельнер В. Е.* «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008.
- Нелипович С.* В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918): Материалы научной конференции. М., 1997. Ч. 1.
- Эстрайх Г.* За немцев или за русских? Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории / Глав. ред. О. В. Будницкий. М., 2011. Т. 6.
- Яшунский И.* Российское еврейство и мировая война. М., 1999.
- Altshuler M.* Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. N 2. P. 30–31.
- Goldin S.* Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 21–37.
- Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. N 60. P. 64–72.
- Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. Jonathan Dekel-Chen, David Gaunt, Natan M. Meir, Israel Bartal. Bloomington, 2011.
- Neilson K.* Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–1917. London, 1984.
- Prusin A. V.* The Russian Military and the Jews in Galicia, 1914–1915 // Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 238–256.
- Safran G.* Wandering soul. The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge–London, 2010.
- Zipperstein S. J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual, IV: The Jews and the European Crisis, 1914–1921. New York, 1988.

В. С. Мильбах, Ф. К. Саберов

Командование Краснознаменным Балтийским флотом в массовых политических репрессиях 1937–1938 гг.

При оценке роли командования КБФ (командующий и его заместители, члены Военного совета КБФ) необходимо рассмотреть личные и служебные характеристики лиц, управляющих флотом в исследуемый период, их взаимоотношения с Особым отделом НКВД КБФ и органами военной юстиции, отношение к политике массовых репрессий в целом.

В период 1937–1939 гг. на Краснознаменном Балтийском флоте сменились пять командующих. В январе 1937 г. был переведен в Москву на должность первого заместителя начальника ВМС РККА флагман флота 2-го ранга Л. М. Галлер. Лев Михайлович, окончивший Морской кадетский корпус в 1905 г., имел большой опыт службы на эсминцах и линкорах; Октябрьскую революцию он встретил старшим офицером линкора «Слава» в чине капитана 2-го ранга, участвовал в обороне Моонзунда осенью 1917 г.¹ После Гражданской войны он длительное время возглавлял морские силы Балтийского моря, и ему во многом принадлежит заслуга возрождения отечественного флота.

25 января 1937 г. командующим КБФ был назначен флагман 1-го ранга А. К. Сивков; ранее в течение 1,5 лет он занимал должность начальника штаба флота. Александр Кузьмич Сивков родился в 1892 г. в семье отставного ефрейтора. В октябре 1909 г., по прошению, А. К. Сивков был зачислен на механиче-

ский отдел Морского инженерного училища². После производства в офицеры в октябре 1913 г. служил механиком на крейсерах и эсминцах Балтийского флота; в годы Первой мировой войны был награжден двумя орденами. Последний чин в императорском флоте — инженер-механик лейтенант³. После Октябрьской революции поддержал новую, советскую власть. В период Гражданской войны А. К. Сивков служил в должности флагманского механика Припятской и Днепровской речных флотилий. С октября 1920 по май 1925 г. учился в Военно-морской академии, после окончания которой занимал командные должности в РККФ⁴. Вся служба А. К. Сивкова проходила на Балтике, он хорошо знал морской театр, структуру флота, прошел все ступеньки инженерной и командной службы.

Александр Кузьмич Сивков был арестован органами НКВД 15 июля 1937 г. На допросе 20 июля он признался в участии в антисоветском военном заговоре: «Я был вовлечен в заговор в 1933 году начальником Морских сил РККА В. М. Орловым»⁵. В обвинительном заключении, утвержденном 17 февраля 1938 г., указано, что А. К. Сивков «был завербован для шпионской деятельности в пользу Германии и был связан с немецким разведчиком Шписом, встречаясь с которым в СССР и за границей, Сивков А. К. передал совершенно секретные, охраняемые как государственная тайна, сведения о строительстве боевых надводных кораблей, подводных лодок и береговых батарей и баз флота на Севере»⁶.

Временно исполняющим обязанности командующего КБФ был назначен флагман 2-го ранга Георгий Павлович Галкин, занимавший до того должность помощника командующего флотом по материальному обеспечению и командира Главного военного порта. Выбор московского руководства пал на Галкина, очевидно, лишь потому, что он единственный из командования КБФ имел звание флагмана, так как даже начальник штаба флота был тогда капитаном 1-го ранга. Г. П. Галкин родился в январе 1896 г. в селе Курганы Песчанинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. В 1912 г. он уехал в Кронштадт, где поступил в школу юнг. В конце мая 1916 г. унтер-офицер 2-й статьи Г. П. Галкин был назначен на эсминец «Автроил». С первых дней Февральской революции 1917 г. началась бурная политическая деятельность Г. П. Галкина: он избирался в Ревельский и Гельсингфорский советы, был товарищем (заместителем) председателя Центробалта П. Е. Дыбенко, а после Ледового похода был избран в Совкомбалт (Совет комиссаров Балтийского флота)⁷. С ноября 1918 г. Г. П. Галкин — помощник комиссара

² РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 1764. Л. 1–12.

³ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. С-73. Л. 1–18.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-352. Оп. 2. Д. 183. Л. 1–9.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УФСБ по СПб и ЛО). Д. П-18729. Л. 9.

⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-18729. Л. 1.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 14. Д. 98. Л. 347.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 785. Л. 1–24.

Балтфлота, с ноября 1920 г. — комиссар штаба Балтфлота. После Гражданской войны занимал высокие политические должности в штабе РККФ и Управлении Морских сил. Недостаток специальных знаний привел его на Особый курс Военно-морской академии им. Ворошилова, созданный для «выдвиженцев революции». В ноябре 1933 г., после окончания учебы, Г.П. Галкин был неожиданно назначен на должность помощника командующего МСБМ по авиации. 26 ноября 1935 г., после введения персональных воинских званий, ему было присвоено звание флагмана 2-го ранга. В конце мая 1937 г., после нескольких серьезных авиакатастроф Г.П. Галкин был переведен на другую должность — помощник командующего КБФ по материальному обеспечению. 9 января 1938 г. он был арестован по обвинению в политических преступлениях. В расстрельном приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 сентября 1938 г. указано, что Г.П. Галкин, «являясь с 1935 года участником антисоветского военно-фашистского заговора на КБФ, проводил по заданию указанной контрреволюционной организации подрывную работу на Балтийском флоте, направленную на подготовку поражения СССР в войне с фашистскими государствами и реставрацию капитализма в СССР»⁸.

В августе 1937 г. на пост ВРИО командующего КБФ был назначен начальник штаба КБФ капитан 1-го ранга И.С. Исаков. Иван Степанович Исаков (Ованес Исаакян) родился в 1894 г. в Елизаветпольской губернии в семье железнодорожного служащего, русифицировавшего армянскую фамилию Исаакян на Исаков. Окончив реальное училище в Тифлисе, И.С. Исаков пытался поступить в Морской корпус, но неудачно; целый год он проучился в Петербургском технологическом институте, подрабатывая механиком в гараже. В сентябре 1914 г. он поступил в Отдельные гардемаринские классы в Петербурге, которые окончил в марте 1917 г. с производством в чин мичмана. До Октябрьской революции прослужил несколько месяцев на новейшем эсминце «Изяслав». Приняв сторону большевиков, участвовал в Гражданской войне на Каспийском море, командуя эсминцем «Деятельный». В мирное время И.С. Исаков активно продвигался по служебной лестнице, успев послужить и в штабах, и преподавателем в Военно-морской академии, написал несколько работ по истории военно-морского искусства. После назначения на должность командующего КБФ в сентябре 1937 г. ему было присвоено звание флагмана 2-го ранга. Не успев в полном объеме освоиться в новой должности, И.С. Исаков уже через 5 месяцев был переведен в Москву заместителем Народного комиссара ВМФ СССР. Столь кратковременный срок пребывания на посту командующего флотом весьма характерен для второй половины 1930-х гг.

Новым командующим в январе 1938 г. стал капитан 1-го ранга Гордей Иванович Левченко. Он родился в 1897 г., на флот пришел юнгой в 1914 г. Окончил учебно-артиллерийский отряд и был произведен в унтер-офицеры 3-й статьи. После прихода к власти большевиков поступил в Училище командного состава

⁸ Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации. Д. 4н-09401/57. Л. 1.

ва флота, созданное вместо царского Морского училища. Г.И. Левченко окончил «Учкомсовфлот» в 1922 г. в составе первого советского выпуска флотских командиров⁹. Гордей Иванович сделал быструю карьеру, уже в январе 1932 г. став командующим Каспийской военной флотилией, а в январе 1933 г. получил в командование бригаду линкоров на Балтике. Во время летних маневров 1935 г. линкором «Марат» была протаранена и погибла подводная лодка Б-3 «Большевик» со всем экипажем и курсантами ВМУ им. Фрунзе (всего 55 человек). На мостике линкора в момент столкновения находились Нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов и начальник штаба КБФ И.С. Исаков. При разборе аварии Г.И. Левченко был снят с должности командира бригады линкоров и назначен с понижением командиром дивизиона эсминцев Черноморского флота. В августе 1937 г., когда И.С. Исаков стал командующим КБФ, он добился перевода Г.И. Левченко на Балтику и назначения его начальником штаба флота. В январе 1938 г., после перевода И.С. Исакова в Москву, Г.И. Левченко был назначен командующим КБФ, ему было присвоено звание флагмана 2-го ранга. Совершенно очевидно, что с каждым новым командующим флотом уровень их служебного опыта понижался. Г.И. Левченко после выпуска из училища прослужил всего 14 лет, что, безусловно, недостаточно для занятия столь высокой должности, как командующий КБФ.

В апреле 1939 г. Г.И. Левченко был переведен в Наркомат ВМФ СССР, новым командующим стал начальник штаба КБФ флагман 2-го ранга Владимир Филиппович Трибуц. Родившийся в 1900 г., он начал службу матросом в 1918 г. и одно время служил на эсминце «Деятельный» под командой И.С. Исакова. Военно-морское училище он закончил только в 1926 г.¹⁰ Служил на линкорах и эсминцах, закончил Военно-морскую академию, 2 года командовал эсминцем «Яков Свердлов», после чего перешел на штабную работу. С февраля 1938 г. возглавлял штаб КБФ и, наконец, стал командующим. На его плечи легло командование КБФ в период советско-финляндской войны.

Если сравнить время окончания военно-морского училища (академии) всеми командующими КБФ во второй половине 1930-х гг., получается следующая картина: Л.М. Галлер — 1905 г., А.К. Сивков — 1913 г., Г.П. Галкин — 1933 г., И.С. Исаков — 1917 г., Г.И. Левченко — 1922 г., В.Ф. Трибуц — 1926 г., т. е. налицо существенное омоложение комсостава, свидетельствующее о том, что далеко не все командующие флотом прошли все ступени карьерного роста и имели достаточный опыт управления морским объединением. Этот фактор, как и кратковременность пребывания в должности, отрицательно влияли на боевую подготовку флота.

О серьезных проблемах говорил 22 ноября 1937 г., выступая на заседании Военного совета при НКО СССР, флагман 2-го ранга И.С. Исаков: «Я говорю, что как будто результаты неплохие, причем этих результатов пришлось

⁹ Список командно-начальствующего состава Военно-морских сил РККА. Изд. 1932 г / Составлен Управлением кадров УВМС РККА. М., 1932. С. 135.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 2. Д. 557. Л. 1–11.

добиваться в очень тяжелых, сложных условиях. Пришлось ликвидировать помехи, которые оказывали нам враги, и последствия вредительства, которые мы ликвидировали в процессе боевой подготовки, не приостанавливая ее, при имеющемся колоссальном некомплекте комсостава (40% — по надводному флоту, 30% — на берегу и т. д.). <...> У нас из-за катастроф в авиации, которые были подстроены диверсантами-врагами, наша авиация 55 дней не летала в самый главный период — май–июнь. Этот период создал на время некоторую депрессию. Было уныние, застой в боевой подготовке, затем началось возрастание числа дисциплинарных проступков»¹¹.

Говоря о депрессии, унынии, падении дисциплины летом 1937 г., И. С. Исаков не называет истинной причины этих явлений, а именно — нарастания массовых репрессий в армии и на флоте.

И. С. Исаков в своем докладе перечислил недостатки в боевой подготовке флота, выявленные во всех ее сферах — в артиллерийских и торпедных стрельбах, в стрельбе по воздушным целям, в организации противолодочной и противоминной обороны. Однако причины этих недостатков командующий КБФ видел в действиях вредителей и «врагов народа»: «Прежде всего должен упрекнуть самого себя, что сумел всё это сопоставить и серьезность положения понять только очень недавно, после того когда некоторых людей уже посадили <...> Если все эти факты сопоставить, то будет ясно, что всё это было сделано нарочно. Таким образом, здесь, безусловно, есть планомерная работа, с тем чтобы разоружить нас в борьбе с неприятельскими подводными лодками»¹². В этом случае командующий КБФ занял очень удобную позицию, списывая недостатки в боевой подготовке на «вредителей».

В ходе доклада И. С. Исаков остановился и на морской подготовке командного состава флота, напомнив об аварии эсминца «Карл Маркс»:

«Исаков. Я прошу обратить внимание и напомнить об аварии, которая произошла недавно. Морская подготовка командиров никуда не годится. Я ответственно это заявляю. Мы держим рекорд в части того, что наши курсанты меньше всех плавают, даже финны плавают в три раза больше, чем наши командиры. Приходит теоретически подготовленный человек. Он пропагандист, теоретик, он всё что угодно, только не моряк. Он боится погоды, его укачивает, и он делает такие аварии, что сажает корабль на мель в штиль, среди бела дня, когда рядом стоит буй.

Ворошилов. Этот командир сколько лет плавал?

Исаков. Он 6 лет в Разведывательном управлении «плавал», а потом его к нам отправили и назначили командиром.

Ворошилов. Не надо было его делать сразу командиром. Командир на суше не может быть сразу командиром плавающего корабля.

¹¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОСПЭН, 2006. С. 135–136.

¹² Там же. С. 138.

Исаков. Не я его назначал командиром»¹³.

Здесь речь идет о капитане 3-го ранга В. Ф. Оксмани, командире эсминца «Карл Маркс». В 1939 г. он окончил Военно-морскую академию и в течение 5 лет служил в IV (Разведывательном) управлении штаба РККА, в марте 1935 г. вернулся на флот. С 31 августа 1936 г. он находился в должности командира эсминца «Карл Маркс». 25 октября 1937 г. в Копорской губе, в условиях полного штиля эсминец «Карл Маркс» сел на мель, повредив винты и днище. Совершенно очевидно, что назначать В. Ф. Оксмана, не прошедшего все ступени корабельной строевой службы, командиром корабля было преждевременно. 1 ноября 1937 г. на заседании Военного совета КБФ под председательством И. С. Исакова было решено представить В. Ф. Оксмана к увольнению и отдать под суд военного трибунала. Уже 17 ноября В. Ф. Оксман был арестован особым отделом КБФ. Его обвинили не просто в «преступной халатности», что, конечно же, следует из разбора обстоятельств аварии, а в сознательном вредительстве. Следствие завершилось быстро, и уже 10 января 1938 г. В. Ф. Оксман был приговорен к расстрелу¹⁴.

Командующий КБФ в своем выступлении затронул острые вопросы боевой подготовки, аварий, некомплекта командно-начальствующего состава, падения воинской дисциплины, но одной из причин этих недостатков считал вредительскую деятельность «врагов народа». Подобной точки зрения придерживался и член Военного совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин, выступавший в тот же день сразу после И. С. Исакова: «Товарищ народный комиссар, считаю необходимым доложить, что, несмотря на безусловно очень сложную обстановку в Краснознаменном Балтийском флоте, благодаря тому, что враги народа сумели вести работу и охватить буквально все участки, мы сумели разделаться с врагами <...> Нужно сказать, что переломным моментом в боевой подготовке, на котором мы сосредоточили всё внимание, это была ваша июльская директива флоту, которая обязывала нас к тому, чтобы быстрее ликвидировать последствия вредительства, проведение работы по проверке личного состава и удаление враждебных элементов <...> В области чистки флота и кадров, удаления враждебных и неустойчивых элементов нами изъято из флота 264 командира на сегодняшний день, из них арестовано около 100 человек, оказавшихся врагами народа, шпионами, диверсантами и террористами, которые готовили даже террористические акты»¹⁵. А. А. Булышкин признался, что его беспокоит и тревожит создавшееся на флоте положение с кадрами: «На сегодня ликвидация вредительства в области подготовки кадров идет чрезвычайно медленно. Главное — это ликвидация хронического некомплекта комсостава флота. У нас угрожающее положение с кадрами: в надводном флоте до 40% некомплект командного состава, в подводном флоте — 24%, в укрепленных районах — 40%, в снабженческих

¹³ Там же. С. 139–140.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 555. Л. 1–14.

¹⁵ Там же. Л. 140–141.

органах — 30%, в академии — 50% некомплект преподавательского состава. Я прямо говорю, что не вижу тех мероприятий, которые бы в полной мере обеспечили ликвидацию этого некомплекта, по крайней мере, на ближайшие 2–3 года. А мы знаем, что у нас в перспективе огромный рост флота»¹⁶. Таким образом, Булышкин выразил довольно распространенную в тот период версию, что катастрофическая нехватка комсостава вызвана «вредительской» деятельностью врагов в области кадровой политики, а не массовыми репрессиями в отношении командного состава флота. Несколько путанно говорил Булышкин о проблеме дисциплины, противореча самому себе, заявил: «Надо сказать, что мы сегодня имеем в политико-моральном отношении, безусловно, здоровый флот. Но нужно признать, что в области дисциплины мы не сумели справиться с теми задачами, которые были поставлены перед нами <...> К сожалению, в области дисциплины есть еще очень много недоделок, безусловно, связанных с вредительской работой прежнего руководства. У нас слаба дисциплина»¹⁷. То есть в моральном отношении флот здоров, однако дисциплина «слаба», но вина за это лежит на бывшем командовании флота. Такой подход к объяснению вышестоящему командованию причин неудач удовлетворял обе стороны: к тому времени командующий КБФ флагман 1-го ранга А. К. Сивков был объявлен «врагом народа», член Военного совета КБФ армейский комиссар 2-го ранга А. С. Гришин застрелился и посмертно объявлен «врагом народа», начальник политуправления флота дивизионный комиссар Я. В. Волков — переведен на ТОФ.

В своем выступлении А. А. Булышкин упомянул о 264 командирах, уволенных с флота к ноябрю 1937 г. Военный совет КБФ в то лето регулярно рассматривал материалы к увольнению лиц комсостава и сообщения Особого отдела НКВД КБФ о компрометирующих сведениях на отдельных командиров (начальников). Так, 14 июня 1937 г. на заседании Военного совета КБФ под председательством флагмана 1-го ранга А. К. Сивкова рассматривалось сообщение Особого отдела КБФ о военинженере 1-го ранга М. Я. Гмире, который обвинялся в том, «что, являясь членом антисоветского военного заговора, являясь начальником строительства новой базы флота в Ручьях занимался вредительством»¹⁸; единогласное решение членов Военного совета — санкционировать арест М. Я. Гмиры. На заседаниях 4 и 5 июля 1937 г. Военный совет дал санкции на арест Особым отделом КБФ двух десятков командиров, в том числе капитана 3-го ранга Б. А. Мантурова, воентехника 2-го ранга В. И. Синева, майора И. В. Шаропова, лейтенанта М. С. Крайнова и др.¹⁹

В начале массовых политических репрессий командование КБФ рассматривало право на принятие решения о дальнейшем прохождении службы командно-начальствующим составом флота (увольнение, перевод) как свою пре-

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 555. Л. 141.

¹⁷ Там же. Л. 141.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 1. Л. 12.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 1. Л. 13–15.

рогатию. Эта реализовывалась в ходе кадровых перестановок, с привлечением политических и кадровых органов, а также Особого отдела НКВД. В случае принятия на заседании Военного совета решения об увольнении того или иного командира все материалы направлялись начальнику отдела командно-начальствующего состава КБФ для подготовки соответствующего приказа с пометкой «ОУ», что означает «оперативный учет». Эта пометка являлась основанием для пристального наблюдения за уволенным командиром со стороны органов НКВД, являлась серьезным препятствием для восстановления в кадрах флота. Сама эта пометка означала, что у Особого отдела уже есть компрометирующие сведения на данного уволенного командира.

Несмотря на доминирующую роль личности командующего флотом, необходимо более подробно осветить роль коллегиального органа военного управления — Военного совета КБФ в период массовых политических репрессий.

Судя по материалам служебной переписки Военного совета КБФ, он достаточно активно контактировал с различными инстанциями, например с военной прокуратурой флота. Так, 28 июня 1937 г. военный прокурор КБФ бригадюр юрист И. М. Стурман докладывал Военному совету флота, что «по хозяйственному делу 105-й АБ им передаются суду ВТ»²⁰ шесть человек из числа инженерно-технического состава авиационной бригады во главе с военинженером 3-го ранга Синюхиным. Дело о незаконно выплачиваемых им деньгах за сверхурочные работы и перерасходе на премии было возбуждено в 1936 г., однако следователь квалифицировал его действия как халатность и предлагал привлечь к дисциплинарной ответственности. Член Военного совета КБФ Булышкин возвратил материал с припиской: «Сообщаю, что решение Воен. Совета — судить нужно этих жуликов»²¹.

В начале массовых политических репрессий на флоте Военсовет КБФ вел активную переписку с начальниками управлений КБФ, командирами соединений, начальниками военно-учебных заведений, которые требовали решения Военсовета по обострившимся кадровым вопросам. Например, командующий ВВС КБФ комдив М. А. Горбунов 4 июня 1937 г. обращался в Военсовет КБФ: «Неудовлетворительное состояние партийно-политической работы, боевой подготовки, технико-эксплуатационной службы и дисциплины в 105 АБ вынуждает меня поставить вопрос об улучшении и усилении руководства политотдела 105 АБ, снятия с работы Вр. начпобрига полкового комиссара т. Тесленко»²². Далее он сообщал: «Мне известны случаи грубой бестактности т. Тесленко в отношении органов ОО. Тов. Тесленко позволяет публично заявлять о представителях ОО как о бестолковых и бесполезных людях, что естественно приводит к резким осложнениям в работе»²³. Через три дня М. А. Горбунов был

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 129.

²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 3. Л. 130.

²² Там же. Л. 53.

²³ Там же. Л. 55.

арестован. Данное обращение в Военсовет КБФ как превентивная мера явно запоздало, поскольку И. П. Тесленко начал изобличать М. А. Горбунова гораздо раньше. Об этом свидетельствует письмо, направленное полковым комиссаром Тесленко наркомом обороны, наркомом внутренних дел, Военсовету КБФ и уполномоченному НКВД по Ленинградской области: «На протяжении 7–8 месяцев я ставил перед Пубалтом и Пуром ряд больших вопросов, характеризующих крайнее неблагополучие в ВВС КБФ, по вине руководства ВВС КБФ. Все эти вопросы не только вовсе не получили разрешения, но всякий раз делались попытки повернуть всё это против меня. Все мои докладные немедленно становились известны ныне разоблаченному врагу народа Горбунову»²⁴. К данному письму И. П. Тесленко приложил десять копий своих рапортов и донесений с 5 сентября 1936 по 15 мая 1937 г. на пятидесяти листах. Подобные послания с политическими разоблачениями, основанные на взаимной неприязни должностных лиц флота, стали достаточно часто поступать в Военсовет КБФ.

Некоторые начальники докладывали в Военсовет флота о ходе политической чистки во вверенных им соединениях и учебных заведениях. Так, в начале сентября 1937 г. военный комиссар Военно-морской академии РККА дивизионный комиссар С. З. Рабинович доносил члену Военсовета КБФ об аресте органами НКВД старшего преподавателя кафедры торпедного оружия инженер-флагмана 3-го ранга А. П. Платонова и слушателя капитан-лейтенанта А. Н. Троицкого, об увольнении четырех и об исключении из партии двух представителей командно-начальствующего состава, а также об увольнении по политическим мотивам восьмерых служащих академии (преподаватели, лаборанты и пр.)²⁵.

В то же время Военсовету флота приходилось реагировать на поступающие в его адрес заявления от бдительных военнослужащих. В качестве примера следует привести обстоятельное заявление от 2 октября 1937 г. слушателя ВМА РККА им. К. Е. Ворошилова старшего лейтенанта В. Ципановича. Находясь на стажировке с 28 августа по 29 сентября 1937 г. в должности помощника начальника штаба бригады миноносцев, он обнаружил там вопиющие недостатки, о чем спешил известить ЧВС ВМС РККА дивизионного комиссара П. И. Лаухина (копия — ЧВС КБФ корпусному комиссару Г. А. Зиновьеву). Значительная часть заявления посвящена политической оценке командно-начальствующего состава бригады: «На БММ орудует рука, враждебная делу партии, делу пролетариата, которая упорно способствует понижению боеспособности части. <...> Командир БММ флагман II ранга Виноградский в свое время служил совместно с врагом народа Орловым на Черном море в качестве нач. штаба флота, были закадычные друзья. Был осужден, демобилизован и опять Орлов его вытащил. <...> Наблюдая его дальнейшую работу и зная его прошлое, я к нему питаю полное недоверие. Военком т. Коновалов <...> этого человека нужно очень глубоко и всесторонне проверить. Нач. штаба БММ Коссов — дворянин, поль-

²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 3. Л. 60.

²⁵ Там же. Л. 175 — 176 об.

ский помещик, скрыл это от партии <...> Флагштурман ст. лейтенант Гордеев, беспартийный, ведет явно вредительскую политику <...> Флагарт Устинов, беспартийный, из крупных кулаков — помещик, скрывал свое соц. происхождение. Командиры кораблей Оксман, Рутковский, Евсеев, Белов, Птохов и др. люди с большими хвостами, требующие самой тщательной проверки. Не говоря уже о целом ряде командиров из менее ответственных должностей»²⁶. Не удивительно, что к данной бригаде было привлечено внимание не только Военсовета КБФ, но и органов НКВД.

Значительная часть переписки Военного совета КБФ была посвящена вопросам увольнения командно-начальствующего состава по политическим мотивам. Некоторые командиры частей и учебных заведений представляли в Военсовет списки командно-начальствующего состава, подлежащего, по их мнению, немедленному увольнению. Так, врид начальника специальных курсов командного состава (СККС) ВМС РККА им. ЦИК Автономной Татарской ССР полковник Евдокимов и военком курсов полковой комиссар Вороневский 8 августа 1937 г. представили Военсовету КБФ список «на рассмотрение и утверждение о демобилизации следующих лиц: капитана 3-го ранга Настусевич Я. В., бригаданта Вахрамеева И. И., старшего лейтенанта Корогодского К. А., военинженера 1-го ранга Лемтюжников Д. С., интенданта 3-го ранга Осирко И. П., инженер-флагмана 3-го ранга Кимбер Ю. Ю., техника-интенданта 1-го ранга Соболева Н. И., интенданта 1-го ранга Свободина В. П., интенданта 2-го ранга Синявского М. Ф., интенданта 2-го ранга Зайончковского Л. Б.»²⁷. Таким образом, значительное число заслуженных и опытных моряков, представителей старой школы, попали в разряд «не внушающих доверия» и «социально чуждых».

Анализ содержания протоколов заседаний и решений Военного совета КБФ за июнь 1937 г. показывает, что Военсовет (председатель — флагман 1-го ранга А. К. Сивков, члены — корпусной комиссар Н. И. Ильин, дивизионный комиссар А. А. Булышкин) рассматривал вопросы о санкционировании арестов командно-начальствующего состава. Санкции на арест военных моряков добивался ОО НКВД КБФ, о чем свидетельствуют имеющиеся пояснения после биографических данных каждого. Например, в списке, представленном на заседание Военсовета КБФ 4 июня 1937 г., отмечено: «Мантуров Борис Алексеевич, капитан 3 ранга <...> исключен из партии в 1935 г. как выходец из социально-чуждой среды»; «Васичев Петр Алексеевич, воентехник 1 ранга <...> из бывших кулаков, правый эсер. Входил в состав контрреволюционной троцкистской террористической организации Рафалькис, Дьяконова и других, проводил контрреволюционную агитацию»²⁸ и др. В списке, представленном на заседание Военсовета КБФ 8 июня 1937 г., указано: «Шарапов Иван Васильевич, майор, командир

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 3. Л. 244–246.

²⁷ Там же. Л. 137.

²⁸ Там же. Д. 1. Л. 13–14.

31 авиабр <...> Будучи командиром 24 аэ в г. Евпатория, входил в подпольную троцкистскую террористическую группу»; «Тарасов Николай Васильевич, интендант 3 ранга <...> Обвиняется ОО в том, что был связан с арестованным немецким разведчиком Кезлинг. Есть основания считать, что катастрофа с самолетами № 13 и 14 была организована при участии Тарасова»; «Крайнов Михаил Степанович, лейтенант <...> ОО обвиняется в том, что в октябре 1934 г. вместе с летнабом Эдиге Мустафа, якобы, потеряв ориентировку на самолете “КР-1”, сделали посадку на территории Эстонии, после обыска на машинах были отправлены в Нарву гост. “Централь”, где в обществе эстонских и русских белогвардейских разведчиков, в специально оборудованном номере пьянствовали, распевая контрреволюционные песни до 2-х часов утра»; «Петров Тимофей Петрович, военинженер 2 ранга <...> занимался распространением нелегальной троцкистской литературы и вербовкой в подпольную троцкистскую организацию»²⁹ и др.

О том, что в июне 1937 г. Военсовет под председательством А. К. Сивкова обсуждал кандидатуры, представленные в списках, свидетельствует тот факт, что в некоторых случаях (в двух из шестнадцати) он отказал в санкции на арест, ограничившись резолюцией: «Демобилизовать из РККФ». Авторитет органов НКВД в тот период был высок и детальным разбирательством по каждому случаю заниматься было бесполезно, поэтому против остальных фамилий в списках значилось: «Санкционировать ОО КБФ арест такого-то».

Представляет интерес содержание решений Военного совета КБФ в период с 25 августа по 16 октября 1937 г., заседания которого проходили под председательством нового командующего КБФ капитана 1-го ранга И. С. Исакова, членов — корпусного комиссара Г. А. Зиновьева и дивизионного комиссара А. А. Булышкина. Одиннадцать (большинство) решений Военсовета за этот период были посвящены вопросам увольнения по политическим мотивам командно-начальствующего состава флота. Каждое совершенно секретное решение «по вопросам увольнения из РККА» было оформлено, как правило, в виде списка, содержащего от двух до двадцати пяти фамилий. Отдельное решение № 048 от 11 октября 1937 г. было принято Военным советом КБФ по начальнику штаба Кронштадтского УР полковнику К. И. Элькснеру, который 28 июля 1937 г. был исключен из партии за потерю большевистской бдительности, так как, прожив со своей женой 13 лет, «не вскрыл связей своей жены» (его жена — Артюшина, заведующая агитмассовым отделом районного комитета ВКП(б), была арестована как враг народа). Решение Военсовета было следующим: «По службе аттестуется как волевой, решительный и инициативный командир. Имеет хорошую артподготовку с большим практическим командным стажем. Военный Совет после проведения личной беседы с полковником Элькснером — считает возможным оставление его в рядах РККА, с переводом из КБФ»³⁰. Однако спустя 2,5 месяца полковник К. И. Элькснер окажется в застенках НКВД.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-307. Оп. 6. Д. 1. Л. 15–21.

³⁰ Там же. Л. 150.

В некоторых списках фигурируют преимущественно представители из одного соединения. Например, в решении Военсовета № 004 от 25 августа 1937 г. приведены фамилии командно-начальствующего состава 3-й бригады ПЛ, в том числе практически всего руководства бригады: командир бригады капитан 1-го ранга А. А. Пышнов, начальник штаба бригады капитан 2-го ранга А. А. Асямоллов, командиры четырех дивизионов — капитаны 2-го ранга К. К. Немирович-Данченко, В. В. Курилов, В. К. Володзько, капитан 3-го ранга Н. С. Подгородецкий, командир ПЛ «М-85» старший лейтенант Г. А. Субботин, штурман ПЛ «М-73» лейтенант В. С. Сорокин. Было принято решение об увольнении Курилова, Володзько, Немировича-Данченко; относительно остальных Военсовет решил, что оснований для увольнения пока нет. Вполне вероятно, председатель и члены Военсовета КБФ отчетливо представляли, как отразится на боеспособности бригады потеря всех восьмерых командиров (начальников). Таким образом, в некоторых случаях Военный совет флота отказывал в увольнении ввиду недостаточности компрометирующих материалов. Однако Особый отдел НКВД КБФ не выпускал из поля зрения таких людей: так, А. А. Асямоллов и Н. С. Подгородецкий были позднее арестованы, причем без санкции Военного совета КБФ.

Такая же обстановка сложилась с 1-й бригадой подлодок при рассмотрении дел десяти представителей командно-начальствующего состава которой 5 сентября 1937 г. решение на увольнение коснулось только троих: начальника штаба бригады капитана 2-го ранга В. П. Рахмина и начальника продовольственного снабжения техника-интенданта 1-го ранга П. С. Прохоренко, командира штурманского сектора ПЛ «Л-1» лейтенанта Б. М. Горбунова³¹. Данное решение, когда Военсовет КБФ пытался сохранить костяк бригады, в том числе опытных командиров дивизионов капитанов 1-го ранга Б. А. Секунова, В. С. Воробьева и капитана 2-го ранга П. А. Штейнгаузена, а также некоторых командиров ПЛ, вполне можно назвать компромиссным в условиях массовых политических репрессий на флоте.

Решение Военсовета КБФ № 0028 от 20 сентября 1937 г. касалось командно-начальствующего состава ВВС флота. Из 25 представленных в списке летчиков, авиатехников и интендантов только у восьмерых имеется помета «Уволить из РККА». У остальных значится: «Оставить в РККА», «Дополнительно проверить» или, как у командира 122-й авиаэскадрильи капитана И. Д. Хныкина, — «Задержать присвоение очередного военного звания по выслуге срока»³².

Всего за указанный период Военсоветом КБФ было рассмотрено 126 дел командиров (начальников)³³, все беспартийные или исключенные из ВКП(б), по которым были приняты следующие решения: уволить из РККА — 62 чел., оставить в РККА — 41 чел., дополнительно проверить, вызвать для личных переговоров — 23 чел.

³¹ Там же. Л. 92–94.

³² Там же. Л. 119–122.

³³ Там же. Л. 58–170.

Необходимо отметить, что Военсовет КБФ, наряду с решением проблемы увольнения по политическим мотивам командно-начальствующего состава флота, занимался и вопросами рассмотрения жалоб на неправильное увольнение. Например, в решении № 0019 Военсовета КБФ от 3 сентября 1937 г. наряду с рассмотрением шести кандидатур на увольнение по политическим мотивам были рассмотрены жалобы девяти командиров и инженеров КБФ (все исключены из партии перед увольнением) на несправедливое их увольнение. Шестерым из них было отказано в восстановлении; против фамилий лейтенанта М. М. Максименко и старшего лейтенанта А. А. Гужкова, уволенных приказом командующего КБФ № 0135/ОУ по ст. 43 п. «б» Положения о прохождении службы начсоставом, имелись пометы о необходимости вызвать их для личных переговоров к ЧВС Зиновьеву. Относительно судьбы инструктора по технике пилотирования из 8-й авиаэскадрильи лейтенанта Е. Г. Уляхина имелась помета: «Все материалы представлены в УМС». Следует полагать, что часть несправедливо исключенных из партии и уволенных с флота командиров была восстановлена: достоверно известно, что зенитчик А. А. Гужков в годы Великой Отечественной войны защищал небо Ленинграда; с риском для жизни продолжал испытывать новые самолеты накануне войны и погиб в боевом вылете в начале июля 1941 г. южнее Орши летчик-истребитель Е. Г. Уляхин.

Военсоветом КБФ 11 ноября 1937 г. рассматривались заявления старшего лейтенанта С. Н. Бояринова, бывшего командира батареи линкора «Октябрьская Революция», исключенного из рядов ВКП(б) в 1936 г. за сокрытие социального происхождения (сын торговца); лейтенанта М. М. Максименко, бывшего топографа 12-й железнодорожной батареи, исключенного из партии в 1934 г. за политическую неустойчивость и непризнание ошибок; старшего лейтенанта В. М. Сучкова, бывшего командира учебного взвода школы санитарных инструкторов, исключенного из партии в 1930 г. за несогласие с коллективизацией; воентехника 2-го ранга Е. Г. Галузо, бывшего командира электромеханического сектора линкора «Октябрьская Революция», исключенного из ВКП(б) в 1936 г. за сокрытие факта раскулачивания отца и брата. Все указанные командиры были уволены в июне–июле 1937 г. приказами командующего КБФ по статье 43 «б» Положения о прохождении службы командно-начальствующим составом, т. е. в аттестационном порядке по служебному несоответствию. Во всех случаях Военным советом КБФ было отказано в восстановлении на службе³⁴. В данном случае командование КБФ строго следовало директиве Наркома обороны об увольнении со службы командиров, ранее исключавшихся из рядов ВКП(б) и отказывало этим лицам в пересмотре принятого решения.

Предварительные подсчеты показывают, что в 1937–1938 гг. по политическим мотивам с КБФ были уволены около 600 командиров (начальников), в том числе арестованы органами НКВД 192 чел.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-306. Оп. 6. Д. 1. Л. 106.

За период с весны 1937 по весну 1939 г. на КБФ сменилось шесть членов Военного совета и начальников Политуправления флота: А. С. Гришин, Я. В. Волков, Н. И. Ильин, Г. А. Зиновьев, А. А. Булышкин, А. А. Муравьев.

Необходимо остановиться на судьбах членов Военсовета КБФ. Александр Сергеевич Гришин родился в 1890 г. в Калужской губернии в крестьянской семье. В 12 лет, после окончания начальной сельской школы, начал работать на заводах Петербурга. В 1911 г. был призван на Балтийский флот, где окончил машинную школу Учебно-минного отряда в Кронштадте и Учебный отряд подводного плавания в Либаве, после чего служил на подводных лодках «Дракон» и «АГ-13». В партию большевиков вступил сразу после Февральской революции. В сентябре 1917 г. был демобилизован по болезни в звании унтер-офицера 1-й статьи. С октября того же года А. С. Гришин активно участвовал в создании отрядов Красной гвардии, а затем в формировании частей Красной армии. После Гражданской войны находился на политработе в РККА, занимая ответственные должности, в том числе начальника Политуправления Украинского военного округа. С 1930 г. А. С. Гришин служил в Морских силах Балтийского моря, вначале заместителем, а потом начальником Политуправления. В 1937 г. армейский комиссар 2-го ранга А. С. Гришин был назначен членом Военного совета КБФ. А. С. Гришин покончил с собой 15 июля 1937 г., узнав об аресте командующего КБФ флагмана 1-го ранга А. К. Сивкова.

В мае 1937 г. начальником политуправления флота был назначен дивизионный комиссар Я. В. Волков. Яков Васильевич Волков родился в 1898 г., русский. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны на Украине, в годы которой занимал должности от красногвардейца до инструктора политотдела Крымской советской дивизии, был слушателем Военно-педагогической школы, военкомом резервного полка 12-й армии. С августа 1925 г. служил в Морских силах РККА — помощник начальника Военно-морского училища им. М. В. Фрунзе по политической части. С июня 1931 г. — помощник начальника Военно-морской академии РККА по политической части. Из аттестации на Я. В. Волкова, подписанной в июне 1935 г. начальником политуправления КБФ А. С. Гришиным: «Тов. Волков дисциплинирован. Партийно выдержан. Среди командно-преподавательского состава и слушателей академии пользуется авторитетом. Должности вполне соответствует». С мая по август 1937 г. член Военного совета КБФ, в 1937–1938 гг. член Военного совета ТОФ, арестован 1 июля 1938 г. 16 октября 1939 г. из Бутырской тюрьмы бывший член Военного совета ТОФ Я. В. Волков обращался к наркому обороны К. Е. Ворошилову и сообщал, что с первого дня ареста был подвергнут «исключительно особым методам допроса и следствия, смертного избиения, неслыханного насилия, надругательства, шантажа и провокации». Всё это применялось для того, писал Волков, «чтобы я показал на себя, что я был и состоял членом всеармейского центра, членом краевого центра на Дальнем Востоке, руководителем повстанческих отрядов Приморья, старым провокатором и шпионом, продавшим

Тихоокеанский флот японцам, троцкистом и правым двурушником»³⁵. В мае 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Я. В. Волков был приговорен к 10 годам ИТЛ, срок отбыл полностью, с 1948 по 1954 г. находился в ссылке, реабилитирован в октябре 1954 г., умер в 1963 г.

Александр Александрович Булышкин родился в 1893 г. С началом формирования Красной армии вступил в ее ряды, служил на различных должностях политсостава. С 1932 г. являлся членом Реввоенсовета Морских сил Дальнего Востока, в 1936 г. стал начальником политотдела Костимой военной флотилии. Всё образование А. А. Булышкина заключалось в годичных курсах усовершенствования при Военно-политической академии им. Толмачева, которые он окончил в 1927 г. Летом 1937 г. он был назначен вторым членом Военного совета КБФ (должность первого члена Военного совета занимал корпусной комиссар Г. А. Зиновьев). Однако именно А. А. Булышкин, а не Г. А. Зиновьев, выступал на Военном совете при НКО СССР, докладывая о политико-моральном состоянии флота. Органы НКВД располагали сведениями о связях А. А. Булышкина с «врагами народа», о чем вскоре стало известно товарищам по партии, и он по политическому недоверию был исключен партийным бюро КБФ из партии 20 июня 1938 г., затем уволен из армии.

Николай Иванович Ильин родился в марте 1895 г. в г. Петербурге. Из крестьян. В 1915 г. призван в армию и служил до 1918 г. рядовым солдатом. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с мая 1919 г. Участник Гражданской войны. После Гражданской войны занимал ответственные должности политсостава в войсках и центральном аппарате РККА. С января 1925 г. — военком, с мая 1926 г. — помощник командира 19-го стрелкового корпуса по политической части. В 1926–1927 гг. — слушатель курсов усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии. С мая 1929 г. — старший инспектор 1-го отдела Политуправления РККА. С ноября 1930 г. — заместитель начальника того же отдела Политуправления РККА. С июня 1931 по май 1933 г. — заместитель начальника политуправления Приволжского военного округа. С мая 1933 г. — начальник отдела по работе в мотомехчастях Политуправления РККА. С марта 1936 г. — помощник начальника Морских сил РККА по политической части. В мае–июле 1937 г. корпусной комиссар Н. И. Ильин являлся членом Военного совета КБФ, а затем был переведен в центральный аппарат Военно-морских сил. В сентябре того же года Н. И. Ильин был выведен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу, 20 декабря арестован, 3 апреля 1938 г. приговорен к расстрелу.

Григорий Алексеевич Зиновьев родился в 1896 г. в Астраханской губернии, рано начал трудовую деятельность, работая на петербургских заводах. В партию большевиков вступил в марте 1917 г. После Октябрьской революции работал в советских органах в Петрограде. В июле 1918 г. добровольно вступил в РККА, участвовал в Гражданской войне, был дважды ранен. После войны за-

нимал ответственные должности политсостава в различных военных округах. В мае 1937 г. Г. А. Зиновьев стал членом Военного совета Уральского военного округа, но пробыл в этой должности всего 2,5 месяца. В июле 1937 г., после самоубийства А. С. Гришина корпусной комиссар Г. А. Зиновьев был назначен членом Военного совета КБФ. 20 июля 1938 г. Г. А. Зиновьев был арестован, а 22 августа 1938 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Муравьев Анатолий Алексеевич 1901 г. р., генерал-майор (1942). Член РКП(б) с 1920 г. С 1920 в РККА. Участник Гражданской войны. В 1924 г. окончил курсы комсостава, в 1930 г. — курсы при Военно-политической академии. Находился на политической работе в войсках, с 1934 г. начальник политотдела стрелковой дивизии. В 1938–1939 гг. начальник политуправления КБФ, в 1939–1940 гг. член Военного совета ЧФ. В 1941–1942 гг. комиссар бригады морской пехоты. С 1942 г. на ответственных постах в Главном политуправлении ВМФ. В 1943–1946 гг. член Военного совета ТОФ. В 1946–1949 гг. начальник Политуправления ВМФ, снят с должности, уволен в запас. В 1950 г. восстановлен в кадрах, начальник Высших военно-политических курсов ВМС. Умер в 1954 г.

Из числа высшего политсостава — членов Военсовета флота, репрессии 1937–1938 гг. не затронули напрямую только А. А. Муравьева. Частые перемещения и аресты высшего командного и политсостава свидетельствуют о том, что он также являлся объектом преследования в ходе проведения политики массовых репрессий.

Следовательно, в начале массовых политических репрессий командование КБФ рассматривало оценку политико-морального состояния подчиненных и право принятия решения о дальнейшем прохождении ими службы (увольнение, перевод) как свою прерогативу. Эта проблема, как правило, решалась в ходе кадровых перестановок, с привлечением политических и кадровых органов, а также Особого отдела НКВД. С расширением репрессий процесс увольнения по политическим мотивам и арестов командно-начальствующего состава флота всё меньше зависел от решения командующего и Военного совета КБФ. В сложный период расширения массовых политических репрессий на флоте командование КБФ испытывало на себе давление органов НКВД, при этом стараясь выглядеть достойно перед военно-политическим руководством, стремилось дифференцированно подходить к решению кадровых вопросов на флоте. Столкновение интересов структур, осуществлявших политический контроль на Краснознаменном Балтийском флоте, приводило к потерям в кадрах и к удалению от решения жизненно важных проблем боевой готовности флота. Представители высшего командного и политического состава КБФ не смогли препятствовать расширению политических репрессий среди командно-начальствующего состава и произволу НКВД; являясь продуктом своего времени, они в качестве приоритетных задач выбирали задачи внутривнутриполитической борьбы, при этом сами зачастую становились жертвами этой борьбы.

³⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1255. Л. 108.

References

Voennyj sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. Noâbr' 1937 g.: Dokumenty i materialy. M.: Rossijskaâ političeskaâ ênciklopediâ (ROSPËN), 2006.

Spisok komandno-načal'stvuûšego sostava Voенno-morskih sil RKKA. Izd. 1932 g. Sostavljen Upravleniem Kadrov UVMS RKKA. M., 1932.

Список литературы

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОСПЭН, 2006.

Список командно-начальствующего состава Военно-морских сил РККА. Изд. 1932 г. Составлен Управлением кадров УВМС РККА. М., 1932.

Ryszard Knapiński

The Romanesque Door of Płock. State of research¹

The Romanesque Door cast in bronze in the years 1152–1154 in Magdeburg and intended for the Płock Cathedral² that are presently on the western façade of the Orthodox Church of The Wisdom of God in Velikij Novgorod (USSR) were the first monument of art of this type in Poland. Together with the Door of Gniezno they belong to the best works of the European bellfounders of the 12th century.

No historical evidence has been retained that could reveal the circumstances of ordering the door by bishop Alexander of Malonne (1129–1156) and the fulfillment of the order by Riquin and his assistants. Neither was the history of the monument of art recorded in any documents. In Polish literature the first mention of the Door of Płock appeared in Franciszek Maksymilian Sobieszczanski's book — *Wiadomości historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce*³. However, we only learn that there is the door of western origin in Novgorod with a portrait of a bishop of Magdeburg. The author owed the information to Friedrich Adelung who wrote an extensive monograph about the Door from Płock, which he called the Door of Cherson.

¹ Translated from Polish by Eva Pychek.

² The present work is the first chapter of a comprehensive doctor's thesis entitled *Credo Apostolorum w romańskich drzwiach płockich* [Credo Apostolorum in the Romanesque Door of Płock]. Lublin, 1988 (Catholic University of Lublin).

³ *Sobieszczanski F.M. Wiadomości historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce* [Historical news about the fine arts in ancient Poland]. Warszawa, 1847. S. 166–169; T. Dobrzeński (in his footnote to the article: Joachim Lelewel jako historyk sztuki w świetle badań Drzwi Płockich i Gnieźnieńskich [Joachim Lelewel as a historian of art in the light of the investigations concerning the Door of Płock and the Door of Gniezno]; BHS, R. 14: 1952 nr 1. S. 10–38) states that it is one of the first mentions in Polish literature about the monument of art that Lelewel calls the Door of Płock in Novgorod.

F. Adelung's work — *Die Korsunischen Thüren in Kathedralkirche zur Hl. Sophien in Novgorod beschrieben und erleutert*⁴ was a pioneer description, frequently referred to by numerous later researchers of the subject. Up to now, F. Adelung's monography remains the most penetrating description of the Door of Plock, which is why we will dedicate quite a lot space of our paper to the discussion of that work. It is really a pity that the work has not been translated into Polish; however, it has been translated into and published in Russian⁵.

In his introduction, F. Adelung expresses his regret that such an important monument of art has not been described anywhere and even its pictures have not been reproduced⁶. The man who rendered his services to the cause of publishing the paper was count Nikolai Petrovič Romancov who performed the financial patronage and cared for making the Novgorod art monument available, at least in this way, to other sister towns of Hanza.

The work contains a meticulous description of particular panels of the Door, explanations of iconographic and palaeographic character, history of the object, its name and artistic value. Part V is especially important for the history of investigations, something like the state of research where Adelung enumerates Russian and foreign authors who mentioned the monument of art in the descriptions of their journeys to Novgorod or visited Novgorod and described the city, but did not even mention the door of St Sophia's Cathedral Church.

The book also contains two supplements. The first one is a description of different door of the same Church, which was called Swedish door; the second one is a contribution to a review of mediaeval bronze doors — the author mentions about 60 of them. Many of the art monuments mentioned there have been partly or completely destroyed.

Adelung's monograph was the first one to publish an illustration of the Door — a lithographic drawing made by Schuch of Dorpat. Unfortunately, despite the assurances of the faithfulness of the image, when we compare it with photographs nowadays, we can notice a lot of simplifications and mistakes, a kind of manner, in fact, the engraver acquired making schemes of the images according to his own vision.

Inscriptions that appear side by side with images were printed on paper by F. Adelung himself, then they were transferred to the lithographic stone in their natural size. They are an exquisite help in palaeographic studies.

Apart from a folded big format sheet with a drawing of the Door, the work in question also contain six plates reproducing inscriptions; two plates with the letters of Russian and Latin alphabet and explanations of abbreviations and one plate with an illustration of the so-called Swedish Door.

⁴ *Adelung F.* Die Korsunischen Thüren in Katedralkirche zur Hl. Sophien in Novgorod beschrieben und erleutert. Berlin, 1823.

⁵ *Artomonov P.* Korsunskije vorota nachodjascijsja u Novgorodskom Sofijskom Sobore. M., 1843.

⁶ *Adelung F.* Op. cit. S. 3.

F. Adelung isolated 48 panels matching numbers to subsequent images; thus, the upper elongated panel of the left wing has 3 numbers, while it is usually treated as one composition.

The character of all the descriptions is iconographic and focused on cataloguing. Several iconographic questions were discussed in a separate chapter⁷. The author often referred to the examples of European religious art in order to emphasize the continuity of artistic tradition in which he located the Novgorod monument of art. In fact, he enumerates examples earlier than the Novgorod art monument but also he signals the occurrence of a certain specific subject in later works, e. g. Christ sitting on a rainbow in Hans Memling's picture *The Last Judgement*, 15th century from St Mary's Church in Gdańsk⁸.

F. Adelung's monography is annotated. The names that we find in them show us the spectre of works that served him as a source of information. Most often, we can see: Ciampini — *Vetera monumenta*, A. L. Milin — *Dictionnaire des Beaux-Arts*, J. C. W. Augusti — *Denkwürdigkeiten aus christlichen Archaologie*, Cicognara — *Storia della scoltura*, Herrard of Landsberg — *Hortus deliciarum* et al.

F. Adelung's scholarly material was much broader as he referred to many other authors. However, the thing that demands special attention is bibliography, collected in a separate chapter entitled: «Erwähnung der Korsunchen Thuren bey in und ausländischen Schriftstellern»⁹.

It is in fact the state of research of Cherson Door until the time when F. Adelung's monograph was published. As access to the works mentioned by F. Adelung is difficult or even impossible because many of them have disappeared, we are presenting here, after F. Adelung, the whole list of works gathered by him to show you the whole state of research. Thus, we would like to express our respect for his pioneer effort and his output. It will also be rendering justice to him, as several later researchers writing about the subject quoted the names of authors of elaborations earlier than Adelung,

⁷ Ibid. S. 59–84. The chapter was entitled: Commentaries for explanations of some symbols and images in mediaeval art (Erläuterungen zur Erklärung einiger Symbole und Darstellungen der Kunst des Mittelalters) and it contains the following subjects: beginning and form of a nimbus — appearance, clothes and attributes of angels — Annunciation — Christ's manger — the native land, manes and regalia of the Magi — Elijah's assumption — a hand appearing among clouds as a sign of God's presence — Eve's creation — rainbow as Christ's throne — the Savior with the Sun and the Moon — animals as symbols of Evangelists — the motif of lilies in the works of art — the palm tree as a symbol of victory and peace — the painted caps of the warriors — crucifixion with four nails — the form of the Holy Cross — centaurs in the works of Christian art. The need for such commentaries was justified by Adelung in the following sentence on S. 72: «Um die eigenthümliche Poesie zu würdigen mit welcher der Künstler der Korsunischen Thuren diesen Gegenstand behandelt hat, und zugleich um einen kleinen Beitrag zu einer Kunstgeschichte biblischer Darstellungen zu liefern, stellen wir hier einige ältere und neue Bearbeitungen des Nehmlichen reizenden Stoffes zusammen, i. e. "In order to estimate the quality of poetry, that was put in the Cherson Door by its creator and at the same time to gain even a really small input into the history of biblical images in art. We have presented here older and more recent papers concerning the above mentioned subject"».

⁸ Ibid. S. 74.

⁹ Ibid. S. 115 and the following.

and did not refer to his list of authors¹⁰. There are also works, which compiled the state of research concerning the Door of Płock without mentioning his monograph¹¹.

F. Adelung divided the authors into two groups:

I Reports of those who travelled to Russia and wrote about Novgorod¹².

II Casual references to the door made by native or foreign authors¹³.

In both groups, the works were mentioned in chronological order and although the author pointed out that he would mention their full titles, he often used only abbreviations. In addition, here is the review of authors quoted by him:

J. Georg Gmelin made such a note in his description of the journey to Siberia in the years 1733–1743: «On the 17th we went to the main church. We saw a lot of artifacts there and the one that deserved utmost attention was the church door made of unusually yellow metal, it had two wings and it had been brought here from Korsun many years ago»¹⁴.

Gerhard Friedrich Müller travelled to Alexandrova Sloboda in Vladimirskaya Guberniya in 1778. Watching the brass door in the chapel of St Trinity monastery he compared them with the Novgorod Door and he made a following note: «In the exquisite church of St Trinity... in a certain chapel, on the right side of the entrance, there is the two-winged brass door of the kind they have in Novgorod and it is called Korsunske Dvery (the Cherson Door) there. However, we do not often hear the name here. However, to my knowledge even in Novgorod it is an abuse when they call the door the Cherson Door. After all it has Latin inscriptions and bears the name of a bishop of Magdeburg so in spite of the fact that there was an important trade exchange between the hanzeatic cities across the Baltic Sea, it is rather hard to accept that it could have been brought from Korsun or Cherson to Novgorod»¹⁵.

Heinrich von Reimers took part in a special emperor's mission to Otoman Porta in 1793 and described the course of the journey in three volumes. He wrote about the

¹⁰ E.g. *Askanas K.* Brązowe Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim [The Bronze Door of Płock in Novgorod Velikij]. Płock, 1971.

¹¹ *Pietrusińska M.* Drzwi Płockie. Stan badań [The Door of Płock. State of research]. SPPR. T. II. P. 744.

¹² *Adelung F.* Op. cit. S. 117–120 with exceptions.

¹³ *Ibid.* S. 123–126.

¹⁴ *Gmelins D. Johann Georg.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751. 4 B. 8-vo. Bd. I. S. 12: «Den 17-ten verfügten wir uns in die Hauptkirche. Daselbst sahen wir viele artige Sachen, worunter eine der merk würdigsten, eine aus einem besondern gelben Metalle bestehende Kirchentüre war, die zween Flügel hatte, und vor alten Zeiten aus Corsun dahin gebracht worden». Gibbon mentions the fact of giving the Door from Korsun (Cherson) as a gift by Vladimir Velikij in: *Über den Verfall des Römischen Reichs.* Bd. XV. S. 130 (no data about the place and year of the publication).

¹⁵ G. F. Müllers notes were printed without the author's name with the title Beschreibung einer Reise von Moscau nach dem Kloster der Heiligen Dreyeinigkeit u. s.w. im Jahre 1778, in a paper *Neues St. Petersburgischer Journal.* 1782. R. III. T. V. S. 28.

Novgorod Cathedral that it belonged to the oldest churches in Russia (built in 1044–1051) and that it had bronze door richly ornamented with gold in its interior¹⁶.

The oldest mention about the Door of Płock dates from 1517 and comes from Baron Siegmund von Herberstein. It can be found in his notes *Rerum Moscovitarum Commentarii*, which were published several times¹⁷. The Baron notes that he was allowed to watch the ancient door, brought from Greece, from the town of Corsun (Cherson).

The travelers to Greece are obviously interested in the Door. They note down its location in the Novgorod Church and give various kinds of information concerning its origin. Z. Hossmann mentions the Door indeed in his description *Regentensaal* in 1702, but he complains that he could not find it¹⁸.

An Englishman William Cox in his reports from travels to Poland, Russia, Sweden and Denmark in 1784 expresses his admiration for the relief presenting biblical scenes and Passion of our Saviour, and he refers to the Novgorod tradition concerning the origin of the Cherson Door and expresses his reservation as to the theory. He begins his argument quoting the Latin inscriptions with the names of bishop Wichman and Alexander and expresses the supposition it should be accepted that the Door was probably made in Magdeburg. Finally he rejects the view and accepts another one, according to which the origin of the Door should be sought in Greece, because the inhabitants of Novgorod had frequent trade contacts with Germans but not as frequent as those with Greeks¹⁹.

¹⁶ *Reimers H. v.* Reise der Russ. Kaiserl. ausserordentlichen Gesandtschaft an die Otomanische Pforte im Jahre 1793. St Petersburg, 1803. Bd. 3. S. 164.

¹⁷ Baron Siegmund von Herberstein (1486–1566) travelled twice as a deputy of emperor Maximilian I and Charles I in 1517 and in 1526. In 1549 his work *Rerum Moscovitarum Commentarii* was published in Latin in Vienna. German translation in 1557. Compare *Bazylov L.* Historia Rosji [History of Russia]. Warszawa, 1983. T. I. P. 14; F. Adelung on S. 119 quotes after the edition of 1805: Mein Siegm. Freih. zu Herberstein Raittung und Antzaigen meines Lebens, in Kovachich's Samml. kl. noch ungedr. Stücke. Ofen, 1805. 8-vo, I. S. 147: «Da liess man mich sehen ain kupferne Kirchthür, die aus derselben gegent gezogen, und ain Statt die Sy Corsun nennen, belegert» and refers the reader for a comparison to an edition of *Rerum Moscovitarum Commentarii*. Basil [ea], 1556. P. 75; K. Askanas (*Brązowe Drzwi Płockie*. P. 28) refers to a 1549 edition and in a footnote 42 on P. 48 he quotes different editions of these notes – *Fontes rerum austriacarum*. T. I, 1. Wien, 1855 (*Rerum moscovitarum commentarii*); *Gerbersztejn S.* Zapiski o moskovitskich dielach. SPb., 1908; (The latest German edition *Rerum: Mosc.*, 1926); Compare idem, *Sztuka płocka* [Art of Płock]. Płock, 1974. P. 35, 106.

¹⁸ *Hossmann Z.* Regentensaal, 1702. S. 173 and next.

¹⁹ *Cox W.* Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark etc. London, 1784. T. I. P. 452: «We entered this venerable pile through a pair of brazen gates, ornamented with various figures in alto relievo, representing the Passion of our Saviour, and other scriptural histories. The priest informed me, that, according to tradition there gates of brass were brought from the ancient town of Cherson, were Vladimir the Great was baptized, and are supposed to be of Grecian workmanship: they are in consequence of this persuasion called Korsunskie Dveri, the doors of Cherson. However, if we admit the truth of this tradition, how shall we account for the following Latin characters, which observed upon them? P. e. Wicmannus Magideburgensis. Alexander eps De Blucich.

In 1793, a French traveler Chantreau reports that he saw metal gates ornamented with various figures of exquisite make presenting Christ's Passion and other events of His life²⁰.

Some authors writing about the Door present different kind of information concerning its. One of such versions is presented by Raupach²¹, who states that the Door was made in Constantinople in 11th century and was presented to Novgorod by a Greek emperor. «The door which is worth utmost attention of all the researchers of antiquities contains the figures of Greek hierarchy cast in bronze from a sacristan to a patriarch, dressed in clothes typical for a Greek court and provided with inscriptions» — Raupach. He took lectors and deacons appearing in the figurative relief ornament as representatives of the imperial court. It is an isolated kind of explanation of those figures but not devoid of justification.

An unknown traveler described his impressions in *Spazierfahrt nach Moscau* and he wrote about the double door the church in Novgorod was equipped with. As to its origin he refers to a saga that states the door was brought from Cherson. Moreover as an attentive observer he relates that according to an inscription it had probably been made by an artisan from Magdeburg²². Let's pay attention to the fact that the unknown author uses the term: «double door». Did he understand it as two wings, or a second pair of doors? Moreover F. Adelung in his 1st chapter entitled *An exact description of the Cherson Door* gave a piece of information: «The so-called Cherson Door is located in the west facade of the cathedral church of Holy Wisdom in the entrance, opposite the main altar. It is rather doubtful whether it really serves as an entrance, I suppose it might only be possible. Presently and also for a quite a long time it has not been used to close the main entrance, but it is open inwards and it is fastened to the wall by means of special hinges. However, the entrance is closed by the ordinary wooden door that is a protection against the influence of the weather, but not to such an extent as to keep out dust, rain and snow. The access to our monu-

Ave Maria Gracia PleHs DHS FECVGL.
Faulty reading.

The first part of this inscription seems to prove rather, that they came from Magdeburg in Germany; and it is a circumstance by no means improbable, as the inhabitants of Novgorod, through their commercial connections, maintained, even in those early times, a no less frequent intercourse with Germany than with Greece.

The text translated into German is quoted also by W. Sauerländer at the beginning of his description of the Novgorod Door» (Die Bronzetür von Novgorod. München, 1963. S. 49).

²⁰ Chantreau. Voyage philosophique, politique et litteraire fait en Russie. Paris, 1793. T. II. P. 196.

²¹ Raupach. Reise von St. Petersburg nach dem Gesundbrunnen zu Lipezk am Don. Nebst einem Beytrage zur Charakteristik des Russen / Von D. R. Brealau, 1809. 8-vo. S. 33: «Die Hauptthüre der Kirche ist im elften Jahrhunderte zu Konstantinopel verfertigt und vom griechischen Kaiser hierher geschenkt worden. Den Alterthumsforschern ist sie in vieler Hinsicht merkwürdig. Die beyden Flügel sind aus Erz gegossen, und tragen die ganze griechische Hierarchie von Sakristan bis zum Patriarchen mit dem damaligen Kostüme und den griechischen Hof in Relieffiguren mit Überschriften. Materie und Arbeti sind gleich schön».

²² Spazierfahrt nach Moscau. Leipzig, 1810. S. 41.

ment of art from the inside is only possible through the double iron door. However, it can be watched through iron bars and it is always willingly presented to the art lovers»²³. The conclusion from the description is that at the time when F. Adelung visited Novgorod, the Door did not have any utility function, but it was hanging there as antique and honorable gate of a legendary past.

The above references concerning the Door come from travelers who wrote about the monument of art as a certain curiosity. However, there are descriptions made by travelers to Moscow through Novgorod, who do not mention the Door even though some of them stayed in the city for quite a few days²⁴.

Later historical elaborations did not develop the investigations of the object. Siergiej Spirydonovič Tatiščev in his *Istorija Rossijskaja* in 1784 observed that Archbishop Vasil bought the copper and gold-plated door for the Holy Wisdom Church and it was brought from Germany for a really high price²⁵. A. Truhart in 1806 mentioned Wichman as a maker of the Door. He mistook the inscriptions or ignored the remaining figures favoring only the bishop of Magdeburg whom he ascribed excessive merits²⁶.

Nikolai Karamsin described the history of the Russian Empire in 1816–1829²⁷ and he mentioned the Door several times. He expressed his surprise that although it was made in Germany, it was called the Cherson Door in Novgorod²⁸. He wondered at the makers of the Door wearing old Russian clothes. Enumerating their names he made a mistake reading the inscriptions as, according to him, they were made by master Abraham Wansmuth and master Nikon Messegi. The Latin inscription *Riquin me fec[it]* was changed into Nikon Messegi in its Russian translation while Abraham and Waismuth were taken for one person. However, N. Karamsin must be credited for posing the question of Bishop Alexander's image. When he quoted the inscription from the panel with his image: Alexander Epe oc [instead of «c» and omitting «de»] Blucich — he wondered what city it can be — Blucich? He could not solve the problem.

Paweł Swinin in his *Homeland notes* in 1821²⁹ regarded the door cast in copper as an object worth interest. However, the inscriptions appearing on panels, both Slavic and Latin, can mislead even distinguished experts of antiquities as to the make. Then he listed the familiar opinions. According to some of them the Door was sent by

²³ Adelung F. Op. cit. S. 5.

²⁴ F. Adelung mentions as many as 27 authors since 1534 until 1817 who made descriptions of their journey to or through Novgorod, but they did not mention the Door. Adelung F. Op. cit. S. 120–122.

²⁵ Tatiščev S. Istorija Rossijskaja. SPb., 1784. T. IV. S. 134.

²⁶ Truhart A. Fama für Deutsch — Russland. Riga, 1806. Bd. II. S. 92 (Geschichte der Zeichnenden Künste in Deutschland und der vereinigten Niederlanden. Hannover, 1817. Bd. II. S. 166).

²⁷ Karamsin N. V. Istorija russkovo gosudarstva. St. Petersburg, 1816–1829. S. 363 and footnotes; Historia Państwa Rosyjskiego M. Karamzina przełożona na język polski przez Grzegorza Buczyńskiego. Warszawa, 1824–1830. T. I. S. 431; T. II. S. 76, 85; T. IV. S. 328.

²⁸ Ibid. T. I. S. 363.

²⁹ Swinin P. Otecestvennija zapiski. 1821. Juli; N 15. S. 9.

Vladimir of Cherson, others stated that it had come from a city belonging to Hanza. P. Swinin voted for the latest theory, justifying his view with the fact that the level of accomplishment of the Door is much lower than that of similar Grecian, i. e. Byzantine products. As far as drawing and composition were concerned, he counted it among the best examples of art being revived in Germany during the reigns of the Ottos and Hohenstaufs. The technical level of the cast in metal was very clear according to him. Moreover, he noticed that the Door was altered, i. e. it had been bigger originally and it was diminished — which can easily be noticed in those places where inscriptions were covered with the perpendicular battens of the border. Moreover, one more piece of information by P. Swinin concerning the history of the copy of the Door of Novgorod. He was told that in 1817 count M. P. Romancov had sent a clever artist in order to prepare a plastic model of the Door — i. e. a copy. The enterprise would facilitate precise studies of the distant but extraordinary and interesting monument of the past³⁰.

The Door was also interesting for Swedish researchers, as there was a legend according to which Ruthenians had plundered Sigtuna, the former capital of Sweden in 1187 and taken away the metal door among other booties. Georg Wallin refers to the legend in his treatise *Sigtuna stans et cadens* written in 1729³¹ and claims that the keys to the Door were thrown into the lake Skarwen. As to the material there was certainly no unanimity whether it was iron or bronze. At George Wallin's time, the door was probably kept in Moscow. This very author gathering material for *Sigtuna stans et cadens* wrote a letter asking about the Door to Heinrich Brenner, a former officer of Charles XII, who had been taken prisoner by the Russians after the defeat of Poltava. H. Brenner stayed in Novgorod in 1722 and he watched the Door in a hurry and fearing not to be punished for it. Only seven years later i. e. about 1729, he described his memories in response to G. Wallin's letter³². He made

³⁰ *Adelung F.* Op. cit., footnote 2. S. 124 explains, that it was when all the inscriptions from the Doors were printed on paper and a drawing of the whole was made. This was the illustrative material that found its way to F. Adelung's work. However, up to the time when his work was published there had not been any plaster copy.

³¹ *Wallin G.* *Sigtuna stans et cadens*. (Place of publication not given), 1729. P. II. S. 238, XVII: «Vetus est traditio, Ruthenos hoc tempore (i. e. at the time of taking plunders from Sigtuna in 1187) inter cetera spolia, veluti opima secum abstulisse Portas urbis Sigtunensis, in lacum vero Skarwen demersisse earundem claves. Sed utrumque fabulosum est, ut patebit ex sequentibus. Primum quod ad Portas attinet, ferreas fuisse credunt, alii ex aere conflatas, easque adhuc Moscoviae adservari etc».

³² H. Brenner was an assessor of the Royal Library in Stockholm in 1732. The letter he wrote to G. Wallin in 1729 was placed in its Latin version in *Sigtuna stans et cadens*, in part II on P. 238. I'm quoting after *Adelung F.* Op. cit. S. 125: «Fateor me anno MDCCXXII, cum soluta captivitate Novogrodiam Moscovia pervenissem, die inquirendis Portis Sigtunensibus anxie laborasse. Innotuit tandem, in ejusdem urbis (Novogrod) templo majori inveniri coram altari Portas argenteas, vocesque illis inscriptas a nemine Moscovitarum legi posse. Pergens igitur eo conspexi illas esse Valvas eximie magnitudinis, argenteasque, quae Choro claudendo deservirent, latinis vero inscriptiones literis monachorum aevo usitatis constare. Inter alia, si probe minimi, historiam B. Virginis Mariae cum Christo puero fugientis Aegyptum, opere

a lot of mistakes and fabrications. First of all, he was looking for the city gate from Sigtuna, but he was shown the Cherson Door — Sartunskije vorota. He supposed that Russians called Sigtuna — Sartuna, and hence the name. He stated that he had not found any gate, but he had been shown the door closing the entrance to a presbytery of a catholic church in Sigtuna. Supposedly he had seen such choir door made of silver with Latin inscriptions only and reliefs, illustrating the history of the Blessed Virgin Mary fleeing to Egypt with Baby Jesus — at the entrance to the choir of the church in Novgorod. The items of news are erroneous and fictitious, and yet they found their way to another author's work — Olaf Dalin's *Suea Rikes Historia*³³.

In 1818, 5 years before F. Adelung's work was published, a historian and connoisseur of German art Johann Gustav Büsching expressed his view upon the origin and history of the Novgorod monument of art. According to him, as well as Johannes Dominic Fiorillo, the Door was made by bishop Peter Wickmann in 11th century i. e. 100 years earlier than it is maintained nowadays. We cannot take for granted an early date of the appearance of the Door in Novgorod, e. g. after the fall of Sigtuna in 1187 as it is said. It seems impossible that it should have been taken to Novgorod during Christian battles against the pagan Slavonic tribes. J. G. Busching excluded the theory that it could have been brought as a war plunder. It may have been brought to Novgorod only after 1272 after the city had joined Hanza³⁴.

The above review allows us to formulate several conclusions. There was a widespread belief that the Door of St Sophia church in Novgorod had been brought there as a gift of Vladimir the Great from Cherson (Korsuń). According to this tradition there was a conviction that it was made in Greece precisely in Byzantium, even in Constantinople itself. The iconography of particular panels or the inscriptions on them were not analyzed in descriptions. However, some more inquisitive authors discerned images of the artisans. There was also a view according to which bishop Peter Wichman was credited with the accomplishment of the Door — probably like

elevato in argento expressam vidi. Lubenter omnia delineassem: ni ni suspiciones de me Moscovitarum augere visum fuisset periculosum. Portas illas Russi vocant Sartunski vorota, hoc est, Portas urbis Sartun. Fieri facile potuit, ut antiquis temporibus Sigtunam appellaverint Sartunam, id est, Principis vel Regis sedem, haud aliter ac hodie Constantinopolis dici iisdem solet Sargorod, h. e. Vrbs Czari vel sedes Imperatoris. Et hinc evidens est, a Moscovitis ablatas non fuisse portas Sigtunae urbis, ut vulgo hactenus creditum: sed valvas chorales alicujus templi Sigtunensis, illasque argenteas, nec contemnendae, pro more Rom. Catholicorum, molis ac ponderis etc».

³³ T. II. P. 120; I'm quoting after F. Adelung, S. 125, who does not mention the year of publication.

³⁴ *Büsching J. G. G.* Bez tytułu // Wiener Jahrbuch der Literatur. 1818. III. S. 116; *Fiorillo J. D.* Op. cit. S. 166: «Denkmähler der Skulptur haben sich erhalten, und dass man im eilften Jahrhundert zu Magdeburg die Kunst verstanden, grosse bronzene Thürflügel mit Reliefs zu giessen, davon haben wir noch ein wichtiges Zeugniss. Denn in der alten, einst so mächtigen und berühmten Hansestadt Nowogorod ist eine vor achthundert Jahren erbaute Kirche, die noch ein altes deutsches Kunstwerk enthält, nähmlich Thürflügel von Bronze mit erhabenen Figures, der Inschrift zufolge von einem Petrus Wickmann aus Magdeburg verfertigt».

St bishop Bernward of Hildesheim who was said to have managed a foundry at the beginning of 11th century.

The researchers who identified the Novgorod Door with the legendary gate of Sigtuna in Sweden presented an isolated and erroneous point of view. F. Adelung was the first one to begin scientific investigations of the object and was reliable enough both to present his own theories and the views of other authors studying the subject. A lot of other people referred to F. Adelung's pioneer work.

Polish literary output concerning the Door of Płock after a short reference by F. M. Sobieszczanski, began with Joachim Lelewel. When he was staying in Brussels as an emigrant he wrote *Dzieje narodowe Polskie [Polish National history]*, stressing the role of the working classes and the autonomous cultural development resulting from rich Slavonic tradition independent of the influence of the West³⁵. The paper *The Church Door of Płock and Gniezno dating from 1133–1155* was finished in 1850 and published one year later in the IV vol. of the cycle *Poland of the Middle Ages*³⁶, and as a separate book in 1857³⁷.

³⁵ J. Lelewel included such a view in his paper about various nations of the Slavonic territories.

³⁶ *Lelewel J. Drzwi Kościelne Płockie i Gnieźnieńskie z lat 1133, 1155 [The Church Door of Płock and Gniezno dating from 1133, 1155] // J. Lelewel. Polska wieków Średnich czyli w dziejach narodowych polskich postrzeżenia [Poland of the Middle Ages, or the remarks about Polish national history]. T. 1–4. Poznań, 1846–1851. T. 4. P. 261–329 and the part of the article concerning the Door of Płock is on P. 269–296, placed after the general introduction about Church doors, where the author made use of the material collected by Adelung F. Op. cit. in the second appendix entitled Beitrag zur Uebersicht der im Mittelalter verfertigten bronzenen Thüren, S. 143–160. Both authors write about 60 Church doors preserved in Europe; today they are less than that.*

³⁷ *Lelewel J. Drzwi Kościelne Płockie. 1857. Wyd. II. S. 1–32. The paper was reviewed by T. Dobrzeński in his article Joachim Lelewel jako historyk sztuki w świetle badań Drzwi Płockich i Gnieźnieńskich, BHS. R. 14; 1952. N 1. P. 10–38. According to T. Dobrzeński «Lelewel's paper takes up a thorough investigation of both artistic and historical questions — concerning those two pieces of Mediaeval art» (p. 13). «...And although [Lelewel] based his investigations on Adelung's work in numerous questions, however, he does not submit to the suggestions of the German researcher's authority. He finds a starting point for his own inquiry here» (p. 14) «...And in the polemic formulations, critically estimating Adelung's point of view, Lelewel's work presents an independent solution of the problem of the Door of Płock, using a wide range of arguments supporting his own statements» (p. 15).*

T. Dobrzeński's article was reviewed by M. Morelowski in turn, BHS. year 15:1953. N 2. P. 95–96. M. Morelowski's review, biting in tone, points out the imperfections in T. Dobrzeński's article. The reviewer reproaches T. Dobrzeński for his underestimation of the Laodycea circle and the Moza region society as to the question of influence upon the origin of the Door of Płock. M. Morelowski is the only author to question the role of Bishop Alexander as the founder of the Door of Płock. He states on 96: «Do not several hundred of Płock illuminations testify to the connections with Moza? Where is the proof that allows regarding Alexander as the founder of the Door of Płock? Apart from him, also the Bishop of Magdeburg appears on them. T. Dobrzeński and others overlooked the fact, that there is no proof; that the "portrait" could rather point to the Saxon archbishop as a donor, and to Alexander as an addressee of the gift (my way of emphasizing. — R.K.). M. Morelowski supports his argument quoting prof. L. Kolankowski's statement during a discussion at the session of a Scientific Society of Toruń. L. Kolankowski also regarded this kind of solution as the more

Lelewel's thesis was that both monuments of art belong to the treasury of Polish culture. However, the Door of Płock in Novgorod — as he called it — was made in Germany by the Germans Riquin, Waismuth and Abraham but was assigned for the Płock cathedral. On the other hand, the Door of Gniezno was made in Poland and is distinguishable by conspicuously Polish character, especially on the panels presenting the scenes from St Adalbert's life. Each of these monuments of art is described in a separate part of the paper.

He took information about the Door of Płock, which he treated as «our magnificent national monument prepared for one of our dioceses», from F. Adelung whose work he described as «a fruit of extensive erudition, excellent work, and really accurate critical point of view»³⁸.

As he did not see the Novgorod Church himself, he reproduced the drawing of the Door after F. Adelung and relied on his description — «However, before I manage to see it myself, I must first make use of the mediation of F. Adelung, and learn about the Door what they look like»³⁹.

The iconographic description is enriched with comments. The researcher started from the portraits of historical personages who cooperated with one another to accomplish the work. He included bishop Alexander in the Dołęga family according to the Chronicles by Kadłubek and Długosz and he presented his role as a building contractor and an efficient administrator, pious and indefatigable. Archbishop Wichman was presented as striving to get authority from the Pope and caring for the emperor's favours — «magis saeculo quam sacris deditus»⁴⁰.

plausible one. As a support of his views, he presented the political and ecclesiastical situation of that time between Magdeburg and Poland after Poland had denounced German intrigues. It would have helped Magdeburg to win the potentate of Płock with such an exquisite gift and make him support German endeavours concerning their ecclesiastical supremacy over Poland. The further part of the review refers to the part of Dobrzeński's article in which he investigates the subject of the Door of Gniezno.

³⁸ Ibid. P. 271, footnote 6.

³⁹ Ibid. P. 272. As to the reproduced drawing Lelewel writes (footnote 6 on P. 271) that it was prepared by Rumiancov in 1817. It is a mistake. A diplomat and collector, count Rumiancov (1754–1826) did not draw the Door himself. He just had the drawing made with the intention to make a plaster copy of the monument of art. F. Adelung wrote about it twice: *Adelung F. Op. cit. S. 4: «Die Korssunschen Thüren erscheinen hier zum erstenmale abgebildet. Die meinem Buche beigefügte lithographische Darstellung derselben, welche ich der Kunst des Hrn. Schuch aus Dorpat verdanke, lässt um so weniger zu wünschen übrig, da sie nach einer sehr treuen, von mir noch besonders vor dem Originale verglichenen Zeichnung genau und sauber auf den Stein gebracht ist»;* and on S. 124: «Man sagt, der Graff N. P. Romänzoff habe schon 1817 einen Künstler hergeschickt, um ein richtiges Modell dieses interessanten Denkmals des entferntesten Alterthums zu nehmen; man muss daher einre genaue Beschreibung desselben erwarten» and in the footnote 2 on the same page — «Ein Gypsabguss ist von diesem Kunstwerke und eine genaue Zeichnung der Thüren verfertigten noch nicht gamecht». Lelewel copied F. Adelung's illustrations for his paper himself and signed them: The Door — J. L. Bruxell; compare: *Askanas K. Op. cit. P. 10.*

⁴⁰ Ibid. P. 270.

The makers of the Door — Riquin, Waismuth and Abraham probably started the work in Magdeburg about 1152. J. Lelewel considered it doubtful whether the Door had been finished and hinged during Alexander's lifetime. He described Abraham's role in the further part of the work calling him a framer⁴¹.

Quite an extensive iconographic characteristic is the most thorough description of the contents of particular panels in Polish literature so far.

Lelewel noted the lack of logical and chronological order in the arrangement of the panels. He determined Western accomplishment of the Door on the basis of the way in which it is presented, the appearance of figures from the royal court of the 12th century, the fashions of their clothes and the architectural details (flanks, walls, columns, arches, pinnacles etc.). He noticed the influence of Byzantine art: «In all those cases [the artist of the Door of Płock] created clearly Byzantine features... Christ, angels, apostles, the fashions of their clothes, all that is Byzantine in character. The figures are nice, showing slow movement, well-built, peaceful, comfortably quiet, consistent, deep in thought». In the presentation of scenes which the artist associated with household manners, we can see a kind of departure from Byzantine style and certain innovations.

Lelewel estimated the accomplishment of the work and praised the artisan for a sense of measure in introducing innovations in relation to the general Byzantine character, for the correct composition and the expression of particular figures, for moderation in the presentation of movement and restraint as to introducing additional details — «the arrangement in every part of the panels is stylish and complete; the number of shortenings rather scarce. As to perspective — he disregards it...»⁴²

A significant part of the paper in which the author showed a real independence as a researcher is the analysis of Latin and Russian inscriptions. He proves to be both a numismatist and a palaeographer. He was convinced that the Latin inscriptions are contemporary to the casting of the panels — «The inscriptions were cut after the cast had been finished... at once, during Alexander's life, the Latin ones as they are the only ones that can convey everything...» He criticized F. Adelung's view who had dated the Latin inscriptions back to the 14th century — «without care about the explanations who could provide the names of the craftsmen and bishops after one and a half or two centuries...». Such a method was qualified by Lelewel as «a graphic kind of evaluation detached from reality»⁴³. He analyzed the style of letters taking into account the available material for comparison and established the date of their appearance as 1155, taking it as the date of finishing the panels⁴⁴. Thus, according to Lelewel the time of the accomplishment of the door would be from 1152 to 1155. Also the inscriptions in the Cyrillic alphabet were analyzed by J. Lelewel. He stated

⁴¹ We can see the author's lack of consistence as to this figure.

⁴² Ibid. P. 286.

⁴³ Ibid. P. 287.

⁴⁴ Ibid. P. 289–290.

that they were made much later than the Door designed for the church in Płock, after the Door had been taken to Novgorod Velikij. The style of the letters allows to date them back to as early as 13th century, but if we take into account the complex character of various works connected with assembling the panels of the Door for St Sophia church he stated at last that it had been at the beginning of 15th or at the end of 14th century⁴⁵.

As to the question how the Door was brought to Ruthenia, the author created his own hypothesis of a gift of the Mazovian court for Novgorod. In 1385, Lingwen, a brother of Jagiełło and of Alexandra, the duchess of Płock, moved to Novgorod. «Thanks to the mediation of his sister and her husband Ziemowit (1381–1426) Lingwen managed to obtain the Door from the clergy of Płock and gave it as a gift to the inhabitants of Novgorod». Two bishops of Płock who were writing about it expressed their criticism of the hypothesis: Wincenty Chościak-Popiel and Antoni Julian Nowowiejski. W. Popiel's opinion was that the Door had never been brought to Płock but the inhabitants of Novgorod bought them directly from Magdeburg. A. J. Nowowiejski regarded J. Lelewel's hypothesis as unwarranted⁴⁶.

A bishop of Płock Wincenty Chościak-Popiel who had stayed in Novgorod since September 1868 (he came back in October 1875) went to visit the orthodox churches of Novgorod on October 22nd 1868, starting from St Sophia's sobor. He described his impressions then⁴⁷. He made use of Lelewel's paper. But he also knew the works of F. Adelung and count Peter Alexandrovic Tolstoy⁴⁸.

Bishop W. Popiel was surprised that Tolstoy as an archaeologist accepted indiscriminately a theory of a German historian Thuan, according to which Vladimir the Great had supposedly taken from Cherson «two-winged copper door to Kiev, from where Bolesław II king of Poland, brought it to Gniezno and placed in the local cathedral church, wherefrom — as count Tolstoy concludes — how close the relationships between Poland and Novgorod must have been, that the Poles returned the church door to our People's Republic. Thanks to the endeavours of archiepiskop Vasil, as they regarded it as a valuable object that had belonged to Russia for a very long time»⁴⁹. W. Popiel rejected the view that the Door of Gniezno had been brought from Kiev, for lack of arguments, and he supported his attitude with a different character

⁴⁵ Ibid. P. 291.

⁴⁶ Ibid. P. 293. a critical evaluation of this hypothesis in *Pamiętniki Ks. Wincentego Chościak-Popiela, arcybiskupa warszawskiego*, wydane przez ks. J. Urbana [Diaries of Father Wincenty Chościak-Popiel, the archbishop of the Warsaw diocese, edited by father J. Urban]. Kraków, 1915. P. 63 and *Nowowiejski A. J.* Płock. Monografia historyczna [Płock. a historical monography]. Płock, 1930. Ed. II. P. 187, footnote 1.

⁴⁷ *Knapieński R.* Romańskie Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim w opisie wygnańca — biskupa Chościak-Popiela [The Roman Door of Płock in Novgorod Velikij described by an exile-Bishop Chościak-Popiel]. *Notatki Płockie*. 1983. N 4/117. P. 3–7; *Pamiętniki ks. Wincentego Chościak-Popiela*. P. 55–65.

⁴⁸ *Tolstoj P. A.* Svjatyni i drevnosti Velikovo Novgoroda. M., 1862.

⁴⁹ *Pamiętniki...* Op. cit. P. 56.

of the Gniezno monument of art from the Byzantine craftsmanship. It would have been unimaginable to unhinge the ancient gate from the portal of the most estimable Polish church and give as a gift to a foreign city and country.

Having defended the Polish provenience of the Door of Gniezno W. Popiel rejected also the theory about the eastern, that is Ruthenian origin of the Door of Plock. He followed F. Adelung as he paid attention to the western, i. e. Latin attire of bishops and deacons. He also quoted the style of letters and the orthography of Latin and Slavic inscriptions after F. Adelung — dating the first ones back to the 13th and the other ones to the 14th century. Wherefrom he concluded that Vladimir the Great could not have taken the Door from Cherson to Kiyev, as they did not simply exist during his lifetime⁵⁰.

Describing particular panels W. Popiel gave them new names, or repeated them after J. Lelewel. His description is not systematic; however, a new element of this utterance is a supposition concerning later complements. Whom did the author see among those later added figures apart from a centaur? He did not mention them. Besides, he read the upper, double panel inscription mistakenly: «*Traditio legis — Revelation of the Law*» describing it as «*The Last Judgment*».

Bishop W. Popiel gave a lot of attention to the Founder of the Door, whom he did not call Alexander of Malonne, but he traced his descent from the Dołęga family of Szeńsk. He referred to the chronicles of Kadlubek and Długosz. He praised Alexander's achievements and qualities of character. He mentioned the cathedral of Plock as his burial place and also his tombstone and epitaph plate from 16th century in the parish church in Szeńsk⁵¹. Analogously to the presentation of Bishop Alexander with the assistance of deacons, he suggested transferring the panels with images of other deacons to the neighborhood of the figure of bishop of Magdeburg Wichman. W. Popiel was convinced about the ecclesiastical supremacy of the Magdeburg metropolis over the Polish dioceses. The opinion was later repeated by numerous researchers, and especially Adolf Goldschmidt (the subject will be continued in the further part of the chapter).

Inscriptions posed another problem for W. Popiel: «On the left side of bishop Alexander's head there is a Latin inscription in beautiful half-Lombard letters 'Alexander eps de Blucich' — on the right Slavonic letters 'Alexander epkp' (episkop)»⁵². However, does 'Blucich' really mean Plock? This is the opinion of Adelung and Lelewel, it is a risky thing to argue with them.

⁵⁰ Vladimir was the ruler of Kijevska Ruthenia from 980 to 1015 and he was called the Great or the Saint: Compare *Bazylov L.* Op. cit. Vol. 1. P. 87.

⁵¹ Ibid. P. 59: «He ruled the diocese from 1129 to 1156 and he buried Bolesław Krzywousty who died in 1139, in the cathedral he had built himself, and he was also buried there». Information about the place of Alexander's burial and the epitaph plate in Szeńsk is wrong, his burial place is not known.

⁵² Reading of the inscription obviously at random, without any literary accuracy either in Latin version or in the Russian one.

W. Popiel gave also some attention to the figures of the makers. He treated Abraham as a master and the remaining two moulders as his assistants. He completed the insufficient description made by J. Lelewel⁵³: «Here master Abraham presented himself and his two companions. He is an elderly man, he has an isosceles cross on his breast with the letters I.C.X. on the ends of each arm, you can still discern the "C" on the lower arm. I found an important difference on panel 24; it presents the third craftsman; there is a Latin inscription above — denoting his name "Waismuth" and the same inscription in Slavonic letters beneath»⁵⁴.

Reading of the inscriptions is not complete. However, the conclusion is astonishing: «It is clearly a woman's figure, it can be seen in the facial features, hair parted in the middle and two tresses falling down on the shoulders; the person does not have a beard or moustache, like her companions. If not for a pair of pincers or a spoon she is holding in her hand turned downwards, it would be impossible to take her for a moulder as women do not work in this kind of craft, as it demands a really great strength»⁵⁵. It is simply a young assistant of Riquin who was regarded as the master and the maker of the Door, which can be seen in the inscription around his head: «*RIQUIN ME FECIT*». W. Popiel did not even mention it.

However the notes concerning the change of arrangement of the panels during a very short time, not even 20 years after Lelewel's publication and 50 years after publishing F. Adelung's work, which was a reliable source for later researchers of the subject. Moreover, W. Popiel interpreted some scenes independently, though not always accurately, he pointed to some technical details and the state in which the object was preserved⁵⁶.

⁵³ J. Lelewel formulated such a footnote: «Frider Adelung says that master Abram is holding a pair of pincers, a trowel or a scoop and a hammer. The moulder trowel is a kind of tool for cutting. It would be worthwhile if someone able to watch the doors where they are could check whether the hammer occurred as an effect of moulding or maybe it was carved on the mould with a chisel» (*Lelewel J.* Drzwi kościelne... Op. cit. P. 294).

⁵⁴ Pamiętniki... Op. cit. P. 60.

⁵⁵ Ibid. P. 61–63.

⁵⁶ «I am completing Lelewel's description with the following notes:

- 1) At the space where Lelewel has No 26, there is a figure now marked No 30 in his description. The person is holding two palms in his hands, they are pointed down, like two sheaths of oblique swords, and the inscription is "Segere" not "Jegere".
- 2) The pillar to which Christ is tied to be whipped, No 37, has a bird on its top, not so much a cock, rather similar to an eagle or a pigeon. At the lower end of the pillar, there is a devil's head with horns. Over the figure of a soldier standing on the left a C letter is forged.
- 3) The panel with a person marked No 40 is certainly of a different make than the main part of the doors; the metal is of a much lighter colour, and the holes in the incompetently moulded panel filled with lead. The whole figure much too tall, with long hair, parted in the middle, short beard, the dress without folds, tied around the waist only, he resembles Orthodox Church deacons.
- 4) All the panels of both separate doors are enclosed with a beautiful metal frame, but it is also of three various kinds. The most beautiful part and in the best state of preservation goes through the middle of the doors from top to bottom. There is a figure of St George killing

The last problem W. Popiel was trying to investigate was «how did the door, moulded in Germany, designed for the Płock cathedral, get to Novgorod?» He rejected J. Lelewel's hypothesis about giving them to Novgorod as a gift and formulated a new one, rejected by later investigators that the door had never been brought to Płock. Chronicles describe Bishop Alexander's generosity, but do not mention the fact of ordering any bronze door for the first church in the diocese. There is no note about any robbery during an invasion or raid either. If there had been a raid, they would have been taken by Lithuanians or Teutonic Knights but not the Novgorod inhabitants — W. Popiel continues his reasoning. Thus, he concludes, the door was never brought to Płock, but the Novgorod merchants bought them directly from Magdeburg, from a great grandson of the moulder Abraham and placed in their Orthodox Church of St Sophia. He credited Vasil Blazhenny the Archbishop of Novgorod (1330–1352) with the initiative of buying it in 1336 — he is quoting the data after Z. Herberstein, a diplomat of the emperors Maximilian, Karol and Ferdinand (diaries of 1516). It is also the version found in the Novgorod chronicles.

W. Popiel gave such a recapitulation: «When neither donation nor capture could bring this exquisite monument of art to Novgorod, it would be most conformable with the legend to ascribe it to a simple contract of buying and selling, which is indeed more laudable for Vasil's memory. A German made a cast, because it had been ordered, and when the Poles did not buy it, his great grandson or successor sold the panels showing little care that what was to adorn the catholic cathedral would go to an Orthodox Church. The Germans added the lacking panels from other casts;

a dragon on the border between panels 27 and 28. Between 31 and 32, there is a figure of death with a scythe in one hand and a shield in the other: a felled man under his feet. At last, in the fourth row, between No 35 and 36 a figure of a gravedigger is holding a spade in his hand; a four-legged monster is raising its head towards him, probably it is a worm of the never dying death waiting for a new prey.

5) The metal of the moulds is not the same. Older panels were covered with a nice patina, dark-green in color, others were gilded. The figure under No 40 was cast of simple brass or a mixture used for Orthodox Church bells.

6) The Centaur under No 48 seems to be of quite a different cast and origin. Its head is covered with fine curly hair; however, it seems the cast was not successful as the centaur lacks one hand, which does not seem to be broken. I think Lithuania had used centaur as its coat of arms before it was baptized.

7) The doors are not cast as a whole but they are composed of cast panels, half and all long at the most, and fixed to wooden gates. The panels are not situated according to the original idea, there is a disorder in their arrangement, resulting from the fact that they were hidden in the ground during the long war years, and the Church servants told me that when they were taken out the panels they fixed the panels to boards at random, where they suited better. They are not even placed in the way presented by the drawing in J. Lelewel's work which is a copy of a drawing made in 1817 for count Rumiancow.

8) There are 54 panels with inscriptions, 29 of them are Slavonic, 17 — Latin and 8 in both languages; 13 panels have no inscriptions. The letters are concave as if cut at a later time. J. Lelewel transmitted the inscriptions faithfully, and count Tolstoj admitted that spelling and shape of the Orthodox Church letters shows that they were added a whole century later than the Latin ones».

if anything else was lacking, the inhabitants of Novgorod completed it themselves and they cut the Slavonic inscriptions, at last, they fixed them to boards and hinged the door. All the misfortunes that the door founded by Alexander Dołęga had encountered did not deprive it of artistic and archaeological merit. There is something striking in it when we consider who ordered the door and had the first general thought about it and then did not buy it out, who cast it wonderfully and sold it well, who bought it and then forgot and maintains that he had got it as a gift»⁵⁷. However, he was not consistent because in a different place he admitted that the Door had once been in Płock cathedral. In addition, here is an emotional confession of a patriot and art lover: «I approached it with a feeling we have when we meet a close relative as adult people, and we know he has never been a stranger to our heart, but for some circumstances we did not meet earlier. The door once adorned my old cathedral, opened when my predecessors entered [the church] to take over the care for the sheepfold. Where are we both meeting now? The shepherd is not with the sheep and the door of the sheepfold is taken. a symbol and reality — we have met in exile»⁵⁸.

Bishop W. Popiel's views concerning the history of the Door of Płock were adapted by father A. Brykczyński in an article published in French in *Revue de L'Art Chretien* in 1903⁵⁹. In the introduction to the article, he came back to the question how the Door had been brought to Novgorod and he expressed an opinion that there is no explicit answer to the question. He rejected Lelewel's theory about giving the Door as a gift to Novgorod. Of all the current opinions of Russian archaeologists, he quoted the one by P. Tolstoj. He had seen the Door as a mixture of various panels, coming from various doors, put together in confusion by a barbarian's hand.

A. Brykczyński first published a photo of the Door of Płock, side by side with the copy of J. Lelewel's drawing, and he points out that the drawing is in many places inaccurate⁶⁰. When he was describing the accomplishment of the reliefs, he paid attention to the fact that their character corresponds with the decoration of facades and column capital caps in the ecclesiastical architecture of the last tierce of the 12th century. As far as details are concerned, it is most similar to the doors from Lombardy. It is the first investigator's focus on the analogies to other works of art of that time. Although both F. Adelung and J. Lelewel enumerated 60 examples of church doors, neither of them made any reference to any other artistic environment besides Magdeburg.

The question of origin of the Door of Płock was touched in the context of describing the panels with images of bishops and masters. Describing Wichman's image,

⁵⁷ Ibid. P. 65.

⁵⁸ Ibid. P. 57.

⁵⁹ *Brykczyński A.* La porte de bronze connue sous le nom de porte de Płock // *Revue de l'Art Chretien* (Paris). 1903. Mars. P. 138–142.

⁶⁰ Brykczyński places an incorrectly read signature in the inscription under the illustration — K. Bruxell, octobr. 1650, while the original version is: J. L. (Lelewel's monogram) Bruxell, October 1850.

he presented a hypothesis that the Door had been made in Magdeburg. However, there are no proofs as the image alone is not enough to give us any certainty. Out of the three moulders he took Riquin as the main master, assisted by Waismuth. Abraham is still an enigmatic figure for him. Hence, there is a kind of scientific controversy, where the views of various authors: F. Adelung, J. Lelewel, W. Popiel and A. Brykczyński collide with one another. Detailed names for particular panels were repeated by A. Brykczyński after J. Lelewel, but in some cases he adds his own opinion. A. Brykczyński noticed some differences in the accomplishment of particular reliefs, which he was trying to explain with the fact that various craftsmen had been employed. Several complements were made – he stressed, referring to W. Popiel – after taking the panels out of the ground where they had been hidden for centuries from the impending robbery and destruction by Swedes. A lot of original panels were lost. This can be an explanation of the fact that some new panels were added instead, e. g. the Centaur which was used in the Middle Ages as Novgorod's coat of arms (NB: W. Popiel treated the centaur as Lithuania's coat of arms).

The fact that the Door of Płock was made of elements of other doors is also proved by a diversity of ornaments of the border, which is equally wide everywhere, but it covers the traces of unsuccessful renovation, e. g. the figures in the right wing border do not have any counterparts in the left wing. The article closes with chosen bibliography.

The Door of Płock was raised from the darkness of oblivion and first known as the Cherson Door and then restored to its original name thanks to the publications of J. Lelewel and other Polish scientists and since the 20's of the 20th century it has become a more and more frequent object of investigations of scientists of various nationalities.

M. Gębarowicz in his article published in 1923 in the *Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie (Reports of the Lvov Scientific Society)* counted it among the most interesting monuments of art as far as the northern founding is concerned⁶¹.

Although M. Gębarowicz knew the publications of J. Lelewel and others, he treated F. Adelung as a basis. He introduced several new plots to the general store of information about the Door i. e. the analogies to other monuments of art. Contrary to Lelewel's attitude, he did not overestimate classical or Byzantine influences but he thought that «Our monument of art can be regarded as a German work even at first sight. It can be proved by the rigidity of forms, tendency to be realistic, to present the figures as separate individuals and elaborate details, especially those concerning the attire. These features, as well as avoiding some more complex composition problems make the difference between the Door of Płock and the examples of Italian and French art»⁶². In spite of the difference, numerous foreign influences

⁶¹ *Gębarowicz M.* Drzwi kościelne tzw. płockie w Nowogrodzie Wielkim [The so-called Płock Church Door in Novgorod Velikij]. *Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie*. R. 3: 1923. N 2. P. 65–68.

⁶² *Ibid.* P. 66.

can clearly be seen. First of all we can trace the affinity to Lombardian visual art, as was first described by A. Brykczyński. The inspiration should mainly be sought in Verona as there is an obvious resemblance to the composition of reliefs on the right side of the main portal of San Zeno basilica. The analysis of those details like shaping the folds, hairstyles and others turn our attention to the analogies with sculptures of the Lombardian school of Wilhelm and Nikolas the authors of the facade of the Modena cathedral, who also worked in Verona. The San Zeno basilica bronze door is especially important in this respect. M. Gębarowicz treated it as a work of German art from the beginning of 11th century and the end of 12th. However, the more recent investigations mention the influences of Spanish and French art⁶³. According to M. Gębarowicz they are analogous to our monument of art in the aspect of the composition of particular panels fixed on a wooden framework, shaping figures in a similar way and «solving the problems concerning perspective by placing figures from various parts of the view over or under one another, often in quite unnatural poses»⁶⁴. Besides M. Gębarowicz wrote about «something like the traces of French influence» e. g. in the figure of God Father's movements in Eve's Creation scene. These traces would lead to the portal sculptures in Moissac and Vézelay.

Unnaturally posed figures (turned towards each other with their heads or legs) were met for the first time in the middle of 12th century in Aquitaine. The lion-shaped doorknockers have their counterparts in Lund cathedral in Denmark where Scandinavian influences met with the Lombardian ones.

The author assumed that the Door was made in Magdeburg between 1152 and 1156. The sound of the name Riquin points to the French-German border, wherefrom the Saxon foundry practice originated. One more subject to investigate would be the analogies with French works of visual art⁶⁵.

The author saw Bishop Alexander as the founder of the Door – bishop of the province ruled by the eldest son of Boleslaw who had travelled to the West with diplomatic missions. As a knowledgeable patron of arts, he wanted to decorate one of his churches with a pair of bronze doors. Contrary to J. Lelewel, who saw the reason of ordering the Door from Germany in technical problems and the lack of possibility of producing them in Poland, M. Gębarowicz explains the foundation which did not follow the line of Liege patronage – with a new hypothesis – a diplomatic mission. This is the thing that T. Dobrzeński paid attention too.

Since 1450, it has generally been known that our Door was called the Cherson Door in Novgorod. According to M. Gębarowicz it had been brought there before the great fire of 1340 as a war trophy following the attacks (from 13th century) of Lithuanian and Russian tribes upon the Mazovia region.

⁶³ Compare *Romanini A.M.* L'arte romanica // Verona e il suo territorio... Verona, 1964. P. 741.

⁶⁴ *Gębarowicz M.* Op. cit. P. 66.

⁶⁵ Those influences «could go either through Lombardy or Lower Rhineland. The presence of Scandinavian influences can be explained with the mobility of the school of Gothland stonemasons, actively working along the Baltic coast» (*Gębarowicz M.* Op. cit. P. 67).

The research of the Płock door was also taken up by German scientists. Georg Dehio in his «*Geschichte der deutschen Kunst*» published in 1921 connected not only the Płock Door but also the one from Gniezno with the Magdeburg foundry, and thus he omitted its connection with Poland thoroughly⁶⁶.

Erwin Panofsky presented the photographs of the Nurnberg plaster mould of the Płock Door in his work devoted to German sculpture of 11th–13th centuries⁶⁷. He adopted the name «the Cherson Door» and regarded it as a common foundation of bishops Alexander and Wichman. He saw the analogies to the door of Augsburg. As far as style is concerned, he matched the Płock Door, after A. Goldschmidt, with the author of the tombstone of Bishop Friedrich von Wettin of Magdeburg⁶⁸. The distorted iconographic arrangement of the panels was supposed to include the «typological» presentation of the Church.

H. Beenken also published an elaboration on German Romanesque sculpture of the 11th and 12th centuries⁶⁹. It included photos of the plaster mould of the Door from the German Museum in Nurnberg. The author accepted without any doubts that the Door was cast in 1153 in the same Magdeburg foundry where the tombstone of bishop Friedrich of Wettin had earlier been made. Thus, it is a mistake to call it «the Cherson Door». Hypothetically Beenken stated it had been brought from Płock to Russia in 1336. Unfortunately, he did not quote any circumstances to support his hypothesis.

H. Beenken regarded the Door as extraordinary in its iconographic aspect but, thematically inconsistent. Like many others he stated that most panels presented the life of Jesus Christ, while some others were Old Testament scenes or allegories without any connection with the previous group. He expressed a conviction that both Friedrich's tombstone and the reliefs of the Door follow the earlier visual art of 11th century. Hypothetically, he accepted that the older reliefs of the door of San Zeno basilica in Verona could have served as a prototype. He also stressed the connections with the Ottonian art, which can be seen, according to him, in Eve's Creation scene following the subject from the door of Hildesheim, but less successful and more primitive.

At the beginning of 30's of 20th century thanks to the initiative of professor Richard Hamann the Germans took up the intention to publish a series of albums with photos and detailed descriptions of all the bronze doors dating back to early Middle Ages. The second volume of the series, elaborated by A. Goldschmidt was devoted to the Door of Płock and the Door of Gniezno⁷⁰. After F. Adelung's work it is the sec-

⁶⁶ Dehio G. *Geschichte der deutschen Kunst*. Berlin, 1921. S. 170.

⁶⁷ Panofsky E. *Die Deutsche Plastik des elften bis dreizehnten Jahrhunderts*. München, 1924. S. 91–92, il. 22.

⁶⁸ Goldschmidt A. *Die Stilentwicklung der romanischen Skulptur in Sachsen // Jahrbuch der Kgl Preussischen Kunstsammlungen*. Berlin, 1900. T. XXI. S. 227.

⁶⁹ Beenken H. *Romanische Skulptur in Deutschland 11 und 12 Jahrhundert*. Leipzig, 1924. S. 54–57.

⁷⁰ Goldschmidt A. *Die Bronzentüren von Nowgorod und Gnesen...* Marburg, 1932. The Door of Płock are described on S. 7–26 and presented on 70 photos made by R. Hamann and son in

ond detailed description of the Door of Płock — in German literature they are called the Door of Novgorod. The publication was provided with 70 photos. Mentioning F. Adelung's work, A. Goldschmidt valued it very highly crediting F. Adelung's account with taking up a lot of subjects for the first time. Goldschmidt took up the task of solving many opened scientific problems. First, he considered the name of the door. It is wrongly called the Cherson Door he resolutely opted for the theory that the Door was made in Magdeburg between 1152 and 1154. He stressed its affiliation with German art. He thought that the name «the Cherson Door» referred to other, Byzantine style door, which was taken to Alexandrov in Vladimirskaya Guberniya by the order of Tsar Ivan Vasilievic to punish the inhabitants of Novgorod⁷¹. He then mentioned another pair of doors from a lateral chapel of St Sophia's Orthodox Church which were brought to Novgorod, but the author does not answer the question how they left Płock. Adding Russian inscriptions is dated back to 14th century, contrary to the opinion of J. Lelewel and later researchers of the problem⁷². According to A. Goldschmidt Abraham is not the only Russian master. He stated that there was one more undefined founder who was supposed to have cast the panel with a Centaur and a slim figure next to the scene with the empty Tomb. The master was supposed to have been active in 14th century at the earliest, but the author is inclined to accept that it was in 16th century⁷³.

As far as the iconographic arrangement, he did not notice the guiding principle connecting three kinds of images: biblical stories, allegorical figures and the images of people who had their share in the accomplishment of the Door. The biblical scenes are: the Original Sin and the History of Salvation from Annunciation to Ascension and Adoration of Christ, and then the left wing includes the scenes of Jesus Christ's childhood until His Baptism whereas the right one presents His Passion since Entering Jerusalem until Ascension — i. e. the usual twofold division. Not all the allegorical compositions of the second group are clear but most of them show the contest of the good elements with the evil ones and victory of the good. The thought is taken up by later authors. The point is, like in the figural portal decorations and in Romanesque

Novgorod. However, on S. 17 he used the term «die Türen von Płock». We are not discussing here the earlier, marginal statements by A. Goldschmidt concerning the Door of Płock, but only the extensive, meaningful work of 1932.

⁷¹ It was probably the event described by Gerhard Friedrich Müller in 1778 in his report from the journey from Moscow to Alexandrov. Op. cit. P. 28.

⁷² Goldschmidt A. *Die Bronzentüren...* S. 7, footnote 1.

⁷³ Pohorecki F., Goldschmidt A. *Die Bronzentüren von Nowgorod und Gnesen...*; a review in *Roczniki Humanistyczne [Historical Annals]*. 1933. Vol. IX. P. 121–129. As far as historical questions are concerned the reviewer accuses the author of ignorance (*Kehr P.* *Das Erzbistum Magdeburg u diese erste Organisation der christlichen Kirche in Polen // Abh. d. Preuss. Ak. d. Wiss. Jhrg. 1920. N 1. S. 123*).

Walicki M., Goldschmidt A. *Die Bronzentüren von Novgorod...* // *Biuletyn Historii Sztuki i Kultury [History of Art and Culture Bulletin]*, R. 3. 1934. N 1. P. 59–62. Compare: *Meyer E., Goldschmidt A.* *Die Bronzentüren...* // *Deutsche Literaturzeitung*. 1933. Jhg 54. S. 843–847 — review.

sculptures, overcoming sin. In addition, the two doorknockers with lion-muzzles remind us about it. One of them is provided with a Russian inscription «AD POZIRAJET GRIESZNYCH» (The hell devours sinners). The author counts the Door of Płock among those with a richest choice of subjects. The significance of particular panels gains typological features when you match Elijah's Ascension with the Ascension of Jesus Christ and tends to resemble Prudentius' Allegory when Christ's Victory over the hell is matched with the Victory of virtues over vices. The subject is developed in the figures from the border and the figures of monsters trampled by Gabriel, the Magi and a Knight. Moreover, the particular figures can also, in a certain way, be treated as conquerors of the evil. Among the historical figures the author mentions bishop Alexander of Płock as the person who ordered and founded the Door and bishop Wichman of Magdeburg who was a mediator and helped to accomplish the order⁷⁴.

The iconographic arrangements introduced by Goldschmidt and quoted above are the first deeper theoretical analysis, which was to present the thematic foundations of the creators of the Door. Most certainly, A. Goldschmidt regarded determining those foundations as very difficult or quite impossible, as the arrangement of the panels was changed in the course of time.

As to the inscriptions, he distinguished three groups: 1) Latin inscriptions moulded along with the reliefs, 2) inscriptions cut after moulding the panels and 3) Slavonic inscriptions cut in 14th century according to A. Goldschmidt. The author did not make any palaeographic analysis of the letters (which was earlier done by F. Adelung and J. Lelewel).

A. Goldschmidt deserves the credit for the first radical attempt at reconstruction of the original arrangement of the panels, giving motivations for his suggestions. Additionally he singled out four types of assembly signs, which were to help to set the panels together precisely. However, there are so many inconsistencies in the system that it finally did not prove to be useful.

He discussed the stylistic questions separately stating that the figures are presented *en face*, static, the folds of their clothes are rigid, without the slightest movement; the artists avoided presenting profiles and foreshortening. We can observe the prevalence of linear design and the tendency to decorate the surface; the arrangement of the folds is inconsistent, that is why the tectonics of figures is blurred. The author made the stylistic analysis confronting the door with the one of Hildesheim against the background of the Saxon sculpture of 12th century where the influence of ancient art can be seen in a soft presentation of bodies, the way of arranging the folds wrapping them and presented in a freely blowing movement as well as creating space through movement and detachment from the background.

Comparison to the Magdeburg bronze tomb slab of Archbishop Friedrich von Wettin (†1152) led to a conclusion that in the case of the Door of Płock we have to do with a trainee of the Magdeburg workshop who received the drawings with the

⁷⁴ Compare also Poppe A. Z nowszych badań nad Drzwiami Płockimi // Romańskie Drzwi Płockie 1154 – ok. 1430–1982. Płock, 1983. P. 34–35.

scene arrangement from the author of the tomb slab. Such a conclusion would have its justification in the fact that the panel with bishop Wichman's image is much less precisely made and finished.

Other objects to which our Door is stylistically akin are the reliefs of the earlier group of panels from San Zeno in Verona. The resemblance was spotted by A. Goldschmidt who referred to a paper by Albert Boeckler⁷⁵, the work closing a certain period of thorough and significant research of the Door of Płock for quite a long time.

The above mentioned R. Hamann did not pay much attention to our monument of art in his History of Art of 1933⁷⁶. He expressed a conviction that the Door had probably been designed for the cathedral in Płock and associated it with the foundry of Magdeburg where the tomb slab of Archbishop Friedrich von Wettin had been cast, but he did not take up the problem of the author. He mentioned French motives in the decoration of – as he calls it – the wall of pictures describing the life of Jesus Christ. He made an analysis of forms and figures of the Door in a poetical way and compared it to the portal sculptures. Equivalents of the tympanum were the broader panels with an image of Christ, sitting on the throne among the apostles and a representative image of Christ's majesty. An equivalent of the Last Judgment would probably be found in the lion mouths. Contrary to other authors, R. Hamann associated the image of Bishop Wichman, not Alexander with the model tomb slab of Archbishop Wettin. Apart from the slab he mentioned the tombs of the prioresses of Quedlingburg convent as stylistically akin to the reliefs of the Door. The author treated the object as one of the examples of pioneer influence of German culture at the uncivilized East⁷⁷. Hamann's work closes the range of papers concerning the Door of Płock in the period preceding the outburst of World War II.

After the war, the subject appeared anew in German literature. Generally, it has been accepted that the Door was meant for the cathedral in Płock and it really was there. However, we do not know when it was – in 13th or 14th century. It is accepted that it was undoubtedly in St Sophia's Orthodox Church around the middle of 15th century. At last, the high rank of their artistic value has been admitted. Although the arrangement of scenes has been disturbed, however it is still a point of reference for the authors of iconographic analyses who make scientific syntheses concerning the church doors. Herman Leisinger devoted a special elaboration in the cycle of *Romanesque bronzes*⁷⁸ to church doors in mediaeval Europe.

⁷⁵ Boeckler A. Die bronze Tür von St. Zeno in Verona. Magdeburg, 1932. It is the third volume of a monographic series about the Mediaeval bronze doors in Europe.

⁷⁶ Hamann R. Geschichte der Kunst. Berlin, 1933. P. 256–257. 2nd ed.: Berlin, 1935; 3rd ed.: Berlin, 1955. Translated into Polish M. Wallis, completed by M. Walicki and J. Starzyński. Dzieje sztuki polskiej [History of Polish Art]. Warszawa, 1934. Vol. I. P. 256–259; Vol. II. P. 928.

⁷⁷ We can read after the Polish translation: «The door, possibly meant for the cathedral of Płock was probably at the border of German influence. Thus German culture becomes a pioneer of the Western culture: promoting in its own dialect the ideas of style of the earlier epoch...»

⁷⁸ Leisinger H. Romanische Bronzen. Kirchentüren im mittelalterlichen Europa. Zürich, 1956.

According to Leisinger the tendency to decorate churches became active after 1000, when the anxiety concerning the apocalyptic end of the world was overcome. Apart from traditional Byzantine foundries, characterized by masterly skill as their products were decorated with the niello technique or incrustation, some workshops in Italy and Germany were founded. Their products were decorated in a different way than the Byzantine ones, using a relief plastic decoration.

H. Leisinger described the Door of Novgorod (meant for Płock) and of Gniezno but did not add any new elements to the state of research of our object. In 1963, a little album by Willibald Sauerländer was published with 45 photos of the Door of Płock. The author referred to earlier research by A. Goldschmidt⁷⁹.

Sauerländer compared the formal aspect of the reliefs of Novgorod Door with others of this type: in Akwizgran, Hildesheim, Augsburg and the works regarded as made in Magdeburg (the tomb slab of Archbishop von Wettin (†1152), the so-called Wolfram's chandelier from the cathedral in Erfurt and the monumental cast of the Lion of Braunschweig), and came to a conclusion that the plasticity of our Door is heterogeneous and disarrayed, equivocal and fragmentary in its program. He created an arbitrary hypothesis, that Riquin's workshop had been called from Magdeburg to Płock.

It is an isolated point of view within the scope of subject literature⁸⁰. W. Sauerländer's attempt to assemble the scenes in program cycles goes in a slightly different way than A. Goldschmidt. The basic part is Christological. Its completion is the only one typological attempt to match Elijah's Ascension with Christ's Ascension. Then he put the biblical-historical panels side by side with the thematic framework mentioned above (history of Salvation from Eve's Creation and the Original Sin to the Last Judgement in the scene: Maiestas Domini and the door-knockers) completed with moralistic and allegorical scenes (the contest of virtues and vices and the victory of good over evil). At last, there are the non-biblical images (bishops: Alexander of Płock with his deacons and Wichman of Magdeburg with the saint patron of his cathedral — St Maurice with his companions). Finally he mentioned the profane element (the moulders: Riquin and Waismuth; Abraham is treated separately, as an addition from the realm of Russian art like the centaur).

W. Sauerländer singled out four factors in the history of the monument that caused the disarray of the iconographic program: 1) change of the size of the ordered door during their realization; 2) extension of the program with allegorical scenes; 3) changes of the arrangement of panels at random in the course of time and 4) corrections and interferences after taking them to Ruthenia.

⁷⁹ Sauerländer W. Die Bronzentür von Nowgorod. München, 1963. P. 61.

⁸⁰ Sauerländer W. Op. cit. P. 55. However, in the paper first published in German: Skulptur des Mittelalters. Frankfurt/M.–Berlin 1963 and then in Polish translation by A. Porębska: Rzeźba średniowieczna [Mediaeval sculpture]. Warszawa, 1978. P. 94 the author accepts the common opinion that the Door was not made in Płock but in Magdeburg.

Formal analysis of four scenes chosen at random led him to a conclusion that the masters had only a rudimentary knowledge of the basic early Christian iconography which gave in effect degenerated and «sclerotic» forms⁸¹.

W. Sauerländer was the first to refer to New Testament Apocrypha (Protogospel by James and the Gospel according to Nicodemus) in his description of Annunciation and Descent to Abyss.

«The Novgorod door — the author concluded — both in their formal shape and in the program and method of presenting figures and scenes represent the phase of the Romanesque style which is distinguished by the extreme fossilization of formal and contents features. As a work of mature Saxon Romanism it presents those features in a specially sharp form».

He estimated it in a slightly different way in a later work concerning mediaeval sculpture: «The Door of Płock... clearly show the change of style from the Otton period to mature Romanism towards the greater and greater loosening of the connections with antique tradition. A. Goldschmidt was right to say that the style of reliefs in Hildesheim (meaning the relief using illusionary effects) gave way to fully plastic figures in the Door of Płock»⁸².

A similar work was published by Hans-Joachim Krause and Ernst Schubert in 1968⁸³. Both publications complete each other as the latter includes quite a detailed description of particular panels preceded by a stylistic analysis and characterization of the contents of particular scenes based on divisions and distinctions introduced by A. Goldschmidt and W. Sauerländer. The authors stated that the arrangement of scenes did not have any didactic character as did the mediaeval cycles in Biblia Pauperum. Because of their consistent block character and dignified rigidity of figures, they were given almost symbolic significance.

A description of the Płock monument of art can be found in the fifth volume of a monumental series Propyläen Kunstgeschichte published in 1969⁸⁴. The authors H. Fillitz and G. Zarnecki treated the object as an example of church doors from the region of Germany or Italy, richly decorated with figural reliefs, which resulted from Byzantine inspiration and a focus on individual objects, which was typical of German sculpture: doors, tomb slabs, chandeliers and triumphal crosses of the rainbow timber.

Zarnecki did not contribute anything new to the state of investigation. Moreover his invention is a suggestion that it could have been taken from Płock by Tatars in 1241. Emphasizing an influence of Italian art upon the creators of the door he associated them definitely with the door from S. Zeno basilica in Verona⁸⁵. G. Zarnecki

⁸¹ *Idem*. Die Bronzentüren. S. 58–61.

⁸² *Idem*. Rzeźba. P. 94.

⁸³ Krause H.J., Schubert E. Die Bronzentür der Sophienkathedrale in Nowgorod. Leipzig, 1968.

⁸⁴ Fillitz H.. Das Mittelalter. I. Propyläen Kunstgeschichte. Berlin, 1969. Vol. 5. S. 106, 109.

⁸⁵ Zarnecki G. Tür der Kathedrale von Nowgorod... Commentary to the illustration 321a. P. 246.

formulated his point of view in a more detailed way in a later publication devoted to Romanism in Europe. Probably the older part of S. Zeno door was cast by Magdeburg artists, who had taken some decorative motifs from master Nicolaus and made use of them casting the tomb slab of Archbishop Wettin and the bronze door of the Płock cathedral⁸⁶.

The author of the next publication was Ute Götz from Magdeburg, who wrote a doctoral dissertation concerning the iconographic programmes of the church doors of the 11th and 12th centuries and took her degree at the University of Tybinga in July 1969. The thesis was edited as a typescript in 1971 and then published in Bamberg in the same year⁸⁷. The author wrote about iconographic programmes. After the description of the symbolic meaning of church doors based on theological and literary sources of the first millennium, adequate monuments of art were presented as a catalogue according to the following division: 1) Christological themes: a) homogenous Vitae Christi, b) Jesus Christ's life scenes completed with other images, c) the cycles concerning the saints; 2) Symbolical images; 3) Ecclesiastical and political programs; 4) Programs dedicated to the Saint Patrons (titles of churches); 5) Decorations of the Doors in ecclesiastical buildings that are not designed for celebrating sermons. The doors which were lost, with unknown programs.

The author formulated conclusions that include the review of iconographic programmes and consider their connection with the symbolism of church doors, connection between the decoration of the doors and the portals and the meaning of the lion mouths in the doorknockers. The author then divided the 11th–12th century doors into groups against the background of the history of art. A separate subject that was described was the Damascene technique of the door decoration – namely encrusting.

The dissertation is provided with a great number of footnotes and rich bibliography. Among them five Polish authors: J. Lelewel, M. Gębarowicz, M. Walicki, T. Dobrzaniecki and Z. Świechowski. Thus, it is the first example of taking into account Polish literature. A similar attitude was later presented by another German author – Ursula Mende in her both comprehensive syntheses concerning mediaeval door knockers and Roman church doors in Europe of 800–1200⁸⁸.

In her dissertation U. Götz mentioned the Novgorod Door many times. She classed it as belonging to the group in which the events from Jesus Christ life

⁸⁶ *Idem*. Romanik. München, 1978. Belser Stilgeschichte im dtv. Bd. 6. S. 118. A similar view was expressed by *Hasak M.* Zur Geschichte der deutschen Bildwerke des XIII Jahrh. // Zeitschrift für Christliche Kunst. Düsseldorf, 1906. R. XIX. N 12. P. 370–380.

⁸⁷ *Götz U.* Die Bildprogramme der Kirchentüren des 11 und 12 Jahrhunderts. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen vorgelegt von Ute Götz aus Magdeburg, 1971. A separate edition – Bamberg, 1971. The results of analyses by U. Götz were mentioned in the entry: Nowgoroder Bronzentür in Lexikon der Kunst. Berlin, 1975. Bd. 3. S. 592–593, when only a choice of German descriptions of the monument of art was listed in bibliography.

⁸⁸ *Mende U.* 1) Die Türzieher des Mittelalters. Berlin, 1981; 2) Die Bronzentüren des Mittelalters 800–1200. München, 1983.

were completed with other images. She tried to explain the lack of uniformity of the iconographic program and the alternations in panel arrangement with the dramatic history of the work of art. She argued in favour of H. Krohn's theory, according to which the door was to have replaced Wasyl's door which had been taken to Alexandrov. This was the time when the only restoration was made concerning the arrangement of the panels. Supposedly, it took place in the second half of 14th century⁸⁹.

U. Götz regarded Bishop Alexander as the founder of the Door but was convinced that the bishopric of Płock had belonged to metropolis of Magdeburg⁹⁰. Providing the door not only with the images of ecclesiastical dignitaries but also of the artisans: Riquin and Waismuth belongs to early examples of the kind in European art (Verona, Ravello and Trani).

Describing the contents of particular panels the author sometimes referred to apocrypha and – which was a novelty – to Prudentius' *Psychomachia* and also to rudimentary influences of Byzantine art and also to the wooden door in Kolonia in S. Maria Church in Kapitól. Moreover she associated it with Saxon visual art with the tomb slab of Archbishop Wettin, the candlesticks of Erfurt, the altar from the cathedral in Erfurt. Among the monuments of Italian art, there are the reliefs of Piza and Monreale, which could be regarded as archetypes. U. Götz was the first one to associate the panel of Maiestas Domini with a tympan in Strzelno, referring to Zygmunt Świechowski⁹¹. The description of the iconographic program of the door is similar to that of A. Goldschmidt and W. Sauerländer. The dissertation of U. Götz exceeds in quality the two monumental works of the above-mentioned German author – U. Mende.

In her work concerning the door-knockers she described the lion knockers of the Door of Płock as older than the panel castings and treated them as Magdeburg products together with the door knockers preserved in Czerwińsk (they have been lost. – R. K.), Halle, Helmstedt, Lune and Hadmersleben⁹².

The second work by U. Mende has a greater contribution to the state of research of our monument of art. One question is still to be explained – how the Płock Door was brought to Novgorod (the author dates them back to 1152–1156).

U. Mende was the first one to notice that bishop Alexander had been wearing a pallium, which he had not been entitled to use. It results from following closely the iconographic archetype, which was the tomb slab of Archbishop Friedrich von Wettin of the Magdeburg Cathedral for this panel.

⁸⁹ *Krohn H.* Mittelalterliche Plastik in Rusland // Ruslandbericht des Kunsthistorischen Instituts Köln. Exkursion. 1965. Köln, 1966. S. 248 and next. According to Götz, the last change of the arrangement of panels was made along with the restoration in 19th century – op. cit. S. 135.

⁹⁰ *Götz U.* Op. cit. S. 138.

⁹¹ *Ibid.* P. 140, 143, 144. The article by *Świechowski Z.* Le Tympan du portail nord de l'église conventuelle à Strzelno // Melanges R. Crozet II. Poitiers, 1966. 1131 ff.

⁹² *Mende U.* Die Türzieher. S. 241.

A novelty in the research of the origin of the Door so far has been her view upon the role of Bishop Wichman's predecessor — Archbishop Friedrich von Wettin (1119–1152). U. Mende observed that he had been the person who had started, properly equipped and then enlarged the foundry in Magdeburg. The author was right to state that the order for the Płock door had been accepted with Friedrich's support and only after his death; the role of a patron had been taken over by Wichman who had resided in Naumburg. Moreover, U. Mende definitely rejected the theory about the dependence of Płock from Magdeburg and reminded that the diocese of Płock had belonged to Gniezno metropolis. This presents the author as a reliable researcher seeking new solutions in a broad historical context. The Door was defined as an impressive work of visual art. The particular reliefs are characterized by block enclosing of figures against a neutral background, which does not give an impression of depth. In spite of simplifications and reserve the work is immensely expressive, quite vivid and with a great sense of significance of particular details. Individual treatment of shaping particular figures can be noticed, especially in the expression of surprise or dignity which is stressed by the gestures of their arms. Apart from that there is a hierarchy of significance of various people, which was emphasized by Riquin through the diversity of attire. In spite of incompetence and lack of models to present foreshortenings and movements of the figures, the creators felt and understood those technical problems, and presented them according to their skills (the movements of the angels, Eve's creation, and the scene with Elijah or the composition of allegorical Victory of virtues over vices).

Apart from the generally well-known historical figures that appear on the Door the author expresses her supposition that two figures of men with unusual attributes if they were to be laymen (a book and a scroll) may be treated on the basis of their rich attire — next to the images of bishops and craftsmen — as historical figures — their role being that of further donators or co-makers of the Door.

The Płock Door appears against the background of Romanic art of the half of the 12th century as an original work from the realm of Saxon sculpture. In her final explanation of the associations with foreign art U. Mende — like other, earlier authors — connected Riquin and Waismuth's work with the craftsmen who had made the door to S. Zeno Basilica in Verona. She explained the connections in the following way: the older part of S. Zeno panels had supposedly been made in Magdeburg foundry but with an assistance of the craftsmen from Verona⁹³. Although she did not notice any elements taken directly from Italian sculpture, however, resemblance and analogies are detectable and that is why the author supposed that the craftsmen who had made the Door of Płock were associated with the activities of Master Nikolaus' Lombardian workshop whence the sculptors were called about 1140 to decorate the abbey church in Konigskutter. Those Italian craftsmen were not supposedly employed to make the bronze reliefs or to model the figures but U. Mende credited them with making ornaments and engravings on the already made mouldings. U. Mende's work includes the most thorough description of our monument of art in German scientific

⁹³ Ibid. S. 78–79.

literature of the early 80s of our century. Thus it closes another stage of German investigations concerning the subject.

Polish science lacked any systematic research concerning the Door of Płock until the 70s of 20th century.

The Polish writing of the interwar period concerning the Door of Płock was, except for M. Gębarowicz's article focused on reviewing Goldschmidt's German work but not on independent research. The conviction that bronze door was something strange in Poland found an expression in a statement by such a connoisseur and art lover as Archbishop A.J. Nowowiejski, who said that the door had never really been in the Płock cathedral⁹⁴.

Feliks Kopera mentioned the Door of Płock quite unexpectedly in his *Dzieje malarstwa w Polsce*⁹⁵, associating their origin with the patronage of prince Bolesław and his wife Anastazja and (erroneously) looking for the images of prince and princess on the panels.

Aleksander Brückner who was referred to in A. J. Nowowiejski's footnote did not examine the Door but quoted the information taken from Tatiščev concerning the image of Abraham and regarded the image as a product of Ruthenian art and signalled a difference of views of M. Gębarowicz and Goldschmidt⁹⁶.

The research of Polish art broken by the war was taken up anew after regaining freedom. The first stage of the research is characterized, apart from the merits also by political tinge shown in the emphasis put on the Polish provenience of the regained territories and the monuments of art associated with them. The tendency was sometimes marked by ever too categorical rejection of any connections with, and especially influences of German art.

This was the attitude of Marian Morelowski, quite devoid of any objectivity, clearly seen in his research mainly devoted to the Door of Gniezno with some accidental notes concerning the Door of Płock⁹⁷. Accepting the assumption of higher «artistic» and «political» value of the program of the Gniezno door and the way of reasoning *in contrario* he denied any artistic value of the Płock-Novgorod Door —

⁹⁴ Nowowiejski A.J. Płock. Monografia historyczna, napisana podczas wojny wszechświatowej, poprawiona i uzupełniona w roku 1930 [Płock. The historical monograph, written during the World War, corrected and amended in 1930]. Ed. II. Płock, 1930. P. 187–188 (The first edition was published in 1917).

⁹⁵ Kopera F. (Dzieje malarstwa w Polsce [The History of Polish painting]. Kraków, 1925. Part I. P. 17) raised the cultural significance of Płock next to Cracow, Gniezno and Kruszwica. See: Pohorecki F. Op. cit. P. 122.

⁹⁶ Brückner A. Tysiąc lat kultury polskiej [A thousand years of Polish culture]. Paryż, 1955. P. 230–231. P. 1. It is the third edition, with a modified title *Dzieje kultury polskiej* [History of Polish culture] (1st ed.: 1930; 2nd ed.: 1939). The works of Russian authors quoted by Brückner are: Tatiščev S. Op. cit. Vol. IV. P. 134 and Anisimov A.J. Avtoportret ruskogo skulptora Avrama // Isviestija Akademii Nauk SSSR. 1928. N 3. S. 173.

⁹⁷ Morelowski M.. Drzwi Gnieźnieńskie, ich związki ze sztuką obcą, a problem rodzimości [The Door of Gniezno, their connections with foreign art and the problem of their native character] // Drzwi Gnieźnieńskie [The Door of Gniezno] / Red. M. Walicki. Wrocław, 1956. Vol. I. P. 45.

as he called it. He described its iconographic program as strange for our culture, subordinated to foreign, invasive German policy, which can be proved by the image of Archbishop Wichman⁹⁸. However M. Morelowski emphasized the associations of Polish art with French artistic environment. Explaining the provenience of the Door he stated that Wichman had wanted to gain the support of the bishop of Płock Alexander for his political objectives, and supposedly it had been him who had ordered the door and given them to the cathedral of Płock as a gift. However neither Alexander nor his successors liked the gift: «that is why they disappeared in such a mysterious way from the horizon of Płock, they were in Sigtuna in Sweden for some time and they reached the commercial centre of Novgorod at last; that the successors of Alexander sold the work which was so blatant in its political aspect, so weak artistically as so strange for our culture»⁹⁹.

Apart from free suppositions as to the founder of the door and the biased use of artistic value criterion the author simplified the historical facts according to the accepted assumptions or he did not know them at all.

A new stage of the research is connected with the stay of a delegation of the Płock Scientific Society (TNP) at the 13th Congress of History in Moscow on 20th August 1970. It was then that the President of TNP Jakub Chojnacki paid attention to a 19th-century plaster replica of the Romanesque Door of Płock presented in the History Museum in Moscow and an idea arose of making a faithful replica in bronze of original from Novgorod Velikij¹⁰⁰.

⁹⁸ Ibid. P. 94–95.

⁹⁹ Ibid. P. 95, 89.

¹⁰⁰ In connection with a trip to Moscow for the 13th Congress of History the president of TNP J. Chojnacki published several articles and news bulletins in a quarterly *Notatki Płockie* [The Notes of Płock] (NP): W sprawie katedralnych «Drzwi Płockich» z połowy XII w. w Nowogrodzie Wielkim [Concerning the cathedral «Door of Płock» from the middle of 12th century in Novgorod Velikij] // NP. 1970. N 4/58. P. 3–8; Jeszcze w sprawie romańskich «Drzwi Płockich» [One more note concerning the Romanesque «Door of Płock»] // NP. 1970. N 5/59. P. 12–17; Romańskich «Drzwi Płockich» ciąg dalszy [The Romanesque «Door of Płock» continued] // NP. 1971. N 1/60. P. 11–12; Delegacja do Moskwy i Nowogrodu Wielkiego w sprawie katedralnych «Drzwi Płockich» [A business trip to Moscow and Novgorod Velikij concerning the cathedral «Door of Płock»] // NP. 1971. N 3/62. P. 3–8; Kopia «Drzwi Płockich» wystawiona w Muzeum Historycznym miasta stołecznego Warszawy [A replica of the «Door of Płock» exhibited in the Museum of History of the capital city of Warsaw] // NP. 1972. N 4/68. P. 48, 49; Płocczanie w Magdeburgu na tropach «Drzwi Płockich» [The inhabitants of Płock in Magdeburg on the track of the «Door of Płock»] // Ibid. P. 50, 51; Kopia katedralnych «Drzwi Płockich» z połowy XII wieku już wykonana i wystawiona w Szczecinie [A replica of the cathedral «Door of Płock» from the middle of 12th century already accomplished and exhibited in Szczecin] // NP. 1972. N 3/67. P. 25; Romańskie «Drzwi Płockie» i wielki dzwon średniowieczny w Nowogrodzie [The Romanesque «Door of Płock» and a big mediaeval bell in Novgorod] // NP. 1973. N 2/71. P. 21, 22; Romańskie «Drzwi Płockie» w piśmiennictwie polskim (1582–1974) [The Romanesque «Door of Płock» in Polish writing (1582–1974)] // NP. 1974. N 4/78. P. 50–51; «Drzwi Płockie» zawisły w dniu 23 listopada 1981 roku w Bazylice Katedralnej [The «Door of Płock» were hinged on November 23rd 1981 in the Cathedral Basilica] // NP. 1981. N 4/109. P. 59–64; Romańskie «Drzwi Płockie» idea kopii i jej realizacja (Referat wygłoszony w dniu 28 lutego

The accomplishment of the enterprise was preceded by many informative and scientific articles. A crowning achievement of the series was an occasional publication *The Romanesque Door of Płock 1154 – about 1430–1982*¹⁰¹. It is a collective work and apart from scientific articles, it includes the records of the ceremony of bequest of the bronze copy of the Romanesque door by the state government.

Among the above mentioned publications there was an inquisitive and most comprehensive work. It was written by Kazimierz Askanas, a scholar studying the art of Płock¹⁰². He explained the origin of the incorrect names of the object, especially in foreign literature. He treated with a lot of attention the images of historical figures, associated with the accomplishment of the monument of art. He accepted the Magdeburg origin of the Door and mentioned the analogous products of the Western art, discerning, according to the suggestions of others, the affiliations of Riquin's workshop to Italian art. At the same time, he rejected two opinions of those who connected the origin of the object with Italy or Poland. Contrary to M. Morelowski and M. Gębarowicz, K. Askanas defended the artistic merits of the work and related them to the door of S. Zeno basilica in Verona and with the sculpture of S. Giuliano church on Lake Orta Island. He regarded the Door of Płock as «a work of Saxon art which infiltrated into Slavonic regions during the reigns of Bolesław Chrobry, Władysław Herman and Bolesław Krzywousty, when both courts, the German one and the Polish one, functioned as if they were one court, as Herbard a monk of Michelberg states, a co-author of St. Otto's life story».

K. Askanas is credited with the first critical attempt at presenting the history of the Door of Płock. He acquired a lot of A. Goldschmidt's opinions. However, he rejected the theory of Archbishop A.J. Nowowiejski and an earlier hypothesis of bishop W. Chośniak Popiel concerning the suggestion that the Novgorod inhabitants had bought the door in Magdeburg or had received it as a gift from the clergy

1982 r. w Bazylice Katedralnej) [The Romanesque «Door of Płock» – the idea of the replica and its accomplishment. (A paper presented on 28 February in the Cathedral Basilica)] // NP. 1982. N 1/110. P. 3–12; the paper was also reprinted in the collective paper – *Romańskie Drzwi Płockie 1154 – ok. 1430–1982* [The Romanesque Door of Płock 1153 – about 1430–1982]. Płock, 1983. P. 70–84. All the above papers have informative character. They start from discovering and reminding the Polish readers about a plaster replica of the Door exhibited in the History Museum at the Red Square in Moscow. Then they present the course of efforts and attempts that have finally led to the effect that the bronze replica of the Novgorod original has been situated in the inner portal of the cathedral. J. Chojnacki was known as a great lover of the art of Płock keen on the idea of bringing a replica to Płock and very consistent as to its accomplishment. His attempts and publications inspired the investigators to taking up anem the scientific work concerning a range various questions associated with the artefact. One of the first descriptions is: *Kostanecki S.* O temacie i układzie Drzwi Płockich [About the subject and arrangement of the Door of Płock] // NP. 1971. N 3/62. P. 9–11.

¹⁰¹ *Romańskie Drzwi Płockie*. Includes a list of those publications on P. 130, 131: *Zielińska Z.* Romańskie Drzwi Płockie w wydawnictwach Towarzystwa Naukowego Płockiego i publikacjach w językach obcych w latach 1970–1982 [The Romanesque Door of Płock in the publications in foreign languages during the years 1970–1982].

¹⁰² *Askanas K.* Op. cit.

of Płock. Askanas stated that the Door of Płock had been brought to Novgorod as a plunder during a Lithuanian inroad under Mendog's command in 1262, who had then given it to the inhabitants of Novgorod as an acknowledgement of their alliance in common battles. It was hinged in St Sophia's Orthodox Church as a trophy and it is described in this way by Russian literature.

The author rejected the theories of A. Goldschmidt and M. Morelowski concerning the role of Wichman as a co-founder of the door. He tried to explain the fact of placing his image on the door by bishop Alexander's courtesy for Archbishop Wichman who had controlled the foundry of Magdeburg.

K. Askanas expressed the above mentioned opinions in their shortened version in both editions of the *Sztuka Płocka*¹⁰³.

The authors of an extensive elaboration about Polish pre-Romanesque and Romanesque art: Michał Walicki and Maria Pietrusińska — did not devote much space to the description of the Płock Door and treated them indeed as associated with Płock, but nevertheless strange for our culture, as they had been in Novgorod Velikij from time immemorial¹⁰⁴. An advantage of the publication is giving a summary of the basic state of research and bringing to mind the existence of the object of such a rank, which was earlier connected with Płock.

Some information about the Door of Płock was also mentioned by Teresa Mroczko writing about Polish decorative art of 12th century¹⁰⁵.

Z. Świechowski as a co-author of a collective work about the Romanesque art in Europe treated the object in a similar way. He also wrote about the Door of Płock a bit more broadly in the cycle *History of Art in Poland* in the volume *Romanesque Art in Poland*¹⁰⁶. He determined the main moulder — Riquin as a trainee of master Azzo of Magdeburg, on the basis of resemblance of the image of bishop Alexander and Archbishop Friedrich von Wettin. Azzo was also hypothetically pointed by G. Zarnecki in *Propylaen Kunstgeschichte*¹⁰⁷ as a potential maker of the tomb slab of Friedrich von Wettin. However, Z. Świechowski accepted it for certain.

As it was already mentioned, in the 70s the problems concerning the Door of Płock were often discussed at numerous meetings of the Learned Society of Płock. It was an inspiration to take up new, more intensive research of the monument of art and to start cooperation with specialists of many different fields, also technical,

¹⁰³ *Idem*. *Sztuka Płocka* [The Art of Płock]. Płock, 1974. Ed. I. P. 31–37; Płock, 1985. Ed. II. P. 50–62.

¹⁰⁴ Różne rodzaje wystroju architektury w XI i XII wieku [Various kinds of architectural decor in 11th and 12th century] // SPPR. Vol. I, part 1. P. 227–228; part 2. P. 743–744. Otherwise M. Walicki suggested an idea of redeeming the lost artifact for the price of gold, but the idea did not reach the stage of accomplishment.

¹⁰⁵ *Mroczko T.* *Polska sztuka przedromańska i romańska* [Polish Pre-Romanesque and Romanesque art]. Warszawa, 1978. P. 142–144.

¹⁰⁶ *Idem*. *Sztuka romańska w Polsce*. Warszawa, 1982. P. 23, 67–69, 265, ill. 189–198 with comments.

¹⁰⁷ Compare *Fillitz H.* *Op. cit.* P. 245; picture 319a explanation.

who were preparing the copy for the cathedral of Płock first — of plastic and then of bronze like the Novgorod original¹⁰⁸.

However, the most important research and historical analysis for the history of the monument of art, as well as for the history of art were those by Andrzej Poppe, who started from palaeographic analysis of the Ruthenian inscriptions on the Door of Płock. Their comparison with the well-known Novgorod epigrams of the years 1438–1464 led to the recognition of many common features in them. The Ruthenian inscriptions on the Door were engraved according to A. Poppe somewhere round 1430, when it was probably hinged in the Orthodox Church¹⁰⁹.

A. Poppe also deserves the credit for explaining the fact that a Romanesque artifact from a Magdeburg foundry of 12th century was provided with a Byzantine register, from Cherson, which was revealed in the name of «Korsun Door». A. Poppe determined precisely the dates of origin of the Door and bringing it from Magdeburg to Płock as 1153/1154. He also resumed the question of an unidentified figure at Christ's empty tomb, describing him as Joseph of Arimathea.

The same questions were recapitulated in two latest publications — in the commemorative book (of 1983) published for the occasion of delivery of the bronze copy¹¹⁰ of the Door to the cathedral of Płock by the state government and in the review (of 1985) of U. Mende¹¹¹. The results of the scientific research of A. Poppe enriched our knowledge of the artifact, filling some gaps concerning its origin, role and its history since the door arrived in Novgorod.

The Płock monument of art is mentioned in various works concerning general history of art, published in various countries¹¹² and in popular monographs of Novgorod¹¹³, albums¹¹⁴ and tourist folders. The scenes from the panels of the Płock Door served as a starting point for religious meditations¹¹⁵.

¹⁰⁸ The following articles can be an example of the latest — *Chyliński W.* *Szczecińscy specjaliści w Nowogrodzie Wielkim* [The specialists from Szczecin in Novgorod Velikij] // NP. 1971. N 5/64. P. 19–23 and *idem*. *Stan prac przy wykonywaniu w Szczecinie kopii romańskich Drzwi Płockich* [The state of research during the accomplishment of a replica of the Romanesque Door of Płock in Szczecin] // NP. 1972. N 1/65. P. 33–35.

¹⁰⁹ *Poppe A.* *O napisach ruskich na Drzwiach Płockich* [About the Ruthenian inscriptions on the Door of Płock] // NP. 1971. N 5/64. P. 16–19. It is an announcement crowning the palaeographic studies of the artifact. Its theses were the subject of a paper presented by the author on 30 November 1971 in Novgorod Velikij, at the conference «Novgorod Wielikij. Archeologia, istoria, iskusstvo».

¹¹⁰ *Romańskie Drzwi Płockie*. P. 30–39.

¹¹¹ *Poppe A.* *O Drzwiach Płockich* [About the Door of Płock] // NP. 1985. N 1/122. P. 14–22; *Lazariew N.N.* *Istoria ruskogo iskusstva*. M., 1954. T. 2. S. 715.

¹¹² *Alpatow M.W.* *Historia sztuki* [History of Art]. Warszawa, 1968. Vol. 2. P. 110; *Souchal F.* *L'alto Medioevo*. Mediolan, 1969. S. 194–197; *Lazariew V.N.* 1) *Iskusstvo Novgoroda*. L., 1947; 2) *Istoria ruskogo iskusstva*. M., 1954. T. 2. S. 7–15.

¹¹³ *Karger M.* 1) *Novgorod*. L., 1970. P. 78–82; 2) *Novgorod. Architectural Monuments 11th–17th centuries*.

¹¹⁴ *Lichačov D.* *Novgorod*. L., 1984. Ill. 12–15.

¹¹⁵ *Roth P.* *Früchte Dich nicht*. Würzburg, 1978.

Abbreviations

- BHS – Biuletyn Historii Sztuki, przed 1949 pt. Biuletyn Historii Sztuki i Kultury.
 BL – Bibel Lexikon / Hrsg. von H. Haag. Leipzig, 1969.
 EK – Encyklopedia katolicka. T. 1–20. Lublin, 1973–2014.
 Künstle – *Künstle K.* Ikonographie der christlichen Kunst. Bde 1–2. Freiburg, 1926–1928.
 LchI – Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. von E. Kirschbaum. Bde 1–8. Freiburg, 1968–1976.
 LK – Lexikon der Kunst. Architektur. Bildende Kunst. Angewandte Kunst. Industrieformgestaltung. Kunsttheorie / Hrsg. von G. Feist. Bde 1–5. Leipzig, 1968–1978.
 LM – Lexikon des Mittelalters. Bde 1–3. München, 1980–1986.
 LThK – Lexikon für Theologie und Kirche / Begründet von M. Buchberger. 2. Aufl. Bde 1–11. Freiburg, 1957–1967.
 NP – Notatki Płockie.
 PG – *Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 1–161. Parisiis, 1857–1866.
 PL – *Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Series latina. T. 1–221. Parisiis, 1844–1855.
 PSB – Polski słownik biograficzny. T. 1–30. Kraków, 1935–1988.
 RDK – Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte / Hrsg. von O. Schmitt. Bde 1–6. Stuttgart, 1937–1973.
 Reau – *Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. Vol. 1–3. Paris, 1955–1959.
 WchS – *Forstner D.* Die Welt der christlichen Symbole. 3. Aufl. Innsbruck, 1977.

Referencrs

- Adam A., Berger R.* Pastoralliturgisches Handlexikon. Leipzig, 1982.
Adehung F. Die Korssunschen Thüren in der Kathedralkirche zur Heil Sophia in Nowgorod. Berlin, 1823.
Alpatow M. W. Historia sztuki. Warszawa, 1968. T. 2.
Anisimow A. J. Awtoportriet russkogo skulptora Awrama // Izwiestija Akadiemii Nauk SSSR. Otdielienije Gumanitarnych Nauk. 1928. № 3. P. 173–184.
Askanas K. Brązowe Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim. Płock, 1971.
Askanas K. Sztuka Płocka. Płock, 1974; Ed. 2: 1985.
Barbier V. Histoire de Tabbye de Malonne de Tordre des chanoines reguliers de Saint-Augustin. Namur, 1894.
Bauch K. Das mittelalterliche Grabbild. Figürliche Grabmal der 11. bis 15. Jahrhunderts in Europa. Berlin, 1976.
Beckwith J. Early medieval art. Carolingian, Ottonian, Romanesque. London, 1964.
Beenken H. Romanische Skulptur in Deutschland 11. und 12. Jahrhundert. Leipzig, 1924.
Boeckler A. Die bronze Tür von St. Zeno in Verona. Marburg, 1932.
Breslau P. D. Spazierfahrt nach Moskau. Leipzig, 1810.
Brykczyński A. La porte de bronze connue sous de nom de porte de Plock // Revue de l'Art Chrétien. 1903. N 3. P. 138–142.
Budde R. Deutsche romanische Skulptur 1050–1250. München, 1979.
Chantreau P. N. Voyage philosophique, politique et littéraire fait en Russie. Paris, 1793. Vol. 1–2.
Chojnacki J. W sprawie katedralnych «Drzwi Płockich» z połowy XII w. w Nowogrodzie Wielkim // NP. 1970. N 4. P. 3–8.

- Chojnacki J.* Jeszcze w sprawie romańskich «Drzwi Płockich» // NP. 1970. N 5. P. 12–17.
Chojnacki J. Romańskich «Drzwi Płockich» ciąg dalszy // NP. 1971. N 1. P. 11–12.
Chojnacki J. Delegacja do Moskwy i Nowogrodu Wielkiego w sprawie katedralnych «Drzwi Płockich» // NP. 1971. N 3. P. 3–8.
Chojnacki J. Kopia katedralnych «Drzwi Płockich» z połowy XII w. już wykonana i wystawiona w Szczecinie // NP. 1972. N 3. P. 23–25.
Chojnacki J. Kopia «Drzwi Płockich» wystawiona w Muzeum Historycznym miasta stołecznego Warszawy // NP. 1972. N 4. P. 48–49.
Chojnacki J. Płocczanie w Magdeburgu – na tropach «Drzwi Płockich» // NP. 1972. N 4. P. 50–51.
Chojnacki J. Co nowego w sprawie «Drzwi Płockich» // NP. 1972. N 5. P. 25.
Chojnacki J. Romańskie Drzwi Płockie i wielki dzwon średniowieczny w Nowogrodzie // NP. 1973. N 2. P. 21–22.
Chojnacki J. Romańskie Drzwi Płockie w piśmiennictwie polskim (1582–1974) // NP. 1974. N 4. P. 50–51.
Chojnacki J. Drzwi Płockie zawisły w dniu 23 listopada 1981 roku w Bazylice Katedralnej // NP. 1981. N 4. P. 59–64.
Cox W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark etc. London, 1784. Vol. 1–2.
Dalin O. von. Swea rikes historia. [B. m.], 1746–1750. Bd. 2.
Dehio G. von. Geschichte der Deutschen Kunst. Der Abbildungen. 2. Aufl. Berlin, 1921. Bd 1.
Długossii I. Vitae episcoporum plocensium abbreviatae // Monumenta Poloniae historica. Warszawa, 1961. T. 6.
Dobrzeński T. Joachim Lelewel jako historyk sztuki w świetle badań Drzwi Płockich i Gnieźnieńskich // BHS R. 14: 1952. N 1. P. 10–38.
Dobrzeński T. Legenda o Secie i Drzewie Życia w sztuce średniowiecznej // Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie. 1966. T. 10. P. 165–198.
 Dzieje Płocka / Red. A. Gieysztor. Płock, 1973.
 Dzieje sztuki polskiej / Red. M. Walicki. T. 1: Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII w. Warszawa, 1971.
Fillitz H. Das Mittelalter I. Berlin, 1969.
Fiorillo J. D. Geschichte der Zeichnenden Künste in Deutschland und der Vereinigten Niederlanden. Hannover, 1817.
 Die Frühmittelalterlichen Bronzetur. Bd. 2: Goldschmidt A. Die Bronzetur von Nowgorod und Gnesen. Marburg, 1932.
Fründt E. Sakrale Plastik Mittelalterliche Bildwerke in der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1965.
Furmankiewiczówna K. La porte de bronze de la cathédrale de Gniezno // Gazette des Beaux Arts. An. 1921. N 63. P. 361–370.
Gębarowicz M. Drzwi kościelne tzw. Płockie w Nowogrodzie Wielkim // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. 1923. R 3. P. 65–68.
Gibbon E. Geschichte des Verfalls und Untergangs des Römischen Reiches. [B. m.], 1776–1788. Bd. 15.
Gmelin J. G. D. Johann Georg Gmelins Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751. Bde 1–4.
Goldschmidt A. Die Stilentwicklung der romanischen Skulptur in Sachsen // Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen. 1900. Bd. 21. S. 227.

- Goldschmidt A.* Die Bronzetüren von Nowgorod und Gnesen. Marburg, 1932.
- Götz U.* Die Bildprogramme der Kirchentüren des 11. und 12. Jahrhunderts. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. [Tübingen], 1971.
- Grimme E. G.* Europäische Goldschmiedekunst Mittelalters. Reliquiare. Köln, 1972.
- Gutkowska-Rychlewska M.* Historia ubiorów. Wrocław, 1968.
- Hamann R.* Historia sztuki. Tłum. M. Wallis. T. 1–2. Warszawa, 1934.
- Hasak M.* Zur Geschichte der deutschen Bildwerke des 13. Jh. // Zeitschrift für christliche Kunst. Jg. 19. 1906. N 12. S. 370–380.
- Herberstein S. von.* Mein Siegm. Freih. zu Herberstein Raittung und Antzaigen Meines Lebens in Kovachich's Samml. kl. noch ungedr. Stücke. Ofen [?], 1805.
- Hossmann S.* Regentensaal. [B. m.], 1702.
- Karamsin N. M.* Istorija russkogo gosudarstwa. SPb., 1816–1829. T. 1–4.
- Karger M.* [K.] Nowgorod. L., 1970.
- Karger M.* [K.] Nowgorod. Architectural monuments 11th–17th centuries. L., 1975.
- Kehr P.* Das Erzbistum Magdeburg und die erste Organisation der Christlichen Kirche in Polen // Abhandlungen der Preussischer Akademie der Wissenschaft. 1920. N 1.
- Knapiński R.* Romańskie Drzwi Płockie w Nowogrodzie Wielkim w opisie wygnańca – biskupa Chościak-Popiela // NP. 1983. N 4. P. 3–7.
- Konczin J.* Zachowane w stanie nienaruszonym // Kraj Rad. 1982. N 21. P. 20.
- Kostanecki S.* O temacie i układzie Drzwi Płockich // NP. 1971. N 3. P. 9–11.
- Krause H. J., Schubert E.* Die Bronzetür der Sophienkathedrale in Nowgorod. Leipzig, 1968.
- Krohn H.* Mittelalterliche Plastik in Russland // Russlandbericht des Kunsthistorischen Instituts Köln. Exkursion 1965. Köln, 1966.
- Künstele K.* Ikonographie der christlichen Kunst. Freiburg, 1926–1928. Bde 1–2.
- Leisinger H.* Romanische Bronzen. Kirchentüren im mittelalterlichen Europa. Zürich, 1956.
- Lelewel J.* Polska wieków średnich, czyli w dziejach narodowych polskich postrzeżenia. Poznań, 1851. T. 4.
- Lelewel J.* Drzwi kościelne Płockie i Gnieźnieńskie z lat 1133, 1155. Poznań, 1857.
- Lexikon der Kunst. Architektur. Bildende Kunst. Angewandte Kunst. Industrieformgestaltung. Kunsttheorie / Hrsg. von G. Feist. Leipzig, 1968–1978. Bde 1–5.
- Lexikon des Mittelalters. München, 1980–1986. Bde 1–3.
- Lexikon für Theologie und Kirche. Begründet von M. Buchberger. 2. Aufl. Freiburg, 1957–1967. Bde 1–11.
- Lichaczow D.* Nowgorod. L., 1984.
- Ligtenberg R.* Het Symbolum Apostolicum in de ikonografie der Middeleeuwen // Het Gildeboek. 1929. Jg. 12. P. 9–34.
- Lazariew W. N.* Iskusstwo Nowgoroda. M., 1947.
- Lazariew W. N.* Istorija ruskogo iskusstwa. M., 1954.
- Lazariew W. N.* Iskusstwo sriedniewekowej Rusi i Zapad (XI–XV ww.) // XIII Międzynarodnyj kongriess istoriczeskich nauk. M., 1970.
- Mende U.* Die Türzieher des Mittelalters. Berlin, 1981.
- Mende U.* Die Bronzetüren des Mittelalters 800–1200. München, 1983.
- Meyer E. A.* Goldschmidt, Die Bronzetüren von Nowgorod und Gnesen // Deutsche Literaturzeitung. 1933. Jg. 54. Col. 843–847.
- Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Series latina T. 1–221. Parisiis, 1844–1855.

- Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca T. 1–161. Parisiis, 1857–1866.
- Molsdorf W.* Christliche Symbolik der mittelalterlichen Kunst. Leipzig, 1926.
- Morelowski M. T.* Dobrzeńcecki, Joachim Lelewel jako historyk sztuki w świetle badań Drzwi Płockich i Gnieźnieńskich // BHS R. 15: 1953. N 2. P. 95–96.
- Mroczo T.* Opus quod nobile claret // NP. 1982. N 2–3. P. 15–16.
- Nowowiejski A. J.* Płock. Monografia historyczna, napisana podczas wojny wszechświatowej, poprawiona i uzupełniona w r. 1920. Wyd. 2. Płock, 1930.
- Panofsky E.* Die deutsche Plastik des elften bis dreizehnten Jahrhunderts. München, 1924.
- Pohorecki F. A.* Goldschmidt, Die Bronzetüren von Nowgorod und Gnesen // Roczniki Historyczne. 1933. T. 9. P. 121–129.
- Popiel W.* Chościak Pamiętniki ks. Wincentego Chościak-Popiela, arcybiskupa warszawskiego, wydane przez ks. J. Urbana. Kraków, 1915. T. 1–2.
- Poppe A.* O napisach ruskich na Drzwiach Płockich // NP. 1971. N 5. P. 16–19.
- Poppe A.* Dlaczego Drzwi Płockie zwano Korsuńskimi? // NP. 1973. N 2. P. 15–20.
- Poppe A.* O dacie wykonania Drzwi Płockich w warsztacie magdeburskim // NP. 1977. N 2. P. 25–30.
- Poppe A.* Die Magdeburger Frage // Europa Slavica – Europa Orientalis. Giessener Abhandlungen. 1980. Bd 100. P. 297–340.
- Poppe A.* Some observations on the bronze doors of the St Sophia in Novgorod // Les pays du Nord et Byzance / Red. par R. Zeitler. Uppsala, 1981. P. 407–418.
- Poppe A.* O Drzwiach Płockich // NP. 1985. N 1. P. 14–20.
- La porta come segno // Arte Cristiana. An. 70. 1982. N 693. P. 297.
- Raupach D.* Reise von St. Petersburg nach dem Gesundbrunnen zu Lipezk am Don. Nebst einem Beytrage zur Charakteristik des Russen. Breslau, 1809.
- Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. Paris, 1955–1959. Vol. 1–3.
- Reimer H.* Reise der Russischen Kaiserlichen Ausserordentlichen Gesandtschaft an die Ottomanische Pforte im Jahre 1793. SPb., 1803. Bd 3.
- Romańskie Drzwi Płockie 1154 – ok. 1430–1982. Płock, 1983.
- Sauerländer W.* Die Bronzetür von Nowgorod. München, 1963.
- Sauerländer W.* Skulptur des Mittelalters. Frankfurt a. M., 1963.
- Sauerländer W.* Rzeźba średniowieczna Przeł. A. Porębska. Warszawa, 1978.
- Souchal F.* L'alto medioevo. Milano, 1969.
- Sriedniewiekowaja Rus'. M., 1976.
- Szaskolski I. P.* Priedanije o Sigtunskich worotach i jego dostowiemost // Uczonyje Zapiski Leningradskogo Gosudarstwennogo Uniwersiteta. Serija Istoriczeskich Nauk. 1949. Wyp. 14. S. 120–135.
- Świechowski Z.* Sztuka romańska w Polsce. Warszawa, 1982.
- Świechowski Z., Nowak L., Gumińska B.* Sztuka romańska. Warszawa, 1976.
- Tatiszczew S. P.* Istorija Rossijskaja. SPb., 1784.
- Tolstoj P. A.* Swjatyni i driewnosti Wielikogo Nowgoroda. M., 1862.
- Truhart A.* Fama für Deutsch-Russland. Riga, 1806. Bd 2.
- Walicki M.* A Goldschmidt. Die Bronzetüren von Nowgorod und Gnesen // BHS. R. 3. 1935. N 1934. S. 59–62.
- Zarnecki G.* Romanik. München, 1978.
- Żebrowski T.* Zarys dziejów diecezji płockiej. Płock, 1976.
- Żebrowski T.* Rola ośrodka kościelnego płockiego w dziejach Polski w średniowieczu // NP. 1987. N 3. P. 29–34.

С. Н. Искюль

Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака»

Мир сродни браку, который зависит
от обоюдного соединения желаний.

Наполеон (1816)

Принимая у себя во дворце в начале 1812 г. еще находившегося тогда не у дел Ф. В. Ростопчина, одного из видных «старых русских», Александр I «долго говорил о своей решимости вести на смерть войну с Наполеоном», выражая надежду на храбрость войск и верность подданных¹. Перед этим, 10 ноября 1811 г., в письме к любимой сестре, с которой был откровенен, если знал, что письмо будет доставлено с надежной оказией, обмолвился: «Мы здесь постоянно настороже, — все в таком напряжении, что военные действия могут произойти в любую минуту»². Уже в феврале 1812 г., когда император старался предусмотреть в дальнейшем развитии событий не только превентивную войну, но и отступление вглубь страны, в разговоре с австрийским посланником графом Иоганном-Францем Сен-Жюльеном он говорил: «Я готов к первым неудачам, и они не смутят меня. При отступлении позади моей армии останется пустыня, всё будет уведено, и люди, и домашний скот»³.

¹ Попов А. Н. Эпизоды из истории 1812 года // Русский Архив. 1892. № 8. С. 400.

² Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрою великою княгиней Екатериною Павловною. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. С. 57.

³ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Т. I. С. 514.

Как явствует из документов эпохи российско-французского союза, незримое для глаз непосвященных охлаждение обнаружило себя уже в 1808 г., когда Александру I и Наполеону предстояло встретиться в Эрфурте для переговоров о перспективах войны союзников с Австрией. Тогда, за неделю до отъезда сына, императрица-мать в стремлении отговорить его от поездки в Эрфурт направила ему собственноручное письмо, которому придавала важность откровенной беседы. Нарисовав безрадостную картину Европы, стонущей под игом «кровавого тирана», Мария Феодоровна остановилась на целях, которые, по ее мнению, преследовал Наполеон, называя последнего в своем письме не иначе как «Бонапартом». «Он чувствует, — писала она, — что блеск его могущества начинает меркнуть, он хочет снискать себе нового обаяния в дружбе Императора России; но кумир уже шатается, и самое присутствие и великодушное участие в этом свидании его молодого друга должны послужить ему поддержкой...» По мнению императрицы, Александра I вовлекали в новые переговоры с тем, чтобы «при помощи коварных уловок побудить его против, так сказать, собственной его воли принять участие в новой войне, <...> которая, несомненно, замышляется для того, чтобы уничтожить, если то будет возможным, единственную, стоящую между ним и нами державу». Императрица имела в виду Австрию, которая в то время наращивала силы для очередной войны против Франции, и считала, что, если поездка в Эрфурт состоится и союз, заключенный в Тильзите, сохранит свое значение, то тогда все преграды на пути Наполеона, если бы он со временем вознамерился двинуть войска на Россию, исчезнут⁴.

Ответ Александра I на письмо императрицы-матери — документ во всех отношениях весьма примечательный: в нем раскрываются внешнеполитические цели императора и то, как им трактуются «интересы России» в период после Тильзита и в обозримом будущем. В этом письме император в частности задавался вопросом: «Не в интересах ли России поддерживать хорошие отношения с этим страшным колоссом, с этим воистину опасным врагом?» На этот вопрос Александр I отвечал так:

«Надобно, чтобы Франция и далее пребывала в уверенности, что ее политические интересы могут сочетаться с таковыми же интересами России; с того момента, как у нее не будет такой уверенности, она будет видеть в России лишь врага, пытаться уничтожить которого будет входить в ее интересы. Следует предположить, что Франция всегда будет предпочитать дружбу с Россией — с того момента, как эта дружба стала отвечать собственным ее политическим интересам — войне или неприязненным с нею отношениям, потому что, несмотря на превосходство своих сил, она уже испытала на себе, сколь эта борьба в прошлом была для нее тягостной». В условиях российско-французского союза Александр I считал необходимым убедить Францию, что Россия

⁴ Императрица Мария Феодоровна — Александру I, 25 авг. (6 сент.) 1808 / Публ. Н. К. Шильдера «Накануне Эрфуртского свидания 1808 года» // Русская Старина. 1899. № 4. С. 11–15 (пер. с фр. исправлен по оригиналу С. Н. Искюлем).

«с готовностью примкнула к ее интересам», хотя бы, как указывал он, *на время* и тем доказать ей, что она может относиться «без недоверия к ее намерениям и планам».

Император подчеркивал необходимость «получить желанную передышку и беспрепятственно наращивать в течение этого столь драгоценного времени свои силы», сохраняя при этом «глубочайшую тайну, а не разглашать во всеулышание о наших вооружениях, не выступая открыто против того, к кому испытываем недоверие...»⁵. Напомним, что Александр I написал эти строки перед тем, как отправиться в Эрфурт на свидание с Наполеоном, и после тильзитского свидания прошло немногим больше года.

Александр не был тем человеком, который мог забыть, например, реплику Наполеона в ответ на протест поверенного в делах России в Париже Петра Яковлевича Убри касательно ареста Луи Антуана Анри де Бурбона герцога Энгиенского на баденской территории и его расстрела в Венсенне. Герцог подозревался в участии в заговоре с целью покушения на жизнь Первого консула Бонапарта, и его казнь явилась поводом для разрыва отношений между Россией и Францией, инициированного Александром I, и организации новой антифранцузской коалиции. Реплика же выразилась буквально в следующих словах: «Жалоба, с которой ныне выступает Россия, позволяет задаться вопросом, что если бы в случае, когда Англия только задумывала убийство Павла I, стало бы известно, что участники этого сговора находятся на расстоянии одного только лье от российских границ, неужели в России не поспешили бы их захватить?». В письме к маршалу Ж. де Д. Сульту Наполеон позднее писал: «Какие-то невнятные британские замашки побудили Россию предпринять необдуманый шаг, а именно надеть траур по герцогу Энгиенскому, что заставляет Европу воспоминать об убиении Павла I»⁶. Более того, реплика в связи с протестом, заявленном Убри, была опубликована в центральном органе правительства «Монитёре». Тогда Наполеон был уверен в том, что герцог виновен, но в весьма недалеком будущем император получил все доказательства его полной невиновности, вследствие чего бывшая уверенность переросла в чувство негодования к спровоцировавшему это деяние тогдашнему министру иностранных дел Ш.-М. де Талейрану, чувству, которое с тех пор неоднократно впоследствии прорывалось в том числе и публично в его отношениях с принцем Беневентским.

Для Александра I к этой вышеприведенной реплике Наполеона присоединилось и позорное поражение под Аустерлицем в декабре 1805 г., когда «его боевая слава померкла, не успев расцвести»⁷. Душевные переживания, вызванные тогдашней катастрофой, явились столь неожиданно, что потрясли императора,

⁵ Александр I — Марии Феодоровне, не ранее 26 авг. (7 сент.) // РС. 1899. № 4. С. 18–21.

⁶ Письмо Наполеона — маршалу Ж. де Д. Сульту 14 прериаля XII (3 июня 1804) // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. IV / Préf. de T. Lentz. Paris: Fayard, 2007. P. 733.

⁷ Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени. Берлин, 1923. С. 58.

собиравшегося снискать лавры полководца в сражении с Наполеоном, военный гений которого представлялся еще в то время Александру I не столь безусловным. К тому, что от уверенности в победе не осталось и следа, присоединилось в особенности и то обстоятельство, что государь не мог скрыть всю неприглядность своего состояния во время панического отступления с поля сражения, когда не только союзники, но и члены свит обоих императоров потеряли друг друга. Во время этого бегства, пишет один из лучших биографов Александра I, «он почувствовал такое расстройство физическое и нравственное, что не мог ехать далее». Император слез с лошади, сел под деревом на землю и, закрыв лицо платком, «залился слезами». Что и говорить, внезапная смена настроений — от полной уверенности в победе до осознания катастрофы — потрясли душевный мир государя. Ночь, проведенная на соломе в крестьянской избе, добавила к «нравственному и физическому беспокойству» еще и озноб, и расстройство желудка⁸. Император Александр был весьма памятливым, и то, что пришлось ему испытать при Аустерлице, впоследствии продолжало поддерживать в нем жажду реванша. Хорошо еще, что после поражения союзников преследование французской армии не носило настойчивого характера, и русский император вскоре оказался в безопасности.

Вообще, вне зависимости от политических и прочих причин, война с Наполеоном явилась у Александра I актом борьбы его личного самолюбия, ибо он не мог изжить в себе раз перенесенного унижения, никогда ничего не забывая и, разумеется, ничего не прощая, в особенности Наполеону, который во многих отношениях превосходил русского императора своими выдающимися качествами полководца и государственного деятеля, и Александр I это чувствовал.

После Аустерлица, в отличие от императора Франца II, Александр I не стал вести никаких переговоров с виновником своего поражения, отдавшись делу создания новой коалиции, и в этом он был последователен. Поддержав прусского короля в войне против Франции в 1806 г., он отнюдь не думал отказываться от осуществления своих прежних планов, которые всего за два месяца до Тильзита были изложены 14 (26) апреля 1807 г. в так называемой Бартенштейнской конвенции между ним и Фридрихом-Вильгельмом III, которая в конечном счете декларировала реставрацию королевской власти во Франции. К заключению же Тильзитского мира 25 июня (7 июля) 1807 г. российского императора принудила одна только жестокая необходимость, когда целый ряд поражений после невероятных усилий, сопряженных с тяжелыми потерями для российских и прусских войск, заставили его, скрепя сердце, пойти на переговоры о перемирии, затем о мире и, наконец, о союзе. Он осознал, «верно и трезво учитывая тогдашние обстоятельства, полную невозможность на целый ряд лет дальнейшей борьбы» и решил «принять на себя тяжелую для него роль

⁸ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 2. С. 142.

преданного друга и почитателя императора французов»⁹. Роль эту Александр I сыграл, как и прочие роли в своей жизни, блестяще.

И вот тогда, перед Эрфуртским свиданием в октябре 1808 г. для российского императора война с Францией представлялась вероятной, подчеркнем, уже через год после Тильзита! Ему оставалось только выждать подходящий момент, найти вполне благовидные предлоги к оправданию своих действий и привить общественному мнению Российской империи убеждение в непреложной справедливости избранной позиции.

Такой момент представился в 1810–1811 гг., когда Александр I руководствовался тем настойчивым предположением, что война с Францией с самого начала будет превентивной. Памятником несостоявшейся наступательной войны против Франции предстают отданные в ожидании ратификации союзного военного соглашения с прусским королем¹⁰ и перехода поляков Великогерцогства Варшавского на сторону России приказы военного министерства России. Приказы были разсланы 24, 27 и 29 октября военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли со ссылкой на высочайшее повеление начальникам корпусов, дислоцированных на западной границе России, генерал-лейтенантам П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту, И. Н. фон Эссену 1-му и генералам от инфантерии П. И. Багратиону и Д. С. Дохтурову. Содержание приказов военный министр предписывал сохранять под «строжайшим и непроницаемым секретом», причем с одной стороны заверял командиров корпусов в том, что «нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», а с другой стороны требовал держать вверенные им соединения в постоянной готовности к выступлению в поход; при этом они обязывались ждать условного известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о его переходе прусских границ, что должно было послужить для них сигналом к выступлению

⁹ Корнилов А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 131.

¹⁰ В результате русско-прусских переговоров в Петербурге 5 (17) октября 1811 г. канцлер Н. П. Румянцев и военный министр М. Б. Барклай-де-Толли с одной стороны и начальник генерального штаба прусской армии генерал-майор Г.-И. Шарнхорст подписали совместную военную конвенцию. Соглашение предусматривало взаимодействие 17 «полных» дивизий русской армии, которые должны были «возможно скорее» двинуться в поход, с прусскими войсками при любом развитии событий на Висле или Одере (ВПР. Т. VI. С. 191–197). Конвенция могла стать существенной основой новой коалиционной войны против Франции уже в 1811 г., и русского императора не смущало то, что война должна была начаться в неблагоприятное с точки зрения ведения военных действий время. Но уже после доклада возвратившегося из России Шарнхорста прусский король отклонил ратификацию соглашения, поскольку считал, что соглашение не обеспечивает безопасности открытой со всех сторон Пруссии (Ср.: Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. К столетию Отечественной войны против Франции уже в 1811 г., и русского императора не смущало то, что война должна была начаться в неблагоприятное с точки зрения ведения военных действий время. Но уже после доклада возвратившегося из России Шарнхорста прусский король отклонил ратификацию соглашения, поскольку считал, что соглашение не обеспечивает безопасности открытой со всех сторон Пруссии (Ср.: Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 23). Впрочем, для прусской политики всегда была характерна изрядная доля предусмотрительности, нередко портившей ее отношения с союзниками.

в поход¹¹. Возможно, что, имея в виду это обстоятельство, еще в июне 1811 г. А. И. Чернышев и К. В. Нессельроде выступили с инициативой создания русско-немецкого легиона. «Ваше величество, — писали они государю, — можете немедленно приступить к осуществлению этой меры под предлогом того, что желаете соединить в особые полки ваших лифляндских, курляндских и финляндских подданных, которым незнание русского языка часто служит препятствием к ревностной службе в русских войсках»¹². Предполагалось, что в этом случае командовать легионом будет прусский генерал Людвиг Георг фон Вальмоден. Впоследствии с такой инициативой выступил известный прусский реформатор барон Генрих Фридрих фон унд цу Штейн, когда оказался в России в 1812 г., и такой корпус был создан.

Один из историков, писавший в эпоху 100-летнего юбилея войны 1812 г. и справедливо считавший, что «узлы» франко-русских отношений в 1812 г. были заложены еще в Тильзите, а «всё последующее есть лишь развитие этих начал», задавался вопросом о поведении тех главных действующих лиц, которые вели переговоры в эпоху Тильзита: «Может быть, один из них стал жертвой хитрости и обмана со стороны другого?»¹³. Вне всякого сомнения, историк полагал, что стать этой жертвой было уготовано императору Александру I, но так ли это, если принять во внимание всю совокупность политико-дипломатических отношений между Россией и Францией, которые складывались отнюдь не только из дружественных связей, но и из серьезных «противоречий» в разных областях?

Одним из них была так называемая «польская конвенция», в подписании и ратификации которой Александр I выказал немалую заинтересованность, особенно в совместном с Наполеоном декларировании первой ее статьи, а именно: «Польское королевство никогда не будет восстановлено». Наполеон же слишком дорожил своим польским «опытом», чтобы рискнуть внести разлад в свои отношения с самым преданным из своих союзников после того как благодаря ему на европейской карте возникло Великое герцогство Варшавское. Своим демонстративным промедлением с ратификацией конвенции он явно показывал свое нежелание придавать ей какое бы то ни было значение и ожидал, что в Петербурге не станут настаивать и отступят от этого явно проигрышного дела. Когда же русский посол в Париже князь А. Б. Куракин продолжал настаивать на желании получить определенный ответ французской стороны, Наполеон заявил: «Взять на себя непреложное и всеобъемлющее обязательство, что королевство Польское никогда не будет восстановлено,

¹¹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб. 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315.

¹² Попов А. Н. Барон Штейн в России в 1812 году // РС. 1893. № 2. С. 391.

¹³ Середонин С. М. Политические причины войны 1812 года // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. II. С. 11.

было бы актом неблагоприятным и несовместимым с моей честью. Если поляки, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, восстанут как один и окажут противодействие России, то мне нужно будет употребить все свои силы, чтобы усмирить их — так, что ли? Если же они найдут себе в этом деле союзников, то мне нужно будет употребить свои силы, чтобы сражаться с этими союзниками? Это значит требовать от меня невозможного, бесчестного и к тому же совершенно независимого от моей воли. Я могу утверждать, что никакого содействия, ни прямо, ни косвенно, не будет мною оказано какой-либо попытке восстановить Польшу, но не более того»¹⁴. Конвенция так и не была ратифицирована, ибо позиция императора французов пребывала неизменной.

Отношения между союзниками не стали ближе и доверительнее и после того, как в Петербурге дважды отклонили брачные предложения Наполеона. Первый официальный историк войны 1812 г. Д. П. Бутурлин писал в своей книге, вышедшей одновременно в Париже и Петербурге, об одной из причин франко-русского столкновения: «Императора французов оскорбил прием в Петербурге его сватовства, и он жаждал возмездия, чтобы император Александр почувствовал всю силу его могущества»¹⁵. Речь у Бутурлина идет об одном случае, но на самом деле их было два: сначала Наполеон сватался к великой княжне Екатерине Павловне, затем к ее сестре — Анне, младшей дочери покойного императора.

Как в первом, так и во втором случае императрица-мать, распоряжавшаяся судьбой дочерей, давала согласие на брак только по прошествии нескольких лет. Преодолеть решение императрицы-матери при той позиции, которую занял ее сын, было просто невозможно. Несмотря на это французский посланник Арман де Коленкур предпринял шаги, направленные на то, чтобы побудить Александра I вынудить Марию Феодоровну дать свое согласие. Посланник старался затронуть самолюбие императора, прекрасно зная, что он всегда непоколебим, отстаивая собственную свободу в принятии решений, касающихся вопросов внешней и внутренней политики. Доводы посланника, казалось, заставили императора задуматься, но в конце концов не поколебали убежденности императора в справедливости своей позиции, ибо он не хотел, оскорбив мать, вызвать еще один разлад в семье, и Коленкуру пришлось отступить: он сообщил в Париж о том, что до получения новых повелений отказывается вновь поднимать вопрос о браке¹⁶. Отказ был истолкован Наполеоном не в том смысле, о каком пытались создать впечатление в Петербурге. Проницательность его не обманула, и еще за два дня до того, как русский брак ускользнул от него, Наполеон сам бесповоротно отказался от этого проекта, посчитав, что не стоит далее тешить себя иллюзией в стремлении укрепить союз брачными узами.

¹⁴ *Ernouf A.-Au.* Maret, duc de Bassano. Paris: E. Perrin, 1884. P. 266.

¹⁵ *Boutourlin D.* Histoire militaire de la Campagne de Russie en 1812. Paris, 1824. T. I. P. 43.

¹⁶ Там же. С. 375.

Императрица-мать, а с нею и сам император были против породнения с династией Бонапартов не только по причине возраста великой княжны. Ответное письмо Александра I перед его поездкой в Эрфурт вполне убедило вдову Павла I в том, что не только она смотрела на франко-русский союз как на «дело случайное»¹⁷. Она полагала, что, соглашаясь на искательства Наполеона, Российский Императорский дом «без всякой пользы пожертвовал бы своим достоинством, судьбой одного из членов своей семьи и необдуманно компрометировал себя в глазах Европы неравным браком»¹⁸.

Что касается Наполеона, то неудачная попытка связать себя кровными узами с Российским Императорским домом неизбежно породила у него чувство оскорбленного самолюбия, тем более что в его глазах она решительно поколебала дружественные отношения, завязанные в Тильзите, и союз, который «русский брак» должен был упрочить. Впрочем, прежний тон и прежние чувства дружбы в отношениях и переписке сохранялись, хотя французскую сторону совершенно не удовлетворяли ссылки на пресловутые обстоятельства в поисках причин неуспеха русско-французских брачных проектов.

Охлаждение в отношениях союзников посеяло и «дело» флигель-адъютанта Александра I, полковника А. И. Чернышева, который начиная с 1810 г. регулярно появлялся во французской столице. В будущем военный министр России, в то время Чернышев служил личным почтальоном обоим императорам-союзникам. Полковник Чернышев был лично известен императору французов с 1809 г., был принят в высшем парижском обществе и в Тюильри. Полковник всегда избегал серьезных разговоров, особенно на политические темы, не скрывал, что проживает жизнь только ради прекрасных женщин и прочих удовольствий. Вежливый до предупредительности, остроумный и веселого нрава, Чернышев пользовался успехом в дамском обществе. Затянутый в мундир, который, по словам бывавшего тогда в свете Стендаля, казалось, вот-вот лопнет на нем и «с четырьмя крестами на шее»¹⁹, Чернышев производил то впечатление, какое и рассчитывал произвести. Наполеон относился к нему как к флигель-адъютанту своего тильзитского «друга» и всегда принимал его в Тюильри, считая, что встречи с Чернышевым помогут прояснить ситуацию, наладить отношения, и использовал встречи с адъютантом Александра I для тщательной дипломатической разведки. То же делал и Чернышев, совмещая функции почтальона с занятиями особого свойства, употребляя свои усилия и способности для добывания сведений о вооружениях, передвижениях, численности французской армии, о положении дел в Испании, о ситуации внутри Франции. Между прочим, ему удалось получить точное и полное расписание Великой армии, формировавшейся в преддверии

¹⁷ *Вандаль.* С. 286.

¹⁸ ДС. Т. II. С. 386.

¹⁹ Последнее — известное преувеличение; писатель явно ошибся, хотя и видел Чернышева не раз; он мог не разглядеть, сколько в действительности у него привешено орденов. См.: *Стендаль.* Дневники // Стендаль. Собрание сочинения. М.—Л., 1961. Т. XV. С. 379.

войны с Россией. Одно из таких расписаний опубликовано в приложении к письму Чернышева к Барклаю-де-Толли от 7 (19) сентября 1811 г. из Парижа²⁰, были и другие, не менее важные и не менее объемистые, документы, уточнявшие те или иные данные, например, расписание Французской армии на 1 октября того же года²¹. Практически любое письмо Чернышева к Румянцеву, например от 4 (16) октября 1810 или от 1 (13) ноября 1811 г., содержало конфиденциальную информацию военного характера²².

Осенью 1811 г., когда для многих во Франции из числа людей осведомленных война с Россией уже представлялась не столь уж невероятной, за многими русскими был учрежден негласный полицейский надзор. Вскоре Наполеон был извещен о том, что российский полковник, помимо балов, дамских будуаров и гостиных, время от времени, но довольно-таки регулярно в вечерние сумерки посещает пустынные улицы и переулки близ Елисейских полей. Дополнительный розыск установил, что Чернышев встречается с чиновником Военного министерства, более того, посещает квартиру чиновника, в ведении которого находились списки личного состава всех частей французской армии. Таким образом, деятельность Чернышева не прошла незамеченной для французского правительства²³, да и сам он сознавал, что его положение становилось всё более опасным: в случае открытия военных действий Наполеон мог распорядиться арестовать дипломатических агентов и конфисковать их бумаги. Чернышев уже просил канцлера Румянцева под каким-либо предлогом вызвать его в Петербург, однако этого не потребовалось: Наполеон сам решил отправить Чернышева в Россию с очередным письмом к Александру I. Император французов мог догадываться, что полицейское расследование может зайти весьма далеко, но в тот момент, в феврале 1812 г., Наполеон не хотел преждевременного обострения отношений, и Чернышев был отпущен, хотя улики против него были более чем достаточно.

Отпуская Чернышева в Петербург, Наполеон сказал, что назначает его своим полномочным представителем «в надежде на договоренность, дабы не проливать кровь сотни тысяч храбрецов из-за пустой безделицы». Для этого царю достаточно было лишь строго соблюдать тильзитские соглашения, т. е. строго-настрого закрыть английским судам вход в русские порты и не допускать импорта колониальных товаров в соответствии с Берлинским и Миланским декретами, а также с режимом лицензий. При этом Наполеон заверял честным словом, что в 1812 г. не обнажит шпагу в случае, если его союзник не выступит

²⁰ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1904. Т. V. С. 27–28, 29–53.

²¹ Там же. С. 157–214; документ опубликован с пометой составителей: «Кто доставил сведения — неизвестно».

²² РИО. Т. 121. С. 96–104, 136–145.

²³ См.: *Arboit G.* 1812. Le renseignement Russe face à Napoléon // *Revue d'Institut Napoléon.* 2012. N 204. P. 71–86.

против его союзников. Император заявил о неизменности своих чувств к Александру I, а «если судьбе все-таки будет угодно столкнуть две величайшие державы из-за ребяческих безделок, то он будет драться как благородный рыцарь, и при случае пригласит своего противника позавтракать на аванпостах»²⁴.

Полицейское же расследование, в полную силу развернутое после отъезда Чернышева, показало, что подкуп чиновников Военного министерства Франции с целью получения регулярных данных стратегического характера начался еще за восемь–девять лет до описываемых событий. Чернышев лишь воспользовался прежними связями, завязанными еще российским поверенным в делах П. И. Убри с неким М. Мишелем, служившим в одной из канцелярий Военного министерства. На деньги Чернышева Мишель вовлек в это дело чиновников из других канцелярий Министерства и организовал целое «бюро» по изготовлению извлечений из документов, составлявших государственную тайну. Всего им было заплачено ни много ни мало 300 000 франков. С поличным были схвачены все, в том числе и швейцар российского посольства в Париже, у которого частью и происходили свидания Мишеля и Чернышева.

Узнав о подробностях этого дела, Наполеон приказал арестовать Чернышева, однако тому удалось ускользнуть и окольным путем достичь Рейна, где он миновал Майнц и Кёльн, куда уже посланы были повеления об его задержании. 13 апреля 1812 г. в Сенском уголовном суде началось слушание дела о государственной измене, в ходе которого главные привлеченные к суду лица были осуждены за вступление в преступные сношения с агентами «иностранной державы». Решением суда приговоренный к смертной казни Мишель Мишель был гильотинирован на Гревской площади Парижа 1 мая 1812 г., другой чиновник — канцелярист Луи Саже, как и его сообщник Луи Франсуа Сальмон — были приговорены к позорному столбу с железным ошейником и денежному штрафу «за преступные сношения с агентами иностранной державы»; остальные проходившие по этому делу как обвиняемые были оправданы²⁵.

В официальной ноте, продиктованной самим Наполеоном, но не врученной российскому послу в Париже, содержалась жалоба на действия Чернышева. «Его Величество глубоко огорчен действиями графа Чернышева, — говорилось в ноте. — Он с изумлением узнал, что человек, с которым он всегда хорошо общался, который проживал в Париже не в качестве политического агента, а как флигель-адъютант российского Императора, аккредитованный особым письмом состоять при особе Императора французов, имевший значение доверенного лица, более близкого, нежели посланник, воспользовался своим положением, употребляя во зло всё то, что считается самым священным. Его Величество льстит себя надеждой, что и Император Александр будет глубоко огорчен, когда усмотрит в поведении господина Чернышева роль агента, действовавшего

²⁴ Там же. С. 164.

²⁵ *Arboit G.* 1812. Le renseignement russe face à Napoléon // *Revue de l'Institut Napoléon.* 2012. N 204. P. 71–86.

путем преступного подкупа, каковое деяние и международным правом, и законами чести осуждается. Его Величество Император приносит жалобу в том, что при его особе, притом в мирное время, под званием, внушавшим доверие, содержали шпионов, что позволительно только по отношению к врагу и во время войны. Он приносит жалобу в том, что шпионы выбраны были не из низкого сословия общества, но среди тех людей, кои по своему положению близко стоят к Государю...»²⁶ Примерно в тех же выражениях, что и в неотправленной ноте, император французов еще 3 марта 1812 г. пожаловался князю А. Б. Куракину в письме, продиктованном лично им, но подписанном одним только герцогом де Бассано²⁷. Наполеон не стал упоминать об этом в переписке с Александром I. Дело было слишком щекотливым, чтобы хоть отчасти предавать его гласности и ставить союзника в неудобное положение.

Естественно, что такие «происшествия» не могли пройти бесследно и всеочечно способствовали подозрительности между союзниками и общему ухудшению взаимных их отношений.

Естественно также, что и французская сторона пользовалась услугами платных или бесплатных, по убеждениям, осведомителей и шпионов. Сомнений в этом возникать не должно, ибо дипломатическое прикрытие разведывательной деятельности практиковалось всегда, но крупных провалов, подобно чернышевскому (а в случае с полковником А. И. Чернышевым налицо не только успех, но и крупный провал, поскольку не надо доказывать, что в такого рода делах важно не только успешно выполнить возложенное поручение, но и хорошо замести следы), у французской разведки не было. Кроме того, возникает вопрос, следовало ли прилагать такие усилия в добывании полного расписания французской армии, если в продолжение войны в России вплоть до вступления Великой армии в Москву это не оказало ровным счетом никакого влияния в тактико-стратегическом отношении на ход военных действий?

Но «противоречия» существовали и в делах хозяйственно-экономических, а это было уже слишком серьезно. В одной из недавних вышедших на русском юбилейных статей автор задавался вопросом, который поместил в заглавие своей статьи: «Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию»²⁸. Автор этой статьи, М. Б. Кросби-Арнольд (США), отвечает на поставленный вопрос утвердительно, и он прав. Но на этот вопрос уже давно ответили русские историки Е. В. Тарле и М. Ф. Злотников, а с ними и А. В. Предтеченский, а также авторы юбилейного издания «Отечественная война и русское общество» (1912). Конечно, трудами этих историков проблема не исчерпана, но их приоритет очевиден, и всё же ссылок на их труды в статье мы не найдем.

²⁶ Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1868. Т. XXIV. N 18. P. 541.

²⁷ Ibid. P. 275.

²⁸ Французский ежегодник. 2013. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 33–60.

Противоречия возникли уже в 1808 г., вскоре после заключения франко-российского мира и союза в Тильзите, когда Российская империя вышла из борьбы против Франции «без видимого ущерба», поскольку ничего не потеряла, но кое-что приобрела²⁹. Однако если говорить о так называемой Континентальной блокаде, к которой Александр I как побежденный в коалиционных войнах 1805–1807 гг. должен был присоединиться по Тильзитскому миру 1807 г., то здесь, особенно на первых порах, можно говорить, как это ни покажется на первый взгляд странным и даже невозможным, о движении навстречу друг другу. Известно, что российский император, ступив на неманский плот, заявил императору французов о том, что «ненавидит англичан», и Наполеон отозвался на это с пониманием. Более того, уже 26 октября (7 ноября) 1807 г. Александр I выступил с инициативой, с которой вряд ли выступил бы, не будь уверен в полном согласии Наполеона. Император заявил, что «снова провозглашает принцип вооруженного морского нейтралитета, этого памятника мудрости императрицы Екатерины, и обязуется никогда более не отступить от этой системы»³⁰. Таким образом, внук, обещавший в марте 1801 г., что при нем «всё будет как при бабушке», взял на вооружение идею политики вооруженного нейтралитета, провозглашенной в екатерининскую эпоху (1779–1783), и, соглашаясь с пунктами Тильзитского мира, обязался следовать условиям Континентальной блокады. Принципа вооруженного нейтралитета новый союзник Александра I придерживался всегда, ибо был намерен договориться с британской стороной о свободе морей, но Англия, узурпировав свое господство на морях, всегда отказывалась признать это право еще за кем-либо. Это обстоятельство явилось причиной морской войны между Францией и Англией, грозившей превратиться в бесконечную еще на исходе XVIII в., а также стало весомым резонансом в пользу возникновения и продолжения Континентальной блокады Великобритании. Кстати, в прошлое царствование, т. е. при Павле I, блокада уже начинала приобретать отчетливо различимые черты, и император без всякого побуждения со стороны Первого консула принял ряд запретительных мер в отношении английской торговли, а также поощрял его к вторжению на Британские острова. После кончины Павла I политика в этом направлении потеряла всякий смысл и только после того, как политически и территориально в результате коалиционных войн в Европе произошли серьезные перемены, в новых условиях Наполеон вернулся к идее Континентальной блокады и без особых усилий привлек к ее проведению и Александра I.

С образованием Французской империи преследовавший не только интересы Франции, Наполеон объективно направлял свою политику, движимый стремлением преодолеть британскую гегемонию и освободить европейский континент от экономической зависимости от Англии, «тем самым положить основание самобытному развитию промышленности Европы»³¹. Разумеется,

²⁹ Середонин С. М. Указ. соч. С. 32.

³⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 89. С. 203.

³¹ Военский К. А. Континентальная система // Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. М., 1911. С. 232.

такая политика требовала немалых жертв в настоящем, хотя и сулила «неисчислимы выгоды в будущем», но несмотря на решительное преобладание власти Наполеона единства в следовании политики Континентальной блокады добиться оказалось невозможно. Последнее, т. е. выгоды такой политики, стали для многих очевидны и осознанно понятны только после того, как Французская империя пала под натиском старой Европы.

Согласившийся примкнуть к французской «системе» и обязавшийся соблюдать условия Континентальной блокады, поскольку для побежденных иного решения вопроса просто не было, Александр I не мог и скорее всего не хотел предусмотреть всех последствий этого шага для хозяйственно-экономического развития своей страны. Между тем блокада оказалась для России серьезным испытанием, поскольку усугубила те немалые трудности, которые накопились в результате активнейшей внешней политики предшествующих царствований и несообразных с ресурсами страны непроизводительных затрат, неизбежно сказавшихся в конечном итоге на хозяйственной жизни России, ориентированной в известной мере на торговлю с Англией.

Последняя же даже в условиях разрыва, а значит, и бессмысленности каких бы то ни было претензий, используя различные каналы, выступала с требованиями возобновления прежних торговых отношений. Так, еще в 1807 г., сразу после Тильзита, в ответ на ноту от 1 августа находившегося в Лондоне с особым поручением российского дипломата М. М. Алопеуса, британские официальные лица потребовали «доказательств» доброжелательного отношения императора Александра к британским торговым интересам; при этом такое «доказательство» могло состоять, по мнению англичан, в возобновлении расторгнутого торгового договора³².

Каким же образом сказалось прекращение торговли с Англией на внутренней жизни России и положении сословий? В приведенном выше письме императрицы Марии Феодоровны Александру I, между прочим, есть и такие строки: «Цены на предметы первой необходимости возросли столь чрезмерно, что для бедных это равнозначает голоду, чувствуется недостаток в соли, финансы близки к банкротству, ассигнации потеряли половину стоимости <...> Между тем, под влиянием обстоятельств, одинаково угнетающих и деревенского жителя, и дворянина, расходы постепенно растут. Одним словом, нет сословия которое бы не страдало и для коего это не было бы отяготительно»³³. С тем, что рост денежной массы давал о себе знать и как результат имел место рост цен — с этим нельзя не согласиться, но с тем, что это в равной степени касалось всех... В отечественной историографии принято считать, что союз России с Францией по Тильзитскому договору если и давал первой некоторые политические преимущества, то являлся крайне разорительным вследствие Континентальной си-

³² См.: *Тарле Е. В.* Континентальная блокада // *Тарле Е. В.* Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. III. С. 349–350.

³³ РС. 1899. № 4. С. 10.

стемы, которая не только уменьшила государственный доход (таможенные сборы), но, вследствие повышения цен на предметы потребления и падения курса рубля, губительно отразилась на благосостоянии всех сословий. Так ли это? И нет ли здесь известного преувеличения того значения отдельных отрицательных моментов Континентальной блокады в России, которые изображались в воспоминаниях как народное бедствие, разоряющее все классы населения?

«В то время внезапный упадок государственного кредита производил чрезвычайное уныние и как будто оправдывал жалобы людей, более других вопивших против союза с Наполеоном <...>, — читаем в мемуарах всеведущего Ф. Ф. Вигеля. — Ассигнационный рубль, который в Сентябре (1807 г. — *С. И.*) еще стоил 90 копеек серебром, к 1 Января 1808 года упал на семьдесят пять, а весной (1809 г. — *С. И.*) давали за него только 50 копеек; далее и более, через три года, серебряный рубль ходил в четыре рубля ассигнациями. Для помещиков, владельцев домов и купечества такое понижение курса не имело никаких вредных последствий, ибо цены на все продукты по той же мере стали возвышаться. Для капиталистов же и людей, живущих одним жалованием, было оно сущим разорением; кажется, с этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками»³⁴. Представители французского промышленного и торгового капитала по-своему и правильно объяснили своему правительству причины падения российского рубля, указав, в частности, что реальной причиной такового является прекращение британского экспорта в Россию, а восстановить положение могло бы только прекращение франко-английской морской войны или, что существеннее, появление у России нового рынка сбыта, который не уступал бы потерянному британскому³⁵, что было возможно, естественно, только при установлении принципа свободы мореплавания и морской торговли, равного без исключения для всех. Однако Великобритания никому не желала уступать своего морского первенства, и поэтому противостояние продолжалось: британские корабли блокировали французские гавани и ряд европейских портов, в то время как на континенте французская таможенная линия в той или иной мере успешно препятствовала появлению товаров британского производства в Европе. Французские корсары досматривали в Балтийском море суда, следовавшие в российские порты, из-за чего не раз возникали недоразумения, которые приходилось улаживать дипломатам, а английские корабли в необъявленной войне с французскими корсарами пытались прокладывать свою дорогу английским сукнам и колониальным товарам.

Между тем, согласно издававшемуся Коммерц-коллегией «С.-Петербургскому прейскуранту», пуд «кофе ординарного» в 1802 г. стоил 18 рублей 20 копеек, в 1808 — 42 рубля 65 копеек, а в 1811 его цена приблизилась уже к 72 рублям. Стоимость «кофе мартиникского» взлетела с 22 рублей 24 копеек

³⁴ [Вигель Ф. Ф.] Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М: Универ. тип., 1892. Ч. 3. С. 21.

³⁵ *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 581–582 (прим.).

в 1802 г. до 82 рублей в 1811, а «сахара рафинада лучшего» за тот же период — с 20 рублей 18 копеек до 82 рублей. Анкерок (голл., деревянный бочонок вместимостью от 33 до 40 литров жидкости) ямайского рома в 1811 г. покупался в России за 190 рублей против 60-ти в 1802. Рост цен налицо и сравнительно нередко весьма разительный рост. Но касался ли он в равной степени всех слоев населения, это еще вопрос. Не следует ли предположить, что основного населения страны — российского крестьянства с его во многом натуральным хозяйством, вполне удовлетворявшим немногосложные потребности сельского жителя — Континентальная блокада едва ли касалась? Русское крестьянство ничего не знало о дальнейшей судьбе собранного им хлеба и не нуждалось в заморских приобретениях. Вероятно, только в одном блокада Англии коснулась деревенского населения — определенным, не столь уж значительным, недостатком соли, которым обернулось сокращение ее привоза из-за рубежа в Северо-Западную Россию и прибалтийские провинции империи. В самом деле, то количество соли, которое купцы ввозили из той же Англии, составляло приблизительно десятую часть добывавшейся внутри империи. Благополучия крестьян крепостных и государственных французская Континентальная система ни в коей мере не касалась. Напротив, для крестьян оброчных вследствие повышения цен на продукцию сельского хозяйства она была лишь прибыльна, так как оброк платился ассигнациями — денежными знаками внутреннего обращения.

Но и для помещиков, как и домовладельцев и купечества, такое падение рубля отнюдь не было разорительным. Все налоги и подати уплачивались не серебряным, а тем же ассигнационным рублем. Повышение же цен на продукты сельского хозяйства (рожь, пшеницу, лен и т. д.) было только выгодно, и многие в это время поправили свои дела и даже обогатились. «Людам, недавно купившим имения в долг на ассигнации, понижение курса послужило обогащением и спасением вообще всем задолжавшимся»³⁶. Русское сельское хозяйство находилось в «первобытном» состоянии. Помещики, имея для обработки земли даровой труд крепостных крестьян, не нуждались в заграничных машинах, а в помещичьих усадьбах, где не гнались за модой и жили стародедовским обычаем, дом представлял собой полную чашу и не нуждался почти ни в чем покупном. Кто оказался затронут кризисом, так это городские сословия крупных городов, правда, главным образом те из них, которым сокращение или полное прекращение торговли с Англией грозило убытками или даже разорением. Блокада затронула интересы крупных землевладельцев, проживавших взыскивавшиеся оброки в столицах или за границей, купцов, участвовавших во внешней торговле, столичного чиновничества, жившего на жалование, которого уже не хватало на привычный образ жизни³⁷. Прекращение регулярной торговли с Англией и помехи в доставке заморских товаров были в тягость и «золотой молодежи» Петербурга и Москвы, которая не в состоянии была отказаться от разгульной

³⁶ Вигель. Указ. соч. Ч. 3. С. 2.

³⁷ Середонин С. М. Указ. соч. С. 18.

жизни, немислимой без кофе, шоколада и «заморских» вин³⁸. Таким образом, Континентальная система разоряла людей, живших «на чистые деньги»; для них падение рубля равнялось уменьшению доходов более чем наполовину. Масса жалоб, записок, прошений, поданных в то время на высочайшее имя и к правительству исходила не от поместного дворянства, не из коренной земледельческой Руси, а подавалась от имени высшего сословия, жившего роскошной, барской жизнью, от чиновничества, существовавшего на жалованье и «безгрешные доходы», от жителей столиц, оторванных от истинных интересов земли³⁹.

Владевшие обширными вотчинами российские вельможи, проводившие большую часть времени в столицах, прежде всего были озабочены тем, чтобы не ударить в грязь лицом перед себе подобными, устраивая приемы, задавая балы и различные празднества по поводу и без повода, а поэтому должны были входить в немалые расходы, ибо приобретали для этих целей товары иностранного происхождения: сахар, кофе, вина, устрицы или «консервы» (то есть изысканные соленья и маринады). Для России вдали от императорских резиденций, министерств, органов центрального управления, поодаль от сосредоточения гвардейских полков меры, связанные с ограничениями во внешней торговле, едва ли оказывались столь уж чувствительными и отяготительными.

Таким образом, правильнее было бы сказать, что повышение цен для большей части населения России прошло незамеченным, но вызывало ропот со стороны столичного населения, — в большей степени Петербурга, нежели Москвы — той части его населения, для которого колониальные товары воистину были предметами первой необходимости.

Но, говоря о Континентальной блокаде, необходимо иметь в виду, что этот период в истории России имел огромное значение «для усиления самостоятельной национальной индустрии»⁴⁰. Континентальная блокада дала ощутимый толчок развитию российской мануфактурной промышленности и породила надежды на возможность будущей конкуренции отечественного производства с западным. 21 марта 1811 г. французский посланник Арман де Коленкур на исходе своей миссии в России писал в Париж не только о том, что русские жалуются на дороговизну предметов роскоши и на падение курса своего рубля, но и о том, что основалось много суконных, шелковых и прядильных фабрик, о том, что богатые помещики выписывают иностранных мастеров, которые обучают русских рабочих приемам своего ремесла, об открытии свекло-сахарных, новых винокурных и водочных заводов⁴¹. При этом

³⁸ Карцов Ю. С., Военский К. А. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 56–57.

³⁹ Военский К. А. Континентальная система // Отечественная война и русское общество. С. 224.

⁴⁰ Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 16.

⁴¹ Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра I и Наполеона. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1908. Т. V. С. 370.

отрасли предпринимательства развивались в новых капиталистических формах, что выразилось в систематической замене крепостных работных людей вольнонаемными, а во главе производстве становились инициативные предприниматели из разбогатевших крестьян, внедрялись всевозможные улучшения и усовершенствования.

Запрещение ввоза английских товаров привело к раскрепощению суконой промышленности, отныне удовлетворявшей не только потребностям государства, но и спросу на внутреннем рынке⁴². По имеющимся оценкам, число фабрик в России с 1804 по 1814 г. увеличилось с 2423 до 3731, количество занятых на этих предприятиях выросло с 95202 до 169530. Активнее всего развивалось бумагопрядильное производство: в 1804 г. на 199 фабриках трудилось 6566 человек, в 1814 г. число фабрик составило 423, а число занятых возросло до 39210. Ощутимый рост наблюдался, например, и в железочугунной промышленности или литейном производстве: число заводов и занятых на них за тот же период времени выросло в три раза. И это при том, что запрет, наложенный на привоз иностранных товаров на британских судах, введенный в силу Тильзитским договором, длился неполных три года, и уже в 1810 г. начались всевозможные изъятия и отступления, которые свели на нет ограничительные меры. Разумеется, разные отрасли русской промышленности развивались с различной степенью эффективности, но в данном случае важно другое: большая часть фабрикантов не несла убытков от Континентальной системы, которая имела очевидные положительные стороны, ибо являлась инструментом ограничения британского господства на морях, гегемонии британской торговли в Европе и весьма существенным стимулом к поиску новых источников сырья взамен труднодоступных⁴³.

Вопреки сложившимся представлениям о катастрофических последствиях блокады для российской торговли внешняя торговля империи в 1810 г. не только сохранила свой уровень по сравнению с 1809 г., но свидетельствовала об относительном развитии этого уровня. Торговый оборот по сравнению с 1809 г. увеличился на 0,5 млн рублей серебром, а ввоз возрос на 0,8 млн рублей. Таким образом, актив торгового баланса сократился и равнялся 13,6 млн рублей⁴⁴. В 1811 г. торговый оборот вырос на 3 млн рублей, при этом вывоз увеличился только на 0,5 млн, а ввоз на 2,5 млн. В 1812 г. торговый оборот на Балтийском море, через порты которого шло 2/3 всей внешней торговли страны, составил 34,4 млн рублей серебром, что по сравнению с 1809 г. дает увеличение на 8,4 млн рублей. Разумеется, не будь известных ограничений, при соблюдении принципа свободы морей торговый оборот России мог быть и сравнительно большим. При этом и в 1810–1811 гг., и непосредственно перед войной 1812 г. медленно,

⁴² Пичета В. И. Война 1812 г. и народное хозяйство // Война и мир: Сборник / Под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера. М.: Задруга, 1912. С. 230.

⁴³ Ср. Предтеченский А. В. К вопросу о влиянии Континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Известия АН СССР. 1931. С. 920.

⁴⁴ Злотников М. Ф. Континентальная блокада и России. М.–Л.: Наука, 1966. С. 304–305.

но верно в сравнении со статьями экспорта увеличивался импорт сырья, что, по мнению историка, означало одно: рост промышленного развития.

Вместе с тем совершенно очевидно, что к торговому противоборству с Англией простой российский обыватель не мог относиться сочувственно. Это происходило потому, что простая логика связывала Континентальную блокаду с последствиями военного разгрома и отчасти надуманным ущемлением чувства национального достоинства. Англия, уже не одно десятилетие воевавшая с Францией единственно из-за своих экономических гегемонистских устремлений по всему миру, в глазах того же обывателя неизбежно рисовалась как великодушная поборница свободы и прав угнетенных народов Европы. Это объясняет, почему в конечном счете, так и не снискав сочувствия европейского общества, Континентальная блокада, которая стала реальностью европейской жизни в 1806 г., была обречена на всеобщее осуждение, что на деле способствовало неудаче этого предприятия Наполеона в масштабах всего континента.

Таким образом, фактический отказ Александра I от соблюдения условий Континентальной блокады спустя неполные три года после ее ввода был продиктован на самом деле собственными целями и расчетами русского императора, и в 1807–1812 гг. остававшегося, по-видимому, глубоко уязвленным аустерлицким поражением. Это тем более вероятно, поскольку при огромных естественных богатствах и низком уровне потребностей большинства населения подвластная ему Россия, более чем любое из европейских государств, могла выдерживать Континентальную систему без всякого ущерба для хозяйственной жизни страны.

Но, «если сопоставить и взвесить все те обиды, которые он (Наполеон. — С. И.) наносил Александру, и те, которые он от него получил», то приходится согласиться с ранее высказанным мнением о том, что «еще большой вопрос — кто у кого остался в долгу»⁴⁵. Это здравое суждение представителей российской историографии эпохи столетнего юбилея войны 1812 г. в последующую эпоху во внимание, естественно, не принималось и не учитывалось, поскольку оно шло вразрез с официальной концепцией истории войны 1812 г., к тому времени возобладавшей.

Сколь же эффективными были меры по соблюдению Континентальной блокады, об этом мы узнаем, например, из воспоминаний офицера русской армии К. фон Мартенса, вхожего в дом Баркляя-де-Толли; там, в частности, речь идет о случае с конфискацией в Риге 23 английских судов, груженных колониальными товарами, и о том, что об этом «постарались раструбить, чтобы пустить французскому посольству пыль в глаза», но груз все-таки втайне был возвращен тем торговым домам, для которых предназначался⁴⁶. Об этом деле было доложено Александру I, и он выразил одобрение случившемуся. Случай, имевший место в 1810 г., как нельзя лучше иллюстрирует тот факт, что русское правительство

⁴⁵ Карцов Ю. С., Военский К. А. Причины войны 1812 года. С. 94.

⁴⁶ Мартенс К. фон. Из записок старого офицера // РС. 1902. № 1. С. 104–105.

не только не препятствовало имевшим место нарушениям Континентальной системы, но и участвовало в мерах по снижению ее эффективности. Любопытные сведения о проникновении английских «фабрикатов» в Россию содержатся в воспоминаниях журналиста и литератора Фаддея Булгарина, жившего в то время в Кронштадте и в течение нескольких лет наблюдавшего картину ввоза английских товаров в период разрыва русско-английских отношений⁴⁷. Нельзя сказать, что французское посольство в Петербурге не было осведомлено о ситуации, которую постоянно «отслеживало». Согласно донесениям А. де Колленкура, в Архангельск и в порты Черного, а также Балтийского морей приходило немало подозрительных судов, привозивших товары явно британского производства. Соответствующие представления о случаях контрабандного ввоза английских товаров время от времени имели место, но их изучение не давало особых результатов, что давало повод усматривать в этом препятствие к осуществлению строгих мер против попыток провоза запрещенных товаров.

31 декабря 1810 г. в Петербурге вышел указ «Положение о нейтральной торговле на 1811 год», явившийся результатом разработок финансово-коммерческих реформ, проводившихся тарифным комитетом под руководством М. М. Сперанского⁴⁸. Отдельные меры, вводимые новым тарифом, составной частью входили в общий проект реформ Сперанского, разработанный к концу 1809 г. Новый тариф, как известно, разрешал ввоз колониальных товаров на судах под нейтральным флагом и одновременно запрещал импорт шелковых изделий, кружев, фарфора и других товаров французского производства. В ряде случаев тариф повышал ввозные пошлины до 50% с тем чтобы, в частности, воспрепятствовать вывозу звонкой монеты, которая шла в уплату за предметы роскоши, но значительно снижал пошлины на основные статьи экспорта российских товаров. Таким образом, новый торговый закон явился вызовом французской системе Континентальной блокады в Европе. «Самый протекционистский из протекционистских тарифов России»⁴⁹ был принят вопреки духу и букве Тильзитского договора⁵⁰. Это необходимо признать, несмотря на совершенную очевидность того факта, что финансы и торговля России оказались к моменту принятия закона в сложном положении, что во многом было вызвано рядом экономических факторов предшествующего развития России, участием в войнах и постоянным ростом расходов на военные нужды, ложившихся тяжким бременем на финансы России в начале XIX в.

«Положение о нейтральной торговле на 1811 год» не могло быть принято Наполеоном иначе как вызов. Для него было ясно, что Александр I вполне

⁴⁷ Булгарин Ф. В. Воспоминания. СПб., 1849. Ч. VI. С. 119–127.

⁴⁸ Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I. С. 30–42.

⁴⁹ Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 161.

⁵⁰ См. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1963. Т. III. С. 641 (ст. 28).

сознательно шел на ухудшение отношений с Францией, нанося ей весьма чувствительный удар в области экономической и ставя под вопрос эффективность Континентальной блокады. Тем самым одно из существенных положений Тильзитского мира в отношениях между двумя державами на деле теряло свою силу. 28 февраля 1811 г. Наполеон написал русскому императору большое письмо, где среди прочего встречается такая фраза: «Если Ваше Величество покидает союз и сжигает Тильзитские соглашения, то вслед за этим с очевидностью должно явиться то, что война неизбежно последует несколькими месяцами раньше или позже»⁵¹. Едва ли он вкладывал в смысл этого письма угрозу, Наполеон просто констатировал факт.

Через год, 21 января 1812 г., был обнародован «Манифест о внешней торговле на сей год», в котором значилось следующее: «Рассмотрев настоящее положение внешней нейтральной торговли и вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо положение о торговле на 1811 год изданное, продолжить на 1812 год»⁵². Это означало, что российское правительство решило и далее следовать принятым 19 декабря 1810 г. протекционистским мерам, направленным против французской торговли, ибо подтверждало существенное повышение ввозных пошлин на такие статьи, как предметы роскоши, шелка, драгоценности, зеркала, мебель. Последнюю меру можно рассматривать как ответ Александра I на так называемый Трианонский тариф от 5 августа 1810 г., который, как известно, повысил пошлины на все колониальные товары настолько, что от их ввоза следовало тотчас же отказаться.

Любопытным в связи с этим представляется обращение нескольких московских купцов к известному своими протекционистскими взглядами министру внутренних дел Осипу Петровичу Козодавлеву в марте 1812 г. Купцы подали министру записку, в которой просили внести изменения в «Положение о нейтральной торговле на 1811 год», имевшие целью еще более усилить запрет касательно ввоза товаров британского производства. Податели обращения писали о том, что против всякого ожидания прекращения торговли России с Англией налицо «чрезвычайный и совершенно неожиданный привоз бумажной пряжи иностранной, под названием американской, но совсем подобной английской»⁵³. По-видимому, ряд российских мануфактурщиков и купцов уже воспользовались преимуществами, которые давала Континентальная блокада, и были заинтересованы в ужесточении протекционистской политики по отношению к Великобритании.

Итак, к середине 1812 г. Александр I противостоял Наполеону решительно везде, где бы ни заходила речь о российских и французских интересах, даже в тех случаях, когда собственные политические и связанные с ними прочие

⁵¹ Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris: Henri Plon / J. Dumaine, 1867. Т. XXII. P. 426.

⁵² БАН. Отдел редкой книги. Коллекция печатных указов.

⁵³ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. III. С. 155 и далее.

устремления российского императора входили в известное противоречие с «сокровенными» интересами самой России. Поэтому Континентальная блокада как одна из наиболее видимых глазу причин ухудшения российско-французских отношений к началу 1812 г. лишь на первый взгляд играла важнейшую и первостепенную роль. Это тем более представляется очевидным, если принять во внимание, сколь мало времени прошло с тех пор, как меры французской системы вошли в употребление на российских просторах и сколь быстро от них отказались, зачастую в ущерб интересам империи, но не в ущерб личным интересам императора Александра I⁵⁴.

Наполеон был недалеко от истины, когда 2 апреля 1811 г. в письме к Фридриху I королю Вюртембергскому выразился следующим образом о ситуации с франко-российскими отношениями: «Всё это напоминает мне оперную сцену, где втайне от зрителей машинами манипулируют всё те же англичане...»⁵⁵. Для Великобритании сокрушение французского могущества в Европе с давних пор оставалось вопросом жизни и смерти; именно поэтому регулярная английская армия деятельно поддерживала испанских повстанцев и именно поэтому британское правительство прилагало усилия к тому, чтобы отношения между союзными Францией и Россией постоянно портились досадными для французской стороны разного рода неприятностями и недоразумениями, вынуждая идти на новые уступки, только бы удержать союзника в рамках союзных соглашений. Отголосок этих внутрисоюзных отношений попал даже в донесение полицейского агента, подслушавшего разговор двух партикулярных господ в Кремле. «Бонапарте премножество выгодных кондиций предлагал нашему государю, — сказал один другому, — с тем, однако, чтоб не мирился и держал бы всегда свои порты запорты для англичан...»⁵⁶ На что другой отвечал в том смысле, что англичане угрожают Порте сжечь Константинополь, если султан и далее станет упорствовать в нежелании заключать мир с царем. Сказанное перекликается с сюжетом из апрельской сводки донесений тайных агентов, которые почти ежедневно попадали на стол министра полиции А. Д. Балашова: «Говорят, что Наполеон полагает большие пожертвования, дабы склонить Государя нашего приступить к континентальной Системе и заключить мир, за что отдает нам все области по самую Вислу»⁵⁷. Последнее, разумеется, из области прямого вымысла, ибо соблюдение условий Континентальной блокады и так вытекало из взаимных обязательств по Тильзитскому миру.

⁵⁴ См.: Довнар-Запольский М. В. Отношение Императора Александра I к Отечественной войне и его роль в ней // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. III. С. 115–116.

⁵⁵ Politische und militärische Correspondenz Königs Friedrich von Württemberg mit Kaiser Napoleon I. 1805–1813 / Hrsg. von A. von Schlossberger. Stuttgart: Kohlhammer, 1889. S. 232.

⁵⁶ «Разные сведения из Москвы получаемые». 1812. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1 об.

⁵⁷ Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С. Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М.: РГГУ, 2001. С. 272.

Конечно, дела, связанные с Континентальной блокадой и тем, как ее условия исполнялись в России, стояли для Наполеона на первом месте. Как средство экономической войны с Англией она представлялась ему, по опыту прошлого, эффективной лишь при деятельном участии России.

В разговоре с министром полиции Анном Жаном Савари герцогом де Ровиго перед отъездом из Парижа к армии в начале мая 1812 г. Наполеон выразил глубокое сожаление, что «доверился чувствам, побудившим его заключить мир в Тильзите», и несколько раз повторил: «Тот, кто способствовал бы тому, чтобы этой войны можно было бы избежать, оказал бы мне великую услугу»⁵⁸. Наполеон не раз говорил окружавшим его о своем нежелании вести войну в России, а впоследствии, в продолжение самой войны, неоднократно предпринимал шаги к завязыванию переговоров о мире, однако с самого начала это не входило в планы Александра I, и в этом он был всегда последователен.

References

Cate C. La Campagne de Russie, 22 juin — 14 décembre 1812. Le duel des empereurs. Paris: Tallandier, 2006.

Chambray G. de. Histoire de l'expédition de Russie. Paris: chez Pillet aîné, imprimeur-libraire, 1825. Т. 1–2.

Fain A. Manuscrit de l'An mille huit cent douze contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'Histoire de l'Empereur Napoléon par me Baron Fain, son secrétaire-archiviste à cette époque. Paris: Delaunay, libraire de Son Altesse Royale Madame la duchesse d'Orléans, Palais-Royal, 1827. Т. 1–2.

Karcov Ū. S., Voenskij K. A. Příklad vojny 1812 goda. SPb.: Tip. A. F. Štol'cenburga, 1911.

Kornilov A. A. Èpoha Otečestvennoj vojny i ee značenie v novejšej istorii Rossii // Russkaâ mysl'. 1912. № 11. S. 129–154.

Lentz Th. La France et l'Europe de Napoléon. 1804–1814. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris: Fayard, 2007.

Mel'gunov S. P. Slinks na prestole. Čerty dlâ harakteristiki Aleksandra I // Mel'gunov S. P. Dela i lûdi Aleksandrovsckogo vremeni. S. 35–83.

Nikolaj Mihailovič, vel. kn. Imperator Aleksandr I. Opyt istoričeskogo issledovaniâ. SPb.: Èkspediciâ zagotovleniâ gos. bumag, 1914. Т. I–II.

Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012.

Tarle E. V. Kontinental'naâ blokada // Tarle E. V. Sočineniâ. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. Т. III.

Tatistcheff S. Alexandre et Napoléon d'après leur correspondance inédite (1801–1812). Paris: Perrin, 1891.

Vandal' A. Napoleon i Aleksandr I. Franko-russkij soûz vo vremâ Pervoj Imperii / Per. s fr. V. Šilovoj. SPb.: Znanie, 1910–1913. Т. I–III.

Список литературы

Cate C. La Campagne de Russie, 22 juin — 14 décembre 1812. Le duel des empereurs. Paris: Tallandier, 2006.

⁵⁸ Savary duc de Rovigo. Mémoires... pour servir à l'histoire de l'Empereur Napoléon. Paris: A. Bossange, 1828. Т. V. P. 226.

Chambray G. de. Histoire de l'expédition de Russie. Paris: chez Pillet ainé, imprimeur-libraire, 1825. Т. 1–2.

Fain A. Manuscrit de l'An mille huit cent douze contenant le précis des événements de cette année, pour servir à l'Histoire de l'Empereur Napoléon par me Baron Fain, son secrétaire-archiviste à cette époque. Paris: Delaunay, libraire de Son Altesse Royale Madame la duchesse d'Orléans, Palais-Royal, 1827. Т. 1–2.

Lentz Th. La France et l'Europe de Napoléon. 1804–1814. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris: Fayard, 2007.

Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012.

Tatistcheff S. Alexandre et Napoléon d'après leur correspondance inédite (1801–1812). Paris: Perrin, 1891.

Вандалъ А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи / Пер. с фр. В. Шиловой. СПб.: Знание, 1910–1913. Т. I–III.

Карцов Ю. С., Военский К. А. Причины войны 1812 года. СПб.: Тип. А. Ф. Штольценбурга, 1911.

Корнилов А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 129–154.

Мельгунов С. П. Сфинкс на престоле. Черты для характеристики Александра I // Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. С. 35–83.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1914. Т. I–II.

Тарле Е. В. Континентальная блокада // Тарле Е. В. Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. III.

П. Г. Ким

Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX — начале XX в. и политические контакты¹

Американские протестантские миссионеры, оказавшие заметное влияние на ход событий в Корее в последней четверти XIX — начале XX в., работали без правовой санкции американского правительства и в нарушение корейского закона, который предусматривал смертную казнь проповедникам христианской религии. Но всё же они открыто проводили религиозные собрания, распространяли христианскую литературу, открывали больницы и школы; некоторые из них так или иначе были связаны с политическими кругами. Ни одна группа иностранцев никогда не имела более тесных дружеских отношений при корейском дворе, чем американские миссионеры в последней четверти XIX — начале XX в.

Начало работы американских протестантских миссионеров в Корее связано с заключением в 1882 г. американо-корейского договора о дружбе и торговле. Но этот договор вообще не касался вопроса евангелизации Кореи, которая не была ни запрещена, ни разрешена². Не до конца ясным остается и тот факт, являлось ли отсутствие такого пункта намеренным действием сторон. Но нам представляется, что американцы сознательно не включили в текст договора статью, регулиующую положение американских миссионеров в Корее. По сообщениям русского представителя в Пекине, во время переговоров,

¹ Исследование проведено при поддержке программы «Научный фонд» ДВФУ.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Посольство в Токио. 195. Оп. 529. Д. 182. Л. 128–136.

предшествующих подписанию вышеупомянутого соглашения, «корейский уполномоченный заявил требование о включении в договор статьи, по которой американцам было бы запрещено пропаганда христианской веры корейцам; но его убедили отказаться от такого постановления, которое <...> вызвало бы в Вашингтоне глубокое негодование, обратив его внимание на то, что в оном крайней необходимости не представляется при тех ограничениях пределов, в которых американцам будет дозволено жить в Корее»³. Таким образом, США изначально планировали использовать миссионеров для установления и укрепления своего влияния на полуострове.

Распространение протестантизма в Корее практически неотделимо от развития дипломатических отношений между странами. Они не просто совпадали по времени, но по существу являлись двумя сторонами одного процесса. Можно сказать, что миссионеры и дипломаты в Корее работали на достижение одной цели — создание положительного образа Соединенных Штатов в глазах корейского общества, а также сыграли большую роль в налаживании дружеских отношений между США и Кореей и в укреплении американского влияния на полуострове.

Между политической сферой и американскими миссионерами возникли тесные связи. Подтверждение этому мы находим в истории корейско-американских отношений в последней четверти XIX — начале XX в. Например, Джордж К. Фолк, глава дипмиссии США в Корее с 1884 по 1886 г., был близким другом миссионеров, а затем работал в миссионерской школе в Японии. Джон М. Б. Силл, также возглавлявший американское посольство с 1894 по 1897 г., сам был миссионером и проповедником. Во время китайско-японской войны он даже помог трем миссионерам получить японский паспорт и попасть в страну. Гораций Н. Аллен также был миссионером и, даже занимая дипломатический пост (секретарь дипмиссии США с 1895 г., с 1897 по 1905 г. — представитель США в Сеуле), продолжал поддерживать тесные связи с северной пресвитерианской церковью по вопросам работы американских протестантских миссионеров в Корее.

Таким образом, мы видим, что деятельность дипломатов и миссионеров в Корее были очень тесно связаны и определяли друг друга. Но несмотря на это предприятие американских миссионеров на полуострове было второстепенным делом для Вашингтона. Американские представители в Корее, конечно, имели инструкции, обязывающие их заботиться о миссионерах. Но эти инструкции исходили не из того, что миссионеры пользовались особым расположением Вашингтона, а из того, что они были просто гражданами США, имели американский паспорт и пользовались защитой, как и все другие американские граждане в чужой стране.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 448. Корея (коллекция). Донесения русских военных агентов об отношении Кореи к Китаю, России и США; о численном составе корейских войск. Оп. 1. Д. 3. Л. 42 об. — 43.

Так же как и политика в отношении коммерческих интересов, политика госдепартамента в отношении миссионеров основывалась на том, чтобы позволить проповедникам заниматься их работой и вмешиваться только тогда, когда их жизнь, собственность и права находились под угрозой. Это означает, что Вашингтон никогда не пытался активно содействовать миссионерской работе в Корее. Наиболее заметным признаком этого недостатка активной поддержки было то, что Вашингтон не пытался повлиять на корейское правительство с целью ликвидировать антихристианские законы, действовавшие в Корее, или внести в корейско-американский договор 1882 г. положения, разрешавшие или как-либо регламентирующие работу миссионеров.

Большинство американских посланников были мало заинтересованы в активной помощи миссионерам. Когда они всё же оказывали тем помощь, она почти всегда была связана с общегуманитарной целью, например с созданием больниц или школ. Их донесения в Вашингтон содержали только положительные оценки миссионерской деятельности. Чисто религиозные вопросы крайне редко упоминались в официальной дипломатической переписке. На самом деле большинство американских представителей, включая Горация Н. Аллена, были весьма озабочены тем, чтобы убедиться, что миссионеры не используют агрессивные методы для обращения местного населения в свою веру. Неудивительно поэтому, что американские представители в Сеуле неоднократно предупреждали миссионеров о недопустимости импульсивности в распространении учения⁴. Они опасались, что религиозное рвение миссионеров вызовет возмущение корейского правительства, создавая тем самым угрозу для США в Корее. Они надеялись, что миссионеры посвятят себя главным образом гуманитарной деятельности и завоеванию уважения и доверия корейского народа, пока правительство Кореи не предоставит своим подданным полную религиозную свободу.

Государственный департамент одобрял осторожные указания американских представителей миссионерам. Основанием для позиции департамента было то, что миссионерская деятельность не была санкционирована договором. Любая попытка миссионеров расширить свои религиозные привилегии какими-либо решительными действиями, с точки зрения Вашингтона, могла причинить ущерб общим интересам США на полуострове⁵. Отсутствие интереса госдепартамента к освобождению миссионерской работы от юридических ограничений резко контрастирует с усилиями французского правительства в этом вопросе.

Французский представитель Х. Франдин в 1893 г. предложил американскому посланнику в Сеуле с 1890 по 1894 г., Августину Хёрду, объединить усилия и убедить корейское правительство официально отменить антихристианский закон. Французские священники просили Франдина принять меры в этом

⁴ Foulk to Bayard. 1886. N 308. June 3 // FRUS. 1886–1887. P. 222–223.

⁵ Bayard to Dinsmore. 1888. N 304. June 15 // FRUS. 1888–1889. Part 1. P. 447–448.

отношении, считая, что закон отпугивает людей от христианского учения. Тем не менее Хёрд отказался присоединиться к усилиям, думая, что будет правильным оставить указ в покое и не «заменять равнодушие активным интересом». По его словам, закон практически не действовал и создавал мало правовых ограничений для работы американских миссионеров в Корее. Государственный департамент, что неудивительно, посчитал этот поступок благоразумным. Вашингтон был доволен существующими льготами для вероисповедания американских граждан в открытых портах. Вопрос свободы совести для корейцев не беспокоил его.

Следует отметить, что сообщения из Сеула о деятельности американских миссионеров передавались в Конгресс госдепартаментом только после некоторой редакции. Департамент смягчал слишком острые или оскорбительные выражения. Например, слова работавшего в дипмиссии США в Корее с 1886 по 1887 г. Уильяма У. Рокхилла: «Беспокойный нрав миссионеров в Корее, выходящий за рамки благоразумия в ведении евангельской работы», были преобразованы в: «Усилия со стороны миссионеров в Корее в преследовании евангельской работы»⁶. Эти редакторские поправки, конечно, не были признаком того, что госдепартамент, как думал Фред Харрингтон, «поддерживал миссионеров охотно, со рвением»⁷, но они и не говорили о его полном безразличии к миссионерскому предпринятию в Корее. Влияние денег и влияние церкви были факторами, которыми США никогда не пренебрегали, напротив, активно ими пользовались.

Это демонстрирует анализ дипломатической переписки, представленной в Конгресс. Среди более чем 3000 дипломатических и консульских донесений из Сеула в период между 1883 и 1905 г. лишь совсем незначительная часть была прямо или косвенно связана с миссионерами. Большинство из них было посвящено обычной хозяйственной деятельности дипломатической миссии, а также политическим и коммерческим вопросам. Тем не менее из депеш, выбранных госдепартаментом и включаемых в годовые отчеты по международным отношениям, те, что касались так или иначе миссионерской работы в Корее, были вполне заметны. То есть из общего числа почти в 170 дипломатических донесений из Кореи, выбранных для публикации в течение того же периода времени, более чем 20 были связаны с миссионерами. Учитывая, что отчеты о внешних связях (FRUS) были практически единственным государственным источником информации о дипломатии Соединенных Штатов, эти цифры свидетельствуют о внимании, с которым Вашингтон относился к деятельности миссионеров на полуострове, и о том, что он возлагал на них определенные надежды в деле упрочения американского влияния.

⁶ Rockhill to Bayard. 1887. N 58. February 5 // Korean-American Relations. Documents pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States. Vol. 2. The Period of Growing Influence, 1887–1895 / Ed. by S.J. Palmer. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1963. P. 205.

⁷ Harrington F.H. God, Mammon, and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884–1905. Madison, 1944. P. 98–99.

Проблема отношений госдепартамента и миссионеров заключалась в том, что если бы миссионеры получили возможность проживать где-либо в Корее помимо открытых портов, то их права, интересы и даже жизнь оказались бы практически без защиты. С одной стороны, исключительное внимание Вашингтона к миссионерам могло бы бросить тень на самих миссионеров и чистоту их помыслов. Отказ в помощи, с другой стороны, должен был привести к возмущениям и недовольству миссионеров. Это была дилемма между вопросом отношений государства и церкви и популярностью христианской веры в корейском обществе.

Судя по всему, эти проблемы не особенно беспокоили Вашингтон. Пока миссионеры своими действиями не ставили под угрозу интересы Америки на полуострове, высокопоставленные политики в Вашингтоне были довольны. Тем не менее было нечто, что однозначно подвергалось их осуждению. Вашингтон не желал, чтобы миссионеры вмешивались в его политику по отношению к Корее. Это ограничение в меньшей степени было вызвано заботой о безопасности миссионеров. Скорее всего, политики опасались, что участие американских граждан в политических делах может повредить образу бескорыстных намерений США и в конечном итоге Америка вынуждена будет стать непосредственной участницей политических потрясений, переживаемых Кореей. То есть в отношении американских миссионеров госдепартамент делал упор на следование принципу невмешательства во внутренние дела страны.

Откровенно говоря, большинство американских миссионеров и сами не были заинтересованы во вмешательстве в корейскую политику. Были, конечно, случаи, когда миссионеры принимали активное участие в политической жизни и в решении политических вопросов. Однако это было скорее исключением, чем правилом. Миссионеров, напрямую связанных с политическими кругами, было подавляющее меньшинство. Тем не менее государства, агрессивно настроенные по отношению к Корее, для установления своего влияния были готовы устранить любую преграду на своем пути. Поэтому американские миссионеры, пользовавшиеся особым расположением корейского вана, были частыми объектами их нападков. Китайские и японские газеты и общественные деятели очерняли американских миссионеров, когда они казались помехой для их планов по отношению к Корее. Эти клеветнические сообщения создавали ложное впечатление, что американские миссионеры в Корее были помимо прочего активными политическими деятелями.

Сущность якобы реального вмешательства американских миссионеров в политические дела Кореи была наиболее наглядно продемонстрирована в серии событий, достигших кульминации в 1897 г. После японо-китайской войны Япония взяла верх в Корее. Японцы вскоре обнаружили, что королева Мин — выдающаяся и сильная женщина — была грозным препятствием на их пути к полному господству на полуострове. В итоге королева была убита японцами 8 октября 1895 г. Возмущенные и шокированные этим жестоким убийством, несколько американских миссионеров по просьбе американской

дипломатической миссии отправлялись во дворец каждую ночь, чтобы защитить Коджона, который утратил всякое влияние на государственные дела, превратился в заключенного в его собственном дворце, опасаясь за свою жизнь. По его настоянию еду ему носили из дома американских миссионеров Андервудов в запираемом на ключ ларце, ключ от которого был только у него самого. Коджон тогда никому не мог доверять, кроме американских миссионеров, которых он считал своими друзьями. В те дни безопасность вана фактически зависела от них.

На этом фоне японские газеты начали открытую антимиссионерскую кампанию, обвиняя миссионеров в распространении антияпонских настроений в корейском обществе. *Japan Daily Mail* вскоре после убийства королевы заявила, что в Сеуле существует «неофициальный круг лиц», который состоит из американских миссионеров, американских и русских посланников и их жен⁸. «Канджошинбо» заявила, что некоторые миссионеры после убийства королевы «горели желанием отомстить», потому что они получали деньги от нее на строительство церквей и школ в Корее⁹.

Очевидно, что эти сведения совершенно не соответствовали действительности. Тем не менее в связи с беспорядками в Корее и с подобными настроениями местной прессы, которые начали проникать и в США, внимание департамента к деятельности миссионеров усилилось. Он настаивал на том, чтобы активность всех миссионеров была направлена исключительно на религиозную деятельность. Госсекретарь оперативно дал поручение американскому представителю в Корее: «Вы должны <...> информировать всех американских резидентов в Корее, что они должны строго воздерживаться от любых выражений мнения или от предоставления консультаций, касающихся внутреннего управления страной, или от любого вмешательства в политические вопросы; что если они сделают это на свой страх и риск, то ни вы, ни правительство Соединенных Штатов не смогут одобрить такие действия с их стороны и едва ли смогут адекватно защитить их, в случае если они оставят без внимания этот совет. Они должны строго ограничиваться своей миссионерской деятельностью, будь то преподавание в школах, проповедь Евангелия или посещение больных, для которых они отправились в страну. Используйте эти и другие аргументы, чтобы вы могли должным образом воспрепятствовать и остановить, если это возможно, тенденцию, которая стабильно усиливается, когда лица, не несущие никакой ответственности, дают советы и делают попытки управлять правительством страны»¹⁰.

Силл, желая защитить миссионеров, ответил: «Я использую все усилия, чтобы побудить наших людей воздерживаться от выражения мнений о поли-

⁸ McKenzie F. A. The Tragedy of Korea. New York, 1908. P. 77.

⁹ The Korean Repository. Vol. 2 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. Seoul, 1895. P. 476–478.

¹⁰ Olney to Sill. 1896. N 132. January 11 // FRUS. 1895. Part 2. P. 976.

тических делах. <...> Основная часть миссионеров здесь достаточно сдержанна и целиком предана своей истинной работе. Очень небольшая часть из них нуждается в заботе и сдерживании»¹¹. «Судя по тому, что я слышу о миссионерах повсюду на Востоке, — продолжал Дж. М. Б. Силл, — я должен отдать должное тем, кто работает в Корее, за исключительную сдержанность и целеустремленность в их преданности своей законной деятельности»¹². Он был уверен, что ни один миссионер не был виновен в участии в политических интригах. По мнению Силла, японские газеты, особенно те, что печатались в Сеуле, особенно активно и сурово критиковали американских миссионеров для того, «чтобы скрыть убийство королевы виконтом Миура и его агентами и сфабриковать здесь, а затем и в Японии, материалы для использования на Западе, например в Вашингтоне, и я также убежден, что этот план был реализован с мастерством и феноменальной настойчивостью, столь характерной для японцев»¹³.

Силл, естественно, опубликовал обращение с рекомендациями госдепартамента к гражданам США в Корее и заметил, что любой человек, пропустивший его, должен прибыть в одну из дипломатических миссий. Сам Силл не понимал причины подобных действий департамента. Действительно, подавляющее большинство американских миссионеров не было вовлечено в корейскую политику и, конечно, не имело привычки оказывать влияние на ход внутрикореиских дел. Кроме того, участие полудюжины миссионеров в защите Коджона было временным.

Обращение Силла, которое он был вынужден сделать под давлением Вашингтона, было, по существу, большой победой японцев. Этими действиями госдепартамент и американский представитель в Корее, сами того не желая, создали негативный и притом ложный образ американских миссионеров. Для тех, кто стремился не допустить появления любых возможных объединений, выступающих за реформы и утверждение независимости в Корее, обращение было хорошим поводом, чтобы обвинить американских миссионеров во вмешательстве в политические дела Кореи.

Как только обращение было обнародовано, *Japan Times* обрушилась с критикой на миссионеров, опубликовав статью, в которой в частности говорилось, что «служители Бога» слились со «слугами дьявола». «Не обращая внимания на неоднократные увещания своего правительства и игнорируя свои обязанности, — утверждалось в статье, — они опозорили себя вмешательством в политические интриги полуостровного королевства». В Хрониках Кобе также утверждалось, что «американские миссионеры вступили в союз с российской

¹¹ Dae Young Ryu. An Odd Relationship: The State Department, Its Representatives, and American Protestant Missionaries in Korea, 1882–1910 // <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:bPJew6-jeTAJ:cfile1.uf.tistory.com/attach/17132F364F58B05216FE68+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

¹² Там же.

¹³ Там же.

стороной». *Japan Mail* даже назвала миссионеров «пагубной силой, ускоряющей гибель Кореи»¹⁴. Эти настроения местной прессы еще больше усиливали впечатление, оставленное обращением Силла, что американские миссионеры в Корею активно занимаются политикой.

Дальнейшая деятельность миссионеров доказала, что оценка Силла была верной. Исключения хотя и встречались, но это были единичные случаи. Например, через несколько месяцев после обращения Генри Г. Аппензеллер, со ссылкой на японские газеты, опубликовал в *The Korean Repository* статью. Статья осуждала усиление русского влияния и вмешательство России во внутренние дела Кореи после побега Коджона в русскую дипломатическую миссию. Г. Н. Аллен, который заменил Дж. М. Б. Силла на его посту, был вынужден напомнить Аппензеллеру о беспокойстве Вашингтона относительно политических взглядов американских граждан в Корею. Аппензеллер заверил Аллена, что он «в будущем будет более [сдержанным] в отношении деликатных и двусмысленных тем»¹⁵. Это показывает несостоятельность обвинений миссионеров в том, что они состояли в негласном союзе с русскими.

Аппензеллер был ярким исключением. Подавляющее большинство других миссионеров было сосредоточено исключительно на религиозной работе¹⁶. Пока они вели себя так, как того хотел государственный департамент, Вашингтон был доволен, позволяя им выполнять свою работу и вмешиваясь в их дела только при необходимости. За исключением обеспечения безопасности и защиты их прав департамент проявлял мало интереса к миссионерской деятельности. Основное внимание Вашингтон уделял американским торговцам и предпринимателям в Корею. Причина, по которой он был вынужден обращать особое внимание на миссионеров, заключалась не в целях и приоритетах политики США, а в огромном количестве американских миссионеров на полуострове и в проблемах их проживания в Корею.

Будучи единственными американцами, живущими за пределами открытых портов или отведенных для иностранных поселений участков, миссионеры продолжали работать внутри Кореи в нарушение договорных обязательств. Местные власти закрывали на это глаза. Но в то же время миссионеры, проживающие повсюду в Корею, были постоянной заботой американских представителей, потому что их безопасность в период многочисленных народных волнений было очень сложно обеспечить. Так же как защита американских граждан и их имущества была главной задачей американских представителей, так и миссионерские дела почти всегда находились в центре внимания. Среди американских миссионеров, кроме того, были те, кто был склонен обращаться в дипломатическую миссию

¹⁴ *Harrington F.H.* God, Mammon, and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884–1905. Madison, 1944. P. 118.

¹⁵ *The Korean Repository*. Vol. 4 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. New York, 1964. P. 478–471.

¹⁶ *Allen H.N.* Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic. N.Y., 1908. P. 171.

по любому поводу. Американские представители «ни в коем случае не хотели казаться черствыми или нелюбезными». Тем не менее их очень раздражало то, что они были таким образом обязаны позволить «некоторым мелким миссионерским делам чрезвычайной важности» бесцеремонно вмешиваться в дипломатические переговоры деликатного характера¹⁷. Государственный департамент, который не поддерживал предложения своих представителей использовать вооруженные силы даже для защиты американских граждан в Корею, не позволял им даже пытаться защитить корейских христиан и их имущество. Тем не менее госдепартамент положительно относился к каждодневной просветительской и гуманитарной работе американских миссионеров в Корею. Деятельность американских миссионеров в Корею помогала укреплению и развитию политического влияния США на полуострове. Американские политики не желали открыто поддерживать миссионеров, но при этом пользовались плодами их деятельности.

References

Allen H.N. Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic. New York: Fleming H. Revell, 1908.

Dae Young Ryu. An Odd Relationship: The State Department, Its Representatives, and American Protestant Missionaries in Korea, 1882–1910 // URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:bPJew6jeTAJ:cf1e1.uf.tistory.com/attach/17132F364F58B05216FE68+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (29.10.2013).

Harrington F.H. God, Mammon, and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884–1905. Madison: University of Wisconsin Press, 1944.

Korean-American Relations. Documents pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States. Vol. 2. The Period of Growing Influence, 1887–1895 / Ed. by S.J. Palmer. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1963.

McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. New York: E. P. DUTTON & CO, 1908.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1886–1887. Washington: Government Printing Office, 1887.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1888–1889. Part 1. Washington: Government Printing Office, 1889.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1895. Part 2. Washington: Government Printing Office, 1895.

The Korean Repository. Vol. 2 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. Seoul: Trilingual Press, 1895.

The Korean Repository. Vol. 4 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. New York: Paragon Book Reprint Corp., 1964.

Список литературы

Allen H.N. Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic. N.Y.: Fleming H. Revell, 1908.

Dae Young Ryu. An Odd Relationship: The State Department, Its Representatives, and American Protestant Missionaries in Korea, 1882–1910 // URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:bPJew6jeTAJ:cf1e1.uf.tistory.com/attach/17132F364F58B05216FE68+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

¹⁷ *Allen H.N.* Things Korean: A Collection of Sketches and Anecdotes, Missionary and Diplomatic. New York, 1908. P. 184–186.

googleusercontent.com/search?q=cache: bPJew6jeTAJ: cfile1.uf.tistory.com/attach/17132 F364F58B05216FE68+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 29.10.2013).

Harrington F.H. God, Mammon, and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884–1905. Madison: University of Wisconsin Press, 1944.

Korean-American Relations. Documents pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States. Vol. 2. The Period of Growing Influence, 1887–1895 / Ed. by S.J. Palmer. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1963.

McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. New York: E. P. DUTTON & CO, 1908.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1886–1887. Washington: Government Printing Office, 1887.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1888–1889. Part 1. Washington: Government Printing Office, 1889.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1895. Part 2. Washington: Government Printing Office, 1895.

The Korean Repository. Vol. 2 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. Seoul: Trilingual Press, 1895.

The Korean Repository. Vol. 4 / Eds. F. Ohlinger, H. G. Appenzeller, G. H. Jones. New York: Paragon Book Reprint Corp., 1964.

Я. Валге

Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г.¹

Попытка осуществления 1 декабря 1924 г. в Эстонии коммунистического переворота была одной из попыток экспорта пролетарской революции. В 1923–1924 гг. такие попытки предпринимались в Германии, Болгарии, Польше, Румынии. К попытке государственного переворота в Эстонии обращались в самой Эстонии и в Советском Союзе как в межвоенный период, так и после войны².

В восстановившей свою независимость Эстонии исследования в этом направлении были продолжены³. Результатом этих публикаций стало то, что ход событий в Таллине был детально документирован. Ясно, что даже если бы при

¹ Перевод с эстонского выполнен А. И. Рупасовым.

² См., например: *Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925; *Laurits K.* 1924. a. 1. detsembri sündmustest // *Sõdur.* 1932. N 51/52; *Киремеес (Х. Туммельтау).* Ревельское восстание 1924 г. // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931; *Нейберг А.* Вооруженное восстание // Там же; *Sunila A.* 1) 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959; 2) 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974; *Сунила А.* Восстание 1 декабря 1924 г.: опыт КП Эстонии в подготовке и проведении вооруженного восстания эстонского пролетариата 1924 г. и его истории. Таллин, 1982.

³ *Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente.* Koost. J. Ant. Tallinn, 1996; *Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010. Эта же тема была рассмотрена в научно-популярном сборнике *Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss.* Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.

попытке государственного переворота удалось захватить ключевые позиции в Таллине, то долго они не могли быть удержаны. Следовательно, в действительности захват власти коммунистами несколько не зависел от их действий, но только от того, насколько их поддерживала Москва.

Однако о подготовке попытки переворота в Советском Союзе написано очень мало. Эта тема впервые была лишь затронута Юри Антом, считавшим что инициаторами попытки переворота были коммунисты, однако Москва 29 ноября 1924 г. отдала распоряжение об отмене подготовки⁴. Деятельность советских дипломатов накануне и после попытки переворота в основном на документах Архива внешней политики МИД РФ описана прежде всего Юлией Михайловой и Вадимом Рогинским⁵.

Таким образом, вопрос о причинах государственного переворота снова обсуждается и в настоящее время, в основном выясняется его подготовка в Советском Союзе. Что из себя представлял этот подготовительный план? Что им предусматривалось? Была ли попытка государственного переворота заранее обреченной авантюрой?

Имеющиеся для ответов на эти вопросы источники гетерогенны, по большей части советские материалы представляют собой зашифрованную переписку⁶. Эти материалы Ленинградский областной партийный архив и Институт марксизма-ленинизма Центрального архива КПСС передали в Центральный архив ЦК Компартии Эстонии в 1946–1956 гг. Это, так сказать, рабочие документы, которые отражают обмен информацией обо всех изменениях, связанных с подготовкой переворота.

В первой части данной статьи отражен общий фон для подготовки государственного переворота в Эстонии, во второй части обосновываются подготовка и план государственного переворота, тогда как в третьей части кратко анализируется то, на какие силы рассчитывали эстонские коммунисты.

***

Программной целью Компартии Эстонии было сближение с Советской Россией. В Эстонии КПЭ была запрещена, однако распространение коммунистической идеологии, как и само название коммунизма, не были запрещены. КПЭ действовала прежде всего в профсоюзах и других рабочих организациях и участвовала в парламентских выборах под разными названиями. В конце 1922 г. в ней числилось 1300 членов.

⁴ Ant J. Enamlük maailmarevolutsioon ummikus // Kas nad lahkusid Moskva? Lk. 15–16.

⁵ Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.

⁶ В настоящее время эти материалы хранятся в филиале Государственного архива Эстонии (Eesti Riigiarhiivi filiaal (ERAF)). Упоминаемые в данной статье адресаты — из зашифрованных писем.

На парламентских выборах в мае 1923 г., выступавшая под названием Рабочий народный единый фронт (Töörahva Ühine Väerind), она получила 44 000 голосов, что приблизительно в полтора раза больше, чем в 1920 г. Этот результат давал ей в обновленном парламенте Эстонии 10 мест.

С конца 1923 г. разгоравшиеся в Германии события способствовали популяризации коммунистов. В стране популярность коммунистов не прошла, так, на проведенных в декабре выборах в городские советы список Рабочего народного единого фронта получил в Таллине 36% голосов, в Нарве и Пярну — 35%⁷.

В то же время с начала 1923 г. резко сократился экспорт в Советский Союз, а кроме того, урожай 1923 г. неожиданно оказался плохим. Экспорт леса также из-за погодных условий сократился, цены на экспортную древесину упали. Всё это негативно сказалось на экономике Эстонии. К экономическому кризису в конце 1923 г. добавился внутривнутриполитический кризис, как и то, что Банк Эстонии негласно продал или заложил золотой запас государства. Началась острая внутривнутриполитическая борьба.

Всё это, естественно, лило воду на мельницу коммунистов. По их мнению, наступающий экономический кризис являлся закономерным, был следствием развития капитализма, в Эстонии проявлявшимся особенно остро, так как Эстония не могла существовать экономически без России. С 1924 г. государственная власть, однако, начинает действовать — были арестованы около 200 легальных активистов-коммунистов. При этом эстонским коммунистам казалось, что симпатии к ним даже возросли, и даже с их точки зрения было логичным начать планирование вооруженного восстания. Вожди КПЭ скорее не были романтиками, считавшими очевидным, что удачное выступление зависит в большей степени от решения руководства Советского Союза, чем от их собственной деятельности в Эстонии. Для вооруженного мятежа необходима была масштабная поддержка России — как финансами, оружием, так и вооруженным вторжением.

Вероятно, вожди коммунистов-подпольщиков пришли к некому принципиальному решению о перевороте в феврале или марте 1924 г. По-видимому, конкретизировано это было 26 марта, когда в Петроград была послана зашифрованная информация, согласно которой ЦК КПЭ решил послать Отто Рястаса в Россию⁸. Как звучало это принципиальное решение — взять ли курс на вооруженное выступление или спросить по этому пункту о решении руководства Советского Союза и Коминтерна — выяснить не удалось. Во всяком случае, в апреле секретарь ЦК КПЭ Отто Рястас⁹, четыре года нелегально действовавший в Таллине, выехал в Россию.

⁷ Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963. Lk. 97.

⁸ Tallinnast EKP Venemaa büroole, 26.03.1924 // ERAF. 25–1–106, 6.

⁹ Отто Рястас (1890–1938) — на подпольной работе в Эстонии в 1920–1924 гг., член ЦК КПЭ в 1920–1938 гг.

В Советском Союзе в то время проживала приблизительно тысяча семей эмигрантов последней волны из Эстонии, в их числе покинувшие Эстонию до оккупации ее Германией в феврале 1918 г., бежавшие в 1919 г. с красными в Россию, высланные из Эстонии, обменные или скрывшиеся коммунисты, а также уголовники, у которых в Эстонии земля под ногами горела¹⁰. В 1923–1924 гг. в России царили голод и хаос, при этом не были видны плоды нового хозяйственного устройства. Это значит, что желание эстонских коммунистов вернуться в Эстонию победителями могло быть весьма сильным. Еще во второй половине XIX и начале XX в. в России проживало приблизительно 100 тыс. эстонцев. Большая часть из них за это время русифицировалась или жила в глуши, события в мире и в Эстонии их почти не интересовали¹¹.

В середине апреля 1924 г. Отто Рясас как представитель Эстонской секции принимал участие в работе Исполкома Коминтерна, а также в работе по координации политической стратегии. В Эстонии за подготовку отвечал Яан Анвельт. Секретарь российского бюро КПЭ Рудольф Вакманн¹² и сотрудник Разведывательного управления Штаба РККА Харальд Туммельтау¹³ действовали в основном в Ленинграде и координировали подготовку у границы Эстонии. Вблизи эстонской границы, в Кингисеппе, действовал Хейнрих Тедер¹⁴. В сентябре Отто Рясас, Рудольф Вакманн и Харальд Туммельтау сформировали военный отдел Эстонской секции Коминтерна¹⁵.

Фоном для их планов служила запутанная экономическая и внутриполитическая ситуация в Эстонии. Весной 1924 г. пришедшее к власти новое правительство предприняло радикальные шаги для оздоровления эстонских финансов, что первоначально с неизбежностью повлекло рост безработицы и усиление недовольства. Положительных результатов до осени не ощущалось.

¹⁰ *Teppich-Kasemets W. Põrandaaluste juhi paljastusi // Päevaleht. 1933. 15.02. По переписи населения 1922 г. в России проживали 1964 эстонских коммуниста (Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 9).*

¹¹ Аугуст Сунила утверждает, что «среди более чем 100 000 эстонцев, проживавших в основном под Ленинградом, на Кавказе, в Сибири и других частях Советского Союза, насчитывалось несколько тысяч членов партии и тысячи комсомольцев, которые по призыву КПЭ в любой момент были готовы как добровольцы вернуться на родину и бороться за установление власти трудящихся» (*Sunila A. Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. Lk. 105*). Сунила в данном случае преувеличивает. Михайлова и Рогинский также утверждают, опираясь на ошибочное суждение Сунила, что в Советском Союзе «проживало свыше 100 тысяч эстонцев, которые были готовы в любой момент по приказу ЦК КПЭ вернуться в Эстонию и сражаться за восстановление советской власти в Эстонии». (*Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена... С. 84–85*).

¹² Рудольф Вакманн (1894–1937) — член ЦК КПЭ и Эстонской секции Коминтерна.

¹³ Харальд Леопольд Туммельтау (1899–1938) — сотрудник Разведывательного управления Штаба РККА, в 1932–1934 гг. — военный атташе в Италии, комбриг (1936).

¹⁴ Хейнрих Тедер (1889–1937) — с 1921 г. — сотрудник ВЧК, в 1924–1927 гг. — сотрудник 7-го Кингисеппского пограничного отряда.

¹⁵ *Kominterni Eesti sektsiooni sõjalise osakonna organisatsioonilistest alustest, 16.09.1924 // ERAF 24–1–272a, 4–6.*

Эстонские коммунисты с начала весны широко использовали лозунг о присоединении Эстонии к Советскому Союзу, которое преподносилось как условие решения экономических проблем.

Однако в Москве не спешили с решением о государственном перевороте, быть может по той причине, что были заняты проведением в мае XIII съезда РКП(б), а в июне–июле — V конгрессом Коминтерна.

3 августа в Таллине коммунисты попытались провести демонстрацию, вероятной целью которой было стремление создать у руководства РКП(б) впечатление, что в Эстонии имеет место подъем революционных настроений. В этот день коммунистам в Таллине удалось собрать несколько сотен человек (хотя до Москвы была доведена информация о трех тысячах¹⁶), быстро разогнанных полицией. Митинг коммунистам провести не удалось¹⁷.

Определенно где-то в период 3–11 августа было подготовлено письмо ЦК КПЭ секретарю ЦК РКП(б) Вячеславу Молотову о поддержке¹⁸. Ответа не поступило. 11 августа Рясас писал Вакманну из Москвы в Ленинград: «<...> здесь мы, черт возьми, топчемся на месте как каторжники в глине, никакого движения»¹⁹.

12 августа, очевидно, Рясас от имени ЦК КПЭ заново обратился в ЦК РКП(б). В письме утверждалось, что в Эстонии следует ожидать выступления фашистов, однако эстонская армия находится скорее на стороне коммунистов. Сообщалось, что Политбюро ЦК КПЭ решило завершить подготовку восстания в течение 2–3 месяцев, лучшего момента для которого уже не будет. ЦК РКП(б) просили рассмотреть вопрос о восстании и в случае положительного решения снабдить ЦК КПЭ оружием, оказать активную помощь оружием и кадрами в Эстонии, высвободить для проведения планируемой подготовки коммунистов-эстонцев, разрешить приступить к вербовке добровольцев, а также утвердить первоначальную смету на трехмесячную подготовку в Советском Союзе²⁰.

И на это обращение ответа не последовало. Рясас сетовал в письме Вакманну: «Что до революционной работы, то эта штука здесь, очевидно, интересует всех не более, чем выращивание огурцов в городском саду»²¹.

Вопрос о восстании был наконец заслушан на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 августа. Политбюро сформировало новую комиссию для изучения «предложения X». В комиссию вошли Уншлихт и Мануильский²².

¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 274.

¹⁷ *Kommunistide järjekorraline meelevalduskatse // Vaba Maa. 1924. 05.08; Meelevalduskatse Tallinnas // Ühendus. 1924. 09.08; Sündmused pühapäeval Tallinnas // Päevaleht. 1924. 05.08.*

¹⁸ *EKP Keskkomitee kiri VK(b)P Keskkomiteele, 12.08.1924 // ERAF. 24–1–272a, 1–2.*

¹⁹ *Rästas Vakmannile, 11.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 117.*

²⁰ *EKP Keskkomitee VK (b) P Keskkomiteele, 12.08.1924 // ERAF. 24–1–272a, 1–2.*

²¹ *Rästas Vakmannile, 21.08.1924. Dateeritud sisu järgi. ERAF // 24–1–298, 125.*

²² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 273; Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена в Таллине... С. 87.

Решение комиссией было теперь принято быстро. Уже 25 августа Рястас уверенно писал в Ленинград Вакманну и Пёегельманну²³: «Жребий выпал <...> в пользу нашего дела. О, нелегко, невозможно найти бомб для этих весов, теперь, кажется, всё миновало. “Кажется”, так как решение этой комиссии было первоначально доложено хозяину, но едва ли будет им изменено»²⁴.

Комиссия предложила создать новую постоянную комиссию, признать «нужной организацию защиты на случай выступления фашистов», сделать предложение комиссариату внешней торговли Советского Союза оказать экономическое давление на Эстонию, а также послать в Эстонию представителя, который ознакомится с общей атмосферой и обстановкой в КПЭ, а также через советский разведывательный аппарат выяснит настроения в эстонской армии²⁵. Рястас комментировал решения комиссии так, что общим условием является следующее: первоначально Советский Союз к официальной помощи не прибегает, помощь только добровольцами, необходимо ставить вопрос так: «В случае осуществления у нас планируемого фашистами переворота нам следует дать отпор — организовать оборону». Вместе с тем он обращал внимание, что Политбюро РКП(б) не верит, что в Эстонии ситуация такова, как он ее рисует²⁶.

25 августа советская внешняя разведка переслала народному комиссару финансов Григорию Сокольникову, народному комиссару внешней торговли Леониду Красину и народному комиссару по иностранным делам Георгию Чичерину информацию, полученную из Эстонии 8 августа.

Это резюме ситуации в Эстонии было абсолютно неадекватным, даже карикатурным. В нем ситуация в Эстонии представлялась как находящаяся на грани краха. Трудящиеся, часть интеллигенции и крестьяне, у которых были маленькие хутора, ожидали в скором времени краха, тогда скорее осуществится объединение Эстонии с Россией и возникнут новые возможности для получения работы²⁷.

Вполне вероятно, что эта, полученная 8 августа из Эстонии информация происходила из эстонских коммунистических кругов. Но если Иностранный отдел ОГПУ сообщал ее таким образом руководству наркоматов финансов, по иностранным делам и внешней торговле, то не следует ли считать, что внешняя разведка Советского Союза доверяла ей, а также считать, что для совершения государственного переворота требуется лишь небольшой толчок.

Как писал 25 августа Рястас, предложение комиссии следовало передать «хозяину», т. е. Сталину. Уншлихт и Мануильский выступили с докладом

²³ Ханс Густавович Пёегельманн (Пегельман) (1875–1938) — член ЦК КПЭ.

²⁴ Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126.

²⁵ Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126; Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена в Таллине... С. 87.

²⁶ Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126.

²⁷ OGPU välismaa osakond Sokolnikovile, Krassinile ja Tšitšerinile, 25.08.1924 // ERAF. 138SM-1–22, 232–234.

на заседании Политбюро ЦК РКП(б) уже 28 августа. Политбюро решило одобрить предложения комиссии: «1) Придать деятельности эстонской компартии боевой характер, оказав ей содействие в подготовительных мерах по оказанию вооруженного отпора попыткам фашистского переворота. 2) Проверить через соответствующие органы экономическое и политическое состояние Эстонии и степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения. 3) Назначить постоянную комиссию в составе т.т. Уншлихта, Трилессера, Мануильского, Чичерина и Рястаса для оказания содействия эстонской компартии. Созыв комиссии за т. Мануильским»²⁸. Эту комиссию стали называть Эстонской.

Теперь Рястас писал Вакманну, что для набора добровольцев следует как можно скорее начать работу, а также подробно изучить пограничную полосу, чтобы атаковать оттуда в решающий момент. Рястас считал, что вопрос о вооруженном выступлении в настоящий момент не стоит, это еще предстоит выяснить. «Здесь полагают, что следует иметь склады на месте (т. е. в Эстонии. — Я. В.)». Рястас теперь полагал, что в Эстонию следует переправить то оружие из запасов, «которое добыли здесь»²⁹. Это означало, что оружие, которое имелось у границы Эстонии, должно было быть сосредоточено для боевиков³⁰. Что и было сделано.

На следующем заседании Эстонской комиссии было решено, что КПЭ следует развернуть массовую агитацию за вхождение Эстонии в состав Советского Союза и наладить разведку среди фашистов. Проживавшие в Советском Союзе коммунисты — эстонцы по происхождению — должны были встать на учет. Рястас и Берзиньш стали заниматься мобилизацией эстонских коммунистов и осуществлением в пределах Советского Союза их боевой подготовки³¹.

12 сентября Отто Рястас подготовил аналитическую записку «Что происходит в “независимой” Эстонии?» В ней снова писалось о тяжелейшей экономической ситуации в Эстонии, буржуазия которой разделилась на враждующие группировки. Фашистское движение изначально планировало переворот на 1 мая, когда оно было отменено, между тем «ряд руководящих генералов отказались от такого откладывания». Швеция отказалась от экономической помощи, так как шведские банкиры считали Эстонию временным явлением. Революционная активность росла за счет всеобщей нищеты, так как хлеб подорожал более чем вдвое. Он утверждал, что настроения в армии повернулись в пользу федерации с Советским Союзом³².

²⁸ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 273.

²⁹ Rästas Vakmannile, 28.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 127.

³⁰ Tummeltau Tederile, 19.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 24–27.

³¹ Eesti komisjoni istungi protokoll, 03.09.1924 // ERAF. 24–1–72a, 100.

³² Rästas O. Mis toimub «iseseisvas» Eestis? 12.09.1924 // ERAF 24–1–322, 13–14.

Однако теперь от советского полпреда в Эстонии Михаила Кобецкого стала поступать иная информация: в правящих кругах преобладает мажорное настроение, курс эстонской марки повышается, надежда на получение кредита от Англии оживилась³³. Экономическая ситуация в Эстонии, действительно, с августа начала улучшаться.

24 сентября на заседании Эстонской комиссии было решено, что Рястасу следует в двухнедельный срок представить конкретный организационно-технический план подготовки «на случай возможных событий в Эстонии», приступить к формированию из проживающих в Советском Союзе коммунистов-эстонцев отряд общей численностью 300 человек, запросить у ЦК РКП(б) средства для приобретения 500 винтовок, 70 пистолетов-пулеметов «Томпсон» и 200 пистолетов «парабеллум»³⁴.

Рястас комментировал решение о запросе средств для приобретения оружия как меру предосторожности. «Странные люди, есть свои склады, но не дают, боятся провалов». План выступления был, однако, запрошен у подпольщиков Таллина, но от них ничего не было получено. Рястас полагал, что если в течение двух недель план из Эстонии не поступит, то он сам возьмется за него. Кроме того, зафиксировали, какое время подходит для удачного переворота в Эстонии. План Рястаса основывался на первоначальном выступлении подпольщиков Таллина, но он был готов осуществить его и сам. Он считал, что есть две возможности — вначале чистая диктатура, затем народное правительство вместе с Эстонской Рабочей партией. «Перед ними стоит задача “победы” Рабочей партии»³⁵. Рабочая партия была левоцентристской партией, которая, кроме того, находилась в Эстонии у власти. «Народное правительство», по-видимому, было требованием Москвы, но могло быть и некой хитростью Рястаса, так как он, конечно, знал, что «победа» Рабочей партии, т. е. участие в правительстве, никоим образом невозможна. Было немислимым представить, что после расстрела или ареста министров Рабочей партии коммунистами может быть сформировано коалиционное правительство с теми же коммунистами.

В конце сентября Рястас писал Вакманну о том, что при государственном перевороте можно принимать в расчет и мощное военное вмешательство Советского Союза. Руководство Советского Союза не было связано обещаниями, хотя и намекало, что готово будет оказать поддержку силой за границей, если переворот удастся. По мнению Рястаса, «нашим боевикам» следовало сразу доложить о большом успехе, чтобы «затем во время следующего акта, в котором не обязательно продвигаться особо далеко, в игру следует вступить профессионалам»³⁶.

³³ М. В. Кобецкий — В. Копцу, 22.09.1924. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54221. Л. 63.

³⁴ Eesti komisjoni istungi protokoll, 24.09.1924 // ERAF 24–1–272a, 135.

³⁵ Rästas Vakmannile, 24.09.1924 // ERAF. 24–1–298, 135.

³⁶ Rästas Vakmannile, 25.09.1924 // ERAF. 24–1–298, 137.

Понятно, что под «профессионалами» Рястас понимал красноармейцев. В отправленном Анвельту письме указывалось, что «в хорошем кругу считается», что если «удачно получится в первом акте — то во втором акте у профессионалов не будет ничего против совместной игры»³⁷.

Между тем деньги для приобретения оружия были получены и при посредничестве проводника поезда Москва–Таллин–Москва переданы через границу в Эстонию. В Эстонию были посланы и люди³⁸. В ноябре у эстонской границы стали сосредоточивать снаряжение и рассылать вербовочные письма эстонским коммунистам в Советском Союзе. Их заверяли, что в Эстонии ожидается выступление фашистов, в силу чего КПЭ должна принять бой³⁹.

Во второй половине октября ОГПУ получило информацию, что гарнизоны у юго-восточной границы Эстонии, а также пограничная охрана приведены в состояние военной тревоги и ожидают выступления коммунистов⁴⁰. 3 ноября полномочный представитель ОГПУ в Ленинградском военном округе Станислав Мессинг послал заместителю председателя ОГПУ Вячеславу Менжинскому, шефу советской иностранной разведки Михаилу Трилиссеру, а также начальнику контрразведки ОГПУ Артуру Артузову информацию, в которой сообщалось: «Так как правительство Эстонии и его органы контрразведки осведомлены, следует присмотреться к известным Вам мнениям, касающимся этого вопроса»⁴¹.

10 ноября в Москве состоялось очень важное с точки зрения подготовки государственного переворота заседание эстонской комиссии, в котором приняли участие не только члены комиссии. Была заслушана информация Рястаса о ситуации в Эстонии и принято решение предупредить эстонских товарищей об ошибке выбора времени и недостаточной подготовке выступления. Пришли к мнению, что комиссия сможет сказать свое слово по вопросу о вооруженном восстании только тогда, когда получит полную информацию о степени технической подготовки. Также было решено ввести в комиссию «т. Ст.» (более чем вероятно, что речь шла о Сталине)⁴².

Неделю спустя, 17 ноября, вопрос был поставлен и на Политбюро. Доклад был сделан кандидатом в члены Политбюро Михаилом Фрунзе. Было решено: «а) Одобрить предложения т. Фрунзе. б) Создать комиссию в составе т.т. Сталина, Зиновьева, Чичерина, Фрунзе, Троцкого и Уншлихта для проверки положения и проведения всех необходимых мер. Созыв комиссии за т. Фрунзе»⁴³.

³⁷ Ilmselt Rästas Anveltile, 24.09.1924 // ERAF. 25–5–13, 31. Письмо частично дешифровано.

³⁸ Rästas Pöögemannile, 23.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 85.

³⁹ Värbamiskiri Nõukogude Liidus elavale eestlasest kommunistile, 09.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 216.

⁴⁰ Pihkva kubermangu OGPU välisagentuuri voliniku öiend. 30.10.1924 // ERAF. 138–1–22, 148.

⁴¹ Сообщение Мессинга Менжинскому, Трилиссеру, Артузову, 03.11.1924 // ERAF. 138SM–1–22, 146.

⁴² Eesti komisjoni protokoll, 10.11.1924 // ERAF. 24–1–272a, 92.

⁴³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 279.

Это был высший уровень. Органа более высокого уровня, чем эта комиссия, в то время в Советском Союзе сформировано не было.

Рястас писал теперь Вакманну и Туммельтау, что «тот большой начальник, у которого мы были (очевидно, Сталин. — Я.В.), распустил прежнюю комиссию и назначил новую — более широкую, но еще более авторитетную, в которой почти всё политбюро». Новой комиссией подготовлено письмо в Эстонию, проект которого Рястас видел и в котором, по его словам, «наша ситуация признана критической», считается, что «взрыв следует отложить до тех пор, пока залив не замерзнет», так как будем более защищены от «лодок Макдональда» (английского флота). Комиссия рекомендовала эстонским коммунистам-подпольщикам в первую очередь объявить народную республику, а месяца через два провести выборы. Рястас также писал, что рекомендация о замерзающем заливе дополнена с его стороны поправкой, что отсрочка может быть позволена, если не нанесет ущерба этому делу. «Я сделал это предложение намеренно, чтобы увидеть, насколько серьезно к нему отнесутся. Но свои дополнения считаю, что они делаются, чтобы выяснить, хотят ли они свалить с себя ответственность, чтобы при случае сесть нам на шею»⁴⁴.

Иностранный отдел ОГПУ во второй половине ноября подготовил более пространную справку об Эстонии. На этот раз это был компетентный анализ. Финансовое положение Эстонии считалось трудным, но не находящимся на грани краха. Указывалось на то, что на селе правительство пользуется поддержкой. Положение городских рабочих характеризовалось как тяжелое при большой безработице, но это не делало ситуацию взрывоопасной. Хотя и на этот раз отдавалось должное коммунистической риторике, но ситуация анализировалась по существу⁴⁵. Адресаты этой справки должны были понять, что успешный переворот без масштабной внешней поддержки невозможен.

К 20 ноября 680 боевиков в Ленинграде, Москве, Кингисепе, Тосно и Пскове были готовы к действию. В соответствии с планом действий боевики должны были в назначенное время прибыть к границе вооруженными и сведенными в две боевые группы. Северная группа должна была пересечь р. Нарва в 12 км севернее города Нарва и атаковать его. Считалось, что в Нарве к нападающим присоединятся отряды рабочих и расквартированные здесь эстонские военные. После захвата Нарвы следовало быстро продвигаться в западном направлении. Для поддержки операции, чтобы сдерживать ожидаемые с запада эстонские бронечасты, следовало подорвать железную дорогу. Южная группа должна была быстро овладеть Изборском и Печорами (в то время входили в состав Эстонии). Рассчитывали на помощь местных крестьян и переход на сторону нападавших солдат расквартированного в Выру и Печорах 7-го полка Эстонии. Далее следовало продвигаться в сторону Выру, после захвата этого города

⁴⁴ Rästas Vakmannile ja Tummeltaule, 21.11.1924 // ERAF. 24–1–298, 196.

⁴⁵ OGPU välismaa osakonna õiend Eesti kohta. Novembri teine pool 1924. Dateeritud sisu järgi // ERAF 138SM–1–22, 301–334.

наступать в сторону Валги, а также в направлении Тарту. На вооружении у боевиков были также орудия⁴⁶.

Для контроля ситуации в штаб Туммельтау в Ленинграде 21 ноября прибыли два командира РККА. Они не были удовлетворены подготовкой. На следующий день прибыли более высокие чины из Москвы⁴⁷. В южную группу боевиков были назначены новые командиры. Было решено, у границы Союза с Эстонией атакующие силы должны насчитывать 1000 боевиков в северной и 500–700 — в южной группах⁴⁸. Прибывшие на место высокие чины в течение нескольких дней занимались координацией деятельности, интенсификацией подготовки и внесением корректировок в планы. 22 ноября была сформирована комиссия из 7 членов для «технического проведения дела»⁴⁹.

К 28 ноября в Советском Союзе были подготовлены 1000 человек, из них в Ленинграде — 400, в Москве — 20, в Пскове — 20, в Тосно — 30, в Кингисепе — 20, кроме того, в Интернациональной военной школе примерно 300 человек и 200 латышских стрелков в Москве. 20 человек были отправлены в Нарву, тогда как 50 оставались в резерве вблизи города. Из-за границы Нарву должны были атаковать 500 человек. На юге к 30 сентября должна была сосредоточиться группа боевиков из 100 человек, а 200 латышей должны были прибыть на следующий день. Но, по полученным из Эстонии сведениям, погранохрана в Нарве была усилена, а в Печорах это должны были сделать 1 декабря⁵⁰.

В Москве в Политбюро тем временем пришли к мнению, что говорящие по-эстонски коммунисты переоценивают свои силы. Рястасу стало известно, что новая информация, которая дошла до высшего советского руководства от полпредства СССР в Таллине, оказалась скептической в отношении коммунистического переворота. Рястас был этим встревожен⁵¹.

29 ноября действовавший в Ленинграде Туммельтау послал 40 человек на исходные позиции, еще 40 человек должны были отправиться на следующий день. «Но потом пришло ваше категорическое распоряжение: “Все остановить” (!?)»⁵². Такое же распоряжение в телеграмме из Москвы получил 29 ноября

⁴⁶ Seisukord, 20.11.1924. Tegemist on ülevaatega riigipöörde ettevalmistamisest Nõukogude Liidus. Ülevaadet koostati Leningradis ilmselt peamiselt Harald Tummeltau, aga võimalik, et osalt ka Rudolf Vakmanni poolt; Tummeltau Tederile, 19.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 60–62.

⁴⁷ В тексте документа они обозначены как «Три» и «Ар». Вполне вероятно, что под «Три» имелся в виду руководитель иностранной разведки Михаил Трилиссер.

⁴⁸ Seisukord, 23.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 37.

⁴⁹ Seisukord, 27.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 38; Seisukord, 23.11.1924 // ERAF 24–1–322, 37. Состав комиссии неизвестен, в документах они обозначены как «Вор», «Сал», «Мес», «Три», «Ар», «Ру» и «Ха».

⁵⁰ Seisukord, 28.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 39–40.

⁵¹ Rästas Vakmannile, 27.11.1924 // ERAF. 24–1–298, 202.

⁵² Tummeltau Rästasele, 30.11.1924 // ERAF. 24–1–299, 72–75; Seisukord 30.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 41.

вечером Станислав Мессинг, остановивший переправку через восточную границу Эстонии из Кингисеппа группы из 10 человек⁵³.

30 ноября, очевидно, Михаил Фрунзе⁵⁴ объяснил в Москве Рястасу необходимость «временно, до получения информации» остановить организационную работу. Приостановление мотивировалось отсутствием информации о том, какими силами планируется осуществить задуманное и удастся ли вообще оно, так как из Таллина не поступило ответов на два письма Политбюро. Для Фрунзе было очевидным, что выступление плохо скоординировано в военном отношении с Советским Союзом. Рястас еще надеялся на то, что это всего лишь отсрочка: «Не знаю, но нас этот приказ о приостановке не очень огорчил <...> Делать мало-помалу, тайно, конспиративно <...>. По-моему, ранее 2-го шума не будет, если уже минувшей ночью не разразилось. Безусловно, остается пятый. Иного не остается, так как враг начеку. Значит, время есть»⁵⁵.

Отто Рястас был неправ. Времени не было. В то время, когда Рястас писал письмо, коммунисты в Таллине уже стреляли.

Вероятно, решение остановить переворот было принято «хозяином», т. е. Сталиным. Скорее всего, это решение было обусловлено внутренней ситуацией в Эстонии и оценкой сил эстонских коммунистов. Полученная из Эстонии в начале сентября информация вызывала сомнение у Москвы в отношении популярности эстонских коммунистов и их утверждений, что Эстонское государство быстро падет от небольшого толчка. Советское руководство должно было догадаться, что успешный переворот возможен только в результате масштабного внешнего вмешательства. Советское руководство должны были напугать перспективы оказаться в затяжном военном конфликте с Эстонией и, быть может, с Латвией и Финляндией, вслед за чем последовало бы обострение отношений с другими западными государствами. Помимо этих соображений, на этом решении сказались борьба за власть в Москве, а также, быть может, случайные и иррациональные мотивы, некая смесь беспокойства, личного соперничества и политических интересов советского руководства. Кен и Рупасов исходили из того, что в советском руководстве рассматривали «восстание» в Таллине, в частности, исходя из внутривластной борьбы за власть⁵⁶.

Почему же таллинские коммунисты, несмотря на распоряжение советского руководства, стали действовать? Получили ли они приказ остановить подготовку переворота? Это не исключено. Но также не исключено, что распоряжение было получено 29 или 30 ноября, но таллинские подпольщики про-

⁵³ Vakmann Rästasele, 30.11.1924 // ERAF 24–5–10, 102.

⁵⁴ В письме Рястас обозначает это лицо как «Фр.». Поскольку Михаил Фрунзе был тем лицом, который должен был созывать комиссию Политбюро, т. е. ее председателем, то вполне вероятно, что именно он имелся Рястасом в виду.

⁵⁵ Rästas ilmselt Vakmannile ja Tummeltaule, 30.11.1924 või 1.12.1924 // ERAF. 24–1–298, 228.

⁵⁶ Кен О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 // Страны Балтии и Россия: Общество и государство. М.: Референдум, 2002. С. 228.

игнорировали его. Так считали и эстонские организаторы в Советском Союзе. Обеспокоенный Вакман писал Рястасу 30 ноября, называя решение об отсрочке дурью, что они, т. е. руководство РКП(б), в этом могут нам здесь помешать, но Таллин они заставить не могут⁵⁷. И в тот же день Рястас выразил мнение, что таллинские «товарищи всё же не могут исполнить таких директив, как бы “категоричны” они ни были»⁵⁸.

Более того, не исключено, что решение выступить 1 декабря и было принято в Таллине только после того, как из Советского Союза поступило распоряжение остановить подготовку. Таллинские коммунисты отправили датированную 29 ноября зашифрованную телеграмму, полученную в Ленинграде 1 декабря, в которой писалось: «Начало выступления назначено на 6 утра 1.12.24. Ни о какой отсрочке не может быть и речи»⁵⁹. Акцент в этой телеграмме на невозможности отсрочки можно интерпретировать как реакцию на распоряжение об откладывании выступления. В этом случае подпольщики Таллина должны были действовать очень оперативно — отправить сразу же после получения распоряжения телеграмму о времени выступления и невозможности отсрочки.

Вероятно, вожди эстонских коммунистов полагали, что теперь, в конце 1924 г., имеется уникальная возможность для осуществления государственного переворота. Бесспорно, обоснованно. Экономическая ситуация в Эстонии стабилизировалась, и, казалось, Советский Союз постепенно утрачивал свой революционный динамизм. Вожди КПЭ стремились убедить советское руководство, что существует угроза фашистского переворота, и в силу этого дезинформировали Москву о своей большой и растущей популярности, предпосылки для которой создавала якобы безысходная экономическая и политическая ситуация в Эстонии.

Кроме того, вожди КПЭ кричали о возмездии за пролитую кровь. Нет оснований сомневаться в их коммунистическом фанатизме, мнению, что трудящиеся нуждаются в ином, более справедливом обществе. Во всяком случае, к концу ноября революционно настроенными девушками были сшиты красные флаги, один особенно большой — для башни Длинный Герман на Тоомпеа⁶⁰. Поднятый на этой башне флаг показывал бы, в чьих руках власть в Эстонии.

Вечером 29 ноября руководители таллинской организации указали места сосредоточения боевых групп вечером следующего дня. Боевикам сказали, чтобы они начали разрабатывать план действий⁶¹. Пришли около 75 %, менее 300 человек. Кроме них пришли с десятков женщин-агитаторов, пытавшихся

⁵⁷ Vakmann Rästasele, 30.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 102.

⁵⁸ Seisukord, 30.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 41.

⁵⁹ Seisukord, 01.12.1924 // ERAF. 24–1–322, 42.

⁶⁰ Roobach M. Helge mälestus — Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965. Lk. 177.

⁶¹ Anvelti ettekanne 1. detsembri ülestõusust osavõtjate konverentsil, 19.04.1925 // ERAF. 24–1–288, 41.

убедить рабочих присоединиться к восстанию⁶². План коммунистов предусматривал захват в Таллине неожиданным ударом важных в военном и политическом отношении объектов. Действовать начали в 5:30.

Самым большим достижением мятежников можно считать захват зданий правительства и парламента на Тоомпеа, а также находящегося там дома главы государства. Также был захвачен таллинский почтамт, но нет сведений, воспользовались ли отделениями телеграфа и телефона для призыва о помощи. Времени для этого было мало, так как уже к восьми часам коммунисты как с Тоомпеа, так и на почтамте были разогнаны. До полудня им удавалось удерживать последнюю опорную точку — аэродром в Ласнамяе. В Нарве, Пярну, Вильянди и Тарту выступлений вообще не состоялось. Осуществленные на железной дороге взрывы успехом не увенчались⁶³.

Без сомнения, коммунистам в Таллине удалась неожиданность. Но только эта часть плана и удалась. Все остальное не удалось. Потери нападавших составили 21 человек убитыми, кроме того были ранены 25 частных лиц и 16 военных. На боевых постах коммунистические боевики потеряли 12 человек, несколько десятков были арестованы. Судя по показаниям, в течение нескольких недель были арестованы еще полторы сотни участников переворота. Из 140 задержанных боевиков 42 были портовыми рабочими, из них 33 служили в отделениях советского «Доброфлота» и Центросоюза. Остальные были коммунистами-подпольщиками, прибывшими из Советского Союза военными, а также дворниками, чернорабочими и др. Фабричных рабочих, в соответствии с коммунистическими догмами которых следовало свергнуть буржуазию, было 8 человек⁶⁴. Секретарь советского полпредства Филипп Нотович сетовал позже, что полпредство осталось без швейцаров и курьеров, а сотрудникам с 1 декабря пришлось охранять полпредство: «Все курьеры и швейцары, за исключением одного, прячутся или арестованы; ходят слухи, что некоторые из них застрелены»⁶⁵.

Военную подготовку бунтовщиков и их волю к борьбе оценить трудно, однако нет оснований для сомнений, что наибольшими энтузиастами были подпольщики-коммунисты и прибывшие из России боевики. В числе других могли быть и те, кто не верил, что дело дойдет до боя, а также ищущие острых ощущений и аферисты. Но у всех них энтузиазм поддерживался надеждой на военное вмешательство Советского Союза.

Проживавшие в Советском Союзе лидеры эстонских коммунистов сделали всё, чтобы это произошло. Телеграмма из Таллина, которой сообщалось, что на-

⁶² Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 52; Reigo Rosenthal, Marko Tamming. Sõda pärast rahu. Lk. 703.

⁶³ Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 49–88; Sunila A. Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. aastal. Lk. 150–217; Rosenthal R., Tamming M. Sõda pärast rahu. Lk. 708–712.

⁶⁴ Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 92–93, 95–96.

⁶⁵ Нотович — Канторовичу, 10.12.1924 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.04. П. 47. Оп. 293. Д. 54221. Л. 153.

чало переворота назначено на утро 1 декабря и его нельзя откладывать, пришла в ленинградский штаб подготовки переворота в тот же день. В то же время поступил и развернутый доклад о состоянии подготовки переворота прибывшего еще 21 ноября для инспектирования подготовки командира РККА. Туммельтау сообщил полученную из Таллина информацию немедленно руководству сформированной из 7 членов комиссии и настаивал на броске на Нарву и Изборск. Руководство комиссии резко отрицательно отнеслось к этому. Затем ознакомились с докладом о состоянии подготовки переворота. Глава комиссии заявил, по словам Рясаса, со злорадной улыбкой на лице, что бойцов в Таллине мало, в армии только связи, у буржуазии — перевес сил, победа сомнительна. Затем состоялось заседание комиссии из 7 членов. В три часа были заслушаны доклады, по телефону консультировались с Ун (очевидно — с Уншлихтом), который подтвердил решение ничего не делать и выжидать. В 22:45 было получено сообщение от зарубежной агентуры, что в Таллине состоялось выступление коммунистов, но в течение трех с половиной часов было подавлено. Туммельтау счел эту информацию маловероятной и потребовал дополнительных сведений, также послать для связи подводную лодку или самолет. Это было отвергнуто⁶⁶.

Туммельтау и Вакман были не только в отчаянии, но и злились на своих товарищей не-эстонцев: «<...> спокойно едят яичницу и в глазах равнодушие — они не верят в революцию». Ночью услышали информацию советского информационного агентства о крахе выступления. «Вместе с тем у всех на лицах страшная боль <...> Даже если выступили 100 человек, все-таки, так быстро подавить... В 5 часов снотворное. Все одеты, словно всё еще ждут...»⁶⁷ Туммельтау проводит день в Кингисеппе, ожидая Тедера, чтобы «по-прежнему быть готовым»⁶⁸.

Следующий день принес разрушающие все надежды сведения. Организаторы переворота не-эстонцы трезво оценили ситуацию. Вакманн писал в Москву Рясасу: «Здесь русские товарищи дают отбой. Артур и другой человек из Москвы должны сегодня уехать»⁶⁹.

3 декабря Туммельтау писал Тедеру, что по косвенным данным бои в Эстонии продолжаются. Он настаивал, чтобы Тедер получил 2–3 человека для установления связи по ту сторону границы. Если удастся установить связь с товарищами в Эстонии и они попросят о помощи, то сразу собрать отряд боевиков, которому любым способом следует добыть оружие в России. Он подчеркивал, что русских не следует ставить заранее в известность, «они вообще против того, чтобы мы что-то делали»⁷⁰.

В то же самое время советские координаторы стали отзывать боевиков от границы назад. По сообщению Туммельтау, боевые группы требовали

⁶⁶ Seisukord, 01.12.1924 // ERAF 24–1–322, 42.

⁶⁷ Seisukord, 01.12.1924 // ERAF 24–1–322, 42.

⁶⁸ Tummeltau Tederile, 02.12.1924 // ERAF 24–1–299, 82.

⁶⁹ Vakmann Rästasele, 02.12.1924 // ERAF 24–5–10, 107.

⁷⁰ Tummeltau Tederile, 03.12.1924 // ERAF 24–1–299, 46–47.

действий, но начальство не давало обещаний. «Другими словами: “приказываю вам сложить руки сидеть до сих пор, пока грузы с трупами товарищей не начнут пахнуть за границей”»⁷¹.

На следующий день Таммелтау отдал с горечью Тедеру распоряжение сосредоточиться на оказании помощи боевикам для возвращения их из Эстонии в Россию⁷². Наконец и другие эстонцы, руководившие государственным переворотом в Эстонии, признали 5 декабря итоги, так как от Тедера стало известно: «Сегодня отдан приказ об отпуске домой территориальных частей, из чего можно сделать вывод, что ничего активного на замышляется»⁷³.

***

Была ли попытка государственного переворота заранее обреченной авантюрой?

Эстонские коммунистические лидеры были склонны приукрашивать информацию или прямо лгать руководству Советского Союза, это, однако, не значит, что они сами выстраивали свои надежды и план действий на этой самой информации. Вероятно, эстонские руководители государственного переворота отдавали себе отчет — даже несмотря на агитацию за 1 декабря — что на масштабное сплочение рабочих Таллина и участников государственного переворота надеяться не стоит. Скорее они могли предполагать, что за первоначальным успехом последует мародерство и прочие потрясения.

Основным вопросом для успеха государственного переворота было отношение к нему эстонской армии. В 1924 г. коммунисты развернули в армии беспрецедентную агитационную деятельность, и эта деятельность имела определенный успех. В воинских частях и учреждениях армии сетовали на значительный рост прокоммунистически настроенных солдат⁷⁴. В Таллине коммунисты надеялись привлечь на свою сторону солдат 10-го пехотного полка для борьбы с фашистским выступлением или по крайней мере ввести их в заблуждение, чтобы обеспечить их неучастие в подавлении попытки государственного переворота⁷⁵. Таммелтау полагал, что переход боевиками границы в районе Печор получит поддержку местных крестьян, а также что на сторону коммунистов перейдет расквартированный в Вырумаа 7-й эстонский полк⁷⁶. Видимо, эти соображения были искренними, однако достижение желаемого результата без вмешательства РККА было невозможным.

Хотя обязывающего обещания помощи «профессионалами», т. е. прихода Красной армии, дано не было, это не означает, что лидеры эстонских коммуни-

⁷¹ Seisukord, 03.12.1924 // ERAF 24–1–322, 45.

⁷² Tummeltau Tederile, 04.12.1924 // ERAF 24–1–299, 48–49.

⁷³ Teder Tummeltaule, 05.12.1924 // ERAF 24–1–298, 82.

⁷⁴ Pajur A. Kas kaitsevägi oli valmis // Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Lk. 31.

⁷⁵ Saar J. 1. detsember 1924. Tallinnas. Lk. 77.

⁷⁶ Seisukord, 20.11.1924 // ERAF. 24–1–322, 35.

стов не рассчитывали на вступление Красной армии. Боевики воодушевлялись помощью Советского Союза, который должен был прийти после того, как они продержатся сутки⁷⁷.

Возможно, ожидание прихода Красной армии не было основано на песке. По информации эстонских спецслужб, 2 декабря в Ленинградском военном округе были мобилизованы в 56-ю Московскую стрелковую дивизию (территориальная) у границ с Эстонией и Латвией 4 призывных возраста. 1 декабря частично был приведен в боевую готовность Балтийский флот⁷⁸. Эти сведения просочились позже, а комиссар по иностранным делам Георгий Чичерин запрашивал «для личного сведения» у Фрунзе, имело ли это место. Чичерину ответили, что решение о пробной мобилизации принималось ранее, флот не получал никаких официальных распоряжений, однако внимание членов революционного совета флота было обращено на развитие событий в Эстонии⁷⁹. Таким образом, советское руководство действительно считало возможным вступление в Эстонию, но похоже, что подготовка к этому в Красной армии и на Балтийском флоте не была доведена до высокого уровня. Из этого следует, что Чичерин не был осведомлен о подготовке. Советский полпред в Латвии Семен Аралов писал в своем докладе, что первые сообщения о государственном перевороте он получил в 12 часов 1 декабря: «Для нас это было полной неожиданностью, как и для латышей. Мне не известны детали восстания»⁸⁰. Если глава внешнеполитического ведомства не был осведомлен в такого рода вопросах, то что говорить об осведомленности советских полпредов в Латвии и Финляндии. Эта также является доказательством того, что подготовка коммунистического выступления не была доведена до высокого уровня.

Всё же план государственного переворота лидеров эстонских коммунистов не был нереалистичным. Они могли исходить из того, что уже приход из-за границы боевиков внешнеполитически означал, что Советский Союз перешел Рубикон, тогда вступление в игру «профессионалов», т. е. Красной армии, стало бы просто логичным шагом. Даже невзирая на то, удастся ли продержаться в Таллине долго или нет. Естественно, они не записывали это в свои планы.

⁷⁷ Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 50.

⁷⁸ Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 42; Sõjamineeriumi Kindralstaabi II osakonna kokkuvõte Nõukogude Liidu sõjalise olukorra kohta kuni 10. jaanuarini 1925. Jaanuar 1925. Dateeritud sisu järgi. ERA 634–1–13, 74; Ilmselt Sõjamineeriumi Kindralstaabi II osakond Välisministeeriumi informatsioonibüroole. 1925. aasta algus. Dateeritud sisu järgi. ERA. 957–12–375, 94–95.

⁷⁹ Письмо Г. В. Чичерина М. В. Фрунзе, 10.01.1925 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244. Л. 112; Из РВСР Г. В. Чичерину, 12.01.1925 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244. Л. 113.

⁸⁰ Доклад С. Аралова В. Коппу, 03.12.1924 // АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 293. Д. 54244 Л. 12, 17–18.

References

- Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996.
- Ken O., Rupasov A.* Moskva i strany Baltii: Opyt vzaimootnošenij, 1917–1939 // Strany Baltii i Rossiâ: Obšestvo i gosudarstvo. M.: Referendum, 2002.
- Kiiremees (H. Tummel'tau).* Revel'skoe vosstanie 1924 g. // Očerki po istorii vooružennyh vosstanij. M., 1931.
- Laurits K.* 1924. a. 1. detsembri sündmustest // Sõdur. 1932. N 51/52.
- Mihajlova Ū., Roginskij V.* Mirovaâ revolûciâ ostanovlena v Talline? 1 dekabrâ 1924 goda // Rossiâ i Pribaltijskij region v XIX–XX vv.: Problemy vzaimootnošenij v menâûšemsâ mire. M., 2013.
- Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss. Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.
- Nejberg A.* Vooružennoe vosstanie // Očerki po istorii vooružennyh vosstanij. M., 1931.
- Politbüro CK RKP(b)–VKP(b) i Komintern. 1919–1943. Dokumenty. M., 2004.
- Roobach M.* Helge mälestus – Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965.
- Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010.
- Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925.
- Sunila A.* 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974.
- Sunila A.* 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959.
- Sunila A.* Vosstanie 1 dekabrâ 1924 g.: opyt KP Èstonii v podgotovke i privedenii vooružennogo vosstaniâ èstonskogo proletariata 1924 g. i ego istorii. Tallin, 1982.
- Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963.

Список литературы

- Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996.
- Laurits K.* 1924. a. 1. detsembri sündmustest // Sõdur. 1932. N 51/52.
- Mäss. Detsembrimäss/Aprillimäss. Koost. T. Pruuli. Tartu, 2008.
- Roobach M.* Helge mälestus – Jaan Anvelt. Mälestusi ja dokumente Jaan Anveldist. Toim. R. Majak. Tallinn, 1965.
- Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010.
- Saar J.* 1. detsember 1924 Tallinnas. Tallinn, 1925.
- Sunila A.* 1. detsember 1924. Arutlusi 50. aastapäeva puhul. Tallinn, 1974.
- Sunila A.* 1924. aasta 1. detsembri ülestõus. Tallinn, 1959.
- Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. II osa. Toim. A. Panksejev, M. Pesti. Tallinn, 1963.
- Ken O., Rupasov A.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 // Страны Балтии и Россия: Общество и государство. М.: Референдум, 2002.
- Kiiremees (X. Туммельтау).* Ревельское восстание 1924 г. // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931.
- Михайлова Ю., Roginskij B.* Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.

Нейберг А. Вооруженное восстание // Очерки по истории вооруженных восстаний. М., 1931.

Politbüro ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004.

Сунила А. Восстание 1 декабря 1924 г.: опыт КП Эстонии в подготовке и проведении вооруженного восстания эстонского пролетариата 1924 г. и его истории. Таллин, 1982.

И. А. Анфертьев

М. Н. Рютин. Накануне исключения из партии президиумом Центральной контрольной комиссии ВКП(б)

Политическая деятельность М. Н. Рютина¹ и других оппозиционных деятелей на рубеже 1920-х — 1930-х гг. против установления в партии режима личной власти И. В. Сталина достаточно подробно описана и, казалось бы, нет особой необходимости еще раз возвращаться к данной проблеме². Однако целый ряд исследований, особенно уви-

девших свет в конце 1980-х — начале 1990-х гг., из-за недоступности источниковой базы, содержит неточности, искажения и очевидные, но муссируемые и сегодня домыслы³. В частности, нет полной ясности об обстоятельствах исключения осенью 1930 г. М. Н. Рютина из партии. Между тем, это событие можно отнести к числу неординарных, если принять во внимание должность, которую накануне исключения занимал Мартемьян Никитич — председатель Управления фотокинопромышленности, член Президиума ВСНХ СССР⁴. В этой связи впервые публикуемый архивный документ представляет особую ценность для исследователей истории сталинизма, так как позволяет до известной степени реконструировать не только механизм выявления и наказания активных противников режима Сталина среди партийной и государственной номенклатуры, как явных, так и маскирующихся, но и выявить тщательно замаскированный план готовящейся «большой чистки» партии второй половины 1930-х гг. Основных

¹ См.: *Анфертьев И. А.* Деятельность «Союза марксистов-ленинцев»: М. Н. Рютин и борьба за власть в 1928–1932 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; *Старков Б.* 1) Честь партии // Знание — сила. 1988. № 11. С. 81–83; 2) М. Н. Рютин (К политическому портрету) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150–163; 3) «Моя трагедия... трагедия целой эпохи» (из писем М. Н. Рютина родным. 1932–1936 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 163–178; 4) Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145–178; 5) Утверждение режима личной власти И. В. Сталина и сопротивление в партии и государстве. Итоги политической борьбы в 30-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992; 6) Заложник социалистической идеи // Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 181–209; О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 104; *Маслов Н.* Потрясающий документ эпохи сталинизма // Известия ЦК КПСС. 1989. 1990. № 12. С. 200–202.

² Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007; *Хлевнюк О. В.* 1) Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; 2) Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010; История сталинизма: репрессированная провинция. М.: РОССПЭН, 2011; *Биццоха В. Г.* Формирование советской политической системы: региональный аспект. Октябрь 1917 — середина 20-х гг. (на материалах Саратовской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010; *Борисова Ю. А.* Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг.: на примере Западного региона РСФСР. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Богатырев М. А.* Н. И. Бухарин

и НЭП: Проблемы и противоречия. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1994; *Вязьмитинова И. П.* Организационные проблемы большевистской партии в условиях монополии на власть в 20-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Иванцов И. Г.* Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг.: На материалах Кубани. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; *Извозик В. С.* Политический контроль в Советской России. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995; *Исаев А. Е.* Политическая борьба в ВКП(б) в 1923–1929 гг. в освещении англо-американской историографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Кислицын С. А.* Борьба ВКП(б) против правого уклона. Проблемы историографии 1920-х — первой половины 1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1984; *Лозбнев И. Н.* Взаимодействие экономических и социально-политических процессов в Подмоскovie в годы НЭПа. 1921–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Макаров В. Б.* Становление советского государственного управления, октябрь 1917 г. — середина 1920-х гг.: Эволюция доктрины и системы. Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2002; *Мусаева З. А.* Борьба за политическое лидерство в ВКП(б). 1924–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Назаров О. Г.* Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Пашиш В. П.* Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР (Становление, развитие, упрощение, в 1920-х — 1930 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993; *Потанова И. Р.* Формирование командно-административной системы управления промышленностью (1926–1932 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Потапов А. Ф.* Феномен троцкизма в отечественной общественно-политической литературе. Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1993; *Ряброва Н. М.* Судьбы сельского хозяйства в России в интерпретации общественно-политических сил 20-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1993; *Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997; *Терещук С. В.* Становление и развитие органов государственного контроля в РСФСР–СССР: 1917–1934 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Тимофеева Л. А.* Райком в системе местного городского управления в 1920-е годы: На примере источниковедческого изучения фонда Краснопресненского РК РКП(б) / ВКП(б) г. Москвы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003 и др.

³ В частности, см.: *Тельман И.* Рютин против Сталина. Бросивший перчатку всеильному горцу. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://mkisrael.co.il/article/2012/01/15/660697-ryutin-protiv-stalina.html> (дата обращения — 04.01.2015).

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 51, 90.

источников о деятельности М. Н. Рютина два: так называемое «реабилитационное» дело Рютина в 5 томах (РГАСПИ) и архив его дочери — Любови Мартемьяновны Рютиной, его она собирала всю жизнь, в том числе неизданные «тюремные» письма Рютина (1932–1936 гг.). Использовались как опубликованные источники⁵, так и архивные документы, хранящиеся в РГАСПИ: Ф. 17 — Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). В нем изучены протоколы заседаний, решения и постановления Политбюро ЦК ВКП(б), стенограммы заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б); Ф. 56 — Пятнадцатый съезд ВКП(б) (1927); Ф. 57 — Шестнадцатая конференция ВКП(б) (1929); Ф. 58 — Шестнадцатый съезд ВКП(б) (1930); Ф. 74 — Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969); Ф. 85 — Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937); Ф. 89 — Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя: Губельман Миней Израилевич) (1878–1943), Ф. 558 — Сталин (наст. имя: Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953); Ф. 589 — Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (КПК) (1952–1991); Ф. 613 — Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (ЦКК) (1920–1934). Материалы фонда сосредоточены в четырех описях: Оп. 1 — протоколы пленумов, президиума, секретариата, партколлегии и «партийных троек» ЦКК; Оп. 2 — протоколы ЦКК по пересмотру, проверке и очистке партии (1921); Центральной проверочной комиссии ЦКК (1924–1926); Комиссии ЦКК

⁵ О работе в деревне. Резолюция XV съезда ВКП(б). КПСС в резолюциях... Изд. 9. Т. 4. М., 1984; Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства. Постановление пленума ЦК ВКП(б). 10–17 ноября 1929 г. Там же. Т. 5. М., 1984; XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.—Л., 1927; *Рютин М. Н.* 1) Партия и рабочий класс. М., 1924; 2) Сменовеховцы и пролетарская революция. Ростов-на-Дону, 1924; 3) Единство партии и дисциплина. М.—Л., 1926; XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. *Сталин И. В.* 1) О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. // Соч. Т. 11. М., 1949; 2) К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса // Там же. Т. 12. М., 1949; 3) Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) // Там же. Т. 13. М., 1951; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов / Сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост.: О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929 г. М., 1999; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000; Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М., 2000; Т. 3: Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М., 2000; Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. М., 2000; Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. М., 2000; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.

по проверке и чистке партии (1929–1930); Центральной комиссии ВКП(б) по чистке партии (1933–1935); Оп. 3, 4 — Положения, циркуляры, директивы, отчеты и сводки о работе ЦКК; переписка с гражданами, организациями и учреждениями (1921–1938).

Изначально на стенограмме под названием «Опрос тов. Рютина 20 сентября 1930 г.», более напоминающей допрос с пристрастием, был поставлен гриф «совершенно секретно», что лишней раз доказывает стремление руководителей Центральной контрольной комиссии ВКП(б) скрыть подлинные обстоятельства «Дела Рютина», еще несколько месяцев назад кандидата в члены Центрального комитета ВКП(б)⁶. Вопросы Мартемьяну Никитичу задавали два члена Президиума ЦКК — Е. М. Ярославский и М. Ф. Шкирятов. По тексту стенограммы можно судить, что они были осведомлены не только о единичной попытке Рютина привлечь к оппозиционной деятельности А. С. Немова, изложенной им в заявлении в ЦК.

Личность первого из них, Емельяна Михайловича Ярославского, в литературе достаточно хорошо описана, но в основном как бессменного руководителя Союза безбожников. До избрания в ЦКК в апреле 1923 г. на XII съезде он входил в состав Центрального комитета РКП(б), в течение года был секретарем ЦК партии⁷. Переизбрание на XIII съезде из состава ЦК в ЦКК, возможно, рассматривалось им, членом партии с 1898 г., как номенклатурное понижение, однако положение фактического руководителя ЦКК позволяло проявлять принципиальность и принимать по некоторым вопросам самостоятельные решения, порой с оттенками некоего партийного либерализма⁸. В одном из сохранившихся писем Ярославского к Г. К. Орджоникидзе⁹ он вынужден в связи с этим, допускаемым им иногда либерализмом, оправдываться, предлагая найти ему на замену человека «пожестче»¹⁰. С Рютиным они были из Прибайкалья, можно сказать, земляками, имели общих знакомых по дореволюционной деятельности в Сибири. Чуть менее чем за год до опроса, в августе 1929 г., Ярославский разбирал жалобу на Рютина секретаря

⁶ См.: Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю. В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005. С. 356–357.

⁷ Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) — кандидат в члены ЦК в 1919–1921 гг.; член ЦК в 1921–1923 гг. Член ЦКК, Президиума ЦКК и Секретариата ЦКК в 1923–1934 гг.

⁸ В результате объединения в июне 1924 г. на XIII съезде РКП(б) Наркомата РКИ и ЦКК в единый партийно-государственный орган председателем Президиума ЦКК являлся нарком РКИ СССР.

⁹ Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937) — в 1926–1930 гг. председатель ЦКК — нарком РКИ СССР.

¹⁰ Письмо Е. М. Ярославского к Г. К. Орджоникидзе от 11 августа 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 250. Л. 1.

Усть-Удинского райкома ВКП(б) Кибанова¹¹. Тогда «дело» Ярославскому удалось закрыть, однако на этот раз, судя по жесткости перекрестного опроса, пощады обвиняемому ждать не приходилось.

Напарник Ярославского по опросу Рютина — Матвей Федорович Шкирятов, был моложе Емельяна Михайловича и по возрасту, и по партийному до-революционному стажу, но не без основания считался более опытным в деле выявления явных и скрытых врагов партии, так как именно ему Политбюро ЦК РКП(б) доверило возглавлять еще в 1921–1923 гг. Центральную комиссию по проверке и чистке своих рядов¹².

О подавшем заявление Александре Семеновиче Немове известно немного. Родился он в 1898 г., в партии с 1917 г., в 1920-х — 1930-х гг. был в Москве на руководящей советской работе, возможно, участвовал в оппозиции. В мае 1937 г. занимал должность начальника 10-го Главного управления Наркомата оборонной промышленности СССР¹³. В своем заявлении он сообщал о встречах на отдыхе в Ессентуках с Рютиным, в ходе которых тот вел антипартийные разговоры¹⁴. Машинописную копию письма Немова в ЦК сохранила дочь Рютина — Любовь Мартемьяновна, и передала в конце 1980-х гг. публикатору стенограммы.

В заявлении Немова перечислялись «крамольные» высказывания Рютина о том, что политика правящего ядра в ЦК партии во главе со Сталиным губительна для страны, к весне 1931 г. наступит полнейшее ее банкротство, сложится положение, когда никакой формальной оппозиции не будет, но Сталина никто не поддержит, а политика «этого шулера и фокусника» Сталина будет разоблачена. Немов утверждал, что Рютин оценивал доклад Сталина на XVI съезде как «сплошное шулерство и надувательство пролетариата». Не упоминая на съезде о забастовках из-за тяжелого материального положения рабочего класса, Сталин издевался над рабочими, когда говорил, что их реальная заработная плата повысилась, в то время как весь мир знает, что никогда не было такого тяжелого материального положения рабочих в СССР, как в последнее время¹⁵. Сталинская политика коллективизации провалилась, крестьяне в колхозы не шли, хлеб свой не отдавали, партии не доверяли, в стране наступил финансовый

¹¹ См.: *Анфертьев И. А.* «Такой ответ мог бы быть понят как нежелание отвечать Центральной контрольной комиссии...» О преследовании иркутскими партийными чиновниками «опального» кандидата в члены ЦК ВКП(б) М. Н. Рютина. 1929 г. // Исторический архив. 2010. № 2. С. 177–185.

¹² Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) — член ЦКК в 1923–1934 гг., секретарь ЦКК в 1923–1927, 1930–1934 гг.

¹³ В мае 1937 г. А. С. Немов был арестован и Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 ноября 1956 г. дело на А. С. Немова было прекращено за отсутствием состава преступления. 6 марта 1957 г. МГК КПСС, рассмотрев заявление жены А. С. Немова, реабилитировал его посмертно и восстановил в партии. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 50.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 50.

¹⁵ Там же. Л. 27.

крах. Объяснение же властей, что мелкая разменная монета в стране отсутствует из-за распространения спекуляции, не что иное как очковитительство. На самом деле всё это произошло из-за той же губительной сталинской политики¹⁶. По словам Рютина, выступления А. И. Рыкова и М. П. Томского на XVI съезде с раскаянием были напрасными, подлой была позиция Сталина в отношении Н. И. Бухарина, будто бы генеральный секретарь и его группа хотели, чтобы Бухарин «писал статьи покаявшегося грешника», но лидер правых передал сторонникам Рютина, что ни при каких обстоятельствах не напишет ни одной строчки. В таких условиях работа правых сводится к тому, чтобы всюду распространять среди рабочих мысль, что бедой и несчастьем для страны является «этот фокусник и шулер» Сталин¹⁷. Эту мысль следовало крепко внедрять на предприятиях и в деревне.

После того, как Сталина удастся отстранить от власти, или, как говорил в разговоре с ним, Немовым, Рютин, «смахнуть», с остальными его сторонниками будет легко справиться. Наличие в стране термидорианства является бесспорным фактом, говорил Рютин, необходимо в борьбе с генеральным секретарем объединиться с троцкистами. Расправа же с лучшими членами партии заставила всю партию молчать и «единогласно» поднимать руки. На вопрос Немова о том, кого же можно сейчас выбрать генеральным секретарем вместо Сталина, Рютин ответил, что никаких генеральных секретарей после устранения Сталина не будет. Во всяком случае его, Рютина, сторонники будут настаивать, чтобы партией управляли коллективно, ибо если будет генеральный секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Состав Политбюро, утверждал Рютин, придется чаще менять, чтобы не засиживались, так как в основном нынешний его состав оторван от масс. Перед отъездом, сообщал в заключение Немов, Рютин оставил ему свой домашний адрес и просил обязательно поддерживать с ним связь в Москве. Причем, советовал работу по дискредитации Сталина вести только среди людей, хорошо ему известных и, учитывая ошибки прошлой оппозиции, вести эту работу с глазу на глаз. В том случае, если кто-либо провалится и выдаст его, то Немову следовало решительно отказываться от всяких обвинений. При отсутствии каких-либо свидетелей их разговоров власти не смогут предъявить им мотивированные обвинения.

Сегодня трудно сказать, что побудило Немова написать письмо в ЦК, обрекавшее Рютина на репрессии, как нельзя определить и «процент» достоверности его содержания. Возможно, Немов считал своим партийным долгом проинформировать руководство партии о зреющих оппозиционных настроениях. Не исключалось и другое — ему, ранее подозревавшемуся в связях с троцкистами, дали понять, что самого могут привлечь за доноительство, если он со всеми подробностями не изложит, возможно, с прибавлениями, характер

¹⁶ Там же. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 25.

своих бесед с Рютиным. Вполне вероятно, что Немов добросовестно выполнил данное ему поручение по дискредитации Рютина. Оказавшись в числе причастных к делу Рютина, он, как и многие другие ему подобные, во второй половине 1930-х гг. был обвинен в контрреволюционной деятельности, арестован и по приговору Военной коллегии в мае 1937 г. расстрелян.

В архиве Л. М. Рютиной сохранилась объяснительная записка ее отца на имя Ярославского, написанная им 21 сентября 1930 г., уже после ознакомления с письмом Немова в ЦК. В ней он заявляет, что всё изложенное на 99 процентов является ложью, всё перевернуто и извращено, к правым он никогда не принадлежал и распространением взглядов правого уклона не занимался¹⁸. Рютин утверждал, что говорил с Немовым на курорте о хозяйственных и политических вопросах раза три-четыре, встречались у источника и на улице или в парке. Суть всех разговоров с Немовым сводилась к тому, что он, Рютин, никогда не был связан с группой Бухарина. А теоретических взглядов Бухарина и его последователей в области исторического материализма никогда не разделял. То же самое он мог сказать и о теории организованного капитализма, о теории мирного вращивания кулацких кооперативных гнезд «в социализм», а также о теории самотека. Сталина же он даже тогда, когда в 1928 г. генеральный секретарь сместил его с должности секретаря бюро Краснопресненского райкома, считал самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы. Он тогда допустил отступления от линии партии в вопросе о темпах индустриализации и в оценке положения в деревне. Но при этом считал, что Сталин напрасно ошелмил его и «ловким маневром вытряхнул с партийной работы»¹⁹. Он считал это нечестным с его стороны поступком. Вот суть этой будто бы части его разговора. Что касается общего хозяйственного положения в стране, то в разговоре с Немовым он говорил лишь о том, что этот, 1930 г. будет весьма напряженным и не более. Особенно трудное положение будет к весне 1931 г.²⁰, в то время как Немов превратил эти слова в предсказание краха партийной политики. От слов, что 1930 г. для страны мог оказаться весьма напряженным, он не отказывался, но в этом, утверждал Рютин, нет ничего антипартийного и правоуклонистского. Вместе с тем он отрицал, что говорил о термидоре и забастовках. Всё это вымышлено от начала и до конца, так как он не троцкист и не устряловец, чтобы говорить такую чепуху. Всё, что говорил А. С. Немов о колхозах, — также ложь.

И всё же исключение Рютина из партии можно было бы считать рядовым, примечательным лишь тем, что им занимался Президиум ЦКК²¹, а постанов-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 207.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 205.

²¹ См.: Анфертьев И. А. Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) от 23 сентября 1930 г. Деятельность М. Н. Рютина против режима И. В. Сталина // Клио. 2004. № 4 (27). С. 33–45.

ление Президиума утверждалось Политбюро ЦК ВКП(б)²². Однако это не так, если рассматривать ситуацию в контексте преследований Мартемьяна Никитича до и после исключения из партии. До сентября 1930 г. он подвергался преследованиям дважды: в 1928 г. был снят с должности секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б) и выведен из состава бюро Московского обкома ВКП(б); в 1930 г. был снят с должности заместителя ответственного редактора газеты «Красная звезда». Оба раза его делом занимался лично Сталин, с которым Рютин имел смелость вступать в дискуссии. Однако после отстранения от работы в «Красной звезде» Рютин был назначен с повышением — председателем Управления фотокинопромышленности ВСНХ СССР²³.

5 октября 1930 г., на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было рассмотрено персональное дело Рютина, а уже на следующий день в газете «Правда» было опубликовано постановление Президиума ЦКК ВКП(б), в котором говорилось: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП(б)»²⁴. Под заголовком «Правых оппортунистов, предателей партии — вон из наших рядов!» в газете была опубликована редакционная статья, начинающаяся словами: «Постановлением ЦКК ВКП(б) исключен из партии Рютин. Исключенный из партии Рютин представляет собой типичный образец двурушника. Будучи секретарем Краснопресненского райкома, Рютин совместно с т. Углановым вел фракционную борьбу против ЦК. Он вместе со всей правой оппозицией пытался противопоставить партии и ЦК московскую организацию. Рютин вместе с т.т. Углановым и Бухариным обвинял партию в скатывании к троцкизму. Рютин вместе со всеми правыми боролся против политики индустриализации, против строительства колхозов и совхозов. Они объявляли троцкизмом организуемое партией социалистическое наступление на кулачество». Далее говорилось о том, что ленинская московская организация сняла свое бывшее правооппортунистическое руководство, обвиненное партией в правых взглядах. Некоторые товарищи, защищавшие эти взгляды, под влиянием партийной критики якобы искренне отказались от них и активно стали участвовать в социалистическом строительстве. Рютин же, как оказалось потом, не принадлежал к их числу. Несколько лет пребывания его в большевистской партии не сделали этого бывшего меньшевика большевиком.

²² Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 11 от 5 октября 1930 г. п. 29: О Рютине (постановление Президиума ЦКК от 23–9–1930, протокол № 8, п. 2; Ярославский). Решено: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить Рютина из рядов ВКП(б). Настоящее постановление опубликовать в печати». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 7).

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 51, 90.

²⁴ Правда. 1930. 6 октября.

Но с открытой проповедью правооппортунистических взглядов стало трудно появляться в партийных организациях. Поэтому Рютин, как и некоторые другие правые, еще в октябре 1928 г. начал маневрировать. Признав на октябрьском пленуме МК в 1928 г. свои ошибки, он остался по-прежнему правым оппортунистом.

Эпиграфом этой статьи в «Правде» были слова Сталина: «Невозможно вернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение»²⁵. Недвусмысленно давалось понять членам партии, что время дискуссий и разговоров осталось в прошлом, наступила пора решительного искоренения инакомыслия, в какой бы форме оно ни выражалось. О том, что первый удар будет нанесен по членам партии, ранее предлагавшим внести коррективы в партийную линию, можно было судить по призыву, который предварял сталинский эпиграф: «Разоблачим до конца кулацких агентов, союзников контрреволюционного троцкизма — правых оппортунистов»²⁶.

Рютин, отстраненный от партийной работы за примиренческое отношение к правому уклону, так ни разу и не проявил себя на деле как правый оппортунист. В связи с этим, уточнялось в статье, Рютин после поражения правых «голосовал, выступал и писал в защиту генеральной линии. Но это была одна сторона деятельности Рютина. Была еще другая работа, скрытая от партии. Тут был и действовал истинный Рютин, правый оппортунист и предатель партии». Да, утверждал автор статьи, Рютин предавал партию. «За спиной партии, пользуясь ее доверием, он пытался использовать трудности социалистического строительства для разложения партийцев. Он катился всё ниже со ступеньки на ступеньку. Рютин не только, как в свое время сменовеховцы, как это делают теперь многие правые, выжидал, что партия откажется от политики развернутого социалистического наступления, но он пытался вести подпольную работу против ЦК, как подлинный кулацкий агент».

Однако не все в партии приняли эти обвинения «за чистую монету». В частности, в день публикации статьи в «Правде» на собрании ячейки ВКП(б) Союзкино оценка поведения Рютина не была однозначно негативной. Сведения об этом сохранились в протоколе заседания партколлегии ЦКК от 18 ноября 1930 г., в результате чего было принято решение «просить ЦК ВКП(б) обсудить вопрос о положении в Союзкино»²⁷.

В ноябре 1930 г. в райкомы, горкомы и партячейки Московской партийной организации было направлено закрытое письмо Московского обкома ВКП(б) за подписью Л. М. Кагановича, в котором предписывалось зачитать его на закрытых заседаниях, разработать план мероприятий и в месячный срок доложить практические предложения²⁸. В документе обстоятельно анализировалось

²⁵ Правда. 1930. 6 октября.

²⁶ Там же.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 186. Л. 52.

²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97. Л. 2, 3.

положение в московских парторганизациях, давались оценки как внутреннему положению страны, так и внешнеполитическим событиям. О причинах исключения М. Н. Рютина из партии подробно говорилось в разделе «Вопросы внутрипартийной жизни». Однако в предыдущем разделе — «Обострение классовой борьбы и раскрытие контрреволюционных организаций» — видимо, совсем не случайно утверждалось, что социалистическое строительство «происходило и происходит в обстановке ожесточеннейшей классовой борьбы»²⁹. В связи с этим за минувшие после XVI съезда ВКП(б) месяцы в соответствии с директивой Московского обкома партии была проведена массовая операция по «изъятию из деревни контрреволюционного кулацкого, антисоветского актива»³⁰. Репрессиям подверглись около тысячи человек — бывших помещиков, полицейских и жандармов, торговцев, священников, в том числе около 150 эсеров. В ряде районов, отмечается в документе, были ликвидированы «кулацкие, повстанческие, эсеровские и террористические группировки, занимавшиеся терактами, поджогами, отравлением скота, распространением слухов о войне»³¹. Об обострении классовой борьбы, утверждалось далее, свидетельствовали и планы интервенции, которые вынашивали руководители так называемой Промпартии. Этому, с их точки зрения, благоприятствовала борьба троцкистов и правых уклонистов против руководства партии, поскольку налицо имелось идейное родство между платформами Промпартии, Трудовой крестьянской партии и платформой правого уклона. Таким образом, утверждалось в закрытом письме, контрреволюционеры идейно сомкнулись с правыми уклонистами и старались использовать их лидеров в своих целях, помогали им одержать победу внутри ВКП(б), «не гнушались и террором, создали террористическую группу, готовившую теракты в дни работы XVI съезда против Сталина, Ворошилова, Куйбышева, Молотова, а также против тт. Менжинского, Ягоды и др.»³².

В следующем разделе «Вопросы внутрипартийной жизни» отмечалось, что «партия разгромила правый уклон как кулацкую агентуру в партии, причем XVI съезд признал взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)»³³. Но правые уклонисты, отмечалось в документе, продолжили атаку на ЦК и ведут ее «подпольно, предательски, обманывая партию, двурушничая, прикрываясь формальным согласием с генеральной линией, наиболее ярко это подтверждается фракционной предательской работой видного правого уклониста, ближайшего соратника Бухарина и Угланова, бывшего секретаря Краснопресненского райкома — Рютина... Рютинские оценки политики партии и положения в стране ничем не отличались

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

от оценок меньшевистско-белогвардейской эмиграции»³⁴. Далее, Рютину вменялось в вину намерение «свергнуть руководство партии, возглавляемое т. Сталиным»³⁵.

Ошельмованный публично в печати и не менее публично перед своими теперь уже бывшими товарищами по партии в закрытом письме Московского обкома, Рютин был арестован в ноябре 1930 г. Основанием для ареста стали агентурно-оперативные сведения. Вместе с тем разведывательные службы белоэмигрантских организаций доносили в свои центры, что Рютина арестовали за его связи с группой председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова³⁶. Его сторонники выступали против методов индустриализации страны, которые проводились Сталиным. Однако на допросах в ОГПУ Рютин отрицал предъявленные ему обвинения. Менжинский вынужден был обратиться к Сталину с просьбой уточнить его дальнейшую судьбу, ссылаясь на то, что Рютин «изображает из себя невинно обиженного»³⁷. Сталин на записке Менжинского приписал: «Нужно, по-моему, отпустить»³⁸. 17 января 1931 г. Рютин был освобожден из тюрьмы с твердым намерением продолжить борьбу с человеком, который, по его твердому убеждению, вел страну и партию к неминуемой гибели.

Таким образом, подводя итоги изложенного документального материала, объективный исследователь обязан признать Сталина политиком, умеющим искусно лавировать в борьбе за власть, находить союзников, разыгрывать многоходовые операции, выжидать момент для атаки, отступить, когда того требуют обстоятельства, разыгрывать незаслуженно обиженного, а порой и оскорбленного недоверием руководителя. Некоторые историки полагают, и не без оснований, что культ личности Сталина начал формироваться в начале 1930-х гг., но в действительности стремление к собственному возвышению и впоследствии к обожествлению можно обнаружить на десятилетие раньше. Но в те годы не всем это бросалось в глаза, многие партийцы-руководители списывали эти достаточно тревожные симптомы на неизбежные издержки обострившейся после смерти Ленина борьбы за власть. Однако после разгрома левой, троцкистско-зиновьевской оппозиции и так называемых правых во главе с Бухариным культ личности Сталина приобрел наиболее зримые очертания. Это не могло не вызвать протесты в партийной среде, особенно среди тех партийных работников, кто находился в достаточной близости от генсека, чтобы трезво судить о его намерениях. В итоге Сталина можно назвать политическим прагматиком, который в интересах своих политических выгод способствовал распространению мифов о собственной прозорливости и гениальности в борь-

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 97. Л. 11, 12.

³⁵ Там же. Л. 11.

³⁶ Старков Б. А. Дело Рютина // Они не молчали / Сост. А. В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 158.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5282. Л. 1.

³⁸ Там же.

бе с противниками Советской власти, которых он к тому же сам и назначал. Большинство из тех, кто оказывался по его воле разменными фигурами в политических играх, опускали руки, пасовали, отказываясь от продолжения борьбы. М. Н. Рютин оказался одним из немногих, кого не устроила предназначенная ему роль жертвы, кто не спасовал перед всемогущим диктатором, а решил продолжить борьбу, но уже не в одиночку, а попытавшись создать подпольную организацию внутри ВКП(б).

Опрос М. Н. Рютина 20 сентября 1930 г.

Сов[ершенно] Секретно

ОПРОС тов. РЮТИНА 20 сентября 1930 г.

Присутствуют т.т. Ярославский, Шкирятов; Рютин.

ЯРОСЛАВСКИЙ. *Зачитывает письмо тов. Немова.*

Что вы скажете по этому поводу?

РЮТИН. Я, тов. Ярославский, считаю это безобразием от начала до конца.

ШКИРЯТОВ. Что он — врет?

РЮТИН. Лжет! На 99% лжет!

ШКИРЯТОВ. Как же он выдумал всё?

РЮТИН. Да я вам расскажу относительно наших бесед.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Это было 8–10 раз.

РЮТИН. Это чепуха, конечно. Мы встречались раз или два. Один раз он ко мне приходил, потом встречались на водопое³⁹. А 8–10 раз — это преувеличение. Он спрашивал, естественно, меня, какие мои взгляды. Я заявил, что с правыми я никогда не был целиком согласен, даже тогда, когда меня снимали⁴⁰. Во-первых, по общетеоретическим вопросам, общетеоретической философской концепции Бухарина я был всегда решительным [ее] противником, я никогда не был механистом. В отношении теории организованного капитализма — я ни на одну минуту не разделял таких теорий.

Наконец, насчет мирного вранья кулака, никогда я этого не разделял. Даже когда меня снимали [с партийной работы] я заявлял, что у меня были расхождения с партией по двум вопросам, относительно темпов индустриализации и политики партии в деревне. В отношении темпов, конечно, я был сторонником того, что мы должны придерживаться быстрых темпов, но когда я выступил против Сталина на бюро райкома, о чем ЦК и ЦКК было известно...

ШКИРЯТОВ. Вы, товарищ, скажите нам, о чем вы с Немовым говорили?

³⁹ Вероятно, у санаторного источника.

⁴⁰ М. Н. Рютин имеет в виду 1928 г., когда его по инициативе И. В. Сталина сняли с должности секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б).

РЮТИН. Я всё расскажу подробно. Я говорил, что никогда не сходилась с Бухариным, Томским и Рыковым в отношении международного положения. В этом отношении у меня никогда не было расхождений с партией. Оппортунистические элементы — я считаю, что процесс очищения должен идти дальше, что специфические условия развития капитализма привели к этому, хотя дело большевизации за последнее время продвинулось вперед. Я говорил, что в отдельных вопросах есть расхождения, я не скрываю, например, относительно районирования. Когда на Политбюро как-то мы встретились, и тов. Сталин с группой товарищей говорили относительно районирования, я сказал, я лично стою на той точке зрения, что целесообразнее было бы ликвидировать областные центры, а не окружные центры. В этом отношении и сейчас у меня есть [сомнения]. В отношении меня лично — даже когда меня снимали, — меня смешали с правыми, ошельмовали, и выступление тов. Сталина против меня на Оргбюро я считаю неправильным, недобросовестным, пришили меня к этой компании.

ШКИРЯТОВ. Это вы с Немовым говорили?

РЮТИН. Да. Потом я говорил о таких вещах, как относительно контрактации. Туда приехал тов. Муралов, который объезжал колхозы и индивидуальные хозяйства. Он приезжал и говорил, что с началом контрактации начали опять вырезывать скот. Я говорю — безобразие это, надо принять меры, чтобы это прекратить.

Когда он говорит, что я связывал себя с Рыковым, что мы правые — это безобразие, дальше которого пойти нельзя.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я допускаю, что когда человек пишет, он может кое-что забыть или может сообщить не точно, но тут говорится о целом ряде вопросов, он говорит, что вы давали такую оценку, что политика партии во главе со Сталиным губительна и т. д. (*читает*).

РЮТИН. Я заявляю, что все это ложь от начала до конца. Причем теперь у меня возникает мысль, чем объясняется этот документ. Я могу сказать, [что] когда мы боролись с троцкистской оппозицией, он сочувствовал троцкизму. Это может подтвердить и теперешний секретарь Галкин и работники К[онтрольной] к[омиссии]. Он у нас был на подозрении. Я его вызывал и лупил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Какое это отношение имеет?

РЮТИН. Вот, например, в отношении районирования я высказывался, в отношении этой компании [против правых мы] говорили, что пришили меня. Но то, что я говорил, того он не написал, а написал то, чего я не говорил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. А вот, например, относительно доклада Сталина на съезде (*читает*). Такие конкретные вещи.

РЮТИН. Неверно. Я вам расскажу, каким образом это было. Я заявляю, я считаю, что доклад Сталина в основном совершенно правилен, но некоторых вопросов, я считаю, он не коснулся. Но сказать, что это шулерство [со стороны Немова], так передергивать...

ЯРОСЛАВСКИЙ. Вы говорили, что он в докладе не коснулся вопроса о забастовках.

РЮТИН. Я не могу сказать, потому что о забастовках сам ничего не знал.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Такого разговора не было?

РЮТИН. Не было.

ЯРОСЛАВСКИЙ. И о зарплате ничего не говорили?

РЮТИН. И о зарплате ничего не говорил.

ЯРОСЛАВСКИЙ. А о том, что политика партии с колхозами провалилась?

РЮТИН. В отношении колхозов я опять говорю, у меня были сомнения, и сейчас я не скрываю. То же и относительно районирования.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тут вопрос не о колхозах, а тут прямо говорится: «Политика в отношении колхозов явно провалилась».

РЮТИН. Он меня спросил, как ты смотришь на колхозы. Я сказал, я считаю политику безусловно правильной, но перегибы, которые были в этом отношении, причинили нам много беды. Относительно ЦК я не говорил. Как я мог говорить, когда мы имеем в колхозах 30–40% [крестьян]?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Насчет финансового краха, что отсутствие мелкой разменной монеты [надо] объяснять спекуляцией — это очковтирательство.

РЮТИН. Он надергал это всё, что сам говорил. Он сам говорил, что объяснить одной спекуляцией это — нельзя. Я сказал — не могу этого объяснить, потому что я не в курсе дела. Мы спорили с Гончаровым, который там был. Гончаров говорил: «По-моему, напрасно ЦК придерживается таких мероприятий, нужно выпустить какие-нибудь боны». А я сказал, наоборот, политика ЦК правильна, потому что если выпускать боны, то это может осложнить положение в дальнейшем, и ЦК, когда он не идет по линии наименьшего сопротивления, прав. Так я говорил с Гончаровым и с Немовым, но говорил, что перегнули палку в отношении выпуска бумажных денег. Но нельзя же, в конце концов, когда говоришь с членом партии, в совершенно лояльных формах, думать, что он что-то выдумает, передернет, тут пропустит, там вставит словечко, и получится такая вещь.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Это чепуха, думать, что члены партии, встречаясь, не будут говорить о политике партии даже во время отдыха...

РЮТИН. Причем я больше всего говорил о теоретических вопросах. Я прочел теорию прибавочной стоимости Маркса и Гегеля.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тут вопрос не о Гегеле. Тут у нас документ, который говорит о том, что товарищ, который был в ЦК партии, ведет такую работу, которую нельзя характеризовать иначе, как двурушничество.

РЮТИН. Конечно, если бы это было так.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Говорить, что я голосую за линию партии и стараюсь показать себя сторонником линии партии, а ведет такую подготовку, которая говорит, что мы ведем гибельную политику, что неизбежен кризис, и что большинство поймет неизбежно эту гибель.

ШКИРЯТОВ. Немов пришел, можно его позвать и сказать, что т. Рютин всё отрицает.

РЮТИН. На 99%.

ШКИРЯТОВ. О Сталине говорили?

РЮТИН. Я сказал, я считаю, что когда он выступил и сказал, что я примиренец, он меня ошельмовал. Тут все ложь на 99 %.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тогда давайте вызовем Немова.

В присутствии тов. НЕМОВА.

РЮТИН. Так-то, значит, брат. Здорово ты подтасовал.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин говорит, что на 99 % это неправда.

НЕМОВ. Я не сомневался, что Рютин будет отрицать, потому что Рютин дал такую установку, чтобы вести эти разговоры с глазу на глаз, без свидетелей.

РЮТИН. Безобразие.

НЕМОВ. Чего там, Рютин, ты лучше говори по-большевистски, прямо.

РЮТИН. Не втирай очки. Я знаю, когда ты был с троцкистами.

НЕМОВ. Я полагаю, что будет целый ряд товарищей, которые это подтвердят. В конце концов, это выяснится. Рютин подходил к этому осторожно, постепенно, вводил меня в курс вопросов, о которых я писал.

РЮТИН. Где это было?

НЕМОВ. В Ессентуках, раз 8 или 10.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин говорит, что 2–3 раза.

НЕМОВ. Когда я был у Гончарова...

РЮТИН. Ты сам пришел ко мне.

НЕМОВ. Я принес [фото]карточки Гончарову, я его снимал, и принес карточки. Зашел Рютин, потом говорит, пойдём вниз, он взял меня под руку, пошли вниз. Это была вторая наша беседа. Тут ты говорил уже более подробно. Третий раз, когда мы воду пили, четвертый раз, когда мы ходили к одному парню, который жил в санаторий Калинина.

ШКИРЯТОВ. Герасимович.

НЕМОВ. Пятый раз, когда мы встретились в парке, ты шел с кружкой от туда, а я туда. Говорили о тех же вещах. Я, конечно, не записывал.

ШКИРЯТОВ. Оказывается, встречались не 2–3 раза.

РЮТИН. Встречались больше, но говорили не каждый раз.

НЕМОВ. Еще говорили около санатория.

РЮТИН. И ты каждый раз пытался меня прощупывать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Дело не в том, кто кого прощупывал, а что имела место такая работа.

ШКИРЯТОВ. Что он говорил о Сталине?

НЕМОВ. Фокусник, шулер, комбинатор, который доведет страну до гибели, самое позднее это будет весной. Сначала говорил, что осенью, а потом, когда приехал из Кисловодска, говорил, что весной, и что наша установка, что нужно его смахнуть, а когда мы его смахнем, тогда мы справимся.

Дальше, во что бы то ни стало нужно вести и среди рабочих, и в деревне такую линию, что вся беда, нищета, всё это вследствие политики Сталина. Он глава. Он во всем виноват.

Скажи, Рютин, говорил ты, сколько у меня хозяйственников знакомых, и кто является надежным.

РЮТИН. Лжешь!

НЕМОВ. И что нужно готовить людей на предприятиях, чтобы в нужный момент ударить, и чтобы заключить блок с троцкистами.

РЮТИН. Ты сам был троцкистом.

НЕМОВ. Что наша установка в отношении экономики безусловно правильна, а их⁴¹ установка была губительной, потому что Сталин ее проводит и проваливается. Но в отношении внутрипартийной демократии они безусловно были правы, и на этой основе можно с ними договориться.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Насчет термидорианства.

НЕМОВ. Почему нужно быть осторожными? Потому что лучших товарищей ссылают, исключают, одно слово и кончено. Факты термидорианства у нас налицо. Как же иначе такую расправу расценивать?

ШКИРЯТОВ. Насчет Максимова.

НЕМОВ. Он говорит, я поеду туда, Максимов пользуется большой популярностью среди московских рабочих, с ним нужно поговорить. Но потом, когда приехал, сказал, что нужно быть очень осторожным, потому что ребята ругаются.

РЮТИН. А Максиму я ничего не говорил. Я спросил его только в отношении Велостроя.

ШКИРЯТОВ. А о трудностях наших говорили?

РЮТИН. Ничего не говорил. Так как я до настоящего времени нахожусь под подозрением, то я так и знал, что люди будут подтасовывать факты.

ШКИРЯТОВ. Вы говорили с Максимовым, что у нас адски трудное положение в стране и т. д., а Максимов говорит, почему и вы мне всё время задаете такие вопросы относительно трудности положения.

РЮТИН. Видите, товарищи, если так дело стоит, то я просто вынужден буду отказаться от показаний.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Ни один член партии не имеет права отказываться от показаний. Если ты считаешь себя членом партии...

РЮТИН. Считаю.

ЯРОСЛАВСКИЙ. ...если ты думаешь, что тебя шантажируют, ты обязан говорить.

РЮТИН. Например, относительно термидора. Когда я глубоко верю в силу пролетарской революции, говорить относительно перерождения нашей партии — это черт знает что такое. Говорил я, что я за медленные темпы индустриализации?

НЕМОВ. То, чего ты не говорил, того я и не пишу. Я пишу то, что ты говорил. Ты меня не экзаменуй, а скажи прямо — говорил ты, что если засыпешься, то надо вести [в этом случае дело] прямо на отказ.

РЮТИН. Лжешь, лжешь, мерзавец, лжец!!!

⁴¹ Речь идет о Л. Д. Троцком и его последователях.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Нельзя этого допускать, тогда он тоже имеет право называть вас мерзавцем. Если я допущу такую вещь в отношении к нему, я должен буду допустить, что и он вас будет называть мерзавцем, а потом вы будете бить друг друга по физиономии. Это не разговор в партийном учреждении.

РЮТИН. Говорил ли я, что я никогда не сходил с Рыковым и Бухариным, даже когда меня снимали.

НЕМОВ. Нет. Вот это ты действительно врешь. Говорил, что напрасно выступали Томский и Рыков на съезде⁴², потому что их всё равно бы выбрали. Это ты говорил у себя на даче. Ты говорил: «Бухарин нам передал, что он ни слова об этом больше писать не будет».

РЮТИН. «Нам» — это значит фракции?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Ну для нас ведь не секрет, что правая фракция существовала.

РЮТИН. Я заявляю, что я в течение двух лет не виделся с Бухариным.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я тоже давно с ним не виделся, но вчера я получил один документ, который доказывает, что он не может встать на правильный путь.

ШКИРЯТОВ. Когда я задал вопрос Максимову, спрашивал ли он о внутривнутрипартийном положении, он сказал, что нет, он всё время меня выспрашивал. Я сказал, что Рютин с вами говорил. Он говорил: «Приехал в первый раз, увидел его одна женщина, говорит: Рютин приехал. Мы повидались с Рютиным, потом пошли, Рютин стал заговаривать относительно философских вопросов, а кроме того стал спрашивать, где он работает. Максимов рассказал, что он работает в Индустрое, потом вы стали говорить, что наше положение весьма тяжелое, а Максимов сказал: конечно, отдельные трудности есть, но мы строим, растем и т. д. Потом, он говорит, разговор перешел на другие темы». После этого, когда приехал Максимов к вам, опять Рютин переходит к этому вопросу. Был тогда и Немов.

НЕМОВ. И женщина, которая работала в Совкино, управделами, что ли.

ШКИРЯТОВ. Он говорит: «Рютин стал опять сводить разговор на то, что внутреннее положение трудное, а я сказал, какого черта ты всё время об этом мне вопросы задаешь».

РЮТИН. Когда я приезжал в Эссентуки, мы говорили по хозяйственным вопросам, а по общим вопросам не говорили совершенно. Мы говорили по хозяйственным вопросам, когда встречались где-то на дорожке в Кисловодске в парке. Встретились и заговорили, причем он сказал: «Как дела». Я говорю, трудно работать, общее хозяйственное положение тяжелое, а как у тебя. Он говорит: «Трудно работать, очень тяжело». Потом я сказал, какое положение в кино, что не обращают внимания, считают, что там одни артисты и т. д. Я не знаю, но не исключено, что я начал говорить, а может быть, он спросил, как работа, какое у вас положение в Фотообъединении. Я рассказал — какие трудности. Но чтобы я обязательно начал...

⁴² Имеется в виду XVI съезд ВКП(б), прошедший в июле 1930 г.

ШКИРЯТОВ. Дело не в том, чтобы вы всё время говорили, что у вас всё хорошо. Важно, в какой перспективе идет это обсуждение. Вот, например, Немов, член партии с 1917 г., он написал этот разговор по поводу вашего отношения к тов. Сталину, по поводу разменной монеты, по поводу трудностей, по поводу выступления Сталина на съезде, что он не говорил о забастовках в стране. Что Каганович предлагал вам выступить на съезде. Об этом вы говорили?

РЮТИН. Говорил. Я сказал, меня до сих пор подозревают, что я имею отношение к группе Бухарина. Между прочим, подошел Каганович и говорит, что мы выставляем вашу кандидатуру в ЦК. Я удивился, я этого не ожидал в связи с грубейшими ошибками, которые мною были допущены⁴³. Тов. Каганович предлагает мне выступить. Было такое положение: я уже записался по хозяйственным вопросам, я хотел говорить по вопросам кино, но так как мне [в прениях слово] не досталось, то я договорился с Кагановичем, что я напишу статью. Статью я написал.

ШКИРЯТОВ. Это вы говорили с Немовым?

РЮТИН. Да. Показал эту статью Сутырину, но он сказал, что теперь следовало бы написать несколько иначе, чем она написана, съезд кончился, надо было уезжать в отпуск, я говорил с Кагановичем, он сказал: «Приедете после отпуска и напишете».

ШКИРЯТОВ. А о Сталине и проработке вы ничего не говорили?

РЮТИН. Я связывал это с его выступлением [на XVI съезде], но относительно общего руководства ничего не говорил, когда приехал Козлов, я говорил, что снимают людей, но я считаю, что Сталин выше и крупнее всех [оппозиционных деятелей в партии] и никогда не сделает ошибок, которые делают они.

ШКИРЯТОВ. Речь не о том, что вы говорили с Козловым, а что вы говорили с Немовым.

НЕМОВ. Относительно разговора с Кагановичем он действительно говорил о статье, чуть ли не в столовой с ним встретились, — «когда Каганович сказал, что он выставляет мою кандидату [в члены ЦК], я понял, что он хочет, но так как я в корне не согласен [с проводимой линией партии], то я сказал, что может быть лучше написать статью, но потом уехал в отпуск и так и увернулся от этого дела».

ЯРОСЛАВСКИЙ. Вы спорили с Рютиным или не возражали?

НЕМОВ. Целый ряд вопросов мне не был ясен, когда он говорил, что Сталина нужно убрать, установить другое коллегиальное руководство, я сказал — вообрази, у нас нет более авторитетного человека, завтра Сталин уйдет, кого надо выбрать генеральным секретарем? Он говорит: «Вообще не должно быть генерального секретаря, должно быть коллективное руководство, иначе нет гарантии, что опять не будет таких фокусов и комбинаций, которые сейчас устраивает Сталин и что опять не начнется положение, которое мы имеем сейчас».

⁴³ Имеется в виду публикация М. Н. Рютиным написанной им передовой статьи «Ликвидация кулачества, как класса» в газете «Красная звезда» от 16 января 1930 г. и статьи-опровержения И. В. Сталина «К вопросу ликвидации кулачества, как класса» в «Красной звезде» от 21 января 1930 г.

РЮТИН. Наоборот, ты пытался подъезжать ко мне еще в ВСНХ. Он пытался выяснить мою позицию, спрашивал, какая моя точка зрения сейчас. Я сказал, никогда я с Бухариным, Томским, Рыковым не был целиком согласен, даже когда меня снимали. У меня было две коренные ошибки, я был противником темпов, которые были взяты, т. е. я стоял за быстрые темпы, но говорил, что они должны быть проверены на практике. Вторая ошибка в отношении политического положения деревни. В дальнейшем, в декабре и январе, я уже голосовал вместе [с другими членами партии одинаково].

ШКИРЯТОВ. Чем же вы объясните, что Немов всё так неверно говорит?

РЮТИН. Я Ярославскому уже сказал, [что] мы с Немовым дрались во время троцкистской оппозиции.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Он и со мною дрался, тогда должен и ко всем нам иметь недоверие.

ШКИРЯТОВ. А в чем выразилась эта драка?

РЮТИН. Он в скрытой форме оказывал содействие троцкистам. Он был тогда директором Лаборнабжения и [мы] его вызывали [в райком партии] и нажимали.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сняли вы его с работы, исключили из партии?

НЕМОВ. Вынесли ли мне вообще какое-нибудь наказание?

РЮТИН. Вы в скрытой форме оказывали содействие троцкистам и боролись с нами.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Что же вы сделали, исключили из партии, сняли с работы?

РЮТИН. Оппозиция была разбита, и тов. Немов незаметно отошел.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Если он отошел от оппозиции, то почему же он должен сейчас быть против вас?

РЮТИН. Я вызывал его и говорил, что вы не двурушничайте и т. д. Он тогда такими фокусами занимался. Приходил секретарь ячейки, мне сказал, что надо его вызвать, что Немов ведет [оппозиционную] работу, связан с троцкистами.

НЕМОВ. Будучи секретарем райкома, вы, зная, что председатель треста ведет троцкистскую работу, хотя бы в скрытой форме, он должен был вызвать меня и довести до сведения, но я заявляю, что никогда меня Рютин не вызывал, никогда я с Рютиным не дрался и вообще ни с кем из районного комитета партии не дрался, и друг против друга мы не выступали. Никто меня не вызывал и не говорил. Это абсолютная ложь.

РЮТИН. Галкин может подтвердить.

НЕМОВ. Ни Рютин, ни Галкин меня не вызывали и со мной не говорили. Я не знаю, почему он хочет мне приписать троцкизм, [наверное], чтобы оправдать свою работу. Никогда со мной никто не говорил, никогда не вызывал.

РЮТИН. Галкин может подтвердить, что он вел скрытую троцкистскую работу, и во-вторых, что я с ним говорил по этому вопросу.

ШКИРЯТОВ. Галкин при этом был?

РЮТИН. Галкину я во всяком случае говорил.

НЕМОВ. А может быть, вспомнишь, когда ты меня вызывал. Когда это было?

РЮТИН. У меня столько народу было.

НЕМОВ. Ну, зимою, летом.

РЮТИН. В октябре, в декабре⁴⁴.

НЕМОВ. Октябрь, ноябрь, декабрь я был за границей и приехал в феврале. Я уехал во время октябрьских торжеств. Я вернулся в феврале 1928 года. Как он мог меня вызывать во время борьбы.

РЮТИН. Это могут подтвердить свидетели.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Это отводит нас в сторону, потому что, даже если допустить, что Немов был троцкистом, и вы его вызывали, то я не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Я тоже боролся против троцкистов не меньше Рютина, почему же Немов избрал Рютина и пишет о нем то, чего не было.

РЮТИН. Мне непосредственно приходилось с Немовым сталкиваться. Ваше положение совсем другое.

НЕМОВ. Если считать, что Немов имеет что-нибудь против Рютина, то [вот] еще факт. Когда нашу фабрику Рухимовича обследовала главная инспекция ВСНХ, и встал вопрос о том, чтобы меня снять, Рютин выступил и заявил, [что] Немова во что бы то ни стало нужно оставить. Это было в феврале месяце [1927 г.] в разгар борьбы с троцкистами. Не было никаких столкновений. Почему же это так.

ШКИРЯТОВ. Совершенно непонятно, почему же Немов выбрал Рютина. Вы говорите, что он был скрытым троцкистом, и что была борьба, а оказывается, нет никакого постановления против Немова, наоборот, вы выступали в его защиту. Но в районном комитете были и другие лица, которые боролись с троцкистами, почему же он обязательно на вас напал. И тут же вы говорите: всё, что написано Немовым, всё это ложь. Не могу поверить, что вы не говорили с ним, что вы не говорили о разменной монете, о выступлении Сталина...

РЮТИН. Я говорил, но всё это извращено. По пунктам могу сказать, что я говорил и чего не говорил. Относительно разменной монеты говорил я следующее: затруднения в Москве и в провинции с разменной монетой — очевидно, кроме вредительских элементов, выпущено излишнее количество денег. Но делать из этого заключение, что у нас финансовая катастрофа — это, конечно, чепуха.

Дальше, вы говорите, почему Немов так поступает. Я сам удивлен, но я был не рядовым работником, я был руководителем райкома, борьба велась в обостренных формах. Насколько мне помнится, я защищал и многих других. Когда я вижу, что человек отходит как политический руководитель, я должен был отвлечь человека от пути, на который он встал.

НЕМОВ. Когда говорили относительно денег, помнит ли тов. Рютин, что он говорил о статье Брюханова, что всякий грамотный член партии поймет, что это очковитительство относительно мелкой разменной монеты. Я, по совести сказать, этой статьи не читал. Он говорит: «смешно, только люди, выжившие из ума, или этот идиот, как он выразился, Брюханов, могут сводить всё это

⁴⁴ Видимо, речь идет о борьбе с оппозицией осенью 1927 г.

к спекуляции». «Это вызвано общим экономическим положением. Если расстреляют одного-двоих, разве можно этим изжить затруднения. Это чепуха».

РЮТИН. Я считал, что статья Брюханова не исчерпывающая, что выдвигать только этот [аргумент], может, неправильно. Но никоим образом я не связывал этого с политикой партии. В «Правде» много статей, которые я критиковал, но я сомневаюсь, отражает ли эта статья линию редакции «Правды».

ЯРОСЛАВСКИЙ. Тов. Рютин, вы понимаете, что речь идет о серьезных вещах, речь идет о том, может ли партия допустить такие вещи, вопрос идет о пребывании в партии. Когда член партии говорит о смене руководства, о дискредитации его⁴⁵ и т. д.

РЮТИН. Бесспорно.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я прошу вас вспомнить, как всё это было и изложить.

РЮТИН. Тогда вы дайте мне этот документ, и я постараюсь изложить.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Мы его не перепечатывали и не давали никому, этот напечатал Немов лично.

РЮТИН. Я по каждому пункту отвечу.

НЕМОВ. В отношении оценки Сталина как ты говорил, в отношении руководства.

РЮТИН. Скажу, скажу.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сначала 99 % было неправды, 2 раза только разговаривали и обо всем этом не разговаривали. А теперь выходит, что по всем вопросам разговаривали, из разговоров выясняется, что не 99 % неправды, а многое подтверждается.

РЮТИН. То, о чем он писал, я об этом не разговаривал и не мог разговаривать с членами партии. Всё можно так извратить, что получится такая картина, передернут одно, выкинут другое.

НЕМОВ. Ну, Рютин, неужели я мог выдумать от начала до конца.

РЮТИН. Ты извратил на 99 %.

НЕМОВ. Я должен со всей ответственностью заявить, я пришел к убеждению, что по всему, что Рютин говорил, это самый завзятый реакционер, я даже должен так сказать: я прочел эту книжку показаний, — тебя можно поставить рядом с Кондратьевым, а по некоторым вопросам даже хуже.

РЮТИН. Такими вещами не занимайся! Клеветник! Кондратьев стоит на точке зрения термидора, а [я] глубоко верю в силу пролетарской революции, я не допускаю мысли о перерождении партии, я тебе не мог этого говорить, и кто меня знает продолжительное время, тот этому не поверит никогда. Я не только на точке зрения Кондратьева, но и на точке зрения Теодоровича не мог стоять, если это проверено по линии К[онтрольной] к[омиссии].

ЯРОСЛАВСКИЙ. К[онтрольная] к[омиссия] ничего этого не проверяла.

РЮТИН. Ни [то], что мы рано совершили социалистическую революцию и что мы погибаем, — этого я не мог говорить никогда. А относительно Рыкова я никогда не был целиком согласен, несмотря на то что мною были допущены ошибки. Тут уже прямая попытка фракционной связи.

⁴⁵ Имеется в виду дискредитации И. В. Сталина.

НЕМОВ. Ты говорил, мы считаем, что выступления Троцкого⁴⁶ и Рыкова ошибочны, не надо было им выступать, всё равно их бы [в состав ЦК] выбрали. Выступление [на съезде] с раскаянием это ошибка.

РЮТИН. Как я мог это говорить, когда я ничего общего с ними не имел?

НЕМОВ. А как ты мог сказать?

РЮТИН. Их выступление расценивалось мною как неискреннее. Официальная оценка такая. У меня примерно такие же настроения были как у Андреева. Сначала я считал, что выступление Томского является искренним, но будущее покажет, как он будет вести себя.

НЕМОВ. Ловкий ты!!!

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я предлагаю тов. Рютину изложить более точно. Он просит дать ему на руки заявление тов. Немова.

ШКИРЯТОВ. Зачем его распространять.

РЮТИН. Тогда я могу так [более точно] написать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Я говорил, что сначала выходило, что тут на 99 % наврано, а потом оказалось очень многое так, как и было.

РЮТИН. Можно всё извратить до неузнаваемости.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Мы же не будем извращать. Что же мы, со Шкирятовым, будем врать, что ли?

ШКИРЯТОВ. Там все вопросы, о которых каждый член партии может говорить, о разменной монете и т. д. Но важно, как говорится, как ведется подготовка этой работы.

РЮТИН. Хотите верить, [но] я целиком не разделял их теоретических взглядов по вопросам международной политики, по вопросам Коминтерна, ни капли разногласий с партией у меня не было. В отношении тов. Сталина у меня были отступления, но я всегда оценивал его как самую крупную фигуру, хотя я говорил относительно [его] недостатков, [потому] что надо сохранить эти кадры⁴⁷. Это [было] примерно в декабре месяце [1928 г.]. В разговоре с Ворошиловым я заявлял, что с Бухариным, Томским, Рыковым не пойду. В вопросе об индустриализации у меня были ошибки, но сейчас расхождений нет. Относительно оценки положения в деревне не говорил совершенно. Я сказал, что как-то встречался со Сталиным на Политбюро, когда намечался вопрос относительно районирования, я высказал тогда, что целесообразнее было бы ликвидировать не окружные, а областные центры. В отношении этого у меня были сомнения.

НЕМОВ. Этого ты не говорил, ты не сочиняй, об этом ты ни слова не говорил, честное слово, это ты выдумываешь. Ты говорил, что установка относительно коллективизации сельского хозяйства губительна.

ШКИРЯТОВ. А если бы и говорил, то что же тут особенного?

НЕМОВ. Вот в отношении оценки статьи Брюханова я признался, что я ее не читал, и я не писал этого в заявлении, теперь вспомнил.

РЮТИН. Ты и это пытаешься связать с общей линией партии.

⁴⁶ В тексте опечатка, имеется в виду М. П. Томский.

⁴⁷ Вероятно, имеются в виду представители так называемого правого уклона.

НЕМОВ. Как ты не хочешь сказать, что основной вопрос к этому сводился.

РЮТИН. И другие товарищи в санатории оценивали эту статью как слабую статью.

НЕМОВ. Дело не в том, что написал Брюханов, а что это является политической партии. Главным образом ты напирал на [политику] Сталина. Вся беда, всё несчастье от того, что Сталин управляет. Вот ты говорил, на собраниях все резолюции проходят единогласно, это характерно, а наши пропагандисты, когда приезжают, говорят, мы уже так забрехались, что никто нам не верит.

РЮТИН. Выходит, что я целиком высказывался, а он только меня слушал, как я соловьем пою. Здесь что-то не так. Ты тоже говорил относительно трудностей и говорил в таком же порядке. Он не возражал, когда я высказывался относительно бухаринской статьи, когда я высказывался относительно отношения к правым, ничего.

НЕМОВ. Ничего этого я не спрашивал.

РЮТИН. Нет, ты сказал, а какое твое отношение к позиции правых. Ты солидаризировался со мной, что их позиция правильна.

НЕМОВ. Послушайте, товарищи, выходит так, что не только он говорил, но и Немов говорил, что и он давал ту же самую оценку.

ШКИРЯТОВ. Для характеристики вопроса скажите, был ли какой-нибудь разговор о Коган?

РЮТИН. Не помню.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Что приехала игуменья.

РЮТИН. Нет, тут дело такое, на Красной Пресне звали «мать игуменья» Беленькую.

НЕМОВ. А к чему это было?

РЮТИН. По совести, откровенно, не помню почему я это сказал. Но во всяком случае не в связи с общей политикой партии.

НЕМОВ. Вот ты сказал, что игуменья приехала и при ней ни гу-гу, и что когда она сидит за столом, то как она ни пытается заговорить, все как в рот воды набрали.

РЮТИН. Она говорила, что сейчас продовольственное положение улучшилось в связи с тем, что построили по районам палатки, стало значительно лучше, и что из дому ей писали, что продовольственное положение стало лучше.

НЕМОВ. Вот что ты говорил. Он объясняет все продовольственные затруднения тем, что не хватает палаток. Продовольствия много, но нет палаток. Ты говорил: «и хватает же у человека нахальства так врать. Мы сидим, все молчим, за исключением одного чинуши, который всё время ей поддакивает». Не помню, о ком это ты говорил, кто этот чинуша.

Я думаю, Рютин хуже делает, что он так отпирается, если еще тебя прижмут некоторые товарищи, которые всё это подтвердят, будет еще хуже. Ты должен правду сказать, потому что я убежден, что подтвердят и другие товарищи, если ЦКК возьмет их [в оборот] как следует.

РЮТИН. Что ты занимаешься клеветой. У меня есть ряд товарищей, которые знают мои позиции.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Кончим на этом. Я тов. Рютину сказал, что речь идет об очень серьезном, о двурушничестве, о самой возможности оставления в партии.

РЮТИН. Я напишу всё это.

НЕМОВ. Я хотел бы, чтобы он при вас еще сказал: когда мы стояли с тобой и подошел Бубнов — это который раз было 8-й или 10-й, — и мы как раз говорили об этом, это было уже накануне отъезда, и ты давал мне свой адрес, куда к тебе заходить и т. д.

РЮТИН. И ты мне давал.

НЕМОВ. И я давал тоже. И подходил тов. Бубнов, и ты сказал: «вот с такими людьми я всегда полностью поддерживаю линию партии, и виду не подаю. Я подойду к нему, мне нужно кое-что узнать».

РЮТИН. Конечно, двурушничество.

НЕМОВ. А как ты мне сказал?

РЮТИН. Я просто подошел к Бубнову и спросил его относительно...

НЕМОВ. Ты же говорил: «я всегда с такими людьми поддерживаю линию партии, тут нужно ухо держать востро».

ШКИРЯТОВ. Уже считал вас своим?

РЮТИН. Клеветник.

Когда написать вам?

ЯРОСЛАВСКИЙ. Сегодня.

РЮТИН. Я несколько расстроен... я не знаю... я попытаюсь в течение суток написать. Очевидно, от руки написать.

ЯРОСЛАВСКИЙ. Лучше от руки, конечно. Другим лучше не давать.

РЮТИН. Пока это дело разберется, я не смогу работать. Шведченков уехал в отпуск, работы очень много, но мое внутреннее состояние такое, я сейчас говорю вам...

ЯРОСЛАВСКИЙ. На днях разберем.

РЮТИН. Я болею чрезвычайно за работу, но просто не смогу работать. Раз решите мне хотя бы Сутырину сказать, что дело в ЦКК...

ШКИРЯТОВ. Зачем ему это говорить.

РЮТИН. Сказать, что несколько дней не буду ходить [на работу].

ШКИРЯТОВ. В течение двух дней мы уже кончим.

*РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 3). Л. 191–211.
[Подлинник. Машинопись. Неправленная стенограмма]*

References

Anfert'ev I. A. «Takoj otvet mog by byt' ponât kak neželanie otvečat' Central'noj kontrol'noj komissii...» O presledovanii irkutskimi partijnymi činovnikami «opal'nogo» kandidata v členy SK VKP(b) M. N. Rûtina. 1929 g. // Istoričeskij arhiv. 2010. № 2. S. 177–185.

Anfert'ev I. A. Stenogramma zasedaniâ Prezidiuma CKK VKP(b) ot 23 sentâbrâ 1930 g. Deâtelnost' M. N. Rûtina protiv režima I. V. Stalina // Klio. 2004. № 4 (27). S. 33–45.

Central'nyj komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): Istoriko-biografičeskij spravočnik / Sost. Ū. V. Gorâčev. M.: Izdatel'skij dom «Parad», 2005.

- Dokumenty svidetel'stvuût. Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii 1927–1932 gg. M., 1989.
- Hlevnûk O. V.* Politbûro. Mehanizmy političeskoj vlasti v 30-e gody. M., 1996.
- Hlevnûk O. V.* Hozâin. Stalin i utverždenie stalinskoj diktatury. M.: ROSSPÈN, 2010.
- Istoriografiâ stalinizma: Sb. st. M., 2007.
- Istoriâ stalinizma: repressirovannaâ provincîâ. M.: ROSSPÈN, 2011.
- Kak lomali nêp. Stenogrammy plenumov CK VKP(b) 1928–1929 gg. V 5 t. M., 2000.
- Maslov N.* Potrâsauûšij dokument èpohi stalinizma // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 12. S. 200–202.
- O dele tak nazываемого «Soûza marksistov-lenincev» // Izvestiâ CK KPSS. 1989. № 6. S. 104.
- Pis'ma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936.* Sbornik dokumentov / Sost.: L. Košeleva, V. Lel'čuk, V. Naumov, O. Naumov, L. Rogovaâ, O. Hlevnûk. M., 1995.
- Rûtin M.* Partiâ i rabočij klass. M., 1924.
- Rûtin M. N.* Edinstvo partii i disciplina. M.–L., 1926.
- Rûtin M. N.* Smenovehovcy i proletarskaâ revolûciâ. Rostov-na-Donu, 1924.
- Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg. M., 1999.
- Stalin i Kaganovič. Perepiska. 1931–1936 gg. / Sost.: O. V. Hlevnûk, R. U. Dêvis, L. P. Košeleva, È. A. Ris, L. A. Rogovaâ. M., 2001.
- Stalinskoe Politbûro v 30-e gody. Sbornik dokumentov / Sost.: O. V. Hlevnûk, A. V. Kvašonkin, L. P. Košeleva, L. A. Rogovaâ. M., 1995.
- Starkov B.* «Moâ tragediâ... tragediâ celoj èpohi» (iz pisem M. N. Rûtina rodnym. 1932–1936 gg.) // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 3. S. 163–178.
- Starkov B.* Delo Rûtina // Oni ne molčali. M., 1991. S. 145–178.
- Starkov B.* Založnik socialističeskoj idei // Dela i lûdi stalinskogo vremeni. SPb., 1995. S. 181–209.
- Starkov B. M. N.* Rûtin (K političeskomu portretu) // Izvestiâ CK KPSS. 1990. № 3. S. 150–163.
- Starkov B.* Čest' partii // Znanie – sila. 1988. № 11. S. 81–83.
- Tragediâ sovetskoj derevni. Kollektivizaciâ i raskulačivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939. T. 1. Maj 1927 – noâbr' 1929 gg. M., 1999.
- Vlast' i oppoziciâ. Rossijskij političeskij process NH stoletîâ. M., 1995.
- XIV s'ezd VKP (b). Stenografičeskij otčet. M., 1926.
- XV s'ezd Vsesoûznoj Kommunističeskoj partii (bol'ševikov). Stenografičeskij otčet. M.–L., 1927.

Список литературы

- Анфертьев И. А.* «Такой ответ мог бы быть понят как нежелание отвечать Центральной контрольной комиссии...» О преследовании иркутскими партийными чиновниками «опального» кандидата в члены ЦК ВКП(б) М. Н. Рютина. 1929 г. // Исторический архив. 2010. № 2. С. 177–185.
- Анфертьев И. А.* Стенограмма заседания Президиума ЦКК ВКП(б) от 23 сентября 1930 г. Деятельность М. Н. Рютина против режима И. В. Сталина // Клио. 2004. № 4 (27). С. 33–45.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
- Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989.

- Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007.
- История сталинизма: репрессированная провинция. М.: РОССПЭН, 2011.
- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.
- Маслов Н.* Потрясающий документ эпохи сталинизма // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 200–202.
- О деле так называемого «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 104.
- Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сборник документов / Сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995.
- Рютин М.* Партия и рабочий класс. М., 1924.
- Рютин М. Н.* Единство партии и дисциплина. М.–Л., 1926.
- Рютин М. Н.* Сменовеховцы и пролетарская революция. Ростов-на-Дону, 1924.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост.: О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост.: О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995.
- Старков Б.* «Моя трагедия... трагедия целой эпохи» (из писем М. Н. Рютина родным. 1932–1936 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 163–178.
- Старков Б.* Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145–178.
- Старков Б.* Заложник социалистической идеи // Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 181–209.
- Старков Б.* М. Н. Рютин (К политическому портрету) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 150–163.
- Старков Б.* Честь партии // Знание – сила. 1988. № 11. С. 81–83.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929 гг. М., 1999.
- XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926.
- XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.–Л., 1927.
- Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.
- Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Ю. В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005.

К. А. Болдовский

«ЛОИИ не сумело перестроить свою работу...» Постановление бюро ЛГК ВКП(б) и другие документы о работе ЛОИИ 1949 г.

В первые месяцы 1949 г. в Ленинграде произошло несколько событий, определивших общественно-политическую обстановку в городе в последующие годы. Крупнейшим из них стало смещение в конце февраля с руководящих постов партийных и государственных деятелей, возглавлявших регион на протяжении последнего десятка лет. Кроме этого, широко развернулась кампания по борьбе с «безродным космополитизмом» и «преклонением перед иностранщиной», которая затронула прежде всего научные и преподавательские кадры¹. На этом фоне менее заметными остались процессы, проходившие в среде историков, в первую очередь в Институте истории партии (Истпарте) и ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ). Публикуемые документы позволяют дать оценку произошедшему в ЛОИИ в это время.

Краткая хронология событий выглядит следующим образом. В январе 1949 г. был снят с работы и исключен из партии С. И. Аввакумов — заведующий ЛОИИ, возглавлявший до этого ленинградский Истпарт и работавший ранее заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б). Одновременно был освобожден от должности и К. Г. Шариков, сменивший его в должности директора Истпарта. Предъявленные им претензии касались, во-первых,

кадровых вопросов (так, например, их обвинили в том, что они способствовали устройству на работу в институт Г. Л. Шидловского, который якобы в дореволюционный период выдал царской охранке И. В. Сталина), а во-вторых, якобы предпринимавшихся попыток «протащить под видом исторических работ троцкистско-зиновьевскую пропаганду». Тогда же горком партии образовал комиссию по проверке работы ЛОИИ, в состав которой вошли сотрудники отдела пропаганды и агитации, возглавляемого в то время В. И. Смоловицом. Результатом работы комиссии стала «Справка...» (документ № 1), подписанная заместителем заведующего отделом В. А. Овсянкиным². На основании этой справки отделом был подготовлен проект постановления бюро горкома ВКП(б), который был подписан В. И. Смоловицом и направлен на рассмотрение руководству (документ № 2). Как видно из текста документа, в нем содержались обычные для того времени обвинения ведущих ученых-историков города в «национальном нигилизме», «космополитизме», «буржуазном объективизме», «преклонении перед иностранщиной», которые носили не только обобщающий, но и персональный характер и, согласно уже отработанной практике, могли привести к самым неприятным последствиям для прорабатываемых.

Однако на этапе рассмотрения проекта партийным руководством он был существенно изменен — «подрессорен», по образному выражению А. А. Жданова. Из текста исчезли все упоминания о конкретных ученых; вместо разносных формулировок появились достаточно обтекаемые фразы о том, что «в ряде работ <...> имеют место проявления космополитизма и буржуазного объективизма» (документ № 3). Основным мотивом постановления стали указания по улучшению работы ЛОИИ — в первую очередь за счет интенсивного исследования тем, связанных с советским периодом истории. Почему это произошло?

На наш взгляд, ситуация, сложившаяся вокруг ЛОИИ к маю 1949 г., стала следствием трех одновременно проходивших процессов. Во-первых, в сфере исторической науки внимание нового руководства города и органов госбезопасности к маю 1949 г. было обращено не столько на ученых, занимавшихся, пусть с «идеологическими извращениями», но все-таки достаточно отдаленными от современности вопросами, сколько на специалистов по истории партии: С. И. Аввакумова, К. Г. Шарикова, Н. А. Корнатовского и их коллег из Истпарта и партийной школы. Они были более близки к бывшим партийным руководителям и, следовательно, лучше подходили на роль «идеологических пособников антипартийной группы». Кроме этого, в их работах гораздо легче было обнаружить «троцкистско-зиновьевские вылазки»³. Во-вторых, к маю 1949 г.

² О В. А. Овсянкине подробнее см.: *Ходяков М. В.* Кафедра новейшей истории России // Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 102–110.

³ См.: *Болдовский К. А.* «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...». «Дело Н. А. Корнатовского» в документах ленинградского горкома ВКП(б) 1949 года // *Новейшая история России.* 2014. № 2. С. 257–307.

¹ См., например: *Дружинин П. А.* Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

уже закончился большой и шумный процесс по разоблачению «космополитов» в ЛГУ и Институте литературы АН СССР. Некоторые из упомянутых в проекте постановления о ЛОИИ ученых (например, С. Я. Лурье) уже попали в жернова проработки, и начинать новую крупную кампанию не было необходимости. В-третьих, набирала силу подготовка к кампании чисток ленинградского партийно-государственного аппарата. Хотя первые аресты по так называемому «ленинградскому делу» начались несколькими месяцами позже, поиск компромата на бывших руководителей и их ставленников был первоочередной задачей нового руководителя города — В. М. Андрианова. В этой ситуации ему не следовало идти на поводу у прежнего аппарата и активно действовать в запланированных без его участия кампаниях. Практически все готовившие и обсуждавшие постановление о ЛОИИ работники горкома в скором времени превратились в «участников антипартийной группы» (П. И. Левин был расстрелян, Н. А. Николаев покончил с собой, Н. Д. Синцов был арестован, были сняты с работы В. А. Овсянкин и В. И. Смоловик). Следует отметить, что новый первый секретарь старался не предпринимать никаких резких действий без консультаций со своим московским патроном — Г. М. Маленковым, в планы которого, видимо, тотальный разгром ленинградской исторической школы не входил. Эту позицию В. М. Андрианова доказывают и его слова во время обсуждения вопроса на заседании бюро горкома, зафиксированные в стенограмме. Выступление главы города было кратким и содержало только незначительные замечания: «Проект начать не с утверждения тов. Иванова, а с существа вопроса. В остальном проект принять. Добавить то, что просит тов. Иванов в отношении практической помощи»⁴.

В публикацию включены документы, выявленные в фонде ленинградского горкома РКП(б) – ВКП(б) – КПСС (фонд 25) Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Документы расположены в хронологическом порядке со сплошной нумерацией и являются машинописными подлинниками, скрепленными подписями.

Текст документов приводится в соответствии с современными орфографическими правилами. Стилистические особенности документов сохранены. Имеющиеся опечатки и описки, не несущие смысловой нагрузки, исправлены без оговорок. Воспроизведены выделения и подчеркивания, имеющие смысловое значение. Делопроизводственные пометы опущены.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 134. Л. 14.

Документ № 1

**Справка отдела пропаганды и агитации ЛГК ВКП(б) от 7 марта 1949 г.,
направленная секретарям ЛГК ВКП(б)**

Секретарю Ленинградского
обкома и горкома ВКП(б)
тов. АНДРИАНОВУ В. М.⁵

Секретарям Ленинградского
горкома ВКП(б)
тов. НИКОЛАЕВУ Н. А.⁶
тов. СИНЦОВУ Н. Д.⁷
тов. ЛЕВИНУ П. И.⁸

СПРАВКА

О работе Ленинградского отделения Института истории
Академии Наук СССР

В ЛОИИ работают 33 научных сотрудника.

По ученым степеням коллектив научных сотрудников состоит из 1 академика, 13 докторов наук, 15 кандидатов наук и 4 младших научных сотрудников без ученой степени. По научному профилю: история СССР — 15, античная история — 5 чел., византиноведение — 3 чел. и всеобщая история — 7 чел. По национальности: русских — 27 чел., украинцев — 1 чел., евреев — 6 человек. По партийности: членов ВКП(б) — 11 чел., беспартийных — 22 чел.

ЛОИИ не сумело перестроить свою работу в соответствии с решениями партии по идеологическим вопросам.

Многие научные сотрудники ЛОИИ недостаточно усвоили основные принципы марксистско-ленинской методологии, не умеют творчески применять марксистско-ленинскую теорию в своей практической работе.

Отсутствие в работе ЛОИИ принципа большевистской партийности, благодушие и самоуспокоенность, примиренческое отношение к неизжитым многими историками традициям буржуазной исторической науки привело к распространению среди ряда научных сотрудников ЛОИИ объективистских

⁵ Андрианов В. М. (1902–1978) — в 1949–1953 гг. — первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б), основной организатор кадровых чисток по так называемому «ленинградскому делу». В 1953–1956 гг. — заместитель министра государственного контроля СССР. С 1956 г. — на пенсии.

⁶ Николаев Николай Александрович (1910–1949) — в 1948–1949 гг. — заведующий отделом машиностроения, секретарь ленинградского горкома ВКП(б). Покончил с собой в августе 1949 г.

⁷ Синцов Николай Дмитриевич (1903–1962) — в 1949 г. секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде, снят с работы в июне того же года. Арестован в 1950 г. Освобожден в 1954 г.

⁸ Левин Пантелеймон Иванович (1911–1950) — заведующий оргинструкторским отделом горкома ВКП(б). В 1949 г. — секретарь ГК ВКП(б), в том же году арестован, расстрелян в 1950 г.

взглядов. Наиболее ярким проявлением объективизма в печатной продукции ЛОИИ была работа проф. С. Н. Валка «Историческая наука в ЛГУ за 125 лет»⁹, написанная с буржуазно-объективистских позиций. Объективистским справочником явилась и другая работа того же автора «Советская археография». Примером недопустимого объективизма, некритического отношения к старым буржуазным школам явился том II «Русской Правды», изданный ЛОИИ. Вместо того, чтобы подвергнуть критике с марксистско-ленинских позиций старые буржуазные теории и взгляды на «Русскую Правду», это издание, по существу, превратилось в трибуну для пропаганды этих теорий.

В подготовленной и сданной в печать работе проф. Предтеченского¹⁰ «Очерки истории общественной мысли в России в начале XIX века» отсутствовала четкая марксистско-ленинская характеристика различных течений общественной мысли в России в начале XIX века. Автор изложил историю общественной мысли в России в духе буржуазного объективизма, смешал, несмотря на ясные ленинские оценки, различные направления в истории общественной мысли и приукрасил представителей реакционных течений (Карамзин).

Отрицательную оценку в печати получила и книга бывшего старшего научного сотрудника ЛОИИ О. Л. Вайнштейна¹¹ «Тридцатилетняя война и Россия».

Некоторые научные сотрудники заражены такой опасной болезнью, как низкопоклонство перед буржуазной культурой Запада. Книга проф. Лурье¹² о Геродоте, вышедшая в научно-популярной серии А<академии> Н<аук>, является наиболее ярким примером раболепства перед иностранщиной.

В своей книге, предназначенной для широких кругов молодежи и интеллигенции, Лурье обходит молчанием русских ученых-античников и труды Н. Я. Марра, но зато широко пропагандирует взгляды зарубежной науки — реакционных немецких буржуазных историков (Эд, Мейер¹³, Якоби и др.).

ЛОИИ не развернуло разработку исторических проблем, представляющих сейчас наибольшую важность и актуальность для советской общественности.

⁹ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) — выдающийся историк, археограф. Доктор исторических наук, профессор. Речь идет о работах С. Н. Валка: Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии, Ленинград. Гос. ун-т, Секция историч. наук. Л., 1948. С. 3–79 и Советская археография. М.–Л., 1948.

¹⁰ Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — историк, доктор исторических наук, профессор.

¹¹ Вайнштейн Осип Львович (1894–1980) — историк-медиевист, доктор исторических наук. В описываемое время был уволен из ЛОИИ. Речь идет о книге: *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 годов: Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М.: Госполитиздат, 1947.

¹² Лурье Соломон Яковлевич (1890–1964) — выдающийся филолог-эллинист, историк античности, доктор исторических наук. Доктор филологических наук. Профессор Ленинградского университета, откуда в 1949 г. был уволен, после чего переехал в Одессу, а затем во Львов. Профессор львовского университета. Речь идет о книге: Геродот (485–425 до н. эры). М.–Л., 1947, вышедшей в научно-популярной серии Академии Наук СССР.

¹³ Так в тексте. На самом деле речь идет о выдающихся историках античности: Эдуарде Мейере и Феликсе Якоби.

Весь план ЛОИИ, за редким исключением, обращен к далекому прошлому и не включает многих проблем, разработки которых требует от советских историков ЦК партии. Имеется вредная тенденция к уходу от вопросов теории и теоретических обобщений в область локальных исследований и в коллекционирование фактов.

Совершенно неудовлетворительно поставлена в ЛОИИ разработка истории Советского общества. Темы по советскому периоду до 1948 года вообще в план ЛОИИ не включались. Среди работ, выпущенных ЛОИИ за последние годы, нет ни одной работы или статьи по истории Советского общества.

В секторе всеобщей истории самым слабым местом является разработка истории зарубежных стран в эпоху империализма. Проблематикой этого периода занимается всего только один сотрудник ЛОИИ.

ЛОИИ не выполняет указаний партии о развертывании борьбы против буржуазной историографии, ученые ЛОИИ не ведут наступления на зарубежных фальсификаторов истории.

Планирование научной работы и контроль за выполнением плановых тем в ЛОИИ поставлены неудовлетворительно. За 1948 год имеется большое количество невыполненных тем полностью или частично.

В работе ЛОИИ имеет место явно антигосударственная практика. Старшие научные сотрудники ЛОИИ, являющиеся одновременно профессорами в ЛГУ и получающие там полный профессорский оклад, зачастую выполняли одну и ту же научную тему для двух учреждений и, следовательно, за одну и ту же научную работу получали дважды — в ЛОИИ и в ЛГУ.

Работа по истории Ленинграда ЛОИИ фактически еще не начата и не развернута, хотя по плану 1949 года эта трехтомная работа должна быть закончена к январю 1951 года. План «Истории Ленинграда», принятый ученым советом ЛОИИ, изобилует крупнейшими пороками, страдает объективизмом.

В ЛОИИ не развернута большевистская критика и самокритика. Критика и самокритика не является в ЛОИИ основным методом воспитания кадров и повышения уровня научной работы. Боязнь критики и самокритики следует объяснить молчание сектора истории СССР о II томе «Правды Русской», нежелание сектора обсудить книгу Б. А. Романова¹⁴ «Люди и нравы древней Руси».

Обсуждение книги Валка «Советская археография» свелось не к критическому разбору этой книги, а к ее восхвалению. На порочную статью Валка «Историческая наука в ЛГУ за 125 лет» сектор истории СССР никак не реагировал.

Порочную книгу проф. Лурье о Геродоте сотрудники института долго не хотели обсуждать, понадобился целый год и несколько отрицательных рецензий на эту книгу в центральной печати, чтобы сектор древней истории — и то под

¹⁴ Романов Борис Александрович (1889–1957) — выдающийся историк, доктор исторических наук, профессор. Речь идет о книге: Люди и нравы древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1947. Подробнее о Б. А. Романове см.: *Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

очень сильным нажимом партийной организации — приступил к обсуждению этой книги. Дискуссия по книге Лурье была очень плохо подготовлена и прошла на низком теоретическом уровне. Многие из выступавших брали Лурье под защиту как ученого, расшаркивались перед ним как перед «ученым с мировым именем». Академик Толстой¹⁵ в замаскированной форме выступил против решений партии по идеологическим вопросам. Он дошел до того, что рекомендовал книгу Лурье к переизданию, исключив из нее, как он выразился «всё то, что сейчас недозволено», «что сейчас называется преклонением перед иностранщиной». Сам Лурье до сих пор не признал ошибочности своей позиции.

На заседании секторов в ЛОИИ редко ставятся и недостаточно глубоко поднимаются вопросы марксистско-ленинской теории и принципиальные теоретические вопросы. Творческих дискуссий нет. Научные заседания готовятся плохо, члены секторов недостаточно знакомятся с подлежащим обсуждению трудом.

Подготовка научных кадров через аспирантуру поставлена слабо. ЛОИИ может принимать в аспирантуру неограниченное количество аспирантов и имеет все для этого условия. Однако до самого последнего времени институт имел только одного собственного аспиранта.

ЛОИИ, объединяющий самый большой и самый квалифицированный коллектив историков в Ленинграде, не стал до сих пор центром научной работы историков Ленинграда, не сплотил вокруг себя многочисленные кадры историков, работающих в вузах и других научных учреждениях, и не завоевал среди научных работников г. Ленинграда должного авторитета.

ЛОИИ не стал также и рассадником пропаганды в массах исторических знаний, достижений отечественной науки и культуры. Работники ЛОИИ не выступают перед широкой аудиторией с докладами и лекциями на актуальные исторические темы, связанные с историей русской науки и культуры.

Следует признать, что работа ЛОИИ за последние годы была неудовлетворительной.

Зам. зав. отделом пропаганды
и агитации горкома ВКП(б)

(Овсянкин)

7 марта 1949 г. (датируется по штампу входящего документа)

ЦГАИПД СПб. Ф.25. Оп. 28. Д.133. Л. 96–100.
[Оригинал, машинопись. Подпись — автограф]

¹⁵ Толстой Иван Иванович (1880–1954) — ученый-филолог, член-корреспондент (1939), действительный член (1946) АН СССР.

Документ № 2

**Проект постановления бюро ЛГК ВКП(б),
подготовленный отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б)**

Проект
Строго секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б)
от « »мая 1949 года

О работе Ленинградского отделения Института истории
Академии Наук СССР

Бюро горкома ВКП(б), отмечая некоторые достижения в работе Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (участие в подготовке многотомников «История СССР», «Всеобщая История», учебников для вузов, работа по истории крестьянского движения в России в XIX в., издание летописей), считает, что в целом работа ЛОИИ за последние годы была неудовлетворительной.

Ленинградское отделение Института истории не сумело полностью перестроить своей работы в соответствии с решениями партии по идеологическим вопросам. Научный коллектив отделения не сделал соответствующих выводов из указаний тов. Жданова во время философской дискуссии и не учел уроков дискуссии по вопросам биологии, показавшей образец того, как нужно бороться за передовую советскую науку.

Отсутствие в работе ЛОИИ принципа большевистской партийности, благодушные и самоуспокоенность, примиренческое отношение к неизжитым традициям буржуазной исторической науки привели к распространению среди некоторых научных сотрудников отделения объективистских, антимарксистских взглядов.

До последнего времени отсутствовала борьба против глубоко враждебного советскому народу буржуазного космополитизма. В течение многих лет в ЛОИИ работал проф. С. Я. Лурье, который на протяжении нескольких десятилетий¹⁶ в своих работах систематически пропагандировал идеи космополитизма, преклонялся перед зарубежными, буржуазными учеными. Духом космополитизма проникнуты также некоторые работы бывшего сотрудника ЛОИИ Вайнштейна. Грубые ошибки в форме национального нигилизма и буржуазного объективизма имеют место в работах профессоров Предтеченского, Романова, Валка. Указания партии о развертывании борьбы с буржуазной идеологией и буржуазной историографией выполняются неудовлетворительно,

¹⁶ Отмеченные слова в тексте документа зачеркнуты синими чернилами.

наступление против англо-американских и других буржуазных фальсификаторов истории не организовано, историографические темы в планах научной работы отделения не поставлены. В ЛОИИ не развернута по-настоящему разработка исторических проблем, представляющих наибольшую важность и актуальность для советской общественности: история Советского государства, история рабочего класса в СССР, история революционного движения, история стран Европы и Америки в эпоху империализма, история международного рабочего движения.

Одним из наиболее серьезных недостатков в работе ЛОИИ является то, что до сих пор в ЛОИИ не организована разработка истории Советского общества и государства, не создана группа по истории Советского периода и не организована через аспирантуру подготовка специалистов по истории советского общества.

Такие важнейшие проблемы истории СССР, как индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, борьба советского народа за осуществление сталинских пятилеток, история внешней политики советского государства, в отделении не изучаются.

В отделении плохо поставлено планирование научной работы и слабо организован контроль за выполнением плановых тем. Значительное количество тем из плана 1948 года остались незавершенными. В частности, в 1948 году была сорвана подготовительная работа по составлению истории Ленинграда.

Ученый Совет и группы ЛОИИ работают слабо. Общетеоретические и методологические вопросы обсуждаются редко и недостаточно глубоко, не проводятся творческие научные дискуссии. Подготовленные к печати работы в большинстве случаев серьезному обсуждению не подвергаются.

ЛОИИ неудовлетворительно выполняет указания ЦК ВКП(б) о подготовке научных кадров через аспирантуру. Имея в своем составе высококвалифицированных ученых, отделение почти не имеет своих аспирантов. Некоторые аспиранты слабо подготовлены в теоретическом отношении.

Всё это привело к тому, что ЛОИИ, объединяя самый большой и квалифицированный коллектив историков в Ленинграде, не стало до сих пор центром научной работы историков города, не сплотило вокруг себя многочисленные кадры историков, работающих в вузах, и не завоевало среди научных работников Ленинграда должного авторитета. ЛОИИ не является также и рассадником пропаганды в массах исторических знаний, достижений отечественной науки и культуры.

Бюро ЛГК ВКП(б) считает, что одной из важнейших причин неудовлетворительной работы ЛОИИ является недостаточное усвоение сотрудниками ЛОИИ основных принципов марксистско-ленинской идеологии, неумение творчески применять марксистско-ленинскую теорию в своей практической работе, а также отсутствие в работе коллектива большевистской критики и самокритики.

Неудовлетворительное состояние работы в отделении вызвано также и тем, что партийная организация ЛОИИ не вела повседневной борьбы за выполне-

ние постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, слабо организовала работу по идейно-теоретическому и политическому воспитанию научных сотрудников.

Серьезной причиной прорыва в ЛОИИ явился тот факт, что во главе отделения долгое время стояли совместители (т. Францев¹⁷), либо случайные люди (Аввакумов), вследствие чего кадры института оказались в значительной степени засоренными малоактивными в научном отношении и политически сомнительными работниками.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

- 1¹⁸. Утвердить заведующим Ленинградским отделением Института истории Академии Наук СССР Иванова Михаила Сергеевича.
2. Предложить новому руководству ЛОИИ в кратчайшие сроки перестроить всю работу в соответствии с решениями ЦК ВКП(б)¹⁹ по идеологическим вопросам. Поднять научную работу в ЛОИИ на уровень требований ЦК ВКП(б) и задач социалистического строительства.
- 3²⁰. Обязать руководство и партийную организацию ЛОИИ в основу своей работы положить принцип большевистской партийности в науке, вести решительную борьбу против космополитизма в исторической науке и преклонения перед иностранщиной, против зарубежной реакционной науки, за приоритет русской науки и культуры, против национального нигилизма, буржуазного объективизма и всех либерально-буржуазных, враждебных марксизму лженаучных концепций.
4. В целях быстрой ликвидации отмеченных недостатков и решительного повышения качества научно-исследовательской работы обязать руководство и партийную организацию ЛОИИ:
  - а) не ослабляя разработку актуальных вопросов истории древнего мира, византиноведения, новой истории зарубежных стран и истории СССР эпохи феодализма в XIX веке, развернуть разработку исторических проблем, в настоящее время наиболее важных и актуальных, обратив особое внимание на изучение²¹ истории Советского общества и государства, национального и культурного строительства СССР и истории внешней политики Советского правительства, а также истории

¹⁷ Францев Юрий (Георгий) Павлович (1903–1969) — советский ученый-философ и историк, доктор исторических наук. Член-корреспондент (1958), действительный член (1964) АН СССР. Заведующий ЛОИИ в 1944–1945 гг. О Ю.П. Францеве в послевоенные годы см.: Ганелин Р.Ш.И. В. Сталин, А.Я. Вышинский и Ю.П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей» // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 171–191.

¹⁸ Текст пункта 1 выделен сбоку красной карандашной линией.

¹⁹ Подчеркнуто красной карандашной чертой в тексте.

²⁰ Текст пункта 3 выделен сбоку красной карандашной линией.

²¹ Слово «изучение» вписано синими чернилами вместо зачеркнутого слова «разработку».

зарубежных стран эпохи империализма, истории стран народной демократии, истории международных отношений и международного рабочего движения.

б) с целью обеспечения специализации наиболее важных участков работы — по истории СССР XX в. и новейшей истории зарубежных стран — принять все меры к обеспечению этих участков научными работниками, способными решать вопросы с марксистско-ленинских позиций. В 1949 году в составе ЛОИИ создать группу по истории СССР советского периода и группу по новейшей истории зарубежных стран.

6²². Обязать отдел пропаганды и агитации ГК ВКП(б) оказать ЛОИИ помощь в подборе группы научных работников по истории СССР советского периода в составе не менее 5 квалифицированных специалистов за счет оканчивающих аспирантуру ленинградских вузов.

7. Считать важнейшей и первоочередной задачей ЛОИИ на ближайшие два-три года написание трехтомника по истории Ленинграда. Обязать руководство и партийную организацию ЛОИИ обеспечить подготовку истории Ленинграда на высоком идейно-теоретическом и патриотическом уровне. Привлечь к этой работе всех сотрудников института, способных работать по этой тематике, а также других научных работников ленинградских вузов и научных учреждений, писателей, работников культуры, руководящих партийных и советских работников г. Ленинграда.

Обязать ЛГУ им. Жданова, Академию архитектуры, Институт коммунального хозяйства и Военно-педагогический институт им. Калинина включить по договоренности с ЛОИИ в план своих научно-исследовательских работ на 1949–1951 гг. темы по истории Ленинграда. Обязать ЛОИИ, помимо написания трехтомника, издать краткий научно-популярный очерк по истории Ленинграда.

8. Перестроить работу Ученого Совета и секторов ЛОИИ, организовать обсуждение на заседаниях Ученого Совета и секторов политических, теоретических и методологических вопросов, чаще проводить творческие научные дискуссии по актуальным вопросам исторической науки. Обсуждать на заседаниях подготовляемые и выходящие из печати работы сотрудников ЛОИИ и новую историческую литературу.

Шире развернуть критику и самокритику, превратив ее в основной метод воспитания кадров и повышения уровня и качества работы. Решительно покончить с практикой примиренческого и либерального отношения к различным идеологическим извращениям и ошибкам в работе ученых.

9. Обязать ЛОИИ расширить подготовку молодых научных кадров через аспирантуру, в частности, в ближайшее время создать при отделении группу аспирантов по истории СССР советского периода.

²² Этот и последующие пункты в тексте документа пронумерованы неверно. Правильные номера — от пункта 5 и далее.

10. Обязать партийную организацию ЛОИИ усилить работу по марксистско-ленинскому воспитанию научных сотрудников института и аспирантов, привлечь внимание коллектива отделения к изучению философских и методологических вопросов.

11. Развернуть научно-популяризаторскую работу, разработать тематику лекций сотрудников ЛОИИ для широкой аудитории трудящихся города и области.

В. Смолвик²³

ЦГАИПД СПб. Ф.25. Оп.28. Д.133. Л. 107–112.
[Оригинал, машинопись. Подпись — автограф]

Документ № 3

Постановление бюро ЛГК ВКП(б) от 11 мая 1949 г.

Строго секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б)
от 11 мая 1949 года

О работе Ленинградского отделения Института истории
Академии Наук СССР

Бюро горкома ВКП(б) считает, что Ленинградское отделение Института истории за последние годы работало неудовлетворительно. Отделение не перестроило своей работы в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Отсутствие в работе отделения Института истории принципа большевистской партийности, благодушие и самоуспокоенность, примиренческое отношение к неизжитым традициям буржуазной исторической науки привели к распространению среди некоторых научных сотрудников объективистских, антимарксистских взглядов.

До последнего времени отсутствовала борьба против глубоко враждебного советскому народу буржуазного космополитизма. В ряде работ Института имеют место проявления космополитизма и буржуазного объективизма. Указания партии о развертывании борьбы с буржуазной идеологией и буржуазной

²³ Смолвик Владимир Иванович (1906–1977) — в начале 1949 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации ленинградского горкома ВКП(б). Снят с работы в июле 1949 г.

историографией выполняются неудовлетворительно. Историографические темы в планах научной работы отделения не поставлены. Не развернута разработка исторических проблем, представляющих наибольшую важность и актуальность для советской общественности: история советского государства, история рабочего класса в СССР, история революционного движения, история стран Европы и Америки в эпоху империализма, история международного рабочего движения.

Такие важнейшие проблемы истории СССР, как индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, борьба советского народа за осуществление сталинских пятилеток, история внешней политики советского государства, не изучаются.

В отделении плохо поставлено планирование научной работы и слабо организован контроль за выполнением плановых тем. Значительное количество тем из плана 1948 года остались незавершенными. В частности, в 1948 году была сорвана подготовительная работа по составлению истории Ленинграда.

Ученый Совет и сектора работают слабо. Общеуниверситетские и методологические вопросы обсуждаются редко, не проводятся творческие научные дискуссии. Подготовленные к печати работы в большинстве случаев обсуждению не подвергаются.

Отделение Института истории неудовлетворительно выполняет указания ЦК ВКП(б) о подготовке научных кадров через аспирантуру. Имея в своем составе высококвалифицированных ученых, отделение почти не имеет своих аспирантов.

Всё это привело к тому, что, объединяя самый большой и квалифицированный коллектив историков в Ленинграде, ленинградское отделение Института истории не стало до сих пор центром научной работы историков города и не сплотило вокруг себя многочисленные кадры историков, работающих в вузах.

Бюро горкома ВКП(б) считает, что одной из важнейших причин неудовлетворительной работы отделения является недостаточное усвоение научными сотрудниками основных принципов марксистско-ленинской методологии, неумение творчески применять марксистско-ленинскую теорию в своей практической работе, а также отсутствие в работе коллектива большевистской критики и самокритики.

Партийная организация отделения не вела повседневной борьбы за выполнение постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, слабо организовало работу по идейно-теоретическому и политическому воспитанию научных сотрудников.

Кадры Института засорены малоактивными в научном отношении и политически сомнительными работниками.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Предложить руководителям Ленинградского отделения Института истории Академии Наук в кратчайшие сроки перестроить работу отделения в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Поднять научную работу на уровень требований ЦК ВКП(б) и задач социалистического строительства.

Положить в основу работы коллектива принцип большевистской партийности в науке, вести решительную борьбу против космополитизма и преклонения перед иностранщиной, против зарубежной реакционной науки, за приоритет русской науки и культуры, против национального нигилизма, буржуазного объективизма и всех либерально-буржуазных враждебных марксистско-ленинских концепций.

2. Обязать заведующего отделением и партийное бюро, не ослабляя разработку актуальных вопросов истории древнего мира, византиноведения, новой истории зарубежных стран и истории СССР эпохи феодализма в XIX веке, развернуть изучение исторических проблем, обратив особое внимание на изучение истории советского общества и государства, национального и культурного строительства СССР и истории внешней политики Советского правительства, а также истории зарубежных стран эпохи империализма, истории стран народной демократии, истории международных отношений и международного рабочего движения. В 1949 году в составе отделения создать группу по истории СССР советского периода и группу по новейшей истории зарубежных стран.
3. Принять необходимые меры к укреплению состава научных кадров высококвалифицированными работниками, способными решать вопросы с марксистско-ленинских позиций.

Обязать отдел пропаганды и агитации горкома ВКП(б) оказать отделению института помощь в подборе группы работников по истории СССР советского периода в составе не менее 5 квалифицированных специалистов за счет оканчивающих аспирантуру ленинградских вузов.

4. Считать важнейшей задачей коллектива на ближайшие два-три года написание трехтомника по истории Ленинграда. Привлечь к этой работе всех сотрудников института, способных работать по этой тематике, а также других научных работников ленинградских вузов и научных учреждений, писателей, работников культуры, руководящих партийных и советских работников города Ленинграда.

Обязать Ленинградский Госуниверситет имени Жданова, Ленинградский филиал Академии архитектуры, Институт коммунального хозяйства и Военно-педагогический институт имени Калинина включить по договоренности с отделением Института в план своих научно-исследовательских работ на 1949–1951 гг. темы по истории Ленинграда.

Обязать отделение, помимо написания трехтомника, издать краткий научно-популярный очерк по истории Ленинграда.

5. Перестроить работу ученого совета и секторов, организовать обсуждение на их заседаниях политических, теоретических и методологических вопросов, чаще проводить творческие научные дискуссии по актуальным

вопросам исторической науки. Решительно покончить с практикой примиренческого и либерального отношения к различным идеологическим извращениям и ошибкам в работе ученых.

6. Расширить подготовку молодых научных кадров через аспирантуру; в ближайшее время создать при отделении группу аспирантов по истории СССР советского периода.
7. Усилить работу по марксистско-ленинскому воспитанию научных сотрудников института и аспирантов, привлечь внимание коллектива отделения к изучению философских и методологических вопросов.
8. Развернуть научно-популяризаторскую работу, разработать тематику лекций сотрудников отделения для широкой аудитории трудящихся города и области.
9. Утвердить заведующим Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР Иванова Михаила Сергеевича²⁴.

Секретарь горкома ВКП(б) Андрианов

ЦГАИПД СПб. Ф.25. Оп. 28. Д.133. Л. 18–23.
[Оригинал, машинопись. Подпись — автограф]

References

Boldovskij K. A. «Prošu okazat' mne doverie, tak kak drugoj žizni pomimo žizni v partii i s partijej u menâ ne bylo, net i ne budet...». «Delo N.A. Kornatovskogo» v dokumentah leningradskogo gorkoma VKP(b) 1949 goda // Novejšaâ istoriâ Rossii. 2014. № 2. S. 257–307.

Družinin P. A. Ideologîa i filologîa: Leningrad, 1940-e gody dokumental'noe issledovanie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Ganelin R. Š. I. V. Stalin, A. A. Vyšinskij i Ū. P. Francev v 1949–1953 gg.: ot bor'by s kosmopolitizmom k «delu vračej» // Novejšaâ istoriâ Rossii. 2011. № 2. S. 171–191.

Hodâkov M. V. Kafedra novejšej istorii Rossii // Istoričeskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 1934–2004. Očerk istorii / Otv. red. A. Ū. Dvorničenko. SPb.: Izd-vo SPb GU, 2004. S. 102–110.

Lur'e S. A. Gerodot (485–425 do n. èry). M.–L., 1947.

Paneâh V. M. Tvorčestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovič Romanov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000.

Romanov B. A. Lûdi i nrawy drevnej Rusi. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo Ordena Lenina universiteta, 1947.

Vajnštejn O. L. Rossiâ i Tridcatiletnââ vojna 1618–1648 godov: Očerki po istorii vnešnej politiki Moskovskogo gosudarstva v pervoj polovine XVII v. M.: Gospolitizdat, 1947.

Valk S. N. Istoričeskaâ nauka v Leningradskom universitete za 125 let // Trudy ūbilejnoj naučnoj sessii, Leningrad. Gos. un-t, Sekciâ istorič. nauk. L., 1948. S. 3–79.

Valk S. N. Sovetskaâ arheografiâ. M.–L., 1948.

²⁴ Иванов Михаил Сергеевич (1909–1986) — в 1943–1947 гг. — корреспондент ТАСС в Иране, 1947–1949 гг. — старший научный сотрудник ЛОИИ, заведующий ЛОИИ в 1949–1951 гг. В 1955–1957 гг. — директор МГИМО.

Список литературы

Болдовский К. А. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...». «Дело Н. А. Корнатовского» в документах ленинградского горкома ВКП(б) 1949 года // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 257–307.

Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 годов: Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М.: Госполитиздат, 1947.

Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии, Ленинград. Гос. ун-т, Секция историч. наук. Л., 1948. С. 3–79.

Валк С. Н. Советская археография. М.–Л., 1948.

Ганелин Р. Ш. И. В. Сталин, А. Я. Вышинский и Ю. П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей» // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 171–191.

Дружинин П. А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Лурье С. Я. Геродот (485–425 до н. эры). М.–Л., 1947.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского Государственного Ордена Ленина университета, 1947.

Ходяков М. В. Кафедра новейшей истории России // Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 102–110.

В. Ю. Черняев

Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски

2–23 сентября 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция «Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски». В ее оргкомитет входили глава Информационно-Культурного центра «Русская эмиграция» М. Н. Чернышёва, директор Музея В. В. Набокова Т. О. Пономарёва, профессор МГУ З. Н. Бочарова, уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге А. В. Шишлов и ведущий сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН В. Ю. Черняев.

Проходила конференция в особняке на Большой Морской улице, 47, где жил и работал В. Д. Набоков, родился и провел детство, отрочество, юность его сын Владимир, великий писатель Зарубежной России. В бывшем парадном первом этаже этого дома в 1998 г. открыт литературный Музей В. В. Набокова (с 2008 г. — в ведении Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета). Заседали в зале бывшей библиотеки Набоковых.

Открыл конференцию глубокими по смыслу и чувствам словами о В. Д. Набокове наш выдающийся современник, писатель Даниил Александрович Гранин. Ярким по форме введением к конференции были речи А. В. Шишлова и литературоведа Б. В. Аверина. Вставанием и минутой молчания помянули участники конференции Вадима Петровича Старка (1945 — 6 марта 2014). Ведущий научный сотрудник Пушкинского дома, пушкинист и набоковед В. П. Старк был основателем и первым директором Музея В. В. Набокова, президентом Общественного культурно-просветительного общества «Набоковский Фонд», научным редактором «Набоковского вестника». Он так много

сделал для сохранения памяти о Набоковых, что на конференции ощущалось его незримое присутствие.

За два дня конференции заслушали три группы докладов: о родственном окружении В. Д. Набокова и его потомстве; о деятельности В. Д. Набокова; о деятельности Партии народной свободы (конституционных демократов) и отношении общества к ее идеям. Для удобства читателя доклады рассмотрим по хронологии исследуемых в них событий.

О родстве Набоковых и Рукавишниковых рассказала Т. О. Пономарёва. Супруга В. Д. Набокова Елена Ивановна (1876–1939) росла в дворянской семье Рукавишникова. Ее отец обрел потомственное дворянство. Прадед ее с материнской стороны, президент Медико-хирургической академии Николай Илларионович Козлов (1814–1889) собрал коллекцию живописи старых мастеров, включая художников итальянского Возрождения. Она влилась в коллекцию семьи Набоковых. Позднее в ней появились эскизы Б. И. Анисфельда к балету «Саломея», акварели К. А. Сомова, А. Н. Бенуа с видами Версаля и др. Ныне русская живопись и графика хранятся в Русском музее, а многие картины — в Эрмитаже и музеях других городов. Супруги В. Д. и Е. И. Набоковы входили в круг друзей Императорского Мариинского театра, имели в нем ложу. Сын Владимир с ужасом подсчитал: 12 раз водили его слушать оперу М. И. Глинки «Руслан и Людмила». С иногородней родней семья не поддерживала отношений. В. В. Набоков отрещивался от родства с купцами Рукавишниковыми, московскими и особенно нижегородскими, из чьей семьи вышел поэт-символист, советский поэт Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930), за роман «Проклятый род» (1912), написанный в негативном автобиографическом ключе, проклятый своим отцом.

В докладе «Ученик и учитель» В. Ю. Черняев отметил, что на Юридическом факультете университета любимым учеником Н. С. Таганцева, основоположника науки уголовного права в России, был В. Д. Набоков. Став сенатором, Таганцев уступил ему часть лекционных часов курса уголовного права в Императорском Училище правоведения. Теплота их переписки рушит вылепленный некоторыми мемуаристами образ внешне и внутренне холодного Набокова. Эта переписка и архивные документы позволяют разрушить бытующие версии ухода Набокова из училища и выяснить истинную причину. Научные споры не мешали дружбе. Оба они стремились к созданию правового демократического государства, к запрещению смертной казни. На процесс по делу Выборгского воззвания член Государственного совета Таганцев пришел в вицмундире, при орденах, и демонстративно пожал руку подсудимому ученику, за что имел устный выговор Николая II. С мая 1917 г. сенаторы Таганцев и Набоков вместе работали в Уголовном кассационном департаменте Сената. Захват власти большевиками нанес жестокий удар по идеалам и жизни учителя и ученика.

Н. Б. Хайлова (Москва) рассмотрела взаимоотношения В. Д. Набокова с либеральным журналом «Освобождение» на основе его переписки с П. Б. Струве.

Его авторское и денежное участие в журнале началось с мая 1903 г., но статей его в «Освобождении» немного. П. Б. Струве стремился сгладить остроту выступлений В. Д. Набокова. Журнал воздерживался от полемики с революционными партиями, считая борьбу общенациональной задачей. В «Освобождении» В. Д. Набоков писал о неизбежности столкновения с самодержавием, лишь на его развалинах возможна политическая свобода. Недостатки Николая II он видел в отсутствии искренности, смелости и в «умственном убожестве»; вера в возможность дарования им коренной реформы это «опаснейший самообман». Надежды авторов журнала на скорое обновление России остались во многом не реализованы.

Историю отношений И. В. Гессена с В. Д. Набоковым детально раскрыл его двоюродный племянник В. Ю. Гессен (Санкт-Петербург), много лет уже исследующий историю рода Гессенов. Сотрудничество И. В. Гессена с В. Д. Набоковым, начатое в газете «Право», расширялось совместной работой в ЦК Партии народной свободы, в редакции ее печатного органа газеты «Речь», в Государственной Думе, хотя депутатами они были в Думах разного созыва. В изгнании вместе редактировали в Берлине газету «Руль». За непримиримость к большевикам ленинский наместник в Красном Петрограде Григорий Зиновьев считал «Руль» «самой злой газетой». И. В. Гессен одним из первых поддержал литературный талант сына В. Д. Набокова, Владимира, друга его сыновей Георгия и Владимира.

Справа налево: депутаты-кадеты I Госдумы В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев, профессор истории Н. И. Кареев у «Царского входа» в Зимний дворец после тронной речи императора Николая II. 27 апреля 1906

Говоря о парламентском стиле Набокова, И. К. Кирьянов (Пермь) подчеркнул, что превращение подданных Российской империи из объекта в субъект управления вело, и резко, к возникновению человека политического. Появилась корпорация парламентариев. Сложилось три устойчивых типа политика: законодатель, публичный политик, лоббист; и первые два оказались несовместимы. Отсутствие парламентского опыта и малый срок работы переводимцев позволяет говорить не о моделях, а лишь о стиле их поведения: не участвовали в думской политике 56%, ни разу не брали слово 45% (223 депутата). Чаще всех выступали П. А. Гейден, В. Д. Набоков и В. Д. Кузьмин-Караваев. В. Д. Набоков проявил себя парламентарием с чертами публичного политика. Его парламентскую активность докладчик оценил в 17 баллов: превзошел П. А. Гейдена (13 баллов) и уступал М. М. Винаверу (18 баллов). Смену фрака на пиджак савонники восприняли как дикость. Публика ходила в Думу посмотреть как одет В. Д. Набоков, на его новый галстук. Для думцев он стал законодателем моды. Но уже Временное правительство А. Ф. Керенский определил как «власть в пиджаках».

Анализируя тактику кадетов в I Государственной Думе, К. А. Соловьев (Москва) отметил, что переводимцы примеряли на себя образы деятелей Великой Французской революции. В. Д. Набоков торопил с разработкой законодательства. Роспуск Думы свидетельствовал о кризисе власти, но изложенная в «Выборгском воззвании» концепция кадетской революции не сработала. Партия кадетов начала сокращаться, но сохранилась, выжидая случая вновь поднять знамя. Желая радикально изменить государственный строй, кадеты использовали изменение законодательной базы и давление общественного мнения на власть. Они понимали, что легитимность для большинства населения связана с монархией, а с нарушением в 1917 г. этой связи легко отказались от монархии.

О деятельности В. Д. Набокова на посту председателя Санкт-Петербургского комитета (ПК) партии кадетов, представлявшей исследовательскую лагуну, рассказала Д. А. Тимохина (Санкт-Петербург). С 1906 г. в первом этаже дома В. Д. Набокова заседал ПК дважды в месяц, а в предвыборные дни ежедневно. Из 36 членов ПК в заседаниях участвовали 20–30. В крупных районах появились подрайонные организации. Были сверены партийные списки, но многие кадеты, даже богатые, скупались платить членский взнос. Партийный клуб на Потёмкинской улице стал ареной политической жизни, и был за это закрыт. Открыть новый клуб, даже беспартийный, П. А. Столыпин не позволил. В легализации партии кадетов отказали, к февралю 1908 закрыты все райкомы партии и «Вестник Партии народной свободы» (редактор-издатель В. Д. Набоков). Всё это побудило В. Д. Набокова добиться избрания новым председателем ПК А. А. Свечина.

В докладе об опубликованных в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк) 9 письмах В. Д. Набокова, посланных жене в 1908 нелегально из «Крестов», где

он отбыл трехмесячный срок за Выборгское воззвание, Г. А. Глушанок (Санкт-Петербург) отметила, что подлинники этих писем до сих пор не разысканы. До публикации они хранились у В. В. Набокова. Г. А. Глушанок установила, что групповая фотография с В. Д. Набоковым, обычно именуемая «Депутаты I Государственной Думы на Финляндском вокзале при отъезде в Выборг для принятия Выборгского воззвания», снята Карлом Буллой при возвращении первоумцев из Выборга в Петербург.

В исследованиях деятельности В. Д. Набокова не раз затрагивались его выступления в защиту прав еврейского населения Российской империи, особенно в связи с появлением в 1903 г. в «Праве» его статьи «Кишиневская кровавая баня». Е. С. Норкина (Санкт-Петербург) в докладе «В. Д. Набоков и еврейский вопрос в Российской империи в начале XX века» исследовала этот вопрос в совершенно новом ракурсе: в контексте проблемы общества и еврейского вопроса в Российской империи. Публикации и выступления В. Д. Набокова о положении еврейского населения России нацелены были прежде всего на совершенствование российского законодательства. От интереса к еврейскому вопросу как юридической проблеме он перешел к резкому осуждению антисемитизма и в глазах российского общества выступал защитником прав еврейского населения.

О В. Д. Набокове как репортере на процессах Бейлиса и 25 петербургских адвокатов говорила Ольга Левин (Израиль), внучатая племянница одного из этих адвокатов, кадета, присяжного поверенного Григория Абрамовича Гольдберга (1869–1922). Она отметила, что выходец из семьи хасидов Менахем Мендель Бейлис, обвиненный в религиозном фанатизме, не был правоверным иудеем и нарушал запрет на работу по субботам. Г. А. Гольдберг баллотировался в IV Государственную Думу от Московского округа, состоял в Еврейской народной группе и Обществе по распространению просвещения среди евреев в России. Тепло вспоминал его покровительство Марк Шагал в книге «Моя жизнь». ЧК арестовывала Г. А. Гольдберга, М. М. Винавер звал его за границу, но он погиб под трамваем. Родные не верили в случайность гибели.

Анализируя отношение общества к идеям кадетской партии, А. Н. Егоров (Череповец) подчеркнул, что избиратель голосует за образ парламентария, политика, а не за то, что тот представляет собой на самом деле. Он рассмотрел типологию образов либерала: «враг отечества» (революционер, контрреволюционер, «безответственный политикан»); «мягкотелый интеллигент» («гнилой либерализм», «бессильный оппозиционер»); сатирический образ («лакейский либерализм»). В своих документах кадеты не назывались либералами и спорить о том, либералы они или нет, они начали, уже попав во власть. Марксистские и консервативно-монархические традиции отношения к либерализму живы. Отталкивающий образ либерала используется и ныне в общественно-политической борьбе.

Литературные и художественные пристрастия В. Д. Набокова и различие вкусов с сыном-писателем рассмотрел Жерар Де Врис (Королевство

Нидерланды). Отец и сын любили Ч. Диккенса, Л. Н. Толстого, обожали А. С. Пушкина и высоко ценили русских поэтов. В отношении Г. Флобера, Э. Золя сын не разделял симпатий отца. Оба обожали живопись итальянскую эпохи Возрождения, французскую, русскую, включая А. Н. Бенуа, К. А. Сомова, Л. С. Бакста, автора портрета Е. И. Набоковой. В доме была прекрасная коллекция западного и русского искусства. М. В. Добужинского наняли преподавать рисунок сыну Владимиру. Страстный театрал В. Д. Набоков любил оперу, классическую музыку, но П. И. Чайковского укорял в излишней сентиментальности. На концертах в доме Набокова пел Федор Шаляпин, играл Сергей Кусевицкий, но сын Владимир музыку не любил.

О. Н. Ильина (Санкт-Петербург) рассказала, что библиотека В. Д. Набокова по сути — «модельная библиотека правоведа». Она занимала 24 больших шкафа. Для удобства пользования был каталог. Преобладали книги по правоведению, политологии (включая материалы Государственной Думы), социологии. При разорении дома многие книги спас от гибели Государственный книжный фонд, куда свозили конфискованные и брошенные библиотеки. Затем часть книг набоковской библиотеки продали за рубеж, некоторые взяло издательство М. Горького «Всемирная литература», остальные попали в разные библиотеки. Ныне их можно встретить в РНБ, РГБ, РГГУ, библиотеках Генштаба и архивов (РГИА, РГАЛИ). Узнать книги В. Д. Набокова помогают изящный экслибрис и тисненные на корешке переплета золотые инициалы WN.

Л. Ф. Клименко (Санкт-Петербург) рассказала, что в разных местах, включая усадебный дома в Выре, В. Д. Набоков имел в общей сложности около 10 тыс. томов книг. Особую любовь питал он к словарям, справочникам, энциклопедиям, приобрел 40-томное издание весьма любимого им Ч. Диккенса на английском языке. Сравнительно немного книг об изобразительном искусстве, но были книги о музыке, театре. Сразу после прихода к власти большевиков он состоял в комиссии по делам театров, даже обсуждался как возможная альтернатива наркомму А. В. Луначарскому. В 1918–1922 гг. в доме Набоковых размещался Петроградский военный комиссариат, затем до 1935 — датское телеграфное агентство.

Е. И. Белова в докладе «В. Д. Набоков и Учредительное собрание» отметила, что в марте 1917 г. он отклонил пост финляндского генерал-губернатора, сочтя более важной работу секретаря Временного правительства (первого состава), но получить в нем совещательный голос, как ожидалось, не удалось. В Юридическом совещании Временного правительства В. Д. Набоков ведал подготовкой Учредительного собрания, вошел в редакционную комиссию Закона о выборах в Учредительное собрание, который стал прорывом для России и позднее был использован законодательством ряда стран Европы. Во Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы) он стал товарищем (заместителем) председателя, но участвовать в Учредительном собрании ему было не суждено.

А. С. Пученков (Санкт-Петербург) рассказал о работе В. Д. Набокова во втором Крымском краевом правительстве Соломона Крыма. В эмиграции деятельность этого правительства, пытавшегося создать демократическое общество, вызвала много комичных зарисовок. В. Д. Набоков, единственный, кто соответствовал уровню министра, сначала долго отказывался занять в нем место. В ГАРФ хранятся его неопубликованные воспоминания, написанные по свежим следам. Первокласный юрист, он не играл первой скрипки в правительстве. Ответственность за падение правительства В. Д. Набоков возложил на генерала А. И. Деникина.

В докладе об эмигрантской жизни вдовы В. Д. Набокова, Елены Ивановны, написанном по материалам ГАРФ, Н. А. Родионова (Москва) показала, что после гибели мужа из Берлина она переехала в Прагу, где благодаря Русской акции имела «стипендию Т. Масарика», скромную, в 650 крон, которую затем снизили до 500, на которые было не прожить. Манташевы, нефтепромышленники, богачи и в эмиграции, задолжали ее мужу 15 тыс. крон, но не отдали. Зарабатывала она 200 крон уроками, делила убогую квартирку с бывшей гувернанткой ее детей. Из гордости она отказывалась взять деньги у друзей и знакомых, соглашалась принять лишь от организаций, например от Комитета по улучшению быта русских писателей. Притом она содержала сына Кирилла и семью безработных Петкевичей. Предложение партийцев оказать ей материальную помощь П. Н. Милоков встретил холодно, не зря он имел прозвище «каменный кот». Умерла она в оккупированной немцами Праге, в нищете, похоронена на Ольшанском кладбище.

Малоизвестные факты о потомках В. Д. Набокова в Чехии огласил его правнук Владимир Петкевич, профессор Карлова университета в Праге, математик, специалист по структурной лингвистике. В Праге вместе с Е. И. Набоковой жили дочери Ольга (1903–1978, Прага) и Елена (1906–2000, Женева). Ольга Владимировна была замужем за Борисом Владимировичем Петкевичем. Воин Белой Армии, галлиоплиец, он выбрался в Прагу, был землемером, инженером, одним из лучших шахматистов Чехословакии. Брак распался уже после рождения их сына Ростислава, отца докладчика. Ольга Владимировна вместе с матерью воспитывала Ростислава. В 1945 г. Б. В. Петкевич, не дожидаясь прихода Красной Армии в Прагу, ушел на Запад, умер в Англии в 1965. Короткая жизнь Ростислава (1931–1960) прошла в Праге. Попытка В. В. Набокова устроить его бегство на Запад провалилась. Ростислав увлекался литературой, прекрасно играл на рояле, работал в Технической школе, затем книготорговцем, женился на чешке Милене Свободовой (1934–1997), но неудачно. Их сына Владимира (род. 1954) мать воспитала вместе с отчимом Ярославом Медом, в чешском духе. Она отказывалась говорить сыну об его отце, о В. Д. Набокове. По свидетельству В. Р. Петкевича, В. В. Набоков слал деньги сестре и племяннице, но «множество этих долларов украло криминальное социалистическое государство». В 1979 г. власти ЧССР разрешили В. Р. Петкевичу посетить се-

стру бабушки, Елену Владимировну Сикорскую, с 1947 г. жившую в Женеве. В. Р. Петкевич женат на чешке Павле Хайковой, имеет троих детей (Яна, Даниил, Агнешка). Они уже чехи и русского языка не знают. Сам В. Р. Петкевич по-русски изъясняется, но доклад произнес на английском.

Автор доклада «Композитор Николай Набоков — племянник и ученик В. Д. Набокова» Венсан Жиру (Франция) не смог вовремя получить визу. Изящно переведенный текст его доклада озвучила переводчица Ксения Белецкая. Еще школьником в Петербурге Н. Д. Набоков (1903–1978) познакомился с семьей В. Д. Набокова, но сближению мешал его статус незаконнорожденного. Освоился он в ней лишь летом 1921 г. в Берлине, до 1924 был музыкальным критиком газеты «Руль». На его музыку С. Дягилев ставил балет «Ода». С 1930 г. ему покровительствовал Сергей Кусевский. С 1933 он преподавал музыку в США, писал музыку на стихи Пушкина. В 1945–1946 гг. он был офицером по культурным связям войск США в Германии, участником денацификации Германии и возрождения немецкой музыки, затем возглавлял Русскую секцию радио «Голос Америки».

Ярким событием конференции стала презентация новых книг. Первая из них — «Владимир Дмитриевич Набоков: Жизнь и творчество. Материалы к библиографии» (СПб.: Северная звезда, 2014. 176 с.) — издана под грифом

Слева направо: депутаты-кадеты I Госдумы Ф.Ф. Кокошкин, М.М. Винавер, В.Д. Набоков, председатель Думы С.А. Муромцев, И.И. Петрункевич в доме Набокова. 1906

Шарж на В.Д. Набокова, редактора-издателя газеты «Речь». Автор – Денис (Денисов Виктор Николаевич, 1893–1946)

Использованная книга сразу стала библиографической редкостью. Хочется надеяться на скорое ее переиздание, расширенное и дополненное, в частности, материалами данной конференции.

Высокую оценку дала Т. О. Пономарёва второй книге, только что выпущенной издательством Мичиганского университета (США): *Shapiro G. The Tender Friendship and the Charm of Perfect Accord. Nabokov and His Father*. Ann Arbor, 2014. Ее автор, известный набоковед, бывший москвич Гавриил Шапиро уже давно живет в США и, к сожалению, не смог приехать на конференцию. Книга посвящена отношениям В.В. Набокова с отцом и влиянию В.Д. Набокова на сына-писателя. В ней пять глав: Юриспруденция; Политика; Литература; Живопись, театр и музыка; Лепидоптерология, шахматы и спорт. Текст иллюстрируют интересные документальные фотографии. Есть библиография работ В.Д. Набокова и о нем. В Приложении помещено по две статьи отца и сына. Т.О. Пономарёва выразила желание увидеть издание этой книги в России на русском языке.

Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) зачитал малоизвестное письмо В.Д. Набокова А.И. Каминке об эвакуации из Крыма, переданное в Национальный архив Финляндии потомком петербуржцев, финляндским историком Матти Клинге. Желающие могли приобрести изданную Е. Б. Белодубровским брошюру с публикацией этого письма.

Для участников конференции Т. О. Пономарёва провела экскурсию по дому, который описан в автобиографических книгах В.В. Набокова «Conclusive

Evidence. A Memoir», «Другие берега», «Speak, Memory». В доме несмотря на годы советского вандализма и германскую блокаду немного сохранилась отделка интерьеров. В бывшую библиотеку ведет большой зал без окон, «Комитетская», где нередко заседали ПК и ЦК кадетов. Из него можно войти в кабинет В.Д. Набокова, негласного соредатора, а в 1908–1914 гг. — официального издателя замечательной ежедневной газеты «Речь», фактически центрального органа не легализованной партии. На 2-м этаже есть комната Е. И. Набоковой, где маленький сын Владимир любил сидеть у окна. А в глубине анфилады третьего этажа — комната, где великий русский писатель появился на свет. Окна лестницы украшают уцелевшие узорчатые стекла и витражи. Комнаты 2-го и 3-го этажей занимают посторонние учреждения, как и лестница, они недоступны посетителям музея.

Дело научной и культурной общественности — добиться передачи музею всего небольшого дома, где часто бывали многие выдающиеся люди Серебряного века России, почти весь цвет передовой либеральной и демократической общественности и культуры. Участники конференции единодушно высказали предложение преобразовать Музей В.В. Набокова в Дом-музей Набоковых, чтобы по праву не меньшее место заняли в нем В.Д. Набоков и другие члены этого семейства, так много полезного сделавшие для России. Музей мог бы стать не только литературным, но и первым музеем Партии народной свободы (конституционных демократов), а также Набоковским центром изучения Зарубежной России, по подобию Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына в Москве.

Материалы конференции «Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски» готовятся к печати. Не может не радовать рост интереса историков к исследованию истории, а также позитивного и негативного опыта деятельности конституционных демократов, которые стремились создать правовой демократический строй и выдвинуть Россию в ряд самых передовых государств Европы.

УДК 94(4) «11/15»

П. В. Крылов

«Как жить хорошо в “темное время”»

Рецензия на сборник статей: Hyvä elämä keskiajalla. Toim. K. Kanerva, M. Lamberg // Historiallinen arkisto. 140. Helsinki, 2014. 268 S.

Проект Академии наук Финляндии «Социальное государство в Средние века: представления о благополучии в европейской культуре в 1100–1450 гг.»¹, материалы которого собраны в рецензируемом сборнике, был реализован в 2009–2011 гг. финско-шведским коллективом историков. Название в своей первой части отсылает к той общественной системе, что утвердилось на европейском континенте во второй половине XX в., и потому в первом приближении проект неизбежно кажется очередной попыткой вменения прошлому реалий сегодняшнего дня. Подобный анахронизм может быть оправдан, пожалуй, только необходимостью соответствующим образом составить заявку на грант и отчитаться перед его держателем. Впрочем, представленные в сборнике статьи темы «социального государства» никоим образом не касаются, в том числе во введении и заключении. Их предмет обозначен во второй части названия проекта — представления средневековых людей о благополучной жизни в самых разнообразных смыслах этого слова. Некоторые читатели, очевидно, не без удивления откроют для себя, что средневековый человек своими помыслами был устремлен не только к благочестивой «доброй кончине», несмотря на то что ста-

тья Стиллы Фаллберг Сундмарк, посвященная переводу на шведский язык трактата Жана Жерсона «Ars moriendi» (Искусство умирать), предусмотрительно открывает собой оглавление². Например, статья Юсси Ханска, отгалкивающаяся от двустраничного фрагмента хроники Салимбене Пармского, посвященного сравнению способов употребления вина в Италии, Франции и Англии, создает картину представлений об алкоголе в средневековой нравоучительной литературе и их отношения к практике, в том числе внутри францисканского ордена, к которому принадлежал хронист³. В картине этой обнаруживается существенный зазор между основанной на Ветхом Завете нормой и реальным поведением нищенствующей братии, не упускающей случая насладиться хорошим вином, когда им ее угощает благотворитель (с. 201). Преподаватель истории средних веков найдет в статье Тимо Йоутсиво «Тело и душа в зеркале схоластической медицины»⁴ богатый материал, чтобы поколебать у своих студентов миф о «немытом и вонючем средневековье», весьма старательно внедренный в массовое историческое сознание. Особенно яркой выглядит его цитата из поучения болонского профессора медицины Таддео Альдеротти, адресованного знатному флорентийцу Корсо Донати. После пробуждения ему советовали потянуться, вымыть проточной водой руки и лицо, вычистить зубы, прополоскать десны и полость рта. Затем следовало пожевать анис или фенхель, чтобы освежить дыхание. По окончании гигиенических процедур доктор рекомендовал своему подопечному надеть элегантный костюм, чтобы «душа тем была обрадована». Правильное начало дня было, с его точки зрения, необходимой основой для того, чтобы сохранять и впредь телесное здоровье и душевное спокойствие (с. 77). Впрочем, описанные Сусанной Ниранен «рецепты от трудных размышлений»⁵ зачастую весьма сомнительны с точки зрения эффективности. Тем, кто часто сердится и впадает в меланхолию, сборник популярных провансальских рецептов рекомендует мазать горло медом (с. 93). По крайней мере, это средство не выглядит особенно вредоносным. Впрочем, для автора статьи оказывается более-менее очевидным, что считавшиеся ментально-болезненными состояниями меланхолию, бессонницу или резкие перемены настроения следовало лечить покоем. Потому реальное значение «медикаментов» и «магических средств» в средневековом врачебном искусстве оказывается, по большому счету, равным (с. 106–107). Статья Сари Катаяла-Пелтомаа «Одержимость

¹ Medieval States of Welfare: Mental Wellbeing in European Culture, c. 1100–1450.

² Sundmark S. F. Hyvä elämä, hyvä kuolema. S. 35–64.

³ Hanska J. Kirkonmies ja viinin ilot. S. 179–207.

⁴ Joutsivo T. Ruumis ja sielu skolastien lääkärin tulkitsemina. S. 65–90.

⁵ Niiranen S. Reseptejä mielen vaivoihin. S. 91–112.

и семейное благополучие»⁶ показывает, что возможность чудесного вмешательства высших сил во вред или на благо человеческому здоровью вовсе не воспринималась средневековым сознанием как аксиома. Приложенное к протоколу процесса о канонизации Карла Блуасского (1319–1364) свидетельство Матеи Л'Эписье повествует о том, что внезапная болезнь ее трехлетней дочери Гийеметты стала наказанием за неверие ее супруга — торговца пряностями Пьера Жирара, горожанина из Анжера, в то, что Карл Блуасский достоин почитания как святой. Овладевший девочкой бес покинул свою жертву только после того, как родители привели ее в церковь братьев-миноритов и помолились о ее здоровье перед образом святого, в знак действенного покаяния почтенного буржуа в его кощунственной неверии (с. 118). Исследование частного случая разбивает два довольно устойчивых стереотипа:

— о полнейшем равнодушии средневековых родителей к своим детям, что входит в противоречие с трогательным повествованием о том, как Матей и Пьер пытались помочь беде их дочери;

— о повсеместной практике ранних браков — фигурирующая в материалах процесса «женщина тридцати двух лет или около того» Матей родила своего первого ребёнка, Гийеметту, в возрасте 29 лет, что вполне соответствует демографическим показателям начала XXI в.

Процесс о канонизации Карла Блуасского был открыт в 1371 г. в Анжере. Свидетельство совершённого им чудесного исцеления от одержимости, сделанное под присягой, должно было стать убедительным аргументом в пользу причисления знатного представителя рода Валуа к лику святых, о чём свидетельствуют приводимые С. Катаяла-Пелтомаа примеры подобных процессов в Западной Церкви. Впрочем, автор оставил без внимания тот факт, что среди усомнившихся в святости Карла был не только торговец пряностями Пьер Жирар, но и последний авиньонский папа Григорий XI (1370–1378), запомнившийся не только своим возвращением в Рим, но и отказом канонизировать французского принца в 1376 г. Беатификация Карла Блуасского оказалась в итоге отложена более чем на 500 лет и была совершена Пием X (1903–1914) в 1904 г. Погибший в сражении при Орэ 29 сентября 1364 г. вельможа сражался за герцогство Бретань против влиятельной семьи Монфоров, которая в тот момент одержала победу и воспротивилась канонизации. Препятствия политического свойства, в отличие от неверия анжерского торговца, оказались в тот момент непреодолимыми, что, к сожалению, упустила из вида С. Катаяла-Пелтомаа.

Марко Ламберг, отталкиваясь от одной из историй, сохранившихся в сборнике *exempla* ордена Св. Бригитты Шведской, размышляет о восприятии молодости и старости в средневековом обществе в статье с говорящим названи-

⁶ *Katajala-Peltomaa S.* Riivaukset ja perheiden hyvinvointi. S. 113–136.

ем: «Силы, покидающие плоть»⁷. В отличие от большинства представленных в сборнике исследований, общераспространенный образ средневековья как времени людей молодых и сильных, плохо понимающих человеческую старость, находит здесь свое подтверждение в рассказе о больном старике, которому из-за его болезни священник отказывал в причастии. Благодаря явленному Девой Марией чуду ему были возвращены на несколько мгновений молодость и здоровье, чтобы он мог приобщиться Святым Тайн и упокоиться с миром.

Тема душевного благополучия располагается в центре исследования Саллы Палми-Фелин «“Новое занятие” как нравственная угроза», основанного на отрывке из произведения доминиканца из Пизы Бартоломео да Сан-Конкордио (1262–1347) «Сумма казусов совести»⁸. Старый вопрос о нелегком моральном выборе адвоката, нанятого преступником для его защиты в суде от справедливого возмездия, встал во времена брата Бартоломео с особенной остротой вследствие взрывного развития юридического образования, приведшего к появлению целого слоя профессиональных правоведов, предлагающих свои услуги всем желающим. Новая, «нетрадиционная» профессия, ассоциирующаяся с подкупом, крючкотворством, обманом, алчностью и недостойными риторическими приемами, угрожает прежде всего самому адвокату, который может снискать себе вечную погибель. С другой стороны, решения IV Латеранского собора 1215 г., установившие требование ежегодной обязательной исповеди для всех католиков, привели к необходимости выработки рекомендаций для тех священников, которые могли стать потенциальными духовниками юристов. Подборки подобных рекомендаций и обзревает автор статьи, указывая на то, что примирить занятие «опасной профессией» и стремление спасти свою душу можно было посредством оказания благотворительной юридической помощи бедным и жертвам несправедливости, умеренной платы за адвокатские услуги и отказа от участия в деле обвиняемого, чье преступление являлось очевидным для защитника (с. 173). Таким образом, «сомнительное новшество» — адвокатское ремесло получило шанс интегрироваться в добропорядочное христианское общество, а его представители — избежать адских мучений.

Наконец, статья «Добрая и злая ярость» Кирси Канерва основана на материале исландских саг, записанных в XIII — начале XIV в., когда древнескандинавские представления успели испытать на себе значительное христианское влияние⁹. Автор особо отмечает значение «благородного гнева» для поддержания социального миропорядка, условием которого было сохранение доброго имени и отмщения нанесенных обид. При этом описание «благородного гнева» отличается от описания боевой ярости берсерка, кусающего свой щит перед началом схватки. Благородный гнев является следствием убеждения в собственной правоте и потому не имеет никаких внешних проявлений — покраснения, почернения или побеления кожи, дрожи в руках или голосе и т. п. (с. 227).

⁷ *Lamberg M.* Ruumiin ehtyvät voimat. S. 137–157.

⁸ *Palmi-Felin S.* «Uusi työ» moraalini uhkana. S. 159–177.

⁹ *Kanerva K.* Hyvä ja paha viha. S. 209–240.

Представленные в сборнике исследования следуют одному алгоритму: в начале каждого приводится фрагмент источника на языке оригинала — латинском, шведском, провансальском или древнеисландском, затем его перевод на финский, после чего следует более-менее пространный комментарий, в котором отражается знакомство автора с историческим контекстом, современной научной литературой и методами исследования.

Главным недостатком и проекта, и появившегося в результате его реализации сборника является, на взгляд рецензента, его мозаичность. Она стала очевидным следствием зависимости итогов работы от конкретных научных интересов участников исследовательского коллектива. Внимание к духовной культуре здесь явственно доминирует над вниманием к культуре материальной. Тема уверенности в спасении души как основы чувства душевного благополучия в той или иной вариации звучит практически в каждой из статей. С другой стороны, такие аспекты материального благополучия, как богатство, возможность есть досыта, жить в теплом доме, пользоваться удобной одеждой и обувью, остаются вне рамок сборника. И это вызывает определенное недоумение, ибо весьма неплохо известно, какие значительные усилия требовалось предпринимать средневековому человеку, чтобы удовлетворять свои самые минимальные потребности в пище, жилье и одежде. Тем не менее важная сторона индивидуального и общественного бытия осталась, к сожалению для читателя, в стороне. Лежит ли в основе этого зачарованность участников проекта изучаемыми источниками, ставящими во главу угла вопросы духовного порядка? Рецензент затрудняется с выводом, предпочитая констатировать результат.

Фрагментарность изложения, однако, вполне искупается глубиной и детализацией анализа, в полной мере оценить которые способны специалисты в области истории западноевропейского средневековья, на чье внимательное чтение рассчитан сборник. Впрочем, многих потенциальных читателей остановит одно обстоятельство — языковой барьер. За исключением отрывков исследуемых источников, язык издания — финский. Никаких резюме и даже оглавлений на других языках в этой книге найти невозможно. Но здесь не хочется усмотреть неуважение финских историков к своим зарубежным коллегам. Их коллективный труд, в котором рассматриваются проблемы довольно далекой от Финляндии истории, написанный на языке этой небольшой страны, свидетельствует о том, что у процесса глобализации науки есть свои пределы. Оказывается, вовсе не обязательно в каждом случае переходить с родного языка на язык с более высоким международным статусом, можно разрабатывать и поддерживать в активном состоянии собственную научную терминологию. Изданный Финским литературным обществом сборник служит хорошим подтверждением того, что одна из задач историка — формирование исторической культуры своей собственной страны, что неизбежно предполагает освоение исторического наследия других стран. Остается порадоваться за коллег из Финляндии, успешно справляющихся с этой непростой задачей.

С. В. Куликов

Спор между «пессимистами» и «оптимистами» продолжается...

Рецензия на сборник статей: Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / Сост. С. М. Исхаков; отв. ред. Ю. А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Науч. совет Рос. акад. наук по истории социальных реформ, движений и революций. М., 2014. 416 с.

100-летие начала Первой мировой войны, отмеченное в мире в минувшем 2014 г., снова привлекло к этой поистине Великой войне внимание историков и широкой общественности, хотя уже на подходе к ее юбилею Первая мировая неоднократно становилась объектом коллективного исследовательского интереса. Так, еще 3–4 мая 2012 г. в Самаре была проведена Международная научная сессия «Великая война 1914–1918 гг. и Россия», организованная Научным советом Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций совместно с Поволжским отделением этого совета и Фондом русской истории (Нидерланды) при поддержке Самарской областной универсальной научной библиотеки. Участники сессии представляли Россию (Архангельск, Курск, Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов и Челябинск), а также Азербайджан, Грузию, Украину, Францию и Японию. Рецензируемый сборник статей как раз и подготовлен на основе докладов, обсуждавшихся на этой сессии.

Сборник открывается предисловием, которое написано его составителем С. М. Исхаковым, и, очевидно, имеет некий программный характер, отражая в какой-то степени кредо всех участников сборника, а потому достойно особого внимания. В предисловии дается тонкий анализ отечественной и зарубежной историографии Первой мировой войны, ставятся новые проблемы ее изучения и по-новому трактуются старые, причем автор делает это, соблюдая баланс между новацией и традицией, следуя в русле истинного академизма.

С. М. Исхаков резонно замечает, что начало изучению Великой войны в постсоветской России было положено в первой половине 1990-х гг., а именно — в декабре 1992 г. Именно тогда по инициативе академика Ю. А. Писарева создается Ассоциация историков Первой мировой войны. В результате усилий сотрудников Ассоциации и Совета РАН по истории революций в России во главе с академиком П. В. Волобуевым 24–26 мая 1994 г. в Москве впервые в Российской Федерации была проведена Международная научная конференция «Первая мировая война и XX век», посвященная ее 80-летию, причем в конференции участвовала «большая группа историков, в том числе из ряда европейских стран и США» (с. 5). Из дальнейшего изложения создается впечатление, будто следующей важной вехой на пути изучения в нашей стране Великой войны стала только Самарская научная сессия 2012 г. Между тем, в предисловии совершенно не упоминается Международный научный colloquium «Россия в Первой мировой войне», проходивший 1–5 июня 1998 г. в Санкт-Петербурге.

На colloquium были презентованы 27 научных докладов, распределенных по шести секциям: 1) «Теории, концепции, методологии»; 2) «Война и общество»; 3) «Политика»; 4) «Культура и политическая культура»; 5) «Империя, национальные движения»; 6) «Экономика». В colloquium участвовали российские ученые из Москвы, Курска, Петербурга, Петрозаводска и Тамбова и их зарубежные коллеги из Великобритании, Германии, США, Финляндии и Франции, всего — более полусотни исследователей. За всю историю изучения Первой мировой войны в постсоветской России это был едва ли не самый представительный научный форум, итогом деятельности которого стал сборник «Россия и Первая мировая война» в 564 с. общим объемом около 40 п. л.¹ Кстати, на Петербургском colloquium выступали и некоторые участники Самарской сессии, в частности — и автор предисловия к сборнику ее материалов.

Рассуждая о том, «нужно ли было отечественной правящей элите вообще ввязываться» в Великую войну, С. М. Исхаков находит «правомерной» точку зрения, согласно которой применительно к России «кроме чисто имперских соображений и стремления поддержать собственный ложно понятый престиж в ситуации с сараевским (сербским) кризисом, никаких других реальных оснований для этого не существовало» (с. 5–6). Можно только приветствовать, что автор оперирует понятием «правящая элита», персонифицируя историче-

¹ Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium) / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999.

ский процесс и освобождая его от мертвящего влияния экономического детерминизма, однако вместе с тем игнорируется жесткая геополитическая сцепка правящей элиты Российской империи с правящими элитами союзных ей держав — не только Сербии и Черногории, но и Франции и Великобритании, сцепка, наблюдавшаяся на уровне финансовых, дипломатических и династических связей и делавшая вовлечение России в войну именно в июле 1914 г., после целого ряда отступлений русской дипломатии в 1908–1913 гг., содействовавших падению престижа Романовых внутри и вовне империи, практически неизбежным. Если верно то, что вступление России в войну в 1914 г. вызвало в ней антимонархическую революцию в 1917, то столь же верно и то, что ее невступление в защиту Сербии вызвало бы в России точно такую же революцию уже в 1914.

Обосновывая свое мнение о военных перспективах Российской империи, С. М. Исхаков пишет: «Россия, ослабленная недавней неудачной войной с Японией и революцией 1905–1907 гг., не была готова к длительному противоборству с таким опасным соперником, как Германия и ее союзники. Огромная империя не могла долго выдерживать непосильное для нее бремя милитаризации всего народного хозяйства, огромных военных расходов и гонки вооружений, а ее политический строй оказался неспособен обеспечить внутренний социальный мир в стране и сплотить всё общество, что привело его после Февральской революции 1917 г. к еще более глубокому кризису и тяжелым испытаниям» (с. 6). Действительно, Российская империя «не была готова к длительному противоборству» с Центральными державами один на один, однако уже в начале войны ее полностью поддержали Франция и Великобритания, что создало предпосылки для длительного участия (три с половиной года!) России в мировой схватке, причем эти предпосылки возросли после присоединения к Антанте Японии (в 1914 г.) и Италии (в 1915), а затем — США и Китая (в 1917).

Относительно же «политического строя» можно утверждать со всей бесспорностью, что политический строй любой активно воевавшей державы «оказался неспособен обеспечить внутренний социальный мир в стране и сплотить всё общество». В случае со странами Германского блока это очевидно, но обратимся к странам-победительницам: в 1916 г. в Дублине (в третьей столице Соединенного королевства!) вспыхивает восстание, подавленное ценой артиллерийского разгрома чуть ли не половины города. А раздираемая германофобией республиканская Франция, в которой по бесосновательному подозрению в измене к смертной казни приговаривали министров и где в концентрационных лагерях содержали французских граждан только за то, что в их жилах текла немецкая кровь? И здесь не обойтись без компаративного подхода — лишь он обеспечивает относительно объективные, взвешенные оценки, вписанные в конкретно-исторический контекст, а не вытекающие из отвлеченных доктрин или авторской субъективности, сдобренной к тому же в случае со многими западными исследователями двойными стандартами.

Далее, в случае с «политическим строем» России необходимо, видимо, обозначить разницу между периодами до и после Февраля 1917. В этой связи важное методологическое значение имеет замечание П. В. Волобуева, который справедливо подчеркивал, что всякому, изучающему отечественную историю периода Великой войны, «приходится иметь дело, по крайней мере, с тремя Россиями. Это Россия царская, Россия демократическая, просуществовавшая всего 8 месяцев в 1917 г., и Россия советская, ставшая в 1922 г. Советским Союзом. Отдаленное эхо Первой мировой войны можно услышать и в России четвертой — посткоммунистической и постсоветской» (с. 407). Приведенная цитата взята из раздела 4 сборника («Из архива Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций»), где опубликованы предварительный и окончательный варианты доклада П. В. Волобуева «Первая мировая война и историческая судьба России», с которым он выступил на упоминавшейся выше Московской международной конференции 1994 г. Исходя из методологического замечания П. В. Волобуева, вряд ли корректно закономерно, свойственные одному периоду, автоматически переносить в другой период, поскольку исторический процесс хотя и непрерывен, универсален, но вместе с тем эта непрерывность обуславливается его прерывностью, дискретностью — целое создается из частей.

«Ныне, — пишет С. М. Исхаков, — есть немало желающих возложить главную ответственность за поражение России в Первой мировой войне на партию большевиков, однако подобной задачи во имя победы революции она и не ставила» (С. 6). Это утверждение не может не вызвать возражений: во-первых, «мода» возлагать на большевиков ответственность за поражение России в Первой мировой войне возникла еще в 1917 г. и имеет обширные источниковедение и историографию; во-вторых — партия большевиков действительно никогда «не ставила» своей целью поражение в войне России как таковой, однако в самом начале войны В. И. Ленин объявил, что «меньшим злом» является поражение в войне царского правительства, олицетворявшего на тот момент, хотя бы с точки зрения международного права, именно Россию как таковую. Здесь опять очевидна методологическая важность воспроизведенного выше замечания П. В. Волобуева о необходимости дискретного восприятия «русской истории» Первой мировой войны, большевистский период которой ознаменовался не только Брестским миром, но и причастностью большевиков к подготовке Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, а значит — и к ее поражению в Великой войне, что создало в свою очередь условия для «воссоздания Российской империи» теперь уже в виде СССР.

«Не выдерживает критики, — заключает С. М. Исхаков, — и модная ныне версия, будто в 1917 г. мифическая победа над врагом якобы уже была у России “в кармане” и к моменту подписания знаменитого Версальского мирного договора 1919 г., который подвел, наконец, черту под этой страшной мировой войной, Россия была бы вместе с Англией, Францией и США в стане победи-

телей, а не среди проигравших ее, еще более униженных и опозоренных. В действительности военно-стратегическое положение России к концу 1917 г. было совсем не блестяще, а ее армия воевать не хотела и физически и материально уже не могла» (с. 6). Для ответа на вопрос, выиграла Россия Великую войну или нет, необходимо опять обратиться к предложенной П. В. Волобуевым концепции о «трех Россиях».

Возьмем Россию царскую. Выступая 14 августа 1917 г. на Государственном совещании в Москве, верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов открыто признал: «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочеты. Но, тем не менее, эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованиям»². На том же совещании 15 августа генерал М. В. Алексеев удостоверил: «В руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнять и дальше свой долг и наряду с союзниками вести многострадальную Россию к скорейшему окончанию войны»³. Наконец, председатель ЦВПК, бывший военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков тогда заявил, подразумеваемая канун Февральской революции, что «судьба войны за последние месяцы до революции повернулась в благоприятную сторону» для России, поскольку ее «армия почувствовала себя снабженной и в боевом, и в интендантском отношении так обильно, как никогда»⁴.

Вряд ли у Корнилова, принципиального республиканца, Алексеева, более всех генералов содействовавшего победе революции, и Гучкова, ставшего вообще вождем Февральского переворота, имелись основания для приукрашивания военных перспектив низложенного ими старого порядка. Вместе с тем перечисленные персонажи, в силу своего служебного положения, обладали эксклюзивной информацией, а потому игнорировать их выводы было бы по меньшей мере неверно. Очевидно, что к началу Февральской революции Россия царская войну выигрывала или, по крайней мере, не проигрывала и, вне всякого сомнения, принадлежала к числу стран, являвшихся потенциальными победительницами. Совсем иная картина наблюдается с Россией Временного правительства, которое, тщетно пытаясь усидеть на двух стульях — продолжения войны и углубления революции, вело страну к поражению. Наконец, Россия большевистская, отдав окончательное предпочтение углублению революции, а не продолжению войны, — что к концу 1917 г. действительно было невозможно, — оформила поражение России в войне, но сделала это именно другая, большевистская Россия!

Раздел 1 сборника — «Экономические проблемы, качество жизни» — открывается статьей Ю. А. Петрова «К вопросу о финансовом положении России в годы Первой мировой войны». Несмотря на несколько абстрактное название

² Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 62–63.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 286.

статьи, ее содержание поражает сенсационной конкретикой, поскольку, рассматривая основные этапы урегулирования задолженности России Германии в период между Октябрьской революцией 1917 г. и Ноябрьской революцией 1918 г., автор анализирует новые документы, найденные им в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве, а также в Федеральном архиве ФРГ в Потсдаме (Bundesarchiv Deutschlands, Potsdam) и Архиве МИД ФРГ в Бонне (Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes, Bonn). Согласно подсчетам Ю. А. Петрова, от подписания Брестского мира до Ноябрьской революции в Германии советское правительство выплатило германской стороне около 584 млн марок золотом и бумажными денежными знаками в счет погашения довоенной задолженности и ущерба, понесенного германскими собственниками в годы войны (с. 18).

В статье С. А. Толстогузова «Финансово-экономический кризис и антикризисная политика правительства России в условиях Первой мировой войны» доказываемая точка зрения, согласно которой Великая война вызвала в Российской империи «глубокий кризис», получивший «итоговое выражение в финансах». «Антикризисная политика российского правительства, — заключает автор, — закончилась полным провалом и революцией в 1917 г.» (с. 30–31). При всей филигранной сложности фактуры этой статьи, схема получается весьма простая: война порождает финансовый кризис, а тот — Февральскую революцию, причем обратная зависимость тут и не предполагается. Между тем, на заседании Государственного совещания 12 августа 1917 г. заместитель министра-председателя и министр финансов Н. В. Некрасов заявил совершенно недвусмысленно: «Объективный язык цифр говорит нам, что даже учитывая весь рост неблагоприятных обстоятельств, который накопился к моменту революции... — что все эти факторы не объясняют еще того финансового бедствия, при котором мы присутствуем, если не учесть влияния революции и тех особых обстоятельств, которые были ею созданы. Деятели революции должны в этом отношении смотреть правде прямо в глаза. Ни один период российской истории, ни одно царское правительство не было столь расточительно, <...> ни одно не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России... Сейчас необходимо искать ошибки и погрешности не только в деятельности старой власти, но и смотреть совершенно объективно и беспристрастно на деятельность революционного периода»⁵.

Объясняя причины сложившейся ситуации, Н. В. Некрасов заметил: «Я должен сказать, что новый революционный строй обходится государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй... Те цифры, которые я должен буду назвать, точно так же выходят за пределы того, что мы могли знать в прошлом... По предварительным расчетам, расходы продовольственных комитетов на их организации могут достигнуть 500 миллионов руб.

⁵ Государственное совещание. М.–Л., 1930. С. 34.

в год. Расходы земельных комитетов исчислены по предварительным соображениям Министерства финансов в 140 миллионов в год»⁶. Итак, революция, да еще в период войны, была, особенно для России, слишком дорогим удовольствием, чего не хотели признавать лидеры левых партий, наконец-таки дорвавшиеся до воплощения своих партийных программ.

Возвращаясь, однако, к вопросу об обусловленности Февральской революции финансовым кризисом, необходимо решать его, учитывая не только чисто финансовые, но и социально-политические факторы, и тогда получится, что не финансовый кризис вызвал революцию, а революция — финансовый кризис. Вообще более актуальной представляется проблема влияния политики на экономику, а не экономики на политику, принимая во внимание, что экономический детерминизм исчерпал свои возможности как методология еще в советской историографии. Необходимо также ответить на вопрос о том, что понимать под «финансовым кризисом» в до- и послефевральской России, и тут опять не обойтись без компаративистики, удачный пример которой дала Д. В. Анисимова в статье «Фондовые биржи Петрограда и Гельсингфорса в годы Первой мировой войны: динамика индекса и инфляционный фактор».

Хотя с началом войны Петербургская (Петроградская) фондовая биржа, как и биржи других мировых финансовых центров, официально была закрыта, однако торговля ценными бумагами не прекращалась, поскольку существовали неофициальные биржевые собрания, между тем как Гельсингфорсская фондовая биржа не закрывалась вообще. Впервые в отечественной историографии Д. В. Анисимова подвергла тщательному сравнению обе биржи с точки зрения основных параметров их функционирования. Задавшись вопросом: «чему обязан рост индекса — инфляции или позитивным тенденциям в промышленности и торговле?» (с. 79), она пришла к новаторскому выводу: «Биржевой рынок не только не претерпел крах, а напротив, достиг максимума, близкого к лучшим предвоенным показателям. Биржевой ажиотаж был вызван увеличением свободного капитала в промышленности за счет государственных займов, желанием промышленников перехватить инициативу у банков на рынке ценных бумаг и значительной инфляцией» (с. 83–84). Иными словами, рост индекса объяснялся прежде всего «позитивными тенденциями в промышленности и торговле» и только потом — инфляцией. Сравнительно оптимистический вывод Д. В. Анисимовой полностью подтверждается тем, что в январе 1917 г. официально возобновила свою деятельность Петроградская фондовая биржа, символизируя торжество «позитивных тенденций в промышленности и торговле», торжество, сорванное Февральской революцией, т. е. вмешательством политики в экономику.

Новые ответы на старые вопросы пытается найти и Е. С. Кравцова в статье «Влияние Первой мировой войны на налоговую сферу российского государства». Признавая, что во время Великой войны в России «был налицо

⁶ Там же. С. 37.

обширный финансовый кризис», она, однако, считает его «толчком для начала радикальных преобразований в фискальной системе, которые, тем не менее, являлись запоздалыми» (с. 98). Здесь можно заметить, что «запоздалость» фискальных преобразований, прежде всего — введения подоходного налога, обеспечила Государственная Дума, получившая соответствующий правительственный законопроект еще в феврале 1907 г., но одобрившая его только в августе 1915 г., когда он поступил в Государственный совет, оказавшийся более оперативным — свое одобрение верхняя палата дала в феврале 1916 г., после чего в апреле закон о подоходном налоге утвердил Николай II.

Статья В. В. Поликарпова «Военная промышленность России 1914–1917 гг. в историческом разрезе» является, несмотря на нейтральное название, наиболее дискуссионной во всем сборнике, поскольку в ней затрагивается не только и не столько военная промышленность, сколько дается полемический анализ отечественной историографии и источниковедения по данной теме. Автор явно ностальгирует по той «золотой эпохе», когда во время хрущевской «оттепели» советские историки, изучавшие Первую мировую войну, получили возможность хоть на йоту отклониться от «единственно верного учения». Конечно, научные достижения этих историков бесспорны и давно заняли достойное место в отечественной историографии, но наука не стоит на месте и, сами того не желая, они способствовали сначала дифференцированию, а затем — и размыванию марксистско-ленинской парадигмы.

Появление новых парадигм, в рамках которых историки успешно продолжают изучение России периода Великой войны, было бы слишком упрощенно трактовать как реализацию подготовленной Ю. В. Андроповым «гигантской идеологической спецоперации по замене марксизма-ленинизма клерикально-державным монархизмом» (с. 34). Сам же В. В. Поликарпов обвиняет Вяч. Никонова в том, что революции у него «творят не массы, а люди с именем и фамилией», воспроизводя при этом концепцию своего «идеологического противника», точнее — собственное понимание данной концепции, с зеркальной точностью — оказывается, к смене парадигм, т. е. к естественному развитию исторической науки также причастны «люди с именем и фамилией». Здесь очевидна методологическая ограниченность конспирологического подхода, независимо от того, что описывается при помощи него — масонский ли заговор или полицейская («гэбистская») провокация. Жизнь, как говорится, всегда сложнее...

Что касается «клерикально-державного монархизма», то В. В. Поликарпов совершенно в духе марксистско-ленинской парадигмы полностью игнорирует ту глобальную переоценку ценностей, которая затронула прежде всего левое крыло первой волны русской эмиграции, чьи представители имели возможность адекватно сравнить реалии Императорской и Советской России. «Живем темнее, чем при Романовых, — записала уже 10 февраля 1918 г. А. В. Тыркова. — Газеты закрыты. За каждое слово грозят смертью»⁷. «Мы, — вспоминала

⁷ Наследие А. В. Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 218.

Тыркова позднее, подразумевая дореволюционный период, — уверяли себя и других, что мы задыхаемся в тисках самодержавия. На самом деле в нас играла вольность, мы были свободны телом и духом. Многого нам не позволяли говорить вслух. Но никто не заставлял нас говорить то, что мы не думали. Мы не знали страха, этой унижительной, разрушительной, повальной болезни XX в., посеянной коммунистами. Нашу свободу мы оценили только тогда, когда большевики закрепили всю Россию. В царские времена мы ее не сознавали»⁸. Особенно впечатляющей была разница между карательной политикой царизма и большевизма. «Чрезвычайка, — заключал П. Г. Виноградов, — намного превзошла свой образец — старую “Охранку”»⁹. Князю В. А. Оболенскому (кстати, не только кадету, но и масону) режим, существовавший в августе 1906 — апреле 1907 г., т. е. во время действия военно-полевых судов, казался «сравнительно мягким». «Едва ли я ошибусь, — отмечал Оболенский, — если определю число казненных за весь период революции 1904–1906 гг. в несколько сот человек. Что значат такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!»¹⁰ Кем же, с точки зрения В. В. Поликарпова, были Виноградов, Оболенский, Тыркова? Неужели также участниками «гигантской идеологической спецоперации» Ю. В. Андропова?!

В сущности, В. В. Поликарпов пытается ответить на вопрос, насколько эффективно работала военная промышленность Российской империи, причем пессимистический ответ ему заранее известен — работала она неэффективно. Но как, в таком случае, быть со свидетельствами осведомленных современников, таких, например, как Ф. И. Родичев, который 14 августа 1917 г. сообщал на Государственном совещании: «У нас есть всё материальное, что нужно для победы: миллионы людей, миллионы пар ног и рук, снаряжение и вооружение, орудия, данные нам союзниками, ружья и снаряды»¹¹. Допустим, выдающийся кадетский адвокат «растекся мыслию по древу». Но вот более авторитетное мнение представителя промышленных организаций Н. Ф. фон Дитмара, заявившего 15 августа, что «армия снабжалась преимущественно в наибольшем числе именно русскими заводами», и к апрелю 1917 г. «доставка в армию со стороны русских заводов по степени соблюдения сроков и исполнения норм оставила далеко за собой заграничные заводы»¹². «После мировой войны, — соглашается П. В. Волобуев, — в стране остались горы оружия и не только на складах, но и у населения. Красная армия, например, вплоть до середины 1919 г. снабжалась в основном из запасов военного времени» (с. 415).

Как представляется, до Февральской революции военная промышленность России работала относительно (относительно!) эффективно, хотя и можно

⁸ Тыркова А. В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 288.

⁹ Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 425.

¹⁰ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 334.

¹¹ Государственное совещание. М.–Л., 1930. С. 59.

¹² Там же. С. 264–265.

говорить о разной степени эффективности применительно к ее разным отраслям и периодам функционирования, но где и когда было доступно абсолютное совершенство?! Специалист в области гидролокации К. В. Шиловский, друг революционерки Н. Г. Климовой, в ноябре 1914 г. предложил свои услуги французскому правительству, которое в феврале 1915 г. пригласило его в Париж и дало средства для проведения необходимых экспериментов, однако гидролокаторы, разработанные Шиловским еще в 1915–1916 гг., французы отправили на фронт... «уже по окончании войны», т. е. как минимум через два года!¹³ Если подобное происходило в «благополучной» Франции, то что же говорить, пользуясь терминологией П. В. Волобуева, о «второй России», России Временного правительства.

Л. Г. Корнилов сообщил 14 августа 1917 г. на Государственном совещании: «В настоящее время производительность наших заводов, работающих на оборону, понизилась до такой степени, что теперь в крупных цифрах производство главных потребностей армии, по сравнению с цифрами периода с октября 1916 г. по январь 1917 г., понизилась таким образом: орудий — на 60 %, снарядов — на 60 %». «В настоящее время, — констатировал далее главковерх, — производительность наших заводов, работающих по авиации, понизилась почти на 80 %»¹⁴. Между тем, в статье «Развитие авиационной промышленности России накануне и в годы Первой мировой войны» В. Д. Лебедев убедительно доказал, что «в русской армии и на флоте накануне и во время этой войны были созданы образцы военной техники, которые зарекомендовали себя во время кампании с самой лучшей стороны и считались лучшими в мире» (с. 53). В общем, говорить об эффективности военной промышленности России после Февральской революции действительно не приходится, и тут нельзя не согласиться с В. В. Поликарповым.

Новизна статьи Н. Ф. Тагировой «Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования» заключается в том, что в ней рассматриваются «коллизии государственного и рыночного регулирования хлебной торговли военного времени» с учетом динамики обобщенных хлебных цен, которая анализируется «на фоне разрушения хлебного рынка и в информационном пространстве военного времени» (с. 73). То, что Н. Ф. Тагирова уделила особое внимание фактору информационного пространства, является несомненной удачей ее исследования, однако это не освобождает автора от разделения этого пространства на дофевральский и послефевральский сегменты. До Февраля 1917 г. проблема состояла не в производстве хлеба, а в его распределении посредством перевозок, прежде всего по железным дорогам, которые, так или иначе, но со своей задачей справлялись удовлетворительно.

Представитель Всероссийского союза инженеров и техников путей сообщения А. Н. Фролов говорил на Государственном совещании 15 августа 1917 г.:

¹³ Кан Г. С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012. С. 156.

¹⁴ Государственное совещание. М.–Л., 1930. С. 64–65.

«До революции в железнодорожном транспорте царил рутинизм. Совершалось много ошибок, делались глупости, но, невзирая на это, работа железных дорог непрерывно во время войны росла, количество перевозок непрерывно возрастало»¹⁵. Ситуация изменилась, естественно, в худшую сторону только после Февральского переворота. Представитель Совета частных железных дорог Н. Д. Байдак, также выступавший 15 августа, заявил: «Нет сомнений, что данное правительством в первые дни переворота направление привело железные дороги к разрухе»¹⁶. «После революции, — вторил Байдаку Фролов, — работа железных дорог непрерывно падает, и в июле месяце, в это легчайшее время для железнодорожного движения, работа железных дорог была меньше, чем в январе, когда половина наших железных дорог была засыпана снегом»¹⁷. Очевидно, что и в данном случае надо различать, как минимум, «две России» — дофевральскую и послефевральскую.

Представитель Всероссийской сельскохозяйственной палаты и сельскохозяйственных обществ К. Н. Капацкий заявил на заседании Государственного совещания 15 августа: «У нас с момента революции, надо сказать правду, не было Министерства земледелия, а было и есть Министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы. Сельское же хозяйство совершенно забыто и приходится вести ломку земельного строя не при нормальных условиях, а при кризисе сельского хозяйства всей страны, когда вместо полей явились какие-то площади пустырей»¹⁸. Наблюдавшееся после Февраля 1917 г. вторжение политики в экономику привело к тому, что проблематичный характер обрело не только распределение, но и само производство хлебов.

Экономический раздел сборника завершает статья В. Н. Парамонова «Качество жизни населения России в 1914–1917 гг.». «Революция 1917 г., — по мнению автора, — была следствием не только экономических предпосылок (спада промышленного производства гражданской продукции, инфляции, нарушения хозяйственных связей в стране, транспортных трудностей и т. д.), но и ухудшения условий жизни населения, снижения уровня образования, падения морально-этических норм и др.» (с. 115). Несомненно, качество жизни населения России в годы Великой войны ухудшилось, но, как минимум, надо различать положение в городе и деревне: если в первом качество жизни действительно заметно ухудшилось, доказательством чему стал получивший широкое распространение в 1916 г. феномен «очереди», то вторая, в этом смысле, оказалась в более выигрышной ситуации, которую породили прекращение хлебного экспорта, введение сухого закона, пайки, выплачивавшиеся государством солдатским семьям, и т. д. Не случайно именно во время войны учреждения мелкого кредита получили еще большее распространение именно в деревне, а вклады в них

¹⁵ Там же. С. 173.

¹⁶ Там же. С. 172.

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ Там же. С. 241.

имели тенденцию к постоянному росту. Помимо города и деревни необходимо также выделять фронт, где качество жизни отличала своя специфика — физические лишения и опасности здесь компенсировались улучшением материального обеспечения — вся экономика работала прежде всего на фронт.

Общей чертой многих статей экономического раздела является сведение революции 1917 г. к функции экономических процессов, иными словами — проблема стихийности или организованности революций трактуется с упором на стихийность, и это естественно — не только в российском научном, но и в массовом сознании по отношению к слову «революция» проявляется своего рода терминологический фетишизм. Если, например, новая история Испании знает более десятка «революций», под которыми понимается любой, даже самый верхушечный, переворот, то у нас «революция» рассматривается как некий природный феномен, наподобие землетрясения или цунами. Понятно, что подобный подход подразумевает полное снятие вины за революцию 1917 г. и с власти, и с общества, и с Николая II, и с А. Ф. Керенского, и с В. И. Ленина. Если революция своей стихийностью сродни Тунгусскому метеориту, то при чем же здесь конкретные исторические деятели? Между тем, отечественные исследователи постоянно возлагают вину за революцию то на власть, то на общество, то на исторических деятелей. Такое разительное противоречие с логической неизбежностью указывает на дефектность изначальной установки и на двойственную природу революции, на то, что это явление, как, впрочем, и всякий иной социальный, а не природный, феномен, объединяет в себе элементы стихийности и организованности. Важно, чтобы один из факторов — стихийность или организованность — не перевешивал другой, а главное — не вмешивался в сферу чужой компетенции. Только тогда роль человека и человеческого в истории получит адекватную трактовку, причем ее персонификация равно необходима не только на верхних, но также на средних и нижних уровнях, выявляя на всех группах, которые иначе как элитными не назовешь.

Собственно, человеческому измерению Великой войны и посвящен раздел 2 сборника «Общественные настроения, политики», открывающийся статьей О. А. Суховой «Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг.». В этой новаторской статье, пожалуй — наиболее методологической из всех статей сборника, рассматривается роль и значение Первой мировой войны как фактора ментальной динамики. «Результатом кризиса антропосоциетального соответствия, рожденного еще до войны как реакция на вызов либерального идеала и многократно усиленного в представлениях массового сознания тяготами войны, стало, — полагает О. А. Сухова, — возвращение к варианту крайней традиционализации в предельном значении этого понятия» (с. 138).

Свойственной статье О. А. Суховой высокий уровень обобщения имеет и свою оборотную сторону: обобщение — это всегда не только усложнение, но и упрощение, которое в данном случае сводится к допущению, что мен-

тальную динамику определял только один фактор — «возвращение к варианту крайней традиционализации», хотя, как представляется, методологически более верным было бы выделение нескольких факторов и выстраивание их иерархии. Целесообразность именно такого подхода подтверждается и на примере статьи Н. С. Сидоренко «Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала)». Описывая то, как «политическая атмосфера на Урале в условиях Первой мировой войны претерпела глубокие изменения», автор пишет: «Росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является монархический режим. Широкое распространение получила критика в адрес монарха и его ближайшего окружения... В части общества был преодолен психологический барьер “покорности судьбе” и росла готовность применения революционных средств борьбы за свои права даже в условиях военного времени» (с. 152).

Корректируя выводы Н. С. Сидоренко, необходимо отметить, что недовольство монархом не означало разочарования в «монархическом режиме», а замещение «патриотических установок» готовностью «применения революционных средств борьбы» не вело к немедленному отказу от этой установки, поскольку накануне и в ходе Февральской революции преобладала именно патриотическая риторика в ее националистической форме «борьбы с немецким засильем», против гипотетической измены если не Николая II, то Александры Федоровны и их окружения, «германфильской камарильи». Лозунг «революция во имя победы», объединивший в Феврале 1917 г. верхи и низы, правых и левых, не имел антипатриотического подтекста, и только впоследствии «революция» стала ассоциироваться исключительно с интернационализмом.

Ю. А. Жердева в статье «Иллюстрированная пресса как источник формирования образа войны в 1914–1918 гг.» пришла к обоснованному выводу, что «образ войны, который формировала российская иллюстрированная пресса, представлял собой совокупность мифологем, соответствовавших определенным идеологическим конструкциям и скорее имитировавших действительность фронта, чем иллюстрировавших ее» (с. 173). Ю. А. Жердева почему-то не оговаривается, что, согласно дискурс-анализу, «совокупность мифологем» только и может имитировать какую-либо действительность, а не иллюстрировать ее, в чем и проявляется параллельность дискурса, в частности — о Великой войне, так называемой исторической реальности. Более актуальным является не просто вычленение конкретного дискурса, а изучение проблемы его формирования, соотношения между событием-поводом и представлением о нем. В связи с этим особый интерес представляет статья А. В. Венкова «Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты», в которой рассматривается конструирование мифа о, пожалуй, самом знаменитом российском герое Первой мировой войны. А. В. Венков находит, что «этот поступок, действительно продемонстрировавший храбрость и высокие боевые качества донских казаков, официальная пропаганда раздула и превратила в миф Первой мировой войны» (с. 181).

Н. П. Фомичева в статье «Война 1914–1918 гг. в судьбе самарского либерала», написанной по материалам архива самарского кадета А. Г. Ёлшина, рассматривает Великую войну как «звездный час» российского либерализма и... причину его краха. «Ориентированные на ценности западной демократии, — отмечает Н. П. Фомичева, — российские либералы не получили поддержки народных масс и сошли с исторической арены» (с. 192). Можно согласиться с автором, что российские либералы ориентировались «на ценности западной демократии», однако на ценности чисто доктринальные, а не реализованные в полной мере к 1914 г. В отличие от западных либералов российские отличались максимализмом, являясь не прагматиками, как первые, а доктринерами. «Пусть рухнет мир, но торжествует программа моей партии», — был девиз этих доктринеров, и, думается, именно здесь и кроется причина их поражения.

Несомненно, один из главных экспертов по либеральной интеллигенции начала XX в. — В. В. Розанов, которому В. И. Гольцов посвятил статью «Проблема патриотизма в трудах В. В. Розанова в годы Первой мировой войны». По наблюдениям В. И. Гольцова, в ходе войны представления В. В. Розанова о патриотизме претерпели кардинальную эволюцию — от ура-патриотизма до самокритики. Вместо «казенного патриотизма, основанного на ксенофобии, национализме, империализме», у Розанова появляются «искренняя боль за родину и сочувствие ей»: как ни парадоксально, «в этом смысле Розанов стал большим патриотом, чем в начале войны». По мнению В. В. Гольцова, его герой не осознал, что «причиной событий 1917 г. в значительной степени стала война, воспеваемая в том числе и им», а потому искал «причины катастрофы весьма поверхностно — в деятельности либеральной общественности и даже в русской беллетристике» (с. 214–215). С этим выводом едва ли можно согласиться.

Глубина розановского анализа как раз и заключается в том, что, в отличие от многих своих современников, он видел за деревьями лес — те долговременные тенденции, которые независимо от Великой войны должны были привести и в конце концов — привели к падению Российской империи: бескомпромиссность оппозиции и оппозиционность литературы, формировавшие духовную атмосферу русского общества на протяжении десятилетий. Впрочем, до сих пор популярное в историографии возложение вины на власть или общество в рамках дихотомии «власть–общество» малопродуктивно, поскольку сама эта дихотомия весьма условна, ибо власть и общество взаимопроникали друг друга, накладывались друг на друга институционально, персонально и т. д. Большинство общественных деятелей находились на государственной службе (в том числе, например, профессора или земцы) и имели чины, хотя бы и небольшие, а большинство чиновников, будучи живыми людьми, обладали собственными политическими, преимущественно либеральными, и даже более левыми, взглядами и идентифицировали себя с кадетами или октябристами не только неформально, например — при выборах в Государственную Думу, но и формально — пребывая в той или иной партии в качестве рядового члена или даже одного из ее

руководителей. Линия разделения проходила не между властью и обществом, но внутри власти и внутри общества.

Вся условность дихотомии «власть–общество» видна на примере А. Ф. Керенского, в статье С. В. Тютюкина «Начало министерской карьеры Александра Керенского в 1917 г.». Весной 1917 г., подчеркивает Тютюкин, в министерской деятельности А. Ф. Керенского «были и реализм, и революционный порыв, и даже некая революционная романтика, но Керенский быстро растерял всё это, буквально раздавленный той непосильной ношей, которую сам же на себя и взвалил. Тем самым он дал блестящий политический урок тем, кто захотел бы повторить его путь в 1917 г. (но, естественно, без подобного финала). Но кто же, — задается риторическим вопросом исследователь, — изучает сегодня опыт истории?» (с. 225). Впрочем, в случае с А. Ф. Керенским этот вопрос отнюдь не риторический, принимая во внимание итоги его деятельности, которые сам он живописал 12 августа 1917 г. на Государственном совещании: «Голодающие города, всё более и более расстраивающийся транспорт, <...> падение производительности в промышленной и заводской работе... — привело к тому, что <...> расхищение, исчезновение национальных богатств и орудий защиты и творчества одновременно сопровождается опустошением государственной казны и великим финансовым и денежным кризисом»¹⁹.

Впрочем, при всех своих недостатках А. Ф. Керенский обладал таким ценным для политика качеством, как способность к эволюции, основанной на честном переосмыслении исторического опыта, прежде всего — России XX в. «Теперь, после ужасов большевистского террора, — восклицал А. Ф. Керенский в 1936 г., — трудно даже представить, что Николай II, сидя на престоле, казался чудовищем, прозванным — подумать только! — Николаем Кровавым. Какая ирония звучит теперь в этих словах!» А. Ф. Керенский был «вполне убежден, что красный террор вынуждает нас или вынудит в скором будущем пересмотреть вопрос о личной ответственности Николая II за несчастья и катастрофы во время его царствования». «По крайней мере, я, — признавался бывший сторонник царевбийства, — уже не вижу в нем “бесчеловечного зверя”, каким он еще недавно казался. В любом случае сегодня лучше представляются человеческие аспекты его действий, выясняется, что он боролся с терроризмом без всякой личной злобы... Безусловно, все казни, совершавшиеся при старом режиме, обращаются в ничто по сравнению с потоками крови, пролитыми большевиками»²⁰. Как говорится, лучше поздно, чем никогда...

А. В. Калягин в статье «В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и вопрос о социалистической революции в России (апрель–июнь 1917 г.)» подверг сравнительному анализу идейные и тактические позиции Ленина и Плеханова в апреле–июне 1917 г., причем уточнил сложившиеся в науке и общественном сознании

¹⁹ Государственное совещание. М.–Л., 1930. С. 5.

²⁰ Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 134, 135 (первое, франкоязычное, издание — Париж, 1936).

представления о том, в какой степени первый придерживался «курса на революцию социалистическую», а второй — «курса на революцию буржуазную». Если «в оценках материальной готовности (или точнее неготовности) России к социализму Плеханов и Ленин занимали близкие позиции», то «реальным центром их разногласий был вопрос о власти» (с. 240–241). Было бы, вероятно, целесообразно более подробно рассмотреть и то, как идеологи и практики российской социал-демократии расценивали перспективы социалистической революции в Европе, поскольку очевидно, что именно надежда на то, что «Европа нас поддержит», во многом определяла отношение Ленина к вопросу о власти.

В русле модного ныне в хорошем смысле этого слова историографического тренда, связанного с изучением исторической памяти, написана статья О. А. Шашковой «Люди Фронды» меж двух революций 1917 г.: Из истории собирания наследия Февраля». В ней рассмотрены институты (общества) и субъекты (историки) формирования исторической памяти о Февральской революции, захватившей представителей всех основных политических течений. «Можно лишь поражаться, — подчеркивает Шашкова, — тому энтузиазму, с которым интеллектуальная элита встречала начало крушения российской государственности. Их энергия была “вознаграждена” с лихвой: часть привыкших к борьбе деятелей встала в оппозицию и к новой, большевистской власти уже в начале 1920-х годов, немало их скончалось в годы Гражданской войны, а многие были просто выдворены из страны» (с. 269–270). Да, революция пожирает своих детей, но и дети мстят своей матери, что проявляется особенно наглядно в ходе процесса коммеморации, когда создаются конкурирующие памяти об одном и том же событии, в зависимости от того, какой стороной — лицевой или оборотной — повернулось оно к субъекту коммеморации.

Чаще всего историческая память обретает самодовлеющее значение по отношению к двум объектам коммеморации — революции и дипломатии, и, как бы подтверждая это, раздел 3 сборника называется «Международные отношения, дипломатия». Статья В. И. Голдина «Международные отношения на Европейском Севере в годы Первой мировой войны», весьма оригинальная по замыслу и его воплощению, вызывает, однако, один, но весьма существенный с точки зрения методологии вопрос — не является ли слишком искусственным выделение Европейского Севера в качестве особой геополитической реальности применительно именно к периоду Великой войны? Конечно, современные интеграционные процессы дают основания говорить о Европейском Севере как особой геополитической реальности, но всегда ли экстраполирование современных реалий целесообразно при проведении исторических исследований? В любом случае не вызывает сомнений вывод Голдина, что Первая мировая война «существенно изменила характер и привела к глубоким и разнообразным последствиям в системе международных отношений на Европейском Севере» (с. 288).

Г. М. Садовая в статье «Россия и Германия в Первой мировой войне: точка зрения В. Ратенау» рассмотрела соперничество двух держав сквозь призму личности выдающегося немецкого государственного и общественного деятеля,

проделавшего эволюцию от «руссофоба» до «руссофила». «Принимая во внимание приоритет экономических факторов, — отмечает Садовая, — Ратенау категорически отрицал территориальные захваты и прямую аннексию. Именно поэтому он не принял Брест-Литовский мир 1918 г., противоречащий его принципам интеграции Европы под эгидой Германии» (с. 302). Так, вопреки сиюминутной политической конъюнктуре, восстанавливался тандем «Россия–Германия», вырастая корнями из вековой дружбы двух монархий и касаясь молодыми кронами космических пространств мировой революции.

Статья В. Пискуна «Институциональное становление дипломатии и внешнеполитические ориентации украинских правительств (1917–1918 гг.)» посвящена формированию основ дипломатической службы Украины и векторов ее внешней политики. Автор, однако, склонен рассматривать Украину как бы в безвоздушном пространстве, забывая, что она в указанный период не являлась действительно самостоятельным субъектом международного права, подвергаясь немецкой оккупации, а не только «агрессии Советской России». Сам же В. Пискун признает, что подписание Брестского договора «породило нестабильность и неудовлетворенность населения пребыванием войска союзников в пределах Украины». Оно и понятно — немцы были, во-первых, союзниками поневоле, ставя на первое место стратегическую необходимость полного прекращения войны на Восточном фронте, а вторых — у них никогда не существовало консолидированного отношения к Украине: если кайзеровский МИД поддерживал украинскую государственность, то германское командование видело в ней эмбрион для воссоздания монархической России, лояльной к Германии. Неудивительно, что всё это вместе с Ноябрьской революцией 1918 г. «дало большевикам возможность начать новую войну против Украины» (с. 318–319), закончившуюся созданием УССР и значительным увеличением ее территории за счет присоединения, по инициативе Ленина, Новороссии.

Последствия Брестского мирного договора анализирует и Л. В. Ланник в статье «Брестская система международных отношений и германская военная элита». «При той калейдоскопической быстроте развития событий, которая характерна для России и ее соседей в 1918 г., — подчеркивает он, — при лихорадочной изворотливости германского военного и политического руководства одно из оснований Бреста осталось неизменным: он действовал на основе сосуществования исключительно с большевистской Россией... Запоздалым признанием этого стала “дипломатическая капитуляция”, т. е. разрыв дипломатических отношений с большевиками по инициативе Германии» (с. 334). Можно согласиться, что Брестский мир явился Троянским конем, подготовленным большевиками для Вильгельма II, но, с другой стороны, внутривосточное положение большевиков и после «капитуляции» во многом зависело именно от немцев, и если этот фактор оказался холостым, то в силу неадекватности руководителей антибольшевистского движения в России, хотя и среди них имелись исключения, например — П. Н. Милуков.

Г. Мамулия в статье «Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г.». прослеживает генезис и последующее развитие интеграционных проектов, осуществившихся в это время местной политической элитой как на Южном, так и на Северном Кавказе, а также анализирует роль германского и турецкого факторов в возникновении на Кавказе независимых государств. «Раскол в мае 1918 г. Закавказской республики на национальные государства, — считает автор, — имел трагические последствия для последующих судеб народов Кавказа» (с. 356). Представляется, однако, что раскол Закавказской республики был неизбежен как в силу искусственности этого образования, так и из-за того, что в 1918 г. по причине тогдашнего геополитического расклада центробежные силы на Кавказе довели над центростремительными.

Статья Дж. Гасанлы «Внешняя политика Азербайджанской Республики: первая попытка движения к независимости» рассматривается дипломатическая деятельность независимого Азербайджана в 1918–1920 гг. По наблюдениям автора, в это время «азербайджанская дипломатия прошла показательный путь от ориентации на Турцию в первые месяцы независимости до момента признания де-факто Верховным советом Парижской мирной конференции» (с. 379). Эволюция азербайджанской дипломатии, показывая, что в указанный период Азербайджан, как и другие кавказские государства, во многом являлся объектом геополитической игры великих держав, объясняет, почему его равноправие как субъекта международного права, несмотря на благие пожелания азербайджанских дипломатов, было фикцией.

С. М. Исхаков в статье «Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции» делает принципиальные выводы о политике Запада по отношению к «мусульманскому вопросу», существенно дополняющие выводы, сделанные предыдущими авторами. «Провозгласившие свою независимость мусульманские республики, возникшие на месте развалившейся Российской империи, — отмечает С. М. Исхаков, — возлагали большие надежды на Парижскую мирную конференцию, рассчитывая получить признание со стороны мировых держав и стать равноправным членом международного сообщества, чтобы обеспечить суверенитет и свою территориальную целостность, но разрешения “мусульманского” вопроса не произошло из-за позиции Лондона, Парижа и Вашингтона» (с. 402–403). Следовательно, вопреки расхожим представлениям советской и «национал-патриотической» историографии, западные державы делали ставку если не на сохранение территориальной целостности бывшей Российской империи, то, во всяком случае, на «замораживание» сложившегося статус-кво и уж, во всяком случае, отнюдь не стремились к ее полному распаду.

Красной нитью через весь сборник проходит спор между «пессимистами» и «оптимистами», которых объединяют и разъединяют попытки ответить на вопрос — в какой степени были обусловлены Великой войной Февральская

и Октябрьская революции и последовавшее за ними крушение Российской империи? Если встать «поверх барьеров», то этот вопрос обретает несколько схоластический характер. Конец империи предопределялся не столько совокупностью военных, политических, экономических и прочих причин, сколько обстоятельствами более высокого, так сказать — философского порядка, а точнее — законами социальной физики, тем, что любой государственный режим когда-нибудь умирает, хотя на момент кончины он может находиться на пике своего развития и функционировать эффективнее, чем когда-либо. Смертельная болезнь или смерть от кирпича, упавшего с крыши, поражает совершенный организм точно так же, как и несовершенный. Гений уходит из этого мира точно так же, как и бездарность. «Ничто не вечно под Луной...». Фраза эта, при всей своей банальности, тем не менее сохраняет свою актуальность и при решении вопроса о причинах крушения Российской империи. Но — спустимся на грешную землю, где спор между «пессимистами» и «оптимистами» в связи со 100-летием начала Великой войны обрел новое дыхание. А раз так — изучение истории России периода 1914–1918 гг. успешно продолжается.

С. В. Любичанковский

Периферия империи как научная проблема

**Рецензия на коллективную монографию:
«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем
Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.).
Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация:
монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана,
О. Б. Леонтьевой.
Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 254 с.**

Научным коллективом сотрудников Самарского государственного университета, возглавляемым профессором П. С. Кабытовым, на протяжении нескольких лет успешно реализуется проект «Обретение Родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX в.)¹. Убедительным тому подтверждением служит и представленная коллективная монография.

В предисловии книги содержатся два методологических замечания. Оговаривается, что книга представляет собой цикл очерков, т. е. написана в жанре, допускающем многообразие сюжетов, избранных авторами при рассмотрении

¹ Нам уже приходилось писать о промежуточных результатах этого проекта, воплощенных в первой части данной монографии: Любичанковский С. В. Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4: История. № 2. С. 22–29.

проблем пространства региона. Сама география исследуемого пространства трактуется весьма широко. Она существенно превосходит Средневожский регион в его современных административных границах и включает территории, объединенные обобщенным названием «Заволжье»². К нему, в частности, отнесены приграничные районы Башкортостана, Казахстана и Оренбургской области. В обозначенных территориальных рамках авторы, в контексте изучаемых процессов, фокусируют внимание на отдельных районах или охватывают всё пространство Среднего Поволжья и Заволжья. В предисловии подчеркивается, что «такой подход позволяет оценить своеобразие процессов, протекавших в выделенном... регионе в более широком историческом контексте»³.

Наряду с научным, книга включает в себе значительный культурно-просветительский потенциал. Она формирует целостное представление о Среднем Поволжье как об исторически сложившемся этноконфессиональном регионе. В ней описываются особенности складывания населения региона, его этнического, конфессионального и социального состава, образование особых этно-территориальных групп, характерных для исследуемого региона.

При анализе полиэтнической структуры региона исследователями умело используется ситуативный подход. Его суть состоит в установлении всех акторов, вовлеченных в структурирование этнокультурных, этноконфессиональных отношений, а также в фокусировании на процессе их взаимодействия через выявление логики их поведения и реакций на обстоятельства других акторов⁴.

С первых страниц читатель погружается в сложный мир фронтальных взаимодействий этнических и социальных сообществ, избравших Поволжье и прилегавшие к нему территории местом своего постоянного или сезонного пребывания. Здесь по соседству со сменяющимися друг друга ордами кочевников селились ватаги казаков. На рубеже XVI–XVII вв. Южное Средневожье становится объектом рыболовного промысла, тогда же в регионе начинают появляться первые земледельческие поселения. Однако, как отмечает автор первой главы Э. Л. Дубман, эти селения были небольшими, существовали недолго, могли менять свое местоположение. Роль государства в раннем освоении исследователь сводит «только к созданию определенных предпосылок заселения, к контролю за общей ситуацией в крае, не более того»⁵.

² Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург–Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 460 с.

³ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 6.

⁴ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 28–29.

⁵ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. С. 15.

В строгом хронологическом порядке в книге описывается процесс и характерные особенности заселения средневожских уездов. Все исторические факты и статистические подсчеты обосновываются ссылками на исследования предшественников и малоизвестные архивные источники⁶.

Массовая колонизация южных территорий Среднего Поволжья началась только с середины XVII в. Согласно предложенной Э.Л. Дубманом периодизации, начальное военизированное расселение датируется 1640-ми — серединой 1650-х гг. Его основными акторами становились ратные люди, мобилизованные для несения службы на новых оборонительных линиях. Строительство укреплений обеспечило приток земледельческого населения, в авангарде которого оказались представители автохтонного населения Поволжья — ясачные крестьяне из мордвы, татар и чувашей. Тяготы службы служилых людей «по отечеству», а отчасти и «по прибору», компенсировались наделением земель на помещичьем праве. Военно-государственная колонизация края, как и во всем русском порубежье, носила интернациональный характер. Закрывать его от нападений кочевников только силами русских казаков и солдат было невозможно. Их недостаток компенсировался за счет поселения служилых инородцев, вербовавшихся из тех же мордвы, татар, чувашей. Им позволяли селиться на новых территориях в обмен на сторожевую станичную службу⁷.

В конце XVII — начале XVIII в. в Симбирском уезде начинает складываться крупное вотчинное землевладение представителей московской знати. Его появление Э.Л. Дубман связывает с переводом крупных контингентов служилых людей «по прибору» в Азов и последовавшей затем раздачей освобожденных земель «по челобитьям» новым владельцам. В это же время своими вотчинами в южной части Среднего Поволжья обзаводятся и крупные монастыри: Ипатьев, Новодевичий, Чудов и др. Как правило, их заселяли крестьяне, переведенные из перенаселенных центральных уездов.

Автор первых двух параграфов 2-й главы Ю.Н. Смирнов связывает массовое освоение и заселение Самарского Поволжья и Заволжья во второй трети XIX в. с межэтнической ситуацией, сложившейся на юго-востоке России и сопредельных территориях. Так, в результате миссионерской деятельности Русской православной церкви в Волжском калмыцком ханстве более 5 тыс. калмыков приняли христианство. Часть из них в 1737 г. были отправлены на Среднюю Волгу и поселены в районе Куньей Воложки. Исследователь обратил внимание на чересполосное расселение крещеных калмыков и государственных крестьян, задумывавшееся, как это следует из указов, для приобщения калмыков к земледелию и оседлости⁸. Возможно, когда изначально принималось такое решение,

⁶ См., например: Писцовая книга Корсунского и Симбирского уездов стольника И. Вельяминова и подьячего А. Андреева 1685–1687 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 441.

⁷ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. С. 42.

⁸ Там же. С. 78.

учитывались поддерживаемые начальником Оренбургской комиссии И.Н. Татищевым просьбы калмыцкой княгини Анны Тайшиной о даровании ей во владение ближних деревень. Однако Сенат отклонил ходатайство калмыцкой княгини, справедливо указав, что калмыки доведут крестьян до разорения, будут пользоваться их трудом, «а сами, надеясь на то, пахать не будут»⁹.

Существенное влияние на развитие русской колонизации Заволжского края оказал уход большей части калмыков из волжско-уральских степей в Китай в 1771 г. Исход калмыков открыл дорогу казакам для набегов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. Обострение обстановки в заволжской степи из-за нарушения равновесия сил имело временный характер. Согласно заключению Ю.М. Смирнова, «этот исход в конечном итоге стимулировал более быстрое освоение заволжской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освобожденные пастбища, которые всё активнее стали обращаться в крестьянские пашни и сенокосы»¹⁰.

С серьезными трудностями сопряжено исследование демографических процессов в окраинных губерниях Российской империи, охватывающих период с 1780-х гг. и до середины XIX в. Вследствие плохих условий хранения и пожаров архивные документы, содержащие ревизские сказки, дошли до нас в очень фрагментированном состоянии. Работу демографов также усложняют изменения уездных границ, неоднократно производившиеся в данный период. Чтобы приблизиться к искомой сопоставимости внутри обозначенного временного отрезка, Ю.М. Смирнов предложил: во-первых, пользоваться обобщающими показателями всего Заволжского региона, во-вторых, оперировать статистическими данными по отдельным районам изучаемого края, не всегда совпадающим с административным членением. Предложенная методика предполагает варьирование данных разнообразных источников, репрезентативных для отдельных территорий. С ее помощью были получены результаты, позволившие сделать ряд важных выводов по географии расселения, плотности и динамике численности населения в Заволжье. Освоенность заволжских территорий была гораздо слабее правобережья Волги. Заселялись они неравномерно. Плотность населения снижалась по мере удаления от регионов более раннего заселения¹¹. Большую массу переселенцев в северо-западных уездах Оренбургской губернии и особенно в Бузулукском уезде составляли казенные крестьяне, самовольно покинувшие прежнее место жительства. Их учет мог вестись по факту обнаружения. В Оренбургской губернии вследствие недостатка казенных земель переселенцы вынуждены

⁹ Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы / Отв. ред. А.С. Ряжев. Сост.: С.В. Джунджужов, А.В. Тепикин, Л.Б. Четыврова. Ростов-на-Дону, 2011. С. 82.

¹⁰ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. С. 86.

¹¹ Там же. С. 95.

были искать пристанища на казачьих и других частновладельческих землях, откуда их стремились изгнать законные владельцы. Занимая чужую землю, захватчики придерживались правила всеми возможными способами удерживать ее за собой, чтобы затем закрепить по праву десятилетней давности владения¹².

Интересные сведения для понимания изменений в сословном, этническом и конфессиональном составе населения Самарского Поволжья ко времени образования в 1851 г. Самарской губернии приведены Л. М. Артамоновой в 3-м параграфе 2-й главы. С конца XVIII столетия существенно увеличился удельный вес крестьянского населения, составивший 89,1% населения края. В самой же крестьянской массе доминировали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Крестьянская колонизация Заволжья выходцами из центральных и южных губерний России обеспечили преобладание русских в национальном составе местного населения. В середине XVIII в. основной контингент населения южной части Среднего Поволжья составляли представители автохтонных народов (татар, чувашей, мордвы). По той же причине к середине XIX в. обозначился ощутимый перевес православных в соотношении с представителями других религиозных, в том числе христианских конфессий. Однако официальная статистика причисляла к православным всех русских подданных, проходивших обряд крещения, удостоверенный в метрических книгах. Л. М. Артамонова справедливо отмечает, что число православных следует считать завышенным за счет старообрядцев и разного рода преследуемых сект, а также только за счет формально крещеных язычников и мусульман¹³.

Главу III: «Демографические процессы и этноконфессиональный состав Поволжья во второй половине XIX — начале XX в.» предваряет обширный историографический раздел. Из него следует, что исторические процессы, протекавшие на территории изучаемого региона, привлекают внимание не только российских исследователей, но и ученых из дальнего зарубежья. Причину пристального научного интереса к Поволжью и Приуралью автор историографического обзора О. Б. Леонтьева определяет с позиции их геополитической значимости: «Как к зоне макрорегионального взаимодействия империи и ее столь несхожих друг с другом подданных»¹⁴. По хронологическому диапазону и рассматриваемой проблематике историографический очерк уместно мог смотреться и в первой главе монографии.

¹² Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина: Научный журнал. 2013. № 2 (Т. 4). С. 119.

¹³ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 118.

Наибольший прирост населения в поволжских губерниях пришелся на вторую половину XIX — начало XX в. Из приведенной статистики следует, что лидерство по этому показателю принадлежало Самарской губернии. С 1858 по 1897 г. население Самарского Поволжья увеличилось на 79,8%! Столь впечатляющий демографический рывок в основном был обеспечен за счет естественного прироста населения. Важную роль в экономическом и демографическом развитии региона играло железнодорожное строительство. В этот период Поволжье из территории, только принимающей население, превращается в территорию-«донора» людских ресурсов для сибирских и других окраинных губерний страны.

Ряд важных выводов, характеризующих особенности демографического развития Поволжья и особенно Самарской губернии, был сделан П. С. Кабытовым при сопоставлении с аналогичными показателями по Европейской России и Сибири. Поволжье находилось на первом месте по числу родившихся. Среди же самих Поволжских губерний самым быстрым приростом населения отличались Самарская и Саратовская губернии: за счет естественного прироста населения и переселения сюда крестьян из других районов России¹⁵. В пореформенный период Поволжье оставалось аграрной окраиной России. Удельный вес крестьянского сословия здесь был даже несколько выше, чем в западных и центральных губерниях страны. В то же время за счет переселения в города сельских жителей обеспечивался значительный рост горожан в губернских и уездных центрах. Вопреки сложившемуся мнению о том, что сельские переселенцы «окрестьянивали» городскую среду, П. С. Кабытов счел нужным заметить: «Крестьянин, приезжая в город и сознательно выбирая городской образ жизни... сам инкорпорировался в городскую среду, городскую культуру»¹⁶.

Анализ динамики численности и плотности населения губерний Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. логично дополняется параграфами о национальном составе. По различным социально-экономическим параметрам приводятся сведения по тринадцати наиболее многочисленным национальным группам, проживавшим в пространстве от Казани до Астрахани. Авторы рассматривают территориальное расселение этих групп, уровень урбанизации и опосредованно связанную с ними хозяйственную и трудовую специализацию.

Процессы взаимодействия этнических и конфессиональных групп в Самарской губернии описываются Т. И. Ведерниковой в заключительном 5-м параграфе 3-й главы. Ею проведен обстоятельный анализ переселенческих потоков и образования населенных пунктов с однородным и смешанным этническим составом населения. На примере отдельных селений со смешанным национальным составом показаны механизмы ассимиляции и аккультурации различных этнических, конфессиональных и земляческих групп. Такому воздействию

¹⁵ Там же. С. 160.

¹⁶ Там же. С. 159–160.

со стороны доминирующего русского населения подвергались соседствовавшие с ними мордва и чувашы. Отдельные группы чувашей под влиянием татар-мусульман переходили в ислам. Выводы автора подтверждаются не только документальными источниками, но и сведениями, собранными в этнографических экспедициях.

В целом книга выдержана в строгих рамках концепции, создающей целостное представление о последовательном превращении Южного Средневожья из территории фронта во «внутреннюю окраину», ставшую Родиной для представителей десятков народов, предки которых когда-то здесь обосновались и заняли свою этнокультурную нишу.

References

Liubichankovskii S. V. Noveishaia istoriografiia o fenomene vklucheniia Srednego Povolzh'ia v sostav Rossiiskoi imperii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2014. T. 4: Istoriia. № 2. S. 22–29.

Mestnoe upravlenie v poreformnoi Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'. Svodnye materialy zaочноi diskussii. Ekaterinburg–Izhevsk: UИИЯЛ UrO РАН, 2010.

«Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 2. Zaselenie regiona i etnodemograficheskaia situatsiia: monografiia / Pod red. P. S. Kabytova, E. L. Dubmana, O. B. Leont'evoi. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014.

Miller A. Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. S. 28–29.

Pistsovaia kniga Korsunskogo i Simbirskogo uezdov stol'nika I. Vel'iaminova i pod'iachego A. Andreeva 1685–1687 gg. // RGADA. F. 1209. D. 441.

Volzhskie Stavropol'skie kalmyki: seredina 30-kh gg. XVIII v. – pervaiia polovina XIX v. Dokumenty i materialy. Rostov-na-Donu, 2011. S. 82.

Dzhundzhuzov S. V., Liubichankovskii S. V. Mezhdovedomstvennye tiazhby vokrug zemel' kalmytskoi komandy Orenburgskogo kazach'ego voiska (30-e gg. XIX v.) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2013. T. 4: Istoriia. № 2. S. 119.

Список литературы

Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы / Отв. ред. А. С. Ряжев. Сост.: С. В. Джунджузов, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырова. Ростов-на-Дону, 2011.

Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina: Nauchnyi zhurnal. 2013. № 2 (т. 4).

Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.

Любичанковский С. В. Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи // Vestnik ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4: История. № 2. С. 22–29.

Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочнои дискуссии. Екатеринбург–Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010.

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.

М. М. Сафонов

Существует ли тайна Жоржа Дантеса?

В 1995 г. в Милане вышла из печати книга итальянской славистки Серены Витале «Пуговица Пушкина»¹. Вскоре она была переведена на ведущие европейские языки и быстро завоевала европейский континент². Правда, в России издавать ее не спешили. Но в 2001 г. весьма посредственный русский перевод был издан в Калининграде³, а спустя 12 лет и в Москве. Теперь книга появилась под новым названием «Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина»⁴. Появление на обложке рядом с именем Пушкина имени его убийцы можно считать явлением знаковым. Сто лет спустя после смерти Дантеса, буквально на наших глазах, случилась невероятная метаморфоза. Невольником чести, оказывается, был вовсе не Пушкин, а его убийца. Это почти невероятное сальто-мортале стало возможным после обнародования частной корреспонденции Дантеса и Геккерна за 1835–1836 гг., переписки, которую пушкинисты, не только зарубежные, но и, увы, отечественные, не сумели оценить должным образом. Только этим и можно объяснить появление у нас «Тайны Дантеса...», названия, совершенно невозможного еще каких-нибудь двадцать лет назад. В чем собственно тайна-то? Оказывается, кавалергард Жорж Дантес был безумно влюблен в Н. Н. Пушкину, а жена поэта, согласно ее собственному признанию, никого в жизни так не любила, как молодого француза, заклинала его любить ее всегда, и просила у него прощения за то, что не может ему отдать ничего, кроме своего сердца, в награду же обещала свою любовь.

¹ Vitale S. Il battone di Puškin. Milano, 1995.

² Я пользовался французским переводом этой книги: Vitale S. Le bouton de Pouchkine / Trad. de l'ital. par J. Michaut-Paterno. Paris, 1998.

³ Vitale С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 2001.

⁴ Vitale С. Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. М., 2013.

Всякий, кто хотел бы узнать, можно ли верить этой книге, должен начать читать ее с самого конца, с эпилога. Здесь рассказывается, что в семейном архиве потомков Дантеса хранится напечатанная копия письма из Москвы от некоей Мари, датированная 10 июля 1845 г. Тут же имеется скрупулезное описание марки, почтового штемпеля, размера бумаги. Мари писала: «Я убеждена, Жорж, что вы человек чести, так что я ни мгновенья не колеблюсь просить вас об одной жертве. Я выхожу замуж и хочу быть доброй и честной женой, человек, за которого я выхожу, заслуживает счастья — я умоляю вас, сожгите все письма, которые вы получили от меня, уничтожьте мой портрет. Пожертвуйте этим ради моей безопасности, моего будущего. Я прошу у вас этого во имя тех нескольких дней счастья, что я подарила вам. **Вы заставили меня задуматься о моей жизни, об истинном предназначении женщины** (выделено автором. — М. С.). Вы же не захотите уничтожить созданное вами, сделав невозможным мое возвращение к добру, — не пишите мне больше, я не должна получать от вас ни одной строчки, которую не мог бы прочесть мой муж. Будьте так счастливы, как я того желаю, всем тем счастьем, о котором я мечтала для вас, и которое судьба не позволила мне подарить вам. Теперь мы разлучены навсегда. Будьте уверены, я никогда не забуду, что **вы сделали меня лучше, что вам я обязана добрыми чувствами и благоразумными мыслями, которые были мне неизвестны до встречи с вами** (выделено автором. — М. С.) <...> Еще раз прощайте, Жорж».

Имя «Мари» Серена Витале заключила в кавычки, ненавязчиво давая понять читателю, что автор этого сомнительного документа, оригинал которого «был потерян», вовсе и не Мария. К этой заключенной в кавычки фразе С. Витале делает многозначительное примечание: «Возможно, имя, которое себе придумала Натали, поскольку знала, что Булгаков, директор почтового департамента, всегда начеку». То есть исследовательница хочет сказать, что перед нами письмо Наталии Николаевны Пушкиной, написанное под псевдонимом «Мари» незадолго перед вторым замужеством с П. П. Ланским.

Правда, Н. Н. Пушкина вышла замуж 16 июля 1844 г, то есть на год раньше того времени, когда некая Мари сообщила 10 июня 1845 г. о своем предстоящем замужестве. Но и это не беда. «Жаль, что оригинал был потерян, — вышла из положения С. Витале, что называется, не моргнув глазом, — иначе мы могли бы проверить, не был ли год фактически 1844-м»⁵.

Итак, доверчивый читатель должен поверить, что перед ним неизвестное письмо Н. Н. Пушкиной. Это она пишет убийце ее первого мужа, что именно этот человек, сделавший ее вдовой, заставил ее задуматься «об истинном назначении женщины». Именно он, убийца Пушкина, сделал ее «лучше». Именно ему она «обязана добрыми чувствами и благоразумными мыслями», которые ей, жене Пушкина, были «неизвестны до встречи с ним».

Не слишком ли? Русская пословица гласит: «Ври, ври, да не завирайся!» Создается впечатление, что итальянская русистка перешла и эту грань.

⁵ Vitale С. Пуговица Пушкина. С. 368.

Заключительный пассаж книги очень наглядно демонстрирует приемы, с помощью которых С. Витале сконструировала свой опус. Ведь заменив «Мари» на «Натали», июль на июнь, а год 1845-й на 1844-й, можно доказать всё что угодно. Даже совершенно недоказуемое и абсолютно невозможное. Но даже не это главное. Приведенный пассаж еще ярче отражает тенденциозность книги. Поскольку автор ничуть не считает себя обязанной следовать общепринятым правилам научной критики, она чувствует себя совершенно свободной дать волю своим фантазиям. И это-то предоставляет нам возможность увидеть, что именно вопреки очевидности хочет автор внушить своему читателю. Устами «Натали» С. Витале в заключительных строках книги убеждает читателя, насколько Дантес был выше Пушкина в нравственном отношении. Что можно привести убедительнее, чем свидетельство жены поэта? Этим «текстом» Пушкин получает удар более сильный, чем на дуэли от пули Дантеса, письмом «жены» поэт оказывается сраженным наповал.

Вот в чем хочет убедить читателя автор «Пуговицы Пушкина» с помощью своих «невинных» манипуляций. Ни больше, ни меньше.

Еще раз хочется повторить русскую пословицу.

С помощью таких подмен можно рассказать любую удивительную историю, как будто бы (для доверчивого и не слишком-то взыскательного читателя) построенную на подлинных документах. Например, о том, что Дантес был в действительности переодетым в мужское платье д'Эоном, Пушкин же на самом деле являлся женщиной, у которой выросли бакенбарды, и между этими не то гермафродитами, не то трансвеститами возникла непонятная для окружающих лесбийская связь или даже Любовь, переросшая в конце концов в дикую ненависть, закончившуюся смертельным поединком. «Каково, я спрашиваю?» Правда, д'Эон умер несколько раньше описываемых событий. Но разве это важно? Ведь можно и дату смерти поменять. Для конспирации. Главное, чтобы читать было интересно. Важно рассказать это увлекательно и по возможности красиво, с детективным сюжетом, и не слишком заумно. Чтобы сопереживать, но не задумываться о том, насколько всё это доказательно. Ведь любителей Love Story большинство среди читающего контингента. Особенно среди читателей, которые, пройдя через душещипательные коллизии вместе с героями опуса, не потребуют никаких доказательств того, что эти литературные персонажи соответствуют их историческим прототипам.

«Пуговица Пушкина» — это история любви кавалергарда, француза, бесшабашного красавца и первой петербургской красавицы, жены какого-то русского поэта. Муж красавицы, стихотворец, какой-то там Пушкин А. С., в этой истории фигура второстепенная. Персонаж заднего плана, фигура далеко не симпатичная, скорее трагикомическая, а вернее сказать, почти комическая. Он, отчасти по собственной вине, становится жертвой столкновения бурлящих в этой книге страстей, но не вызывает даже и малейшего сочувствия. «Пусть проигравший плачет». Таковы законы жанра. Если бы читатель проникся хоть

долей симпатии, то это набросило бы тень на образ его убийцы. Рыцаря без страха и упрека. Поэтому никакого сочувствия убитый не должен вызывать. Всеми правдами и неправдами исследовательница должна представить Пушкина в малопривлекательном виде, поставить его ниже Дантеса. Разумеется, на той шкале ценностей, где превыше всех других ставится делающая человека безумным Любовь, в той системе координат, в которой существуют герои этого «документального» исследования.

«Пуговица Пушкина» — это история великой любви. Любви безумной. Чуть не доведшей бонвивана до умопомешательства, но кончившейся смертью всего лишь Пушкина. Истинное величие человеку дает любовь. Дантес велик, потому что влюблен. Пушкин же лишь погибает под колесами этой любви.

Кто же виноват в том, что так получилось? Прежде всего сам Пушкин. Виновата и его жена — поджигательница. «Allumeuse». Это она довела молодого безумно влюбленного француза до крайности. Не надо было ей поощрять ухаживания, завлекать, разжигать его страсть, но не дать достичь того, к чему он так стремился. Поджигательница, одним словом. Да еще какая! Опытная! Очень опытная. Ведь, чего греха таить, этот французский юнец, влюбившейся в кокетку, стал ее жертвой. Она накормила его селедкой, а пить не дала. Не дала! В этом-то всё дело. Дантес — жертва. Но какая жертва? — вызывающая симпатии и даже в некотором роде восхищение. Что он убил на дуэли мужа красавицы, надо ли осуждать? Он ведь действовал в силу безумной страсти, спровоцированной красавицей. Его ли надо в этом винить? Да и так ли уж важно, кто был мужем этой кокетки?

Дантес вел себя более чем благородно, рыцарски, прежде всего заботился о репутации возлюбленной (кстати сказать, в отличие от мужа, который, вызывая кавалергарда на дуэль, ставил под удар прежде всего репутацию своей супруги, выходит, не защищал ее честь, а наоборот, своим нелогичным поступком опорочивал ее), думал о ее чести, а потом просто потерял голову. Русские так несправедливо писали о нем, что этот француз приехал в Россию «на ловлю счастья и чинов». Он был не такой. Готов был поставить на карту карьеру, пожертвовать жизненным успехом, который только что пришел к нему в этой «варварской и дикой стране». Да что там карьера, жизненный успех. Он был готов расстаться даже с самой жизнью. Так сильно полюбил!

Всё это о гомосексуалисте Дантесе! О его любви. К кому? Оказывается, к женщине! Так, наверное, любил Пушкину, что ради счастья с ней делил ложе с Геккерном без всякой тени сомнения. Ему он тоже говорил, что любит его! Но не так, как ее. Гораздо сильнее! Утверждал, что любовь к Ней пройдет. А вот к Нему останется. Навсегда! Действительно, великая Любовь. Есть над чем призадуматься. Особенно тем, кто еще не почувствовал себя одураченным. Окончательно.

А Пушкин?

Таким, каким его нарисовало желчно-язвительное перо С. Витале, мы его еще не видели. Трудно поверить, чтобы С. Витале когда-либо восхищалась поэзией Пушкина или хотя бы попыталась его понять. Как поверить в то, что ее

интересовал внутренний мир этого человека, его мир творческий? Создается впечатление, что, получив от семейства Дантесов-Геккернов переписку Геккер-на с Дантесом, она навсегда связала себя обязательством представить убийцу поэта романтическим героем. Человеком, который ради великой любви к женщине был готов на всё, в том числе и на богоубийство. Впрочем, под пером С. Витале это не главная черта его биографии, а какая-то второстепенная, мало важная деталь, мелкая подробность. Ее вполне заслоняет и искупает одновременно другое. Во имя великой любви этот человек решился на всё. Этим и интересен сегодня.

А разве любителям Love Story нужно что-либо иное?

Но как возвысить Дантеса, не унижая Пушкина? Это невозможно. Вот Пушкин и предстает необузданным варваром, одержимым африканскими страстями, человеком не только с южным темпераментом (это мы уже не раз слышали из уст Геккер-на в феврале 1837 г., когда он пытался оправдаться перед русским обществом, особенно перед правительством), но и brutальным самодуром, воспитанным на нравах крепостного гарема XVIII в., прикидывавшимся моралистом, но на самом деле соблазвившим свояченицу. Оказывается, еще и ханжа. Впрочем, мы это уже тоже слышали из уст Геккер-нов зимой 1837 г.

Да разве такого человека можно сравнивать с героической личностью Дантеса? Это и не нужно. И так всё предельно ясно.

Подлинный герой романа-исследования С. Витале — Дантес. Это всё о нем. Не о том, как он лишил Россию ее национального гения. А о том, как он любил и страдал. Как мучился. Пушкин в качестве самостоятельного персонажа появляется лишь на 117-й странице. Появляется на сцене как муж Натали. Любовный треугольник представлен в книге довольно оригинально. Что может быть более избитым и тривиальным, чем пресловутый треугольник. Влюбленный кавалергард, ревнивый муж-поэт и «Allumeuse». Но не тут-то было. С. Витале не была бы С. Витале, если бы так скучно, как бы по трафарету, обыденно описала всё, что случилось в этом треугольнике. Нет. С. Витале не так проста. Она человек с выдумкой. И проторенными дорогами не ходит. Отлично понимает, что на них читательского успеха не добиться. Для него надобно что-нибудь этакое. Можно подумать, что романистка, нисколько не греша против истины, покажет: треугольник-то он треугольник, да вот если внимательно присмотреться, на поверку оказывается четырехугольником. К традиционной тройке — влюбленный, муж, возлюбленная — следует прибавить еще одну фигуру: гомосексуалиста, приемного «отца», влюбленного. И тогда вместо мучений неразделенной любви кавалергарда к красавице придется описывать терзания совсем иного рода. Мучения человека, вынужденного отдавать свое тело «хозяину» и притворяться любящим своего партнера-«отца», а в то же время умирать от любви к женщине. С. Витале, конечно же, по такому пути не пошла. И это очень ярко характеризует ее работу на предмет достоверности. Такого рода «самопожертвование» едва ли украсило бы портрет Дантеса, а вот пред-

ставить его в ином, не слишком-то романтическом свете, еще как и могло. Иначе пришлось бы спустить с романтических высот, неведомых даже Пушкину, на которые вознесло Дантеса далеко не беспристрастное перо С. Витале, растопить возвышенный образ в грубой прозе жизни, в которой надо еще и есть, и спать, и одеваться. С. Витале, наверное, близок и понятен внутренний мир Дантеса и его система ценностей, она не хуже своего героя осознает: что хорошо покупается, то надо продавать, не осложняя себе жизнь всякими там вопросами. Именно так она и поступает: никакого «романа» Дантеса и Геккер-на в ее книге нет. Два «романа» совсем и не нужно. Ведь один уничтожает другой, или, по крайней мере, подрывает веру в его достоверность. А раз так, то и не будем этого касаться, сделаем вид, что этого и вовсе не было.

Но без изюминки нельзя. Вот и изюминка. Очень оригинальная. Пушкин, оказывается, поставил убийственный эксперимент. Нечто вроде салто-мортале под куполом. Эксперимент о соотношении литературы с реальной жизнью. Другими словами, относительно того, насколько литературные образцы, созданные его творческим воображением, могут пройти проверку обыденной повседневностью, т. е. могут ли идеальные образцы человеческого поведения, описанные в его произведениях, существовать в реальной жизни.

Эксперимент этот окончился полным крахом Пушкина и как писателя, и как человека. Причем «палачом» поэта выступила не кто иная как его собственная жена. Своим поведением, разумеется, в жизни реальной, повседневной, а значит, настоящей, она самым убийственным образом опровергла всё то, что создало и пыталось представить на литературных страницах как нравственный императив писательское воображение Пушкина.

Наталья Николаевна вначале ведет себя как Татьяна Ларина — женский идеал Пушкина. Образцы своего поведения она черпает из литературных канонов, созданных ее мужем, из «Евгения Онегина». Когда Дантес признается ей в любви и стремится добиться взаимности, она отвечает ему почти что устами пушкинской героини: но другому отдана, будет ему всегда верна. Пушкин на этом обрывает свой роман, оставляя читателя гадать, что будет дальше. Но жизнь дописывает неоконченное произведение. И совсем не так, как бы хотелось писателю. Катастрофически не так. Татьяна-Наталья повела себя иначе, чем героиня «Онегина». Дантес, не смущенный отказом, продолжает свои попытки добиться любви Пушкиной. (Впрочем, не совсем так, любви он уже добился, если верить его словам, Наталья Николаевна в этом ему призналась, но он хочет большего.) А Пушкина, как поступает она? Совсем не так, как должна была бы поступить пушкинская героиня, оставаясь всё той же Татьяной Лариной. Она кокетничает, завлекает, разжигает кавалергарда и делает это так искусно, что доводит его до той черты, когда человек перестает отдавать отчет в своих поступках.

Пушкину хочется, чтобы его жена, как и любимая героиня, отданная старому мужу, осталась верна супругу несмотря не на что. Долг побеждает любовь. Однако литература это одно, а жизнь — совсем другое. Это сама жизнь

и опровергает то, что Пушкин пытался представить в литературе. Получается: «Всё, о чем писал поэт, это — бред». Пушкин как писатель был не только опровергнут, он был почти что полностью уничтожен самым жестоким и убедительным образом. И кем? Собственной женой!

Реальная жизнь разбила его выдуманные представления о бытии, разрушила его семью, изничтожила и его самого как личность. Национальный гений, которым гордились и всё еще продолжают пока гордиться русские, превратился в жалкого персонажа «Декамерона» Бокаччио и бесславно погиб. Именно бесславно. Погиб потому, что его жизненные и авторские позиции были опровергнуты. Опровергнуты бесповоротно. Ему только и оставалось, что беситься, исходить бешеной ненавистью и, наконец, погибнуть.

Можно ли в этом винить Дантеса? Да вы что! Никогда и ни за что! Он вел себя как истинное комильфо. Не то что этот русский африканец. Не хватает только авторской ремарки в виде итогового заключения: «И поделом ему. Сам ведь виноват».

Получается, что сочинение С. Витале не только о любви. Это еще и книга о творчестве. Именно в этой области происходит поражение Пушкина. Это и есть жизненный крах! Так Пушкина не унижал еще никто. Хотя завистников и недоброжелателей, желающих самоутвердиться таким образом, всегда было хоть отбавляй. Наверное, здесь нечто другое. Но какое отношение имеет книга С. Витале к реальной действительности?

Ровным счетом никакого. Впрочем, не совсем так. Реальная действительность подтверждает: когда человек имеет свой «собственный интерес», и жизнь гения, и подлинная биография его, всё готово пойти прахом, если этот интерес, что называется, большой...

Понятно, сюжетный стержень книги — описание любви Жоржа к прекрасной Натали. Интерес публики к сочинению итальянской исследовательницы прежде всего вызван тем, что она обогатила пушкиноведение целым комплексом архивных источников, ранее ученым недоступных — корреспонденцией Дантеса и Геккерна, хранившейся в личном архиве их потомков. Споры нет, обнародование этой переписки — важный шаг в исследовании причин гибели Пушкина. Документы позволяют этот шаг сделать. До сих пор были известны фрагменты двух писем Дантеса, опубликованные французским писателем А. Труайя⁶. Но фрагменты, как бы они ни были важны сами по себе, только фрагменты и без целого их довольно трудно правильно понять и оценить. Некоторые советские исследователи даже ставили их подлинность под сомнение⁷. Теперь же стали известны 29 писем Дантеса, целый эпистолярный комплекс. И именно благодаря обильным цитатам из текстов писем, сокрытых в семейном архиве потомков Дантеса, книга С. Витале привлекла к себе всеобщее внимание. Правда, после

⁶ *Troyat H. Pouchkine*. [Paris], 1946. Vol. I–II. P. 706–707; *Труайя А.* Пушкин. М., 2004. С. 893–894, 896–898; Звенья. М–Л., 1951. Т. 9. С. 173–176.

⁷ *Ободовская И. М., Деметьев М. А.* Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 149.

того как вся эта корреспонденция была опубликована на французском и русском языках с обстоятельными комментариями в отдельной книге С. Витале совместно с В. П. Старком⁸, «Пуговица Пушкина» утратила в глазах серьезных исследователей прежнюю притягательность первоисточника, ибо собственно аналитическая часть этого сочинения довольно посредственна. Если отбросить беллетристические пассажи, которые исследователь не может читать без раздражения, трудно отделаться от мысли, что все эти словесные конструкции призваны прикрыть, что в научном плане король-то голый. А книгу надо довести до определенного объема, чтобы она выглядела не как легковесное сочинение, а как увесистый солидный том.

В этой связи характерно витиеватое заявление С. Витале: «В этой истории я не могу быть ни всеведущим рассказчиком, ни терпеливым хранителем музейных экспонатов, внимательно изучающим мозаику, составленную из мелких кусочков, и анализирующим немногие сохранившиеся документы... чтобы воссоздать все детали и оттенки картины, давно пожелтевшей от времени». Но ведь по сути дела этим-то и должен заняться серьезный исследователь. Однако это намного труднее, чем писать документальный роман. В решении сложных проблем С. Витале отделяется выражениями типа: «Урок поэзии. Урок тайны. Урок для посвященных».

Хорошо же исследование! С чего начали, тем и закончили. Вот как, например, автор бестселлера объясняет отказ Пушкина послать вызов Геккерну 21 ноября 1836 г.: «Самое существование — первородный грех, который грызет совесть поэтов, сведущих в легкости и чистоте бытия. И теперь он почувствовал новое сожаление, поскольку понял, что с “почти сверхъестественной, и всё же как бы реальной, силой он стал безрассудно увлечен смертью”. Он познал эту почти осязаемую силу, был захвачен ею, но якорь его рассудка крепко удерживал его на земле. Отягощенный этим тяжким бременем, он был вынужден задержаться в этом мире — так заманивают в ловушку сбившихся с пути херувимов, и крылья их опутывает ежевика при тайном посещении человеческих долин. И в течение всего времени, которого требует жизнь, самый беспощадный из кредиторов, он чувствовал таинственный аромат, доносящийся до него, аромат, который он обнаруживал во многом, что он сделал, сказал и написал: горький аромат, отталкивающий и опьяняющий одновременно, как наркотик».

Всё это, увы, иногда граничит со словоблудием, призванным прикрыть исследовательскую бесплодность и заменяющим сложный анализ, требующий знания всего комплекса исследовательской литературы и незаурядной интуиции.

Читателям далеким от научных кругов, возможно, такие пассажи придутся по вкусу, но исследователю гибели Пушкина трудно удержаться от саркастической улыбки. К сожалению, исследовательница сделала вид (а это, конечно же,

⁸ *Старк В. П.* Письма Жоржа Дантеса барону Геккерну // Звезда. 1995. № 9. С. 169–191; Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.

не недосмотр, а сознательный исследовательский прием), что для читателя не так уж важно то, что один гомосексуалист описывает другому свою неразделенную любовь к замужней женщине. Конечно же, С. Витале не скрывает, что речь идет о переписке двух гомосексуалистов, но она намеренно не акцентирует внимания на этом. А почему? Да потому, что возвышенная любовь Дантеса сразу же окажется заключенной в совсем другие координаты, иные житейские рамки, и тотчас же утратит свой романтический флер.

С. Витале априори считает, что Дантес был искренний и правдивый малый и поэтому всё, что он сообщает (точнее говоря, находит нужным сообщить) Геккерну — есть не что иное как сама искренность. Вот тут-то С. Витале и дает маху более, чем где-либо. Достаточно выписать признания Дантеса в любви к Геккерну или просто «поражающие неподдельной искренностью» любовные излияния, адресованные сестре Натальи Николаевны Пушкиной Екатерине Гончаровой, чтобы усомниться в этом. Невольно возникает вопрос, кого же на самом деле любил Жорж Дантес? Геккерна, или Наталью Николаевну, или Екатерину Гончарову, а может быть все-таки только самого себя? Очень сильно любил.

Не случайно С. Витале старается по возможности обойти вопрос об отношениях с Геккерном. Действия нидерландского дипломата исследовательница пытается представить как шаги заботливого отца. Доходит до смешного, когда она, сравнивая заботы В. А. Жуковского по предотвращению дуэли с хлопотами Геккерна о том же, называет и того и другого «крестными отцами». Не слишком ли? Неужели и Жуковский «усыновлял» Пушкина?

Если бы С. Витале описала беспристрастно «роман» Дантеса с Геккерном, то образ Жоржа сильно бы потускнел. Чтобы тогда осталось от его возвышенной, почти сумасшедшей любви к Натали? «Роман» кавалергарда предстал бы как жуткая раздвоенность между истинной любовью к женщине и необходимостью ради карьерных соображений отдаваться стареющему гомосексуалисту-«отцу». Если же такой раздвоенности в действительности не было (стало быть, и описывать нечего), что же тогда представлял собой «романтический» Жорж? Всё то, что С. Витале написала о безумной любви Дантеса к Натали, беспристрастный исследователь обнаружит и в отношениях Геккерна к своему приемному «сыну». Это голландец был готов потерять голову, чтобы удержать возле себя «прекрасного Жоржа». Это дипломат мог решиться на безумные поступки ради своей «отцовской любви». И в этом «заслуга» Жоржа. Не его природных данных, а тщательно продуманного поведения, тут тоже были ловушки, завлечения и тот, кто был поджигателем, и тот, кто готов был сгореть. И это важнейшая черта, мимо которой не должен был пройти исследователь трагических событий 1837 г.

С. Витале умышленно уклонилась от этих вопросов. Это вполне закономерно. Ведь в создании образа «прекрасного Жоржа» она была вынуждена идти по пути умышленных умолчаний. Не упомянуто о том, что для «усыновления» Дантеса Геккерну пришлось пойти на подлог. «Забывает» С. Витале сказать о том, что Дантес с Геккерном умоляли Натали написать кавалергарду письмо

с просьбой не драться на дуэли с Пушкиным и т. д. Когда Дантес выступает, мягко говоря, не очень выигрышно, всегда это объясняется действиями «папаши».

С. Витале совершенно права, когда пишет о том, что на публике Дантес один, а в письмах совсем другой. Это очень важное наблюдение. Но почему-то С. Витале не задалась вопросом, какой же из этих двух Жоржей «настоящий». Думается, тот, который на публике ведет себя одним образом, а в переписке с человеком, от которого надеется получить титул, фамилию и состояние, представляется совсем другим, таким, каким следует изобразить себя, чтобы успешно достичь поставленной цели. Несомненно, С. Витале не пошла по этому пути умышленно. Он привел бы ее совсем к иным результатам, не тем, каких она хотела добиться. Поэтому «другой» Жорж под ее пером — это тот Дантес, который несравненно лучше кавалергарда, которого привыкли видеть в свете.

Внимательный читатель сразу же сделает вывод: «Да этот Дантес совсем не так прост, каким его хочет представить С. Витале». И будет прав, когда отдаст должное французу. Несомненно, он даже талантлив. По-своему. Как карьерист.

Чрезвычайно важно для характеристики Дантеса его письмо к Геккерну, написанное после встречи с Натали у Вяземских (дата, к сожалению, отсутствует)⁹. Ни С. Витале, да, впрочем, и ни один из пушкинистов, не оценили этого документа по достоинству. Исследователи видели в этом письме лишь изложение некоторых ключевых деталей дуэльной истории. А ведь оно служит ключом к пониманию прежде всего личности самого Дантеса. А владея таким ключом, нетрудно прочесть и всю переписку Дантеса с Геккерном. Надо только ни на минуту не забывать того, что Геккерну «искренно» пишет человек, тщательнейшим образом продумывающий, какой эффект произведет то или иное его сообщение, тот или иной оборот. Автор этих эпистол виртуозно владеет навыком перетолковывать тот или иной факт, изобретать его, добиваться нужного впечатления и достигать цели.

Учитывая всё это, исследователь не может не заметить, что тема любви к Пушкиной появляется в переписке именно в тот момент, когда вопрос об «усыновлении» Дантеса наталкивается на непреодолимые препятствия в Голландии. Дантесу очень важно, чтобы Геккерн не отступил перед ними. Важно и то, чтобы по-своему любвеобильный отец отправился в Париж и в Италию и, несомненно, предавшись там всем «гастрономическим лакомствам» гомосексуальной французской кухни, не нашел там себе того, кто мог бы вполне заменить Жоржа. Поэтому для Дантеса было очень важно дать Геккерну понять, что он может и потерять своего несостоявшегося «сына». Разве может ускользнуть от глаза исследователя то, как Дантес описывает свой «роман» с Пушкиной. Он мучается «великой любовью», но не изменяет «отцу». Он имеет столько возможностей добиться своего. Но, нет, «ничего, всегда ничего». Геккерн, конечно же, не знает, что эта замужняя «дама» на седьмом месяце, и Дантес ставит себе в заслугу то, что не вступил в связь с женщиной, которая, что называется, на сносях. Но, «увы, увыв».

⁹ Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. С. 153–157.

А Александр Сергеевич? О нем говорится только, что он бешено ревнив.

К сожалению, в трактовке дуэльной истории С. Витале не оригинальна. Она опирается на работы советских пушкинистов, перетасовывая добытые ими факты таким образом, чтобы выстроить миф о великой любви, которую пытался разрушить муж-ревнивец. Выстраивая этот миф, С. Витале отбрасывает всё, что ему противоречит и передергивает данные источников, чтобы сделать Дантеса и здесь рыцарем без страха и упрека. При этом она прибегает к такому приему. Вначале рассказывает ноябрьскую дуэльную историю, в которой поведение Пушкина выглядит немотивированным, а потом только пытается воссоздать всё, что ей предшествует. В итоге получается, что Пушкин, который живет со свояченицей Александриной, но строит из себя моралиста, в бессильной ярости готов для удовлетворения своего бешенства принести в жертву репутацию жены. Тогда как Дантес идет на уступки Пушкину для того, чтобы эту самую честь Натали спасти. Ловко, правда?

Да не очень, потому что шито белыми нитками.

После того как такой важный вывод сделан и акценты расставлены, С. Витале пытается воссоздать то, что предшествовало вызову Пушкина. Оказывается, Наталья Николаевна дважды отвергала Дантеса! Это как-то плохо вяжется с тем, что она была «поджигательница» и провоцировала его. Довольно любопытные мотивировки отказов придумывает С. Витале: это произошло «из ревности». Натали не могла спокойно наблюдать за притворными ухаживаниями Дантеса за ее сестрой Екатериной. Не могла Пушкина и равнодушно смотреть, как Дантес ухаживал за М. Барятинской. (Самое ухаживание Дантеса за юной Барятинской, богатой невестой, способной составить выгодную партию, подается как стремление поиграть на нервах Натали.) Выясняется, что Дантес обманом заманил Пушкину к И. Полетике, уговаривал ее вначале устно, а потом и письменно бросить мужа и бежать с ним за границу. А как же карьера, ради которой он приехал в Россию? Вопрос может показаться нелепым. Любовь была так сильна, что он был готов бросить всё ради Натали! Вот до чего довела бедного французского мальчика «поджигательница»! И так далее.

Какова же была обратная сторона этой «тайны Дантеса»? Что же не увидела, или вернее сказать, не захотела увидеть Серена Витале?

Посланник Королевства Нидерланды в Петербурге Якоб дер Анна Борхард ванн Беверверд Геккерн, был человеком состоятельным и любил красивые вещи. Он представлял собой тип антиквара-любителя. Его состояние, несмотря на постоянные причитания о своей бедности, позволяло приобретать то, что ему нравилось. Вот как характеризовал Геккерна барон Ф.Ф. Торнау, военный агент в Вене: «Геккерн, несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следует ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах, древностях, много тратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которую потом любил дразнить других, зна-

комых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия».

Кто покупает, а кто и продается. Покупает потому, что находятся желающие продать.

Вот письмо отца Жозефа Конрада Дантеса, адресованное голландскому посланнику: «У меня шестеро детей; старшая дочь замужем, но вследствие июльской революции муж ее оказался в таком положении, что не может содержать жену, и мне приходится поддерживать обоих. Они живут у меня. Второй сын оканчивает учение в Страсбурге, а младшая дочь живет в пансионе, часто обходится мне весьма дорого. Я был вынужден приютить у себя сестру с детьми; вследствие той же революции она осталась совсем без средств, овдовев после смерти мужа, графа Бель-Иль, не оставившего ей ничего, кроме долгов; Карл X выдавал ей пенсию из собственных средств в размере 6000 франков, которой она лишилась. У нее пять человек детей. Мое состояние заключается в ренте от 18 до 20 000 франков, обремененной разными повинностями. Сын прислал мне счет, согласно которому просит высылать ему ежемесячно от 800 до 900 франков, но я не в состоянии давать ему такой суммы. Кроме экипировки, которую я беру на себя всецело, я рассчитываю посылать ему 200 франков в месяц, что составит 100 луидоров, или 2400 франков в год; вместе с жалованием при условии бережливости этого ему должно хватать, ибо это составляет тройную сумму против того, что он получал бы, служа во Франции. Это научит его беречь деньги, ибо единственный недостаток, который я знаю за моим сыном, это его расточительность. Если ваше превосходительство найдет, однако, что этой суммы ему мало, я постараюсь в течение некоторого времени принести несколько большую жертву, но я не смогу выдержать этого долго»¹⁰.

Посланник давно уже привлек к себе внимание таможенных чиновников. Он слишком часто злоупотреблял привилегиями, которые ему предоставлял его дипломатический статус: выписывать вещи из-за границы, не уплачивая торговой пошлины¹¹. Департамент внешней торговли был даже вынужден сделать Министерству иностранных дел особое представление о том, что, что к этому человеку слишком часто доставляют «значительные партии вещей» от редких вин до мебели. Дипломат ими и приторговывал, превратив свою привилегию в доходный промысел. Но не склонность к барышничеству была его главной страстью. В петербургском свете посланника прозвали «Нестором развратной молодежи»¹². «Он окружил себя молодыми людьми самого наглого разврата». Среди них оказался и Жорж Дантес, перебивавшийся, что называется «с хлеба на воду».

Казалось, Дантес должен был стать легкой «покупкой» Геккерна. Посланник был готов расплатиться с понравившимся ему юношей всем своим состоянием.

¹⁰ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999. С. 306–307.

¹¹ Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 273.

¹² Никольский Б. Н. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901. С. 17.

Коммерческая сделка была лишь вопросом времени. Но для того, чтобы Дантес мог переехать в дом посланника и соблюсти при этом светские приличия, необходимо было получить официальный статус его родственника. Геккерн предложил французу свое имя, титул и герб. Но чтобы Дантес мог получить их, требовалось соблюсти ряд официальных формальностей, выполнить которые было почти невозможно.

В мае 1835 г. Я. Геккерн покинул российскую столицу и отправился за границу. Официально дипломат ехал лечиться. Но настоящая причина заграничного вояжа заключалась в том, чтобы всеми доступными ему средствами легализовать совместное проживание в его доме нидерландского посланника кавалергардского поручика Дантеса. Барон намеривался привязать юношу к себе навсегда. Приобрести фамилию, титул и состояние Геккерна было вершиной желаний небогатого француза, жившего на подачки родного отца и вынужденного пользоваться денежным вспоможением, которое назначила ему императрица Александра Федоровна. Самый простой путь заключался в официальном усыновлении. Но для законного усыновления существовал целый ряд непреодолимых препятствий.

В Нидерландах в это время действовал французский гражданский кодекс. Согласно ему, усыновлять можно было только родственников. Усыновляемый должен был быть несовершеннолетним и проживать в доме усыновителя не менее 6 лет. Усыновителю должно было быть не менее 50 лет. Геккерн и Дантес не являлись родственниками. Отец юноши еще здравствовал. Геккерну не было еще 43 лет, а Дантесу шел уже 25-й год, и он не жил в доме усыновителя. Если отец Жоржа и его семейство вряд ли могли препятствовать планам барона, сулившим им несомненную материальную выгоду, то этого никак нельзя было ожидать от многочисленных родственников Геккерна, для которых замысел барона мог обернуться имущественными потерями. Усыновлять же не родственника, да еще при живом отце было задачей почти неразрешимой.

В конце 1835 г. выяснилось, что в деле усыновления возникли определенные трудности. Король Нидерландов Вильгельм I не хотел отступать от существующего законодательства об усыновлении. Узнав об этом из письма Геккерна, Дантес сделал вид, что обрадовался такому королевскому решению. Но тут же был вынужден проявить прежнюю настойчивость: «Как король отказал бы тебе в единственной милости, о которой ты его когда-либо просил! Это невозможно, да я и не думаю, чтоб он мог категорически воспротивиться, с его стороны это просто демарш, может быть, чтобы показалось, что ему неприятно, когда ты распоряжаешься своим именем в пользу иностранца; я все-таки вполне уверен, что скоро ты получишь письмо, которое осчастливит нас обоих», — писал Жорж 28 декабря 1835 г. Геккерн, не веря в искренность Дантеса, писал ему, что он, наверное, рад отказу короля и даже осчастливлен таким исходом. Жорж был вынужден разуверять благодетеля и убеждать его в том, что «совершенно сжился с мыслью носить твое имя и был бы в отчаянии, если бы пришлось от него отказаться».

Дантес не мог не понимать, что даже в случае благополучного исхода хлопот Геккерна, права, на которые он претендовал, сможет получить только через 7 лет. За это время многое могло произойти, поэтому было совершенно необходимо убедить Геккерна не опускать руки в случае неудачи и побудить «отца» искать иные пути к заветной цели. Лучшим средством для этого было бы создать у Геккерна иллюзию того, что, не будь он достаточно упорен в своих устремлениях, в скором времени может потерять «beaux Georges». Примечательно, что именно с этого времени тональность писем Дантеса заметно меняется. Он очень вовремя начинает изливать свои «чувства». Ранее, скорее для проформы, Дантес писал о своей привязанности к Геккерну, говорил, что любит «всей душой» и целует так же крепко, как любит, т. е. «очень крепко», но при этом пытался отклонить его предложение перейти на «ты», потому что такое панибратство, непонятое обществом, могло повредить его карьере. Холодность Дантеса очень огорчала Геккерна, и дипломат даже упрекал его: «Всё, что он пишет, только фразы». В начале же 1836 г. возникла необходимость побудить Геккерна действовать в деле усыновления с необыкновенной настойчивостью, и в письмах Дантеса появляются страстные признания в любви.

6 января, когда Геккерн был уже во Франции, Дантес, наконец, объяснился с потенциальным приемным отцом «начистоту»: «Однако будь вполне уверен, мне никогда не потребовался бы королевский приказ, чтобы не расставаться с тобою и посвятить всё мое существование тебе — всему, что есть в мире доброго и что я люблю более всего, да, более всего, теперь я вполне могу это написать, раз ты в Париже... Однако нежность — чувство, столь неотрывно сопутствующее благодарности, что я люблю тебя более, чем всех своих родственников вместе, не могу долее откладывать это признание. Может быть, нехорошо испытывать подобные чувства, что подделаешь, никогда не умел я владеть собою, даже в самых обычных видах, как же ты хочешь, чтобы я устоял перед желанием дать тебе прочесть всю глубину своего сердца, где нет и никогда не будет ничего тайного от тебя, даже того, что дурно...»

Дантеса беспокоило, что Геккерн находился в тот момент во французской столице. В этом он видел непосредственную угрозу, потому что голландец имел возможность вкусить там все лакомства запретного плода. «Поздравляю, — писал Жорж, — что ты, наконец, в Париже, и уверен, что это пойдет тебе во благо. Если только не станешь часто ездить в салоны для иностранцев, где для людей нервных слишком плохой климат, а я думаю, что ты из их числа». 20 января 1836 г. Дантес сообщил покровителю: «Но самое скверное, что я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть...». «Но всего ужаснее в моем положении то, — писал Жорж, — что она тоже любит меня, и мы не можем видаться до сих пор».

То, что Жорж безумно влюблен, было бы еще полбеды. Но настоящая беда для Геккерна должна была состоять в том, что не только его подопечный влюблен, но и он также любим «самым прекрасным существом Петербурга»,

т. е. Н. Н. Пушкиной! У Геккерна это должно было вызвать приступ ревности. Можно не сомневаться, что Дантес знал заранее, каков будет совет его покровителя, но делает вид, что ему это еще неизвестно. Конечно, француз прекрасно сознавал, что эффект будет сильнее, если окажется, что и женщина также любит его. Это должно подстегнуть ревность голландца. И вот Дантес сочинил историю об объяснении с любимой. 14 февраля он сообщил Геккерну: «Когда я ее видел в последний раз, у нас было объяснение».

Сочиняя, как Пушкина признавалась, что никого никогда так не любила, как его, Дантес ни на минуту не забывал, что Геккерн все еще во французской столице, где много соблазнов. «Коли ты в Париже, — писал он Геккерну, — ты легко можешь найти себе развлечение — от полишинеля на бульварах до министров палат». Более того, Жорж не остановился перед тем, чтобы выстроить некую систему иерархии, из тех, кого он любит. Оказывается, в этой системе Натали Пушкиной в перспективе отводиться отнюдь не первое место.

«Однако не ревнуй, — писал Жорж, — мой драгоценный: ты-то останешься навсегда, что же до нее — время окажет свое действие и ее изменит, так что часто не будет мне напоминать ту, кого я так любил. Ну, а к тебе, мой драгоценный, меня привязывает каждый новый день всё сильнее». Дантес уверен, что со временем забудет эту женщину, но Геккерна никогда, потому что к нему его привязывает всё сильнее «каждый новый день», напоминая, что без него Жорж «был бы ничто». Если для Дантеса Натали — источник страданий, то Геккерн — напротив. «Ты источник всех моих удовольствий и душевных волнений».

6 марта Натали уже была принесена в жертву Геккерну. Создается впечатление, что с самого начала описанного в письмах Дантеса «романа» «самому прелестному созданию в Петербурге» автором была отведена роль жертвы. Жертвуя этой фигурой, Дантес выигрывал позицию и «набирал очки». Но чем сильнее «любовь» к этой женщине, тем грандиознее «подвиг» человека, приносящего ее в жертву!

Почему жертву понадобилось принести именно в это время? В письме 6 марта есть одна примечательная фраза, которая многое объясняет. Дантес оправдывается, что не написал письмо Геккерну в тот день, когда отослал прошение к нидерландскому королю. Не сделал Жорж этого потому, что хотел доставить «отцу» удовольствие, но в тот момент еще не был состоянием подавить в себе любовь к Натали. Теперь он окончательно успокоился. В своем прошении на имя Вильгельма I Дантес оказался так же лжив, как и в своих письмах Геккерну.

Как раз в то время, когда Геккерн читал описание «романа» с Пушкиной, хитрая дипломатическая лиса работала не покладая рук, чтобы найти выход из безнадежной ситуации, сложившейся с усыновлением Жоржа. Чтобы преодолеть формальные юридические препоны, Геккерн обратился к амстердамскому адвокату А. Брюхману. Адвокат предложил комбинацию, которая имела такие же юридические последствия, как и официальное усыновление. Геккерн и его «сын» должны были обратиться к королю с прошением, но не об усынов-

лении, а о зачислении французского дворянина Дантеса в нидерландское дворянство и о предоставлении ему права носить имя и герб Ван Геккернов¹³. Для этого нужно было подать королю два прошения: от Дантеса и от Геккерна, подерживающего прошение юноши. Очевидно, Геккерн разъяснил Дантесу, что именно он должен написать в своем прошении. 26 февраля (9 марта) Жорж отослал «отцу» свое прошение. В прошении Дантес указал, что местом его «постоянного проживания» является дом адвоката А. Брюхмана в Амстердаме, в настоящий же момент он находится в резиденции посольства Нидерландов в Петербурге. На самом же деле он там не жил, несмотря на то что Геккерн предлагал ему собственные апартаменты. Дантес сообщил королю, что с разрешения родителей уже несколько лет вверился попечению посла Нидерландов в Петербурге Геккерна, который воспитывал его, заботливо ухаживал за ним, и обращался с ним как с собственным сыном. Жорж указал, что покинул Францию в 1830 г. с твердым намерением никогда в нее не возвращаться. С этого времени, то есть уже 6 лет, местом его постоянного проживания стала посольская резиденция его приемного отца, поэтому проситель полагал возможным считать, что всё это время он находился «под нидерландским покровительством», порвав навсегда с прежним отечеством. Поскольку его приемный отец решил оставить ему в наследство свое имущество и, если это возможно, дать ему свое имя и титул, Дантес просил короля предоставить ему возможность полностью осуществить эти намерения и вместе с имуществом, именем и титулом Геккерна получить подобающие им в Нидерландах привилегии. Дантес подчеркнул, что сам принадлежит к баронскому роду своего прежнего отечества, поэтому имеет достаточно прав носить тот же титул, какой имеет его приемный отец, представитель одного из почтеннейших родов в Нидерландах. Дантес просил короля выдать ему свидетельство об инкорпорации его в нидерландское дворянство с полномочиями называться Жорж Шарль барон ван Геккерн, иметь право носить герб и пользоваться подобающими гербу привилегиями¹⁴.

30 марта (11 апреля) Геккерн подал прошение Вильгельму I. Он просил о милости, имевшей для него «огромную важность» и которую он поставил бы выше всех других милостей, когда-либо полученных от короля. Геккерн писал о том, что дожил до 43 лет, но не имел ни семьи, ни детей. Чтобы восполнить «отсутствие тех близких отношений», кои существует между родителями и детьми, он несколько лет воспитывал с согласия его родных юного барона Дантеса, отпрыска старого дворянского рода. Геккерн в бытность чрезвычайным послом Нидерландов в России заботился о нем как о собственном сыне, когда тот постоянно проживал у него всё это время. Геккерн решил передать Дантесу, которого «длительное время» считает приемным сыном, всё, чем располагает. То есть с разрешения родителей юноши «дать ему и оставить в наследство свое имя и имущество». Самым лучшим способом сделать это было бы

¹³ Черная речка: До и после. С. 37, 65, 102, 119, 123–124, 131, 215.

¹⁴ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 586–587.

усыновление. Все условия такой операции, установленные действующим Сводом законом, налицо, кроме одного: усыновитель еще не достиг 50 лет, как того требует закон. Но подобная операция имеет ряд негативных сторон, которые побуждают Геккерна отказаться от нее. Приемный сын получил бы имя и имущество усыновителя, но, будучи иностранцем, остался бы таковым после усыновления. В таком случае преданное ему имущество перешло бы в руки иностранца и это ни в коей мере не привязало бы усыновленного к отечеству его приемного отца. Усыновление не может дать усыновляемому новое отечество, но Геккерн, будучи нидерландским дворянином и патриотом, стремится именно к этому. В противном случае ему ничто не помешало бы передать свое имущество приемному сыну путем простого завещания, но тогда оно стало бы собственностью француза.

Чтобы устранить эти неблагоприятные последствия усыновления, Геккерн просил короля в ответ на прошение Дантеса не только разрешить передать ему свое имя, но и инкорпорировать его в нидерландское дворянство с принятием имени и титула барона Ван Геккерна, против чего представители этого рода возражений не будут иметь. Поскольку же по конституции Нидерландов принятие в нидерландское дворянство исключает все прочие, имущество Геккерна перейдет не иностранцу, но подданному королевства, нидерландскому дворянину. Геккерн выражал надежду на то, что король впоследствии разрешит ему отступить от положения, согласно которому усыновителю должно быть не менее 50 лет, пока же просит удовлетворить прошение Дантеса инкорпорировать его в нидерландское дворянство на тех условиях, на которых он ходатайствовал об этом¹⁵.

Таким образом, все фактические подтасовки, содержащиеся в прошении Дантеса, Геккерн «прикрыл» патриотическими мотивами в собственном прошении. Очевидно, оба просителя были вполне достойны друг друга. Расчет их строился на том, что за дальним расстоянием будет невозможно в короткий срок проверить достоверность фактических данных, приводимых в обоих документах. Но наиболее уязвимое место в комбинации, выработанной Геккерном и Брюкманом, заключалось в том, что Дантес находился в военной службе российского императора, а этого нидерландскому дворянину без разрешения короля делать не позволялось, и Геккерн об этом не мог не знать.

Но помимо опасений, что подтасовки вскроются, Дантес не мог не бояться того, что сама необычность ситуации, поспешность и настойчивость, с которой Геккерн старался осуществить свой план, наконец, слухи о сексуальной ориентации нидерландского дипломата не позволят реализоваться их общему замыслу. И опасения эти были не напрасны. Министр юстиции Ван Маанен и Высший совет дворянства не спешили дать положительное заключение на оба прошения. Приведенные в них доводы находили неубедительными. Один из членов Совета задался вопросом, какие причины могли заставить

¹⁵ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 584–586.

Геккерна предоставить Дантесу такие привилегии. Намек на гомосексуальные наклонности дипломата был всем понятен¹⁶. Осталось неизвестным, прибегал ли Геккерн к каким-то закулисным ходам, но 2 мая было принято вначале решение натурализовать Дантеса, а потом инкорпорировать в дворянство. На следующий день Геккерн от имени Дантеса подал прошение королю о натурализации¹⁷. 5 мая король своим указом постановил: натурализовать Дантеса, инкорпорировать его в нидерландское дворянство, разрешить ему принять имя Жорж Шарль барон ван Геккерн с правом носить причитающийся этому имени и титулу герб и пользоваться связанными с ними привилегиями. Однако Вильгельм позволил Дантесу, как того и хотел Высший совет дворянства, воспользоваться этой милостью только через год после того, как о ней будет напечатано в Нидерландской государственной газете и других печатных изданиях, издаваемых в провинциях, где живут члены рода Геккернов с сохранением права отменить это решение, если против него будут предъявлены законные возражения¹⁸.

Во время аудиенции у короля Геккерн пробовал настаивать на срочной выдаче Дантесу соответствующего диплома и даже подал об этом ноту. Но Высший совет дворянства и министр юстиции настояли на выдаче временного диплома, который через год должен был быть обменян на настоящий¹⁹.

22 мая 1836 г. на частной аудиенции у Николая I нидерландский посланник Геккерн объявил, что он усыновил поручика кавалергардского полка Жоржа Дантеса и передал ему свое имя и титул. На следующий день об этом была поданы официальные документы. 12 июня царь удовлетворил просьбу Геккерна, а две недели спустя появилось постановление Сената²⁰. С тех пор поручик Кавалергардского полка Егор Георгиевич Дантес, как его называли русские документы, стал именоваться бароном Геккерном.

Между тем никакого «усыновления» в действительности не было и не могло быть. Как ни дерзко это было на самом деле, Геккерн сознательно ввел в заблуждение вначале нидерландского короля, а потом и русского царя. Царю он сообщил, что «официально усыновил» кавалергардского поручика по указу нидерландского короля. Высший совет дворянства признал за ним право носить фамилию, титул и герб Геккерна. Но то, что посланник назвал усыновлением, как мы видели, юридически называлось иначе. «Это усыновление, — писал вюртембергский дипломат Х. фон Гогенлое-Киришберг 23 мая, — стало предметом разговоров в петербургских салонах и послужило основанием для шуток малоприятных для обоих Геккернов». Императрица Александра Федоровна, ранее

¹⁶ Черная речка: До и после. С. 216.

¹⁷ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 594–595.

¹⁸ Там же. С. 595–596.

¹⁹ Там же. С. 596–598.

²⁰ Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831–1837. СПб., 1900. С. 62–63.

симпатизирующая Дантесу, с этого времени стала называть его «новорожденным» или «безымянным», употребляя это выражение с оттенком иронии²¹.

Геккерн, который пытался предвидеть всё, не мог не знать о том, что говорят в свете по поводу его самого и его «новорожденного» «сына». Нейтрализовать все эти разговоры можно было только одним путем. Жорж должен был жениться или, по крайней мере, продемонстрировать свое желание — это сделать и тем самым закрыть рот всем любителям позлословить. Дело о «браке» должно было быть достаточно громким, чтобы произвести еще больший шум, который заглушил бы все языки, судачившие о странном «усыновлении».

Дантес прекрасно понимал, что он должен был хотеть, но в то же время не мочь жениться. Как же это было возможно? Очень просто: женщина, руки которой он настойчиво, но в то же время тщетно добивался бы, должна быть замужней дамой. Вот начало того демонстративно выставляемого на глаза публике «романа» с первой светской красавицей Н. Н. Пушкиной. Он начался в августе 1836 г. и, к удивлению недогадливого света, носил столь афишированный характер, что не могло не породить сомнения в том, что «сын» Геккерна действительно добивается любви первой петербургской красавицы, а не гонится только за внешними эффектами²². В противном случае — если бы он только желал соблазнить замужнюю женщину, он, несомненно, действовал бы иначе. Но «играл» Дантес не только для светских сплетников. Ему было необходимо на глазах приемного «отца» претворить в жизнь выдуманный им в письмах «роман» с Пушкиной и тем самым оправдать то, как он буквально вынудил Геккерна посредством этой несуществующей любви пуститься во все тяжкие и пойти на обман Нидерландского короля и российского императора. Вот это и была «тайна Дантеса». Трагическим итогом этого «спектакля» стала Черная речка²³.

References

- Gershtejn E. G.* Vokrug gibeli Pushkina (Po novym materialam) // *Novyj mir*. 1961. № 2.
Grossman L. P. Ceh pera. M., 1930.
Nikol'skij B. N. Poslednq dujel' Pushkina. SPb., 1901.
Obodovskaq I. M., Demen'tiev M. A. Vokrug Pushkina. M., 1975.
Obodovskaq I. M., Demen'tiev M. A. Posle smerti Pushkina. M., 1980.
 Pushkin v vospominaniq sovremennikov. M., 1974. T. 2.

²¹ *Теребенина П. Е.* Записки о Пушкине, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин: исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1958. С. 260–265; *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 584–586.

²² Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 142, 320; *Гроссман Л. П.* Цех пера. М., 1930. С. 267; *Герштейн Э. Г.* Вокруг гибели Пушкина (По новым материалам) // *Новый мир*. 1962. № 2. С. 213; *Старк В. П.* К истории дуэли А. С. Пушкина по дневнику гр. В. Н. и Н. П. Паниных // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 28. СПб., 2002. С. 27–28.

²³ См. подробно: *Сафонов М. М.* Пушкины в переписке Геккерна и Дантеса: мифы и реальность // *Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы*. М., 2014. С. 255–287.

Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i S.-Peterburgskogo Glavnogo arhivov Ministerstva inostrannyh del. 1831–1837. SPb., 1900.

Safonov M. M. Pushkiny v perepiske Gekkerna i Dantesa: mify i real'nost' // *Rossia i Niderlandy v XVII–XX vv.: novye issledovaniq i aktual'nye problemy*. M., 2014. S. 255–287.

Stark V. P. K istorii dujeli A. S. Pushkina po dnevniki gr. V. N. i N. P. Paninyh // *Vremennik pushkinskoj komissii*. Вып. 28. SPb., 2002.

Stark V. P. Pis'ma Gorga Dantesa baronu Gekkernu // *Zvezda*. 1995. № 9.

Tajna Dantesa ili Pugovitca Pushkina / Per. s angl. E. M. Emel'qnovoj. M., 2013.

Terebenina P. E. Zapiski o Pushkine, Glinke, Lermontove i drugih pisatelq v dnevnike P. D. Durnovo // *Pushkin: Issledovaniq i materialy*. L., 1958. T. VIII.

Tshernaq rechka: Do i posle. K istorii dujeli Pushkina. Pis'ma Dantesa. SPb., 2000.

Wegolev P. E. Dujel' i smert' Pushkina. S prilogeniem novyh materialov iz niderlandskih arhivov. SPb., 1999.

Vitale S. Le bauton de Pouchkine / Trad. de l'ital. par J. Michaut-Paterno. Paris, 1998.

Vitale S. Il battone di Puškin. Milano, 1995.

Vitale S. Pugovitca Pushkina / Per. s angl. Kaliningrad, 2001.

Список литературы

Витале С. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 2001.

Герштейн Э. Г. Вокруг гибели Пушкина (По новым материалам) // *Новый мир*. 1962. № 2.

Гроссман Л. П. Цех пера. М., 1930.

Никольский Б. Н. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901.

Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина. М., 1975.

Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина. М., 1980.

Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2.

Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831–1837. СПб., 1900.

Сафонов М. М. Пушкины в переписке Геккерна и Дантеса: мифы и реальность // *Россия и Нидерланды в XVII–XX вв.: новые исследования и актуальные проблемы*. М., 2014. С. 255–287.

Старк В. П. К истории дуэли А. С. Пушкина по дневнику гр. В. Н. и Н. П. Паниных // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 28. СПб., 2002. С. 27–28.

Старк В. П. Письма Жоржа Дантеса барону Геккерну // *Звезда*. 1995. № 9.

Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. М., 2013.

Теребенина П. Е. Записки о Пушкине, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1958. Т. VIII.

Черная речка: До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999.

Аннотации

И. А. Анфертьев. М. Н. Рютин: Накануне исключения из партии президиумом Центральной контрольной комиссии ВКП(б)

В статье исследуется механизм укрепления сформировавшейся к началу 1930-х гг. системы единоличной власти И. В. Сталина при помощи дискредитации контрольными органами правящей партии наиболее последовательного и потому опасного его политического противника — М. Н. Рютина. В современной исторической литературе последний более известен в основном тем, что в 1932 г. подготовил теоретический труд «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», получивший название «Рютинская платформа», а его политические взгляды и отношение к Сталину были изложены в обращении «Ко всем членам ВКП(б)», более известном как «Манифест Рютина». В первой половине 1932 г. Рютин организовал нелегальную группу в ВКП(б) — «Союз марксистов-ленинцев». Однако менее известен эпизод 1930 г., когда руководитель столичного треста А. С. Немов направил в ЦК ВКП(б) заявление о попытке Рютина завербовать его в оппозиционную Сталину группу. В результате Рютин был исключен президиумом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) из партии, в ноябре 1930 г. арестован, однако в январе 1931 г. по указанию Сталина освобожден. Проведенный анализ позволил установить, что помимо преследования Рютина как по личным, так и политическим мотивам, Сталин использовал его исключение из партии для подготовки в перспективе массового истребления партийных кадров, не желавших быть послушными исполнителями его во многом авантюристических планов.

Ключевые слова: Центральная контрольная комиссия ВКП(б), М. Н. Рютин, И. В. Сталин, партийная оппозиция, «Союз марксистов-ленинцев».

К. А. Болдовский. «ЛОИИ не сумело перестроить свою работу...» Постановление бюро ЛГК ВКП(б) и другие документы о работе ЛОИИ 1949 г.

Автор публикует и комментирует материалы заседания бюро ленинградского горкома ВКП(б) 11 мая 1949 г., в ходе которого партийные чиновники рассматривали деятельность ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР в послевоенный период. В справке и проекте постановления, подготовленных отделом пропаганды и агитации горкома партии, приводятся данные о количественном и качественном составе научных работников отделения. Из текста справки видно, что деятельность отделения признана «неудовлетворительной» главным образом из-за обвинений научных сотрудников отделения (О. Л. Вайнштейна, С. Я. Лурье, Б. А. Романова) в «космополитизме», «национальном нигилизме» и «буржуазном объективизме». Кроме этого, по мнению партийного руководства, отделение не уделяло внимания исследованию таких важнейших тем, как история советского государства, история стран Европы и Америки в период империализма. Одновременно со сменой руководства отделения было предложено расширить его деятельность, создав группу по истории СССР советского периода. Вместе с тем в окончательном тексте постановления отсутствуют персональные обвинения в адрес научных сотрудников отделения и упоминания о «космополитических извращениях» в их работах. По мнению публикатора, это связано с тем, что в первой половине 1949 г. основные усилия нового партийного руководства Ленинграда были направлены на поиск компрометирующих материалов против группы «Кузнецова–Попкова», в рамках начинавшейся кампании по чистке партийных и советских кадров города. Главной целью стал поиск «троцкистско-зиновьевской пропаганды» в работах историков партии, более тесно связанных с отстраненными от власти руководителями. В этих условиях было принято решение воздержаться от начала повальной чистки среди научных сотрудников отделения.

Ключевые слова: послевоенный сталинизм, идеологические кампании, космополитизм, ленинградское отделение Института истории.

Я. Валге. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г.

Мятеж в Эстонии, предпринятый коммунистами 1 декабря 1924 г., был одной из попыток экспорта пролетарской революции. Такие выступления предпринимались в 1923–1924 гг. в Германии, Болгарии, Польше, Румынии.

Основное внимание в статье уделено подготовке в Советском Союзе переворота в Эстонии. Основным источником для анализа послужила дешифрованная переписка эстонских коммунистов, занимавшихся вышеупомянутой

подготовкой в Советском Союзе, в которой нашли отражение как обмен мнениями о возникавших проблемах, так и собственно конкретные мероприятия.

Вполне очевидно, что инициаторами являлись эстонские коммунисты, стремившиеся осенью 1924 г. убедить советское руководство, что политическая и экономическая ситуация в Эстонии осложнилась и переворот удастся осуществить ничтожными силами. Политбюро ЦК РКП(б) сформировало специальную комиссию для рассмотрения связанных с этим вопросов. Эстонским коммунистам были выделены финансовые средства, у границы началось сосредоточение боевиков. Однако в ноябре в Москве стали получать информацию, которая не подтверждалась ранее полученными сведениями. Была создана новая комиссия в составе Фрунзе, Сталина, Зиновьева, Чичерина, Троцкого и Уншлихта. 29 ноября эстонцам было предложено остановить подготовку переворота. Возможно, это распоряжение не достигло Таллина, но также возможно, что в Таллине проигнорировали его в надежде на помощь боевиков и последующую поддержку РККА.

Ключевые слова: Эстония, СССР, коммунистический мятеж, Таллин, 1 декабря 1924 г., Сталин, Троцкий, Зиновьев.

В. Ю. Гессен. К истории статистических исследований еврейского населения в России

В статье на основе не использованных до настоящего времени архивных материалов, а также литературных данных рассмотрен комплекс вопросов, связанных с переписью еврейского населения в конце XIX — начале XX в., в основном проживавшего в западной части России за чертой оседлости. Статистические исследования преимущественно осуществлялись по инициативе комиссии графа Палена для разработки предложений по корректировке законодательства о евреях, а в последующие годы — в интересах МВД. Они касались определения их численности, особенностей землевладения и землепользования по губерниям и уездам. Выявлялись условия производства евреями питей, в частности предприятий, оформляемых на других лиц, их участие в различного вида питейной торговле. Всесторонне исследовались другие занятия евреев, что имело значение при определении прав на жительство вне черты оседлости. Еврейских общественных деятелей интересовал состав евреев-ремесленников для определения наиболее эффективных направлений их материальной и образовательной поддержки. Их исследования также касались условий возникновения и существования на предоставленной государством земле немногочисленных еврейских сельскохозяйственных колоний, выявления их перспектив.

Ключевые слова: статистика, черта оседлости, еврейское население, губернии, землевладение, производство питей, питейная торговля, ремесленники, еврейские колонии.

М. Ф. Ершов. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России на рубеже XIX–XX вв.

Статья посвящена анализу нескольких произведений художественной литературы как историко-психологических источников о жизни небольших городов России рубежа XIX–XX вв. Выборочно исследованы литературные тексты М. Горького, Б. А. Тимофеева, Д. Четверикова, Г. Д. Гребенщикова, В. С. Иванова, Ф. Филимонова, Е. С. Гадмер-Головой. Все они описывают провинциальные реалии. Господствующий литературный стиль этого времени — орнаментальная проза.

Ее появление далеко не случайно. По мнению автора статьи, выход на авансцену истории больших масс людей отразился и на провинциальной жизни. В ней нарастали социальные противоречия, выразившиеся в регенерации элементов мифа или латентного язычества. Иррациональность мифического массива жестко противостояла внятной рассудочности. Поэтому в провинциальных условиях начиналось утверждение коллективных и бессознательных начал. Соответственно, в конфликтных ситуациях на какое-то время разрозненная толпа или даже городской социум обретали способность быть едиными социальными организмами, «поглощая» волю входивших в них еще неразвитых индивидов.

Ключевым моментом для литераторов — и здесь они близки к историкам — оказалось исследование человека с пробужденным, но неразвитым индивидуальным сознанием, присутствующего в этой толпе. Интересно что маргинализация сознания нашла отображение как в текстах, так и в общественно-бытовом поведении и политической позиции пишущей провинциальной элиты. Выборочное использование литературных текстов рубежа XIX–XX вв. о жизни «безмолвствующей» провинции свидетельствует о больших потенциальных возможностях для анализа содержащейся в ней информации. Та художественная реконструкция социальных реалий, которую осуществили писатели, в последующие времена была во многом научно обоснована трудами классиков психологии.

Ключевые слова: городской социум, маргинал, латентное язычество, литературный текст, орнаментальная проза, провинция, толпа.

С. Н. Искюль. Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака»

В статье рассматривается одна из главных причин войны 1812 г. — несоблюдение Александром I обязательств по франко-российскому мирному и союзному договорам 1807 г. в Тильзите по прекращению всех отношений

с Великобританией, включая и торговлю с этой державой. Автор полагает, что прекращение отношений с Англией оказалось ощутимым главным образом только для крупных русских помещиков и чиновников, проживавших свои доходы в столицах, а также для «золотой молодежи» Москвы и Петербурга. К падению курса рубля Континентальная блокада имела лишь косвенное отношение. Автор считает, что введение Континентальной блокады серьезным образом не отразилось на жизни сословий, включая и крестьянство, которое даже не почувствовало особых перемен в привычных для себя жизненных условиях. Кроме того, прекращение в полной мере отношений с Англией, по мнению автора, оказало в целом благоприятное влияние на хозяйственно-экономическое развитие России, если иметь в виду мануфактурное и фабричное производство. Тем не менее Александр I сознательно шел на обострение отношений и конечный разрыв со своим французским союзником, препятствуя проведению в жизнь Континентальной блокады. Именно это и явилось главной причиной разразившейся в 1812 г. войны между Францией и Россией.

Ключевые слова: внешняя политика Александра I, русско-французские отношения начала XIX в., Континентальная блокада, причины войны 1812 г.

В. Е. Кельнер. Политическое бюро при еврейских депутатах IV Государственной Думы в годы войны 1914–1917 гг.

В статье рассматривается деятельность Политического бюро при еврейских депутатах Государственной Думы в годы Первой мировой войны. Неформальная структура, созданная для руководства избранными в Думу евреями находилась в эпицентре политической борьбы между различными политическими силами. В бюро были представлены практически все еврейские несоциалистические либеральные и демократические партии и организации: Еврейская народная группа, Еврейская демократическая группа, сионистское движение, Фолксспартей. Антиеврейские репрессии и массовая депортация из прифронтовой полосы заставили Политическое бюро искать в Думе союзников, лавировать между различными политическими партиями и объединениями. Ведущее место в работе бюро занимали меры по использованию думской трибуны для воздействия на правительство с целью не только отмены ряда антиеврейских циркуляров и приказов, но и полной ликвидации черты оседлости. Деятельность бюро осложнялась внутривнутриполитической борьбой внутри партии кадетов и в рамках Прогрессивного блока. Одновременно в самом бюро происходило постоянное противостояние между сионистами и либералами. Большое значение в работе этой структуры играли контакты с рядом ведущих политических деятелей страны. На заседаниях бюро в дискуссиях по самым актуальным вопросам политического момента выступали такие видные деятели тех лет, как М. М. Винавер,

С. М. Дубнов, Л. М. Брамсон, И. М. Бикерман, М. С. Алейников, Г. Б. Слиозберг и др. Обладая широкими международными связями, члены бюро пытались оказывать определенное воздействие и на зарубежную общественность.

Источниковой базой работы являются отложившиеся в архивах записи заседаний бюро и мемуары участников тех событий.

Ключевые слова: IV Государственная Дума, еврейские депутаты, Россия, М. М. Винавер, С. М. Дубнов, Л. М. Брамсон, И. М. Бикерман, М. С. Алейников, Г. Б. Слиозберг.

П. Г. Ким. Американские миссионеры в Корее в последней четверти XIX — начале XX в. и политические контакты

На основе анализа различных источников обозначены границы контактов американских протестантских миссионеров, работавших в Корее в последней четверти XIX — начале XX в., с политикой и дипломатией официального Вашингтона. Автор показывает роль миссионеров в укреплении американского влияния на полуострове. В статье доказывается, что американские протестантские миссионеры были достаточно тесно связаны с дипломатическими кругами, многие из них работали в американской дипломатической миссии в Сеуле, а иногда возглавляли ее. Обосновывается положение о том, что деятельность американских протестантских миссионеров в Корее в последней четверти XIX — начале XX в. помогала укреплению и развитию политического влияния Соединенных Штатов на Корейском полуострове. Американские политики не желали открыто поддерживать миссионеров на Корейском полуострове. В статье подчеркивается, что официально никакой поддержкой Вашингтона американские протестантские миссионеры, работавшие в Корее, не пользовались. Правительство США относилось к миссионерам только как к рядовым гражданам и не более того, что неоднократно подчеркивалось в инструкциях государственного секретаря своим представителям в Сеуле. Официальные политические круги всячески стремились показать отсутствие связей и каких-то особых контактов с миссионерским движением в Корее. Но при этом пользовались плодами их деятельности. Исследование проведено на основании анализа зарубежных исторических исследований (американских и южнокорейских), в том числе современных, также были привлечены архивные документы из фондов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива.

Ключевые слова: политика США в Корее, международные отношения на Дальнем Востоке в конце XIX в., христианизация, американские миссионеры.

Ryszard Knapiński. The Romanesque Door of Płock. State of research

Врата собора в Плоцке были заказаны епископом Александром Малонном в XII в. и отлиты в бронзе мастером Рикуйном и его подмастерьем Вайсмутом в Магдебурге между 1152 и 1154 г. Они состоят из 46 панелей, закрепленных на деревянной основе. В настоящее время они размещены на западном фасаде Православного Софийского собора в Великом Новгороде (Россия). Высказывалось много сомнений в отношении иконографической программы произведения. Этот памятник искусства был описан и проанализирован многими исследователями и искусствоведами: Ф. Аделунгом, Ю. Лелевелем, епископом Плоцка Винцентом Попелем, сосланным в Новгород в 1868 г., М. Гебаровичем. Современные исследования, осуществленные в XX в., основывались на сопоставлении с аналогичными бронзовыми вратами в Вероне (А. Гольдшмидт), Аугсбурге (У. Зойерлендер), позволили прийти к выводу, что врата были заказаны для Плоцка и были действительно установлены там. Их происхождение описывается в качестве художественной традиции XI в. и их прототипом были раннехристианские и византийские врата (Герман Филитц и Георг Зарнеки). Другие исследователи (У. Гётц, У. Менде) детально проанализировали сцены отдельных панелей. Целью работы К. Асканаса было восстановление истории этого памятника искусства, доставленного в Новгород в XIII в. в качестве военного трофея.

Ключевые слова: Великий Новгород, Плоцк, Магдебург, Софийский собор, Романские врата, состояние исследований.

О. А. Любезников, А. Ю. Скрыдлов.

Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы

Статья посвящена проблеме организации тайной полиции в Российской империи в 1805–1807 гг. В этот период военно-политического противостояния России и Франции Александр I, стремившийся к проведению системных преобразований в структуре государственного управления, столкнулся с острой необходимостью формирования органов политического сыска. Представителями управленческой элиты страны (Н. Н. Новосильцовым, А. Д. Балашевым и др.) в ряде законопроектов было выработано два подхода к устройству тайной полиции. Первый сводился к организации межведомственного управления политическим сыском, второй заключался в создании специализированного центрального учреждения секретной полицейской службы. Выбор одного из них оставался за императором.

Перед началом военной кампании 1805 г. Александр I утвердил проект Н. Н. Новосильцова по организации секретного Комитета, состоявшего из министров внутренних дел, юстиции, военных сухопутных сил. Члены Комитета

должны были анализировать информацию о настроениях населения, распространявшихся слухах, санкционировать надзор за «подозрительными» людьми, контролировать общественный порядок.

В дальнейшем задача обеспечения внутренней безопасности оставалась актуальной. Сторонниками развития системы центральных государственных учреждений были разработаны проекты образования отдельного специализированного полицейского ведомства. Авторами проанализирован малоизвестный сохранившийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки проект 1806 г. об учреждении министерства полиции с включенным в его структуру секретным подразделением политического сыска. Отмечена также попытка создания тайной полицейской экспедиции при московском обер-полицмейстере в соответствии с проектом А. Д. Балашева.

Предложения по формированию специального ведомства политической полиции не нашли поддержки монарха. Накануне очередного вооруженного столкновения с Францией приоритетным становился более быстрый путь организации секретной полицейской службы. Кроме того, в период становления министерской системы император не считал целесообразным создание отдельного учреждения, внутренняя структура которого существенно отличалась бы от других подразделений центрального управления, что могло привести к сбоям в работе всего государственного аппарата. В начале 1807 г. Александр I утвердил новый проект образования межведомственного координационного совещания по делам тайной полиции.

Ключевые слова: Александр I, тайная полиция, политический сыск, государственная безопасность, реформа, проект, министерство полиции, Н. Н. Новосильцов, А. Д. Балашев, Российская империя.

В. С. Мильбах, Ф. К. Саберов.

Командование Краснознаменным Балтийским флотом в массовых политических репрессиях 1937–1938 гг.

Балтийский флот на протяжении 1920–1930-х гг. оставался самым многочисленным и мощным в СССР. Однако в период политических репрессий 1937–1938 гг. флот, как и армия, понес большие потери. Многие флотские командиры и политработники были арестованы или изгнаны со службы по политическим мотивам. До настоящего времени политические репрессии на флоте не получили должного освещения. Статистические сведения о результатах политической чистки отсутствуют. Неизвестна информация о судьбах сотен флотских командиров, репрессированных в 1937–1938 гг. Одним из дискуссионных вопросов, по мнению авторов, является роль командования (командующих и Военного совета) Краснознаменного Балтийского флота в период массовых политических репрессий.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, Краснознаменный Балтийский флот, Военный совет, увольнение по политическим мотивам, арест, исключение из ВКП(б).

Т. Плат. Внутренняя или внешняя колонизация? Цели и средства торговой политики России в XVIII в.

Статья посвящена торговой политике России в XVIII в., в эпоху меркантилизма и «первой глобализации», при этом обращается особое внимание на положение России в общей системе колонизации. Опираясь на устоявшиеся в историографии взгляды, автор приходит к выводу о том, что в то время как цели российской торговой политики оставались относительно неизменными, средства же ее проведения постепенно изменялись в отказе от методов меркантилистского контроля в пользу либерального ведения дел. Вообще говоря, на протяжении века русское правительство оказывалось в трудном положении, потому что практически невозможно было участвовать в мировой торговле, не становясь в хозяйственном отношении колонией ведущих торговых держав, таких как Англия и Нидерланды. Очевидно также, что невозможно было проводить политику поощрения деятельности русских купцов на мировом рынке, в то же время препятствуя развитию независимого купечества как класса.

Ключевые слова: колонизация, меркантилизм, торговая политика, купечество, Санкт-Петербург.

М. М. Сафонов. Существует ли тайна Жоржа Дантеса?

Настоящим героем итальянского слависта Сирены Витале является Дантес, убийца русского национального поэта А. С. Пушкина. Автор книги попытался представить Пушкина как некую личность из новелл Боккаччо, вызывающую смех и сожаление читателей. С. Витале хотела добиться эффекта, сделав личность молодого француза более привлекательной, чем привыкли видеть в России. Итальянский исследователь получил разрешение на использование семейного архива Геккернов. Похоже, что общим желанием было любыми средствами оправдать с помощью архивных материалов Жоржа Дантеса. Тем не менее С. Витале не смогла достичь этой цели. С. Витале показала «Гранд-Амур» этого француза к жене русского поэта. С. Витале уклонилась от описания взаимоотношений Геккернов и Дантеса. Очевидно, что она сделала это сознательно, потому что если бы она показала то, что было в реальности, то перед нами предстал бы герой, не гнушающийся никакими средствами ради карьеры и личного благосостояния.

Ключевые слова: Пушкин, Дантес, Геккерн, С. Витале, архив, письма, любовь, карьерист.

Abstracts

I. A. Anfertiev. M. N. Ryutin: On the Verge of Being Expelled from the Party by the Central Control Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)

The article and the published document research the machinery of strengthening J. V. Stalin's individual rule via headhunting the most consistent and therefore the most dangerous rival of his, M. N. Ryutin. In recent historiography, the latter is best known for writing a fundamental paper «Stalin and the Crisis of the Proletarian Dictatorship» (1932), which was named «Ryutin's Platform». His political stance and very negative assessment of Stalin were expounded in «Appeal to All Members of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)», which is more commonly known as Ryutin Manifesto. In the first half of the year 1932 Ryutin formed an illegal group inside the All-Union Communist Party (Bolsheviks), «The Union of Marxist-Leninists». Two years before there was another, less known, episode concerning Ryutin's anti-Stalin efforts: a head of a Moscow trust A. S. Nemov directed a notification to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) claiming that Ryutin had attempted to recruit him in an anti-Stalin group. As a result, Ryutin was expelled from the party by the Presidium of the Central Control Committee and then, in November 1930, arrested. Nevertheless in January 1931 he was released on Stalin's instruction. The study established that Stalin, while pursuing his own personal and political objectives in Ryutin's persecution, used this expulsion from the party to pave the way for the future massive purge of the party cadres reluctant to carry out his largely opportunistic plan of building of the so-called 'socialism' in the USSR.

Key words: Central Control Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), M. N. Ryutin, J. V. Stalin, party opposition «The Union of Marxist-Leninists».

**K. A. Boldovskiy. «LOII failed to restructure its work...»
Resolution of Leningrad city committee of AUCP(b)
and other documents on LOII. 1949**

The author has published and commented the documents of the Leningrad City Committee of the AUCP(b)'s Bureau meeting on May 11, 1949, during which party officials discussed the activity of the Leningrad branch of the Institute of History (LOII) in the postwar period. The certificate and the draft of resolution, which were prepared by the Propaganda Department of Party Committee, contained data on the quantitative and qualitative composition of the scientific staff of the branch. The activities of the branch were voted «unsatisfactory» mainly because of accusations of scientific staff (O. L. Weinstein, S. J. Lurie, B. A. Romanov) of the «cosmopolitanism», «national nihilism» and «bourgeois objectivism». In addition, according to the party leadership, the Leningrad branch of the Institute didn't pay attention to the study of such important subjects as the history of the Soviet state, the history of Europe and America in the period of imperialism. It was asked to change direction and to expand the activity of the branch by creating a group on the history of the USSR at soviet period. However, the final text of the decision didn't contain personal accusations of scholars and didn't mention «cosmopolitan distortions» in their work. According to the author, this was connected with tasks of the new Leningrad party governing body, which was changed during the first half of 1949. The main efforts were pointed at finding incriminating evidence against the «Kuznetsov–Popkov» group during campaign of the city party and government staff purge. The main aim was to find the «propaganda of Trotsky–Zinoviev ideas» in the works of historians of AUCP(b), more closely related to the removed leaders. In these circumstances, it was decided to refrain from serious purge among staff of the LOII.

Key words: postwar Stalinism, ideological campaigns, cosmopolitanism, Leningrad Institute of history.

**V. J. Gessen. The history of statistical studies
of the Jewish population in Russia**

In the article on the basis not been used to date archival material and literature data, considers a range of issues associated with the census of the Jewish population in the late XIX – early XX centuries, mainly living in the Western part of Russia outside the pale. Statistical research was mainly carried out at the initiative of the Commission of count Palen for the development of proposals to adjust the legislation about the Jews, and in subsequent years – in the interests of the Ministry of Internal Affairs. They dealt with the determination of their number, characteristics of land tenure and land use in provinces and

districts. Revealed the production conditions of the Jews of drinks, in particular we make on others, their participation in various types of liquor trade. Comprehensively investigated other classes of Jews that mattered in determining rights to residence outside the pale. Jewish community leaders were interested in the composition of the Jewish artisans to determine the most effective ways their material and educational support. Their research also focused on the conditions of emergence and existence of government-granted land few Jewish agricultural colonies, identify their prospects.

Key words: statistics, pale of settlement, Jewish population, province, land, production of drinks, liquor trade, artisans, Jewish colony.

**M. F. Ershov. Literary texts as historical sources
about Russian provincial life at the turn
of the 19th and the 20th centuries**

The article is devoted to the analysis of several works of fiction as historical-psychological sources about the life of Russian small towns at the turn of the 19th and the 20th centuries. Literary texts by M. Gorky, B. A. Timofeev, D. Chetverikov, G. D. Grebenshchikov, Vs. Ivanov, F. Filimonov, E. S. Gadmer-Golova are studied selectively. They all describe provincial reality. The prevailing literary style of that time is ornamental prose. Its appearance is not accidental. According to the author, the entrance of the masses to the foreground of history got its reflection in the provincial life. Growing social contradictions in the provinces manifested themselves in regeneration of myth's elements or latent paganism. The irrationality of myths rigidly resisted clear rationality. Therefore, collective and unconscious bases began to organize in provincial conditions. Accordingly, in conflict situations for some time a disparate crowd or even urban society acquired the ability to be a single social organism, «absorbing» the will of its undeveloped elements.

The key point for writers as well as for historians was the study of a man with awaken but limited individual consciousness present in the crowd. It is interesting that the marginalization of consciousness was reflected in both the texts and public-household behavior and the political position of the writing provincial elite. The selective use of literary texts at the turn of the 19th and the 20th centuries about the life of «silent» province shows the large potential for analysis of the information contained there. The artistic reconstruction of the social realities made by the writers subsequently was largely justified by the scientific works of the classics of psychology.

Key words: urban society, marginal, latent paganism, literary text, ornamental prose, province, crowd.

S. Iskioul. France, Russia and the thorns of Tilsit's «marriage»

This article discusses one of the main causes of the War of 1812 — Emperor Alexander I's non-compliance with Russian-French peace and union treaty of Tilsit (1807) obligations to break off any and all relations with Great Britain, including commercial relations with this Power. The author believes that the termination of relations with England was chiefly appreciable only for large landowners and officials spending in the Russian capitals their incomes, as well as for the «golden youth» of Moscow and St Petersburg. The blockade had only an indirect relationship to the fall of the ruble. The author believes that the introduction of the Continental Blockade has not any serious negative affect on the life of estates, including peasantry, which did not even feel any changes in its ordinary life. In addition, reduction of the relations with Britain to zero, according to the author, overall effected favorably on the economic development of Russia, if we keep in mind the manufactory and factory production. However, Alexander I, despite the assumed in 1807 obligations was ready for break of relations with his ally consciously, preventing the enforcement of the Continental Blockade. Among others not so important reasons this was the main one for the outbreak of the war between France and Russia in 1812.

Key words: foreign policy of Alexander I, Russian-French relations in the beginning of the 19th century, Continental Blockade, the causes of the war in 1812 between France and Russia.

V. Kelner. The Political Bureau Attached to the Jewish Deputies of the 4th State Duma during the War, 1914–1917

This article analyses the activities of the Political Bureau that was attached to the Jewish deputies at the State Duma during World War I. The informal structure that was created in order to direct the Jewish deputies became the epicenter of a political struggle between groups of different political power. Practically in the Bureau were represented all none-socialistically Jewish liberal and democratic parties and organizations: The Jewish People's and Jewish Democratic Groups, Zionists and Folkspartei.

The anti-Jewish repression and the mass deportation of Jews from the front-line area have forced the Bureau to seek allies in the Duma and to maneuver between a variety of parties and unions. The main goal of the Bureau was not only to use the Duma tribune to influence on the government in order to repeal a number of anti-Jewish rules and circulars, but also to find above all a way to complete liquidation of the Pale of Settlement. The function of the Bureau was especially complicated by the inner disagreements in the Cadet Party and by the debates in the so-called Progressive Block. At the same time, the constant confrontation between the Zionists and

the liberals aggravated the situation in the Bureau itself. A significant role in the Bureau's work also played its contacts with many leading political figures of the country. Such figures of that period as M. M. Vinaver and S. M. Dubnov, L. M. Bramson and I. M. Bikerman, M. S. Aleinikov and G. B. Sliozberg and some others took an active part in discussions on pressing problems. Having extended international connections, the Bureau members tried also to exert their influence upon the community abroad. Polemics that took place during the Bureau meetings reflected issues of the Jewish national movement and its connections with the Russian general democratic and liberal movement at the time of the monarchy's decline. This article is based on sources and materials from archives, meeting reports of the Bureau and memoirs of the participants of these events.

Key words: political life, liberal movement, Zionist movement, State Russian Duma, Jewish national movement, World War I, Russian government, M. Vinaver, P. Milukov.

P. G. Kim. American missionaries in Korea in the last quarter of the 19th — early 20th centuries and political contacts

The article aims to indicate the boundaries of the contacts of American Protestant missionaries who worked in Korea in the last quarter of the 19th — early 20th centuries with policy and diplomacy of official Washington on the basis of analysis of various sources. The author shows the role of missionaries in the strengthening of American influence on the peninsula. It is proved that the American Protestant missionaries were sufficiently closely linked with the diplomatic community; many of them worked in the American diplomatic mission in Seoul and sometimes headed it. The article substantiates the point that the activities of American Protestant missionaries in Korea in the last quarter of the 19th — early 20th centuries helped to strengthen and develop the political influence of the United States on the Korean peninsula. American politicians didn't want to openly support missionaries on the Korean Peninsula, the article stresses that American Protestant missionaries who worked in Korea didn't use any official support from Washington. The US government referred to the missionaries just as ordinary citizens what was constantly emphasized in the instructions of the Secretary of State to the representatives in Seoul. Official political circles in every way tried to show the lack of connections and any special contacts with the missionary movement in Korea, and nevertheless enjoyed the fruits of its work. The study was conducted on the basis of combined analysis of both the archival documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Military Historical Archive and the historical studies of foreign (American and Korean) scholars.

Key words: U.S. policy in Korea, international relations in the Far East at the end of the 19th century, Christianization, American missionaries.

Ryszard Knapinski. The Romanesque Door of Płock. State of research

The doors for the cathedral in Płock were ordered by bishop Alexander of Malonne in 12th century and cast in bronze by master Riquin and his assistant Waismuth in Magdeburg between 1152 and 1154. They consist of 46 panels fixed on a wooden background. Presently they are placed on the western façade of the Orthodox Church of God's Wisdom in Veliky Novgorod (Russia). There have been a lot of doubts and inconsistencies about the iconographic program of the work (as the order of the panels was changed during the course of centuries).

The monument of art was described and analyzed by many researchers and art historians; F. Adelung, J. Lelewel, the bishop of Płock Wincenty Popiel exiled to Novgorod in 1868, M. Gębarowicz. Modern research works, made in the 20th century, analyze the affiliations with similar bronze doors in Verona (A. Goldschmidt), Augsburg (W. Sauerländer), and state that the doors were ordered for Płock and were really placed there. Their origin is described as the artistic tradition of the 11th century and their prototype as Early Christian and Byzantine doors (Hermann Fillitz and Georg Zarnecki).

Other researchers (U. Götz, U. Mende) analyze in detail the contents of particular panels.

The aim of K. Askanas' work was to present the history of the monument of art which was taken to Novgorod by Lithuanians in 13th century as a war trophy and hung in the cathedral of God's Wisdom.

Further research of the issue of the Doors of Płock led to their replication based on the original Novgorod version and its placement in the Płock Cathedral.

Key words: Velikij Novgorod, Płock, Magdeburg, St Sophia's Cathedral, Romanesque Doors, state of research.

O. A. Liubeznikov, A. Yu. Skrydlov. The secret police in the Russian Empire in 1805–1807: ways and initiatives of reform

The article is devoted to the problem of the organization of secret police in the Russian Empire in 1805–1807. During this period of confrontation between Russia and France Alexander I faced with the urgent need to create a system of political investigation. The members of the Russian political elite (N. N. Novosiltsov, A. D. Balashev etc.) suggested two possible variants to create a new system of secret police in several bills. The first variant reduced to organizing inter-ministerial control of political investigation, the second consisted in creation of the specialized central agency of secret police. The emperor had to make a final choice between these options.

Before the war campaign against France in 1805 Alexander I approved N. N. Novosiltsov's project on the organization of the Secret Committee composed of the

Minister of Internal Affairs, the Minister of Justice and the Minister of Army. The members of the Secret Committee had to analyze information about sentiment among the population, to establish surveillance of suspicious people etc.

However, the problem of providing internal security remained actual. Supporters of the central ministerial system proposed projects to create a specialized political police department in the Russian Empire. The article contains the analysis of the unknown project about the establishment of the Ministry of Police, which was written in 1806. According to the project, the department of political police should be included in the structure of the ministry. The authors also considered in detail the proposals to create a secret political police service in Moscow, suggested by Moscow Police Chief A. D. Balashev.

The proposals to organize a specialized department of the political police were not approved by the monarch. He needed the quickest way of reforming the political investigations system on the eve of a new armed clash with France. Besides, the emperor did not want to make an imbalance in the system of central government, which was being reformed at that time. As a result, Alexander I approved a project of creating a new inter-ministerial committee for the political police at the beginning of 1807.

Key words: Alexander I, secret police, political detective work, state security, reform, project, the Ministry of Police, N. N. Novosiltsov, A. D. Balashev, Russian Empire.

S. V. Lyubichankovskiy. Periphery of Empire as a scientific problem

In the article the analysis of new research project of the Samara historians (from the series united by the title «Finding of the Homeland») is given. The reviewed collective monograph is devoted to problems of settlement of the region of Central Volga area and to the change of ethno-demographic situation in this region from 16th century until the beginning of the 20th century. The book represents a cycle of sketches. The geography of the space under study is treated very widely. It significantly surpasses the Middle Volga region in its modern administrative borders and includes the territories united by the generalized name «Zavolzhye». The border regions of Bashkortostan, Kazakhstan and the Orenburg region, in particular, are put into it. In the designated territorial framework the authors focus attention on certain areas or cover all space of Central Volga area and Zavolzhye depending on the context of the processes. The research is based on the situational approach both assuming establishment of all actors involved in structuring the ethno-cultural, ethno-confessional relations and focusing on process of interaction of actors through identification of logic of their behavior and reactions to circumstances of other actors. The monograph examines such problems as formation of the region's population from the 2nd half of 16th till the beginning of the 18th centuries; formation and

structure of the populace of the area in 18th and the 1st half of the 19th centuries; demographic processes and ethno-confessional structure of the inhabitants of the region in the 2nd half of 19th and in the beginning of the 20th centuries. On the basis of the system analysis the authors managed to show concrete historical process of gradual transformation of the territory from the suburb at first to «the internal periphery» of the Russian Empire, and then into the part of its state «kernel».

Key words: Central Volga area, region, empire, periphery, internal periphery, ethno-confessional situation, ethno-demographic situation, actors, frontier.

V. S. Milbach, F. K. Saberov. The Command of Soviet Baltic Fleet and mass political repressions of 1937–1938

The Baltic fleet during the 1920–1930s remained the most numerous and powerful in the USSR. However, the Navy and the army suffered heavy losses in the period of political repressions of 1937–1938. Many naval commanders and political workers have been arrested or expelled from service for political reasons. Until now, the political repression in the Navy has not received proper elucidation. Statistical data about the results of political purge is absent. There is no information about the fate of hundreds of naval commanders, repressed in 1937–1938. One of the debatable questions, according to the authors, is the role of commanders (commanders and the Military Council) of the Baltic fleet in the period of mass political repressions.

Key words: command-commanding the composition, the Baltic fleet, the Military Council, dismissal for political reasons, arrest, expulsion from the communist party.

M. M. Safonov. Does the secret of Dantes exist?

The real hero of Italian slavist S. Vitale's research is Georges d'Anthes the killer of Russian national poet A. Pushkin. The author of the book tried to present Pushkin as some kind of personage of G. Boccaccio who could provoke laughter and regrets of the readers. S. Vitale wanted to achieve the effect by making personality of the young Frenchman more attractive, than we are used to see. Certainly S. Vitale does it by the humiliation of the poet. Italian researcher was granted permission to use the family archive of the Heeckeren-d'Anthes by the descendants of d'Anthes. It seems that the general condition of using the archive was to justify the name of Georges Dantes by all means. Nevertheless S. Vitale was unable to justify the name of the killer. S. Vitale showed «a grand amour» of this Frenchman to the wife of the Russian poet. But being really engaged the researcher did not «notice» that she retold the story that d'Anthes himself has told to Heeckeren – to provoke his jealousy to make him do not refuse his persistent attempts to adopt his sexual partner Georges

as a son. S. Vitale did not describe relations of Heeckeren and his «son». It is evident, that she did it consciously, because if she showed it as it was in reality nothing would rest from the outstanding love of d'Anthes to Nataly and d'Anthes would be represented as careerist who didn't loathe anything to reach his aims.

Key words: Pushkin, d'Anthes, Heeckeren, S. Vitale, archive, letters, love, careerist.

T. Plat. Internal or external colonization? Goals and tools of the trade policy of Russia in the 18th century

The article focuses on the Russian foreign trade policy in the era of mercantilism and expanding of global markets during the 18th century, paying special attention to the position of Russia within the system of colonization. Combining different historiographical traditions the article argues that while the goals of Russia's trade policy remained relatively constant, the methods gradually changed from mercantilist control to a rather liberal conduct of affairs. The Russian government found itself in a difficult position. It was virtually impossible to participate in world trade without becoming simultaneously an economical colony of the leading trade powers like England and the Netherlands. Accordingly, it was impossible to incite the activities of Russian merchants and simultaneously to prohibit the development of an independent merchant class.

Key words: colonialism, mercantilism, trade-policy, merchant class, Saint Petersburg.

J. Valge. The preparation of the Estonian overthrow in the Soviet Union in 1924

The communist rebellion in Estonia on December 1, 1924 was one of the post October Revolution attempts to export the proletarian revolution. Such rebellions were also evident during 1923–1924 in Germany, Bulgaria, Poland and Romania.

The current article mainly concentrates on the preparation of the overthrow in the Soviet Union. The sources to analyse these issues are heterogeneous, but the main source is the encrypted correspondence of the Estonian communists who were preparing the overthrow in the Soviet Union. These are work documents where the participants inform each other about all the issues of the preparation.

It becomes evident that the initiators were Estonian communists who managed to convince the Soviet leadership by the autumn of 1924 that the Estonian political and economic situation was difficult and the overthrow might succeed even with minor forces. A high-level commission was formed in the Soviet Union to deal with the issues. Money was provided to Estonian communists and the concentration of

voluntary fighters on the borders started. However, in November Moscow started receiving messages from Tallinn that did not confirm the previous messages. A new commission with members like Frunze, Stalin, Zinovjev, Tšitšerin, Trotski and Unzlicht was formed. Estonians received a message to stop the preparation of the overthrow on 29 November. It is possible that the order did not reach Tallinn, but it is also not impossible that the over throwers in Tallinn ignored the message, still hoping for the help of voluntary fighters and later the Soviet army.

Key words: Estonia, USSR, communist rebellion, Tallinn, 1 December 1924, Stalin, Frunze, Trotski.

Сведения об авторах

Анфертьев Иван Анатольевич, к. и. н., профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва).

E-mail: vestarchive@gmail.com

Болдовский Кирилл Анатольевич, к. и. н., заместитель директора фонда «Исследования по новейшей истории России».

E-mail: bold63@mail.ru

Валге, Яак, Ph.D., ведущий научный сотрудник Института эстонской демографии Таллинского университета, доцент Института истории и археологии Тартуского университета.

E-mail: jaakvalge@me.com

Гессен Валерий Юльевич, к. э. н.

E-mail: gessen27@mail.ru

Ершов Михаил Федорович, к. и. н., доцент, заведующий научно-исследовательским отделом истории, археологии и этнологии БУ ХМАО — Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

E-mail: mferhov@mail.ru

Искуль Сергей Николаевич, д. и. н., заведующий научно-историческим архивом, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

E-mail: iskiouls@yahoo.com

Кельнер Виктор Ефимович, д. и. н., профессор кафедры еврейской культуры Философского института Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: Viktorkeln45@mail.ru

Ким Полина Геньевна, к. и. н., кафедра исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kimpolina@rambler.ru

Кнапиньски, Рихард, professor emeritus, заведующий кафедрой церковного искусства Католического университета имени Иоанна Павла II в Люблине.

E-mail: knapinsk@kul.lublin.pl

Крылов Павел Валентинович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Куликов Сергей Викторович, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Любезников Олег Анатольевич, к. и. н., СПб ГБУК ГМП «Исаакиевский собор», экскурсовод.

E-mail: oleglubeznikov@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: svlubich@yandex.ru

Мильбах Владимир Спартакович, д. и. н., доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии.

E-mail: v.milbach@yandex.ru

Плат Тильман, Dr., научный сотрудник, Университет Грейфсвальда.

E-mail: platht@uni-greifswald.de

Саберов Федор Константинович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии.

E-mail: v.milbach@yandex.ru

Сафонов Михаил Михайлович, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: m.safonov@list.ru

Скрыдлов Андрей Юрьевич, к. и. н., Академическая гимназия № 56 Санкт-Петербурга, учитель.

E-mail: askrydlov@gmail.com

Черняев Владимир Юрьевич, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: vcherniaev@mail.ru

Contacts of authors

Anfertiev Ivan Anatolievich, PhD in history, professor of Russian State University for Humanities (RSUH) (Moscow).

E-mail: vestarchive@gmail.com

Boldovskiy Kirill Anatolievich, Ph.D., Deputy Director of the Fund for research on contemporary history of Russia.

E-mail: bold63@mail.ru

Cherniaev Vladimir, Ph.D., senior researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vcherniaev@mail.ru

Ershov Mikhail Fedorovich, Ph.D., Associate Professor, Department of history, archaeology and Ethnology «Ob-Ugric Institute of applied research and development».

E-mail: mferhov@mail.ru

Gessen Valeriy Julievitch, Ph.D. (Economics).

E-mail: gessen27@mail.ru

Iskyul Sergey Nicolaevitch, Chief of Archives Department, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iskiouls@yahoo.com

Kelner, Viktor Efimovitch, Dr. of Sciences (History), professor, Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University.

E-mail: Viktorkeln45@mail.ru

Kim Polina Genevna, Department of History Education School of Education Far Eastern Federal University, Candidate of Historical Sciences.

E-mail: kimpolina@rambler.ru

Krylov Pavel Valentinovich, Ph.D., senior researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Knapinski Richard, professor emeritus, head of the Department of Sacred Art Department of the John Paul II Catholic University of Lublin.

E-mail: knapinsk@kul.lublin.pl

Kulikov Sergey Viktorovich, Ph.D., senior researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Liubeznikov Oleg Anatol'evich, Ph.D., The museum complex «The State Museum St Isaac's Cathedral», a guide.

E-mail: olegliubeznikov@mail.ru

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Dr of historical sciences, professor, Head of Department of History of Russia of the Orenburg State Pedagogical University.

E-mail: sylvubich@yandex.ru

Milbah Vladimir Spartakovich, Ph.D., associate Professor, chief of the Department of humanitarian and social-economic disciplines, Mikhailovskaya artillery military Academy.

E-mail: v.milbach@yandex.ru

Plat Thilman, Dr., researcher, Greifswald University.

E-mail: platht@uni-greifswald.de

Saberov Fedor, lecturer, Department of Humanities and socio-economic disciplines, Mikhailovskaya artillery military Academy.

E-mail: v.milbach@yandex.ru

Safonov Mikhail Mikhailovich, Ph.D., senior researcher of the St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru

Skrydlov Andrey Yur'evich, Ph.D., Academic grammar school № 56, St. Petersburg.

E-mail: askrydlov@gmail.com

Valge Jaak, Ph.D., lead researcher in Institute of Estonian Demography in Tallinn University and associate professor in Institute of History and Archaeology in Tartu University.

E-mail: jaakvalge@me.com

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

- Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректурa
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86

Москва
+7 (499)755 96 25

или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru